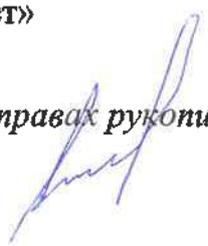

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

На правах рукописи

АЛЕКСЕЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ

**АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономическая безопасность)

Диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор
А.А. Аюпов

Казань – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ.....	24
1.1. Экономическая сущность, значение, тенденции и факторы развития антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности.....	24
1.2. Основы формирования и реализации антикоррупционного контроля как необходимого условия обеспечения экономической безопасности.....	48
1.3. Зарубежный опыт реализации антикоррупционного контроля и возможность его адаптации в российскую практику.....	72
Выводы по главе I.....	92
ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	97
2.1. Критерии классификации и организационно-управленческие основы реализации антикоррупционного контроля.....	97
2.2. Региональные институты антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации: функции и принципы взаимодействия с другими государственными институтами в системе обеспечения экономической безопасности.....	117
2.3. Реализация механизма антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности.....	137
Выводы по главе II.....	157

ГЛАВА III. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ТЕНЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	161
3.1. Мониторинг экономической безопасности субъектов Российской Федерации методами антикоррупционного контроля.....	161
3.2. Ключевые индикаторы антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.....	197
3.3. Методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга	217
Выводы по главе III	232
ГЛАВА IV. МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	236
4.1. Проблемы обеспечения и реализации механизма антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации	236
4.2. Перспективы развития механизма реализации антикоррупционного контроля как условия обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.....	262
Выводы по главе IV	290
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	297
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	315
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Справка о внедрении – Министерство экономики Республики Татарстан	417
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Справка о внедрении – Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан	418

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Справка о внедрении – Министерство спорта Республики Татарстан	419
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Справка о внедрении – МОО «Национальный комитет общественного контроля»	420-421
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Справка о внедрении – ТРО «Ассоциация юристов России»	422
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж. Справка о внедрении – Региональной общественной организации «Союз общественных деятелей Республики Татарстан»	423
ПРИЛОЖЕНИЕ З. Справка о внедрении – ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса»	424
ПРИЛОЖЕНИЕ И. Справка о внедрении – ГКУ «Республиканский ресурсный центр» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан	425
ПРИЛОЖЕНИЕ К. Справка о внедрении – АНО ВО «Академии социального образования»	426
ПРИЛОЖЕНИЕ Л. Результаты социологического опроса населения Республики Татарстан о коррупции.....	427
ПРИЛОЖЕНИЕ М. Система антикоррупционной политики Республики Татарстан.....	428
ПРИЛОЖЕНИЕ Н. Регионы с самыми сильными перепадами количества коррупционных преступлений.....	429
ПРИЛОЖЕНИЕ О. Результаты социологического опроса о коррупции в 9 дальневосточных субъектах федерации.....	430
ПРИЛОЖЕНИЕ П – Некоторые итоги антикоррупционного мониторинга органов местного самоуправления Республики Татарстан за I полугодие 2021 г.....	431
ПРИЛОЖЕНИЕ Р – Некоторые итоги антикоррупционного мониторинга органов местного самоуправления Республики Татарстан за I полугодие 2021 г.....	437
ПРИЛОЖЕНИЕ С. Сводные показатели коррупционных нарушений в США за период 1986-2012.....	444

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Влияние коррупции на мировую экономику меняется в зависимости от различных факторов, в числе которых выделяются региональные тенденции. Так, Международный Валютный Фонд констатировал мировые экономические потери от коррупционных проявлений в объёме 2% в структуре т.н. «глобального ВВП». По приблизительным оценкам данный ущерб в денежном измерении конвертируется в диапазоне от 1,5 до 2 трлн. долл. США¹

Если обратиться к российским масштабам коррупционного оборота, то по данным Национального антикоррупционного комитета в нём задействованы до 30% средств федерального бюджета². Это макроэкономический показатель, который принято сравнивать с уровнем коррупции в других экономических системах. Особую сложность вызывает категория «коррупционный ущерб», поскольку она выделяется в структуре имущественных потерь не только государства, но и других экономических акторов.

Вместе с тем, степень коррупционной поражённости в стране формируется из территориальных сегментов (муниципалитетов, регионов, федеральных округов). На этом фоне состояние региональной экономической безопасности определяется особенностями воздействия коррупции, типологизированной с учётом современных тенденций в публичном управлении, ведении бизнеса, государственно-частном партнёрстве. По отдельности они представляют собой условия, влияющие на уровень развития основных экономических институтов,

---

¹ Цит.: Механизм противодействия коррупции: монография / Н. С. Пономарев. - Москва: Юрлитинформ, 2021. – С. 34.

² Сколько Россия теряет из-за коррупции (аналитическая заметка 2018). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/41381361-skolko-rossiya-teryaet-iz-za-korruptsii/> Доступ – свободный (дата обращения – 07.07.2019).

включая институты обеспечения экономической безопасности. Однако в совокупности все эти элементы способны сформировать целостный образ региональной экономики, функционирующей либо при естественных финансово-экономических условиях, либо при повышенных рисках, включая коррупционные угрозы.

Территориальные особенности экономического развития предопределили формирование комплекса специальных методов борьбы с коррупцией. Среди них выделяется контроль, призванный предупредить наступление неблагоприятных последствий в экономике, вызванных коррупционными процессами. Однако в современной управленческой практике он используется преимущественно для выявления свершившихся коррупционных фактов, т.е. из превентивного инструмента контроль превратился в реакцию на уже свершившийся факт, на существующую коррупцию.

Региональная направленность данного исследования сопряжена с особенностями федеративных отношений, сложившихся в России. Экономика субъектов Российской Федерации испытывает на себе влияние различных тенденций, вызванных коррупцией. Поэтому в сравнительном анализе прослеживается целая категория российских регионов, стремящихся использовать не только стандартные способы антикоррупционного контроля, но и отдельные инновационные технологии, апробированные в зарубежных странах.

Тем самым в современной экономической науке стала очевидной потребность в исследовании проблем и противоречий, сопровождающих процесс формирования регионального антикоррупционного контроля. В силу этого настоящее исследование проведено в плоскости соотношения превентивных способов борьбы с коррупцией в государственно-управленческой практике субъектов Российской Федерации. В заданных рамках были выявлены новые институциональные тенденции и методики вычисления угроз региональной экономической безопасности с учётом различных экономических интересов, реализуемых в коррупционном обороте.

Степень разработанности проблемы. Ведущаяся в экономической науке дискуссия о понятии коррупции и её влиянии на экономический оборот предопределила существование научных направлений, которые обосновывают институт антикоррупционного контроля. Такое многообразие теоретических подходов, реализуемых в иностранной научной литературе, вызвано неоднозначностью форм коррупционных проявлений и реализации в них экономических интересов. В результате исследователи вынуждены анализировать весь цикл принятия и исполнения управленческих решений, сопряжённых с коррупцией, которая напрямую влияет на экономическую безопасность (например, Alt J.E., Andersen T.B., Ashforth B.E., Becker G.S., Collins J.D., Dreher A., Ertimi V.E., Hansen H.K., Lambsdorff J.G., Misangyi V.F. и др.). Поэтому доминирующим трендом в науке стало смещение внимания на те способы противодействия коррупции, которые применяются после свершившегося коррупционного факта.

Вместе с тем, исследования превентивных способов, позволяющих значительно минимизировать экономические потери за счёт предупреждения наступления последствий, вызванных коррупцией, в том числе посредством антикоррупционного контроля, носят фрагментарный характер и представлены в ряде трудов зарубежных исследователей. В частности, отдельные аспекты рассматриваемой проблематики затронуты в работах Ameen A.A., Branco M.C., Eriotis N.P., Fredriksson P.G., Heilbrunn J.R., Johnston M., Kaufmann D., Lui F.T., Misangyi V.F., Rendtorff J.D., Rose-Ackerman S., Slager R., Thompson D.F., Vivchar O.I., Werlin H.H. и др.

Превалирующее количество научных работ российских авторов затрагивают механизм противодействия коррупции в т.н. «постреакционных стадиях», т.е. после свершившегося коррупционного действия и наступивших неблагоприятных социально-экономических последствий (например, в работах Р.М. Абубакирова, С.Ю. Азовского, В.А. Астафьева, Н.Ю. Белоусовой, О.А. Борисова, И.А. Доценко, Р.В. Дронова, В.В. Макарова, А.С. Овчарова, Н.В. Смирнова, С.В. Страхова, Н.А. Судьбиной, С.В. Тер-Овсепяна, С.П. Юхачева и др.).

Однако исследований, предметом которых являются региональные институты предупреждения коррупции с точки зрения сложившихся в экономической науке подходов, недостаточно. К ним можно отнести работы М.Ю. Жужома (Экономический механизм противодействия коррупции как угрозе финансовой безопасности Российской Федерации, 2008), Н.О. Морозовой (Социально-экономический анализ коррупции в регионе, 2007), Ю.Г. Наумова (Теория и методология противодействия институциональной коррупции, 2014), И.В. Нуштаева (Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции, 2012), С.А. Орехова (Организационно-управленческий механизм борьбы с коррупцией как условие обеспечения экономической безопасности страны, 2005).

Среди исследований, посвящённых влиянию коррупционных угроз на экономическую безопасность, можно выделить работы А.А. Аюпова, М.А. Азарской, И.И. Бикеева, В.И. Бобошко, П.А. Кабанова, Е.В. Караниной, М.А. Квитчука, В.В. Киселева, Е.Д. Кормишкина, Н.П. Купрещенко, М.Е. Листопада, Д.А. Логинова, М.В. Мельник, А.А. Мику, Е.С. Митякова, Д.А. Мохорова, Ю.Г. Наумова, В.Л. Поздеева, Е.Е. Румянцевой, Ю.И. Сизова, О.А. Степичевой, М.Е. Тарасова, С.П. Федосовой, Т.Ю. Феофиловой, Ф.Ф. Ханафеева, А.В. Швецова, М.В. Шедий, Р.А. Щиновой, Г.Н. Янкина и др.

В целом анализом проблем обеспечения экономической безопасности социально-экономических систем, в том числе в рамках региональной экономики, занимались такие отечественные и зарубежные экономисты, как: Л.И. Абалкин, В.В. Балахонский, Н.С. Безуглая, И.А. Бланк, Р.Я. Вакуленко, М. Вебер, Н.С. Волостнов, С.Ю. Глазьев, Л.П. Гончаренко, П. Друкер, П.Н. Захаров, Б. Карлоф, Д.А. Корнилов, Д.Н. Лапаев, В.Д. Мамонтов, А.В. Мельников, Е.Ю. Меркулова, С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, О.И. Митякова, М. Портер, С.А. Рамазанов, М.Н. Руденко, А.П. Соколов и др.

Таким образом, научные представления об антикоррупционном контроле в системе обеспечения экономической безопасности на региональном уровне и современная экономико-управленческая практика находятся в динамике, что

проявляется в отдельных пробелах и противоречиях, требующих теоретического и методологического осмысления. Концептуальные подходы к обеспечению экономической безопасности субъектов федерации через систему антикоррупционного контроля требуют пересмотра и обновления с учётом достижений экономической науки. Поэтому исследование влияния контрольных механизмов на региональную экономическую безопасность в России должно опираться на целостное представление не только об их природе, но и о факторах развития, включая условия институционализации коррупции в экономической системе.

Рабочей гипотезой диссертационного исследования выступает предположение о том, что механизм формирования института антикоррупционного контроля на региональном уровне является условием, обеспечивающим экономическую безопасность, эффективность антикоррупционной деятельности органов управления и хозяйствующих субъектов, а также устойчивое социально-экономическое развитие субъектов федерации.

В данном исследовании в плоскости неинституционального подхода к обеспечению экономической безопасности, определены ключевые особенности антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации, его институтов и индикаторов во взаимосвязи с оценкой состояния региональной экономической безопасности.

Актуализация научной проблематики, её восприятие учёными и логика построения данного исследования предопределили цель и задачи.

Целью диссертационной работы является обоснование научно-теоретических и методологических разработок, направленных на развитие антикоррупционного контроля и формирование механизма его реализации для обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.

Для достижения обозначенной цели требуется решить комплекс системных **задач:**

1. Разработать концепцию развития антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации;
2. Сформулировать ключевые направления развития антикоррупционного контроля и предложить инструментарий совершенствования данного института в российских регионах;
3. Обосновать критерии классификации и организационно-управленческие основы реализации антикоррупционного контроля;
4. Дать оценку региональным институтам антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации с актуализацией их функций и принципов взаимодействия с другими государственными институтами в системе обеспечения экономической безопасности.
5. Предложить механизм реализации антикоррупционного контроля в системе обеспечения региональной экономической безопасности.
6. Определить методические подходы к мониторингу экономической безопасности субъектов Российской Федерации на основе методов антикоррупционного контроля;
7. Предложить ключевые индикаторы оценки антикоррупционного контроля в области обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации;
8. Разработать методику рейтинговой оценки эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга.
9. Выявить проблемы и предложить пути реализации механизма антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации;
10. Спрогнозировать перспективы развития механизма реализации антикоррупционного контроля как ключевого фактора обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.

Объектом исследования выступает деятельность экономических акторов по обеспечению экономической безопасности на основе развития антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации.

Предметом исследования являются экономические отношения по формированию, внедрению и реализации антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.

Область исследования. Содержание диссертационного исследования соответствует специальности: 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством» (экономическая безопасность): п. 12.1. «Теория экономической безопасности (категория, методология, методы, механизмы и инструменты)», п. 12.10. «Механизмы и инструменты создания эффективной системы экономической безопасности», п. 12.12. «Механизмы возникновения кризисных ситуаций, снижающих уровень экономической безопасности, и меры по их преодолению», п. 12.22. «Методология мониторинга факторов, угрожающих экономической безопасности», п. 12.27 «Модели развития экономической безопасности государства, общества и региона».

Методологическую основу исследования составили научные разработки зарубежных, советских и российских ученых, а также специалистов, занимающихся практической деятельностью в области экономической безопасности и предупреждения коррупции. Фундамент методологического аппарата составили общенаучные методы (диалектический, индукции, дедукции, анализа, синтеза, исторический, логический, балансовый, расчётно-конструктивный и др. социально-экономические методы научных исследований). К числу основных научных методов, используемых автором, относятся: системный и комплексный анализ, применение инструментов статистики, а также неинституциональный подход, которые в своей совокупности позволили всеобъемлюще исследовать антикоррупционный контроль и определить его влияние на региональную экономическую безопасность. Метод экономического

моделирования позволил оценить меры антикоррупционного контроля и выявить индикаторы их применения в региональной управленческой практике.

Теоретическую и информационную базу исследования составили основополагающие работы зарубежных и российских учёных по актуальным проблемам противодействия коррупции и влияния антикоррупционных институтов на экономическую безопасность. Были использованы статистические сборники Международного валютного фонда и Всемирного банка, интернет-ресурсы, положения из законов и подзаконных актов Российской Федерации, субъектов федерации, стратегические и программные документы федерального и регионального уровня, затрагивающие аспекты антикоррупционного контроля в системе экономической безопасности, официальные информационные материалы Росстата, данные правоохранительных органов (прокуратуры, МВД РФ и его региональных управлений, ФСБ), Федеральной налоговой службы. Теоретической основой для сформулированных в работе выводов стали результаты анализа и расчеты, проведённые автором с учётом эмпирических данных, полученных из указанных источников.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в решении научной проблемы по обоснованию научно-теоретических и методологических разработок, направленных на обеспечение экономической безопасности государства, общества и регионов через механизм антикоррупционного контроля в целях защиты государственных интересов в области экономики, повышения ключевых индикаторов и рейтинговых значений эффективности функционирования субъектов Российской Федерации.

Основные положения и результаты диссертационного исследования, отражающие его научную новизну, заключаются в следующем:

1. Разработан концептуальный подход к развитию антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Показано, что экономическая сущность антикоррупционного контроля определяется различными формами, которые зависят от сложности коррупционных проявлений, ранжируемых по объектным и

субъектным параметрам, и строится на базе аксиологических представлений, раскрывающих превентивные меры через призму экономических интересов и ценностей. Выделены тенденции и условия, способствующие реализации антикоррупционного контроля (при прочной институциональной базе, при заинтересованности публичных акторов, на фоне широких полномочий субъектов контроля, с прозрачностью подконтрольных объектов и т.п.). Определены факторы, препятствующие развитию данного института: бездействие уполномоченных органов, завуалированные формы коррупции, нерациональное расходование публичных ресурсов на противодействие коррупции, игнорирование результатов контрольных мероприятий, недостаточное финансирование, отсутствие квалифицированных кадров и др. Показано, что меры антикоррупционного контроля следует применять не только для обнаружения существующих коррупционных действий, но и в качестве инструмента их предупреждения. Выявлена взаимосвязь экономических интересов и регионального коррупционного оборота, в том числе на основе обширной типологии коррупционных проявлений. Дано понятие антикоррупционного контроля как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц с целью обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации на основе предупреждения, выявления, последующего устранения и профилактики причин и факторов, а также минимизации и ликвидации последствий коррупционных проявлений.

2. Сформулированы ключевые направления развития антикоррупционного контроля и предложен инструментарий совершенствования данного института в российских регионах. Выявлено, что в условиях сложившейся системы правоохранительных органов российские регионы практически лишены полномочий по определению приоритетов их антикоррупционной деятельности и не создали системы независимых друг от друга органов и должностных лиц, специализирующихся на антикоррупционном

контроле. Обосновано требование учета обширных экономических интересов при формировании и реализации антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности на региональном уровне, что вынуждает привлекать большее число независимых акторов и позволяет проводить узконаправленную оценку влияния отдельных коррупционных действий на региональную экономику. Показано, что перспективным направлением обеспечения экономической безопасности в российском региональном управлении является открытие в публичной плоскости имущественных реестров и кадастров, а система аккредитации независимых организаций, специализирующихся на общественном антикоррупционном контроле, должна строиться на статичных и прозрачных нормах, выступающих основой их институционализации.

3. Обоснованы критерии классификации и организационно-управленческие основы реализации антикоррупционного контроля. Разработаны основополагающие принципы и рекомендации по превенции коррупционных проявлений в сфере экономических отношений, заключающиеся в обеспечении организационно-управленческих условий противодействия коррупции, как фактора экономической безопасности государства. Их внедрение в региональное управление позволит повысить эффективность превентивных мер в сфере противодействия коррупции. Показано, что критериями, которые способствуют выделению специальных видов такого контроля, должны быть не территориальные или предметные условия, а принципы, позволяющие достичь объективность, открытость и прозрачность превентивных антикоррупционных мер. Предложено классифицировать антикоррупционный контроль на внутренний и внешний по критерию экономической заинтересованности субъекта, реализующего проверочные мероприятия, а самих субъектов антикоррупционного контроля классифицировать на условно независимых и на условно заинтересованных.

4. Дана оценка региональных институтов антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации с актуализацией их функций и

принципов взаимодействия с другими государственными институтами в системе обеспечения экономической безопасности. Отмечено, что сложившаяся в России система институтов антикоррупционного контроля обусловлена федеративным устройством, при котором наделение полномочиями по противодействию коррупции определённых органов и должностных лиц сопровождается такой организационной патологией, как господство структуры над функцией, когда антикоррупционные институты занимаются не контрольными мерами, а их программированием, что сдерживает развитие процессов по выявлению коррупционных фактов и приводит к вмешательству правоохранительных органов в коррупционные отношения. Разработан механизм преодоления административного «размежевания» федеральных и региональных институтов антикоррупционного контроля, предопределяющий необходимость формирования распределённой системы институтов противодействия коррупции, что обеспечит объективизацию антикоррупционного контроля и независимость его институтов от региональных элит.

5. Предложен механизм реализации антикоррупционного контроля в системе обеспечения региональной экономической безопасности. Одним из вариантов внедрения механизма является переход к государственно-общественному партнёрству, как перспективному направлению, обеспечивающему объективность антикоррупционного контроля, с планомерным отказом от обязательной аккредитации общественных организаций в качестве акторов процесса по предупреждению коррупции. Другим вариантом следует признать переход от посткоррупционного к превентивному контролю, позволяющему предупредить наступление ущерба региональной экономике взамен недополучения компенсаций от коррупционеров.

6. Определены методические подходы к мониторингу экономической безопасности субъектов Российской Федерации на основе методов антикоррупционного контроля. Разработана схема мониторинга, включающая субъекты, объекты, предмет, инструментарий, этапы мониторинга (определение индикаторов, обоснование пороговых значений, выявление интегрального

показателя, территориальное разделение угроз) и стадии антикоррупционного контроля (превентивный, текущий, ретроспективный). Показано, что методы мониторинга должны быть адаптированы к специфике коррупционных проявлений, которые приобрели на современном этапе отдельные региональные особенности. Выявлено, что деbüroкратизация процессов, направленных на сбор и анализ информации об экономической активности подконтрольных акторов, достигается путём минимизации человеческого участия. Обосновано использование современных компьютерных технологий и больших баз данных в российской региональной практике общественного антикоррупционного контроля, что обеспечит возможность проверки сведений за счет публичной открытости имущественных реестров и кадастров.

7. Предложены ключевые индикаторы оценки антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. К таким индикаторам следует отнести «коррупционный доход»; размер взятки, предоставляемой экономическим актором; средний штраф, налагаемый за коррупционное действие должностного лица; «эмоционально-психологические» издержки должностного лица, получающего взятку; коррупционная маржинальность; доля коррупционного рынка; объём регионального коррупционного рынка. Выявлен недостаточный уровень использования оценочного инструментария, при котором выявление экономических интересов при осуществлении предпринимательской деятельности, не имеет достаточного применения в региональной антикоррупционной практике. При этом наиболее существенное значение имеет коррупционный стаж, понимаемый в качестве периода времени, когда должностное лицо фактически участвовало в коррупционном обороте без проведения в отношении него соответствующих проверок, которые связаны не с анализом общих показателей (задекларированных доходов, расходов, имущества), а со специальным антикоррупционным контролем, когда уполномоченный субъект целенаправленно верифицирует экономическую активность конкретного публичного служащего, участвующего в коррупционной деятельности.

8. Разработана методика рейтинговой оценки эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга. Методика базируется на использовании официальной информационной базы мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов субъектов РФ, иных государственных органов и организаций по реализации антикоррупционных мер на территории Российской Федерации, системе показателей, характеризующие эффективность применения основных направлений антикоррупционной деятельности, ведомственных данных, предоставленных в рамках запросов при формировании антикоррупционного мониторинга Министерства внутренних дел РФ по регионам, Прокуратурой РФ, Аппаратом Президента РФ. На основе анализа рейтинговой оценки эффективности противодействия коррупции, предложены антикоррупционные мероприятия в органах власти.

9. Выявлены проблемы и предложены пути реализации механизма антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации. Показано, что неверно сформулированные нормы и правила, не отвечающие реальной картине коррупционных практик, представляют собой главный дефект в механизме осуществления антикоррупционного контроля. В частности, указана проблема достижения объективности и независимости механизма антикоррупционного контроля, вызванная зависимостью лиц, осуществляющих антикоррупционный контроль, от высших властных структур в субъектах федерации. Выделена проблема обучения сотрудников антикоррупционных органов, требующая специальные образовательные программы, предполагающие формирование знаний о технике и инструментах выявления коррупционных фактов. Предложены пути нейтрализации проблем антикоррупционного контроля, сгруппированные по трем направлениям: общерегиональные меры, необходимые для каждого субъекта федерации в целях преодоления

институциональных дефектов; межрегиональные меры, направленные на снижение недостатков, присущих нескольким регионам в силу схожести управленческих практик, административных и экономических культур; специальные меры, предназначенные для отдельно взятого субъекта Российской Федерации, в котором наблюдаются особые проблемы реализации антикоррупционного контроля.

10. Осуществлен прогноз перспектив развития механизма реализации антикоррупционного контроля как ключевого фактора обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Показано, что обезличивание механизма антикоррупционного контроля выражается в постепенном ограничении человеческого фактора (должностного лица) при проверке сведений, направленных на предупреждение коррупции. Предложено использование алгоритмов межсетевого взаимодействия, позволяющих объективировать принимаемые решения на основе верификации данных, способствующего быстрому и повсеместному распространению информации в рамках различных центров по борьбе с коррупцией, что обеспечивает повышение эффективности антикоррупционного контроля. Это позволит контролировать процессы сбора и обработки информации со стороны нескольких институтов власти и общества, распределить центры ответственности между несколькими институтами для сохранения доступа ограниченного круга лиц к сведениям, потенциально содержащим признаки коррупции.

Теоретическая значимость результатов исследования выражается в том, что разработанный концептуальный подход к обеспечению экономической безопасности, спроецированный на институт антикоррупционного контроля, позволяет обогатить систему представлений о моделях предупреждения коррупции в масштабах регионов и муниципалитетов. Сформулированный в диссертации методологический подход к антикоррупционному контролю конкретизирует механизм реализации стратегий и программ государственных органов власти в области превентивного противодействия коррупции с учетом интересов экономических акторов. Аргументированные теоретические выводы и

предложения на фоне анализа антикоррупционного контроля, выступающего важной экономической категорией, могут послужить основой для дальнейших теоретических исследований в данной области. В работе впервые в целостном виде представлен механизм антикоррупционного контроля, обоснован порядок его формирования и реализации, а также проведена оценка институциональных условий внедрения методов и инструментов антикоррупционного контроля в региональную систему экономической безопасности.

Практическая значимость результатов исследования проявляется в том, что ключевые выводы и предложения, выдвинутые в диссертационной работе, могут быть задействованы в современной управленческой практике на всех уровнях власти: федеральной, региональной, местной и локальной. Положения, сформулированные в ходе диссертационного исследования, развивают учебно-методические разработки, позволяющие реализовывать основные образовательные программы и профильные направления учреждений высшего образования по подготовке квалифицированных кадров в области экономической безопасности, а также в системе переподготовки практических специалистов, занимающихся противодействием коррупции и осуществлением управленческого контроля.

Степень достоверности и апробация результатов:

1. В процессе осуществления диссертационного исследования были получены гранты:

- Федерального агентства по делам молодёжи в форме субсидии на финансовое обеспечение развития проекта «Дизайн антикоррупционного мышления», отобранного по результатам Всероссийского конкурса молодёжных проектов, 2018 г.;

- Кабинета Министров Республики Татарстан для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов в форме субсидии на финансовое обеспечение развития проекта «Разработка и внедрение образовательных программ в рамках осуществления государственной программы «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан», 2017 г.

2. В соответствии с государственным заданием Министерства сельского хозяйства РФ на 2020-2021; 2021-2022 гг. диссертантом осуществляется проведение занятий по разработанным им программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации для подготовки кадров АПК в сфере противодействия коррупции.

3. В период с 2013 по 2019 гг. автором диссертации было разработано 12 учебных и учебно-методических пособий общим объемом более 90 п.л. для осуществления образовательной деятельности в сфере антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

4. Основные положения работы представлены и обсуждены на следующих международных и всероссийских конференциях:

- **международных:** «Право как основа современного общества: материалы международной научно-практической конференции» (Казань, 2012 г.); «Профессиональные особенности социальной работы с детьми и молодёжью: вопросы теории и инновационной практики в подготовке студентов к работе в данной сфере» (Казань, 2012 г.); «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (Чебоксары, 2012 г.); «Студенчество и наука XXI века» (Казань, 2013 г.); «Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве» (Казань, 2018 г.); «Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики» (Чебоксары, 2018 г.); «Правовое регулирование культурно-досуговых отношений и спортивной деятельности в контексте общественных и нравственных ценностей: современное состояние и мировые тенденции» (Чебоксары, 2019 г.); «Формирование гражданской идентичности молодежи на основе историко-культурного наследия как универсальной ценности, посвященной 100-летию образования ТАССР» (Казань, 2019 г.); «Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества», (Чебоксары, 2020 г.); «Дополнительное профессиональное образование агропромышленного

комплекса: научное обеспечение» (Андреевские чтения)» (Москва, 2021 г.); «Наука, технологии, кадры – основы достижения прорывных результатов в АПК» (Казань, 2021 г.); «Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий и кадрового обеспечения АПК» (Минск, 2021 г.); «Наука, образование, культура», посвященная 30-й годовщине Комратского государственного университета (Комрат, 2021 г.); «Противодействие коррупции в системе обеспечения экономической безопасности» (Казань, 2021 г.); «Прокуратура Российской Федерации: вектор развития и роль в формировании демократического правового государства (Чебоксары, 2021 г.); «Управление земельными ресурсами, землеустройство, кадастр, геодезия и картография: проблемы и перспективы развития» (Якутск, 2021 г.).

• **всероссийских:** «Роль гуманитарного образования в формировании компетентного подхода специалиста» (Казань, 2012 г.); «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Казань, 2012 г.); «Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в учреждениях дополнительного образования» (Казань, 2013 г.); «Субъектность личности будущего профессионала» (Казань, 2013 г.); «Формирование гражданской идентичности и культуры межнациональных отношений в условиях поликультурного образовательного пространства» (Казань, 2015 г.); «Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект)» (Чебоксары, 2015 г.); «Управленческие аспекты развития Северных территорий России» (Сыктывкар, 2015 г.); «Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций» (Чебоксары, 2016 г.); «Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края)» (Славянск-на-Кубани, 2016 г.); «Противодействие идеологии экстремизма в образовательной среде» (Казань, 2016 г.); «Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации» (Казань, 2016 г.); «Наука и образование: проблемы и

перспективы» (Казань, 2016 г.); «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции» (Казань, 2016 г.); «Формирование гражданской идентичности в условиях социально-экономических реалий Российского общества» (Казань, 2017 г.); «Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики» (Чебоксары, 2017 г.); «Четвертые юридические чтения» (Сыктывкар, 2016 г.); «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (Чебоксары, 2017 г.); «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции», (Казань, 2017 г.); «Формирование гражданской устойчивости как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма», (Казань, 2017 г.); «Реализации государственной политики в области противодействия коррупции» (Казань, 2019 г.); «Правовые и практические проблемы противодействия коррупции» (Казань, 2020 г.).

5. Результаты диссертационного исследования внедрены в деятельность: Министерства сельского хозяйства Российской Федерации; Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики; Министерства экономики Республики Татарстан; Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан; Министерство спорта Республики Татарстан; Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»; ТРО «Ассоциация юристов России»; Региональной общественной организации «Союз общественных деятелей Республики Татарстан». Ряд предложений и разработок автора внедрены в учебно-методическую деятельность: ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса»; ГКУ «Республиканский ресурсный центр» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан; АНО ВО «Академии социального образования» и др. (Приложение А – К).

6. В ФГБОУ Институт управления образованием Российской академии образования разработан и зарегистрирован Объединенный фонд электронных ресурсов «Наука и образование», на что получены свидетельства о регистрации

электронного ресурса № 21812: учебное пособие «Основы антикоррупционного права» для направлений 40.03.01 – «Юриспруденция» (Бакалавриат) и 40.04.01 – «Юриспруденция» (Магистратура), а также № 21836: учебно-методическое пособие «Основы антикоррупционного права» для направлений 40.03.01 – «Юриспруденция» (Бакалавриат) и 40.04.01 – «Юриспруденция» (Магистратура).

Публикации. По теме исследования автором опубликовано 83 научные работы общим объемом 102,85 печатных листов (личный вклад 74,02 печатных листа), среди которых 5 монографий; 28 статей в журналах из перечня ВАК РФ; 1 статья в международном издании, входящем в мировой индекс цитирования Scopus.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, приложений, иллюстрирована 69 рисунками, 17 таблицами, содержит 21 формулу. Объем диссертационной работы составил 444 страницы.

ГЛАВА I. ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

1.1. Экономическая сущность, значение, тенденции и факторы развития антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности

Коррупция в виде негативного явления современности имеет самые разнообразные значения и воплощения, как социально-экономического, так и финансового характера (Рисунок 1.1).

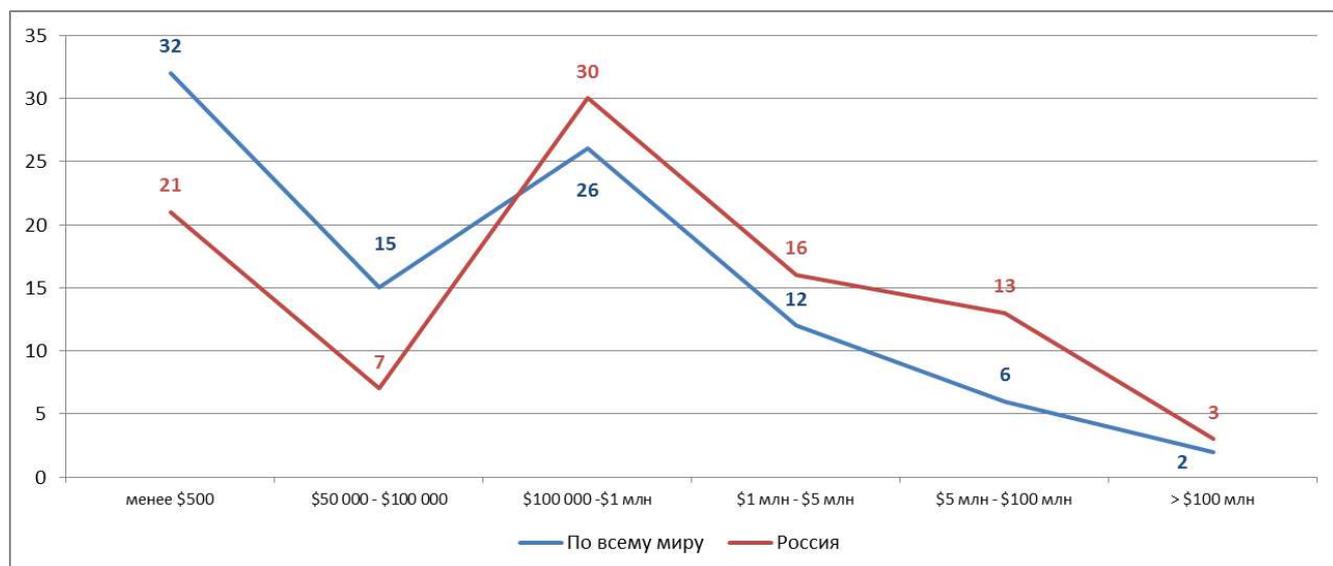

Рисунок 1.1 - Динамика финансовых потерь от коррупционных действий (в млн.\$ по кол-ву).

Источник: составлен автором по материалам anticorruption enlightenment [596].

Выступая изначально политико-правовой категорией [525; 537; 588], она активно исследуется в рамках экономических наук [564]. Прежде всего, научный интерес сопряжён с коррупционным влиянием на экономические отношения [71; 73; 94]. При этом трендом последнего десятилетия стали исследования не только

коррупции в сфере государственного управления [542], но и в рыночных отношениях между негосударственными акторами [590].

Влияние коррупции, которая институционализировалась в масштабах страны, наглядным образом прослеживается в региональном экономическом разрезе. Тем самым противодействие её формам, в том числе посредством специализированного контроля, необходимо исследовать на примере субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Территориальный характер в предмете исследования напрямую связан с российскими особенностями экономико-федеративного устройства. Поскольку Россия считается «ассиметричной федерацией», это предопределяет разницу в степени эффективности противодействия коррупции на региональном уровне (Рисунок 1.2).

Рисунок 1.2 - Рейтинг регионов по приросту преступлений коррупционной направленности.

Источник: составлен автором по материалам Генеральной прокуратуры РФ [629].

В частности, в доминирующей группе субъектов федерации прослеживается полное дублирование федеральных стандартов в области борьбы с коррупцией. При этом в отдельных российских регионах складывается собственный подход к предупреждению коррупционных действий, в том числе посредством инновационного механизма контроля за поведением публичных акторов.

Примечательно, что в ряде субъектов Российской Федерации отсутствуют инициативы по внедрению превентивных мер, учитывающих региональную экономическую специфику. Во многом это прослеживается в тенденциях реализации контрольно-надзорных функций (Рисунок 1.3).

№	Субъекты Российской Федерации	Итоговый показатель	№	Субъекты Российской Федерации	Итоговый показатель	№	Субъекты Российской Федерации	Итоговый показатель
1	Новосибирская область	27	29	Республика Марий Эл	16	57	Томская область	10
2	город Москва	25	30	Омская область	16	58	Республика Северная Осетия - Алания	10
3	Ульяновская область	24	31	Республика Мордовия	16	59	Республика Саха (Якутия)	10
4	Тюменская область	23	32	Кировская область	16	60	Республика Хакасия	9
5	Московская область	22	33	Республика Коми	15	61	Амурская область	9
6	Костромская область	22	34	Пензенская область	15	62	Нижегородская область	9
7	город Санкт-Петербург	22	35	Калининградская область	15	63	Ивановская область	9
8	Ханты-Мансийский автономный округ	22	36	Смоленская область	15	64	Ненецкий автономный округ	8
9	Челябинская область	22	37	Республика Татарстан	15	65	Карачаево-Черкесская Республика	8
10	Красноярский край	22	38	Сахалинская область	15	66	Камчатский край	8
11	Чувашская Республика	20	39	Воронежская область	15	67	Чукотский автономный округ	8
12	Рязанская область	20	40	Ставропольский край	14	68	Приморский край	8
13	Калужская область	20	41	Вологодская область	14	69	Республика Крым	8
14	Волгоградская область	19	42	Тамбовская область	14	70	Оренбургская область	8
15	Курганская область	19	43	Алтайский край	14	71	Владимирская область	8
16	Республика Карелия	19	44	Мурманская область	14	72	Архангельская область	7
17	Тверская область	19	45	город Севастополь	14	73	Республика Адыгея	7
18	Саратовская область	19	46	Псковская область	14	74	Магаданская область	7
19	Астраханская область	18	47	Самарская область	14	75	Брянская область	7
20	Забайкальский край	18	48	Кабардино-Балкарская Республика	13	76	Республика Башкортостан	7
21	Пермский край	18	49	Ямало-Ненецкий автономный округ	12	77	Иркутская область	6
22	Ростовская область	18	50	Кемеровская область	12	78	Белгородская область	6
23	Курская область	17	51	Тульская область	11	79	Республика Тыва	5
24	Хабаровский край	17	52	Республика Алтай	11	80	Ленинградская область	5
25	Ярославская область	16	53	Республика Бурятия	11	81	Республика Ингушетия	5
26	Свердловская область	16	54	Удмуртская Республика	11	82	Орловская область	4
27	Еврейская автономная область	16	55	Чеченская Республика	10	83	Краснодарский край	3
28	Липецкая область	16	56	Новгородская область	10	84	Республика Калмыкия	1
		Балл			Балл	85	Республика Дагестан	1
								Балл

Рисунок 1.3 - Рейтинг субъектов Российской Федерации по осуществлению контрольно-надзорной деятельности.

Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации [663].

Те российские регионы, которые стремятся к инновациям в области предупреждения коррупции, как правило, заручаются поддержкой федерального центра. Однако не меньшее значение имеют их собственные экономические

потребности. Помимо этого, в данных субъектах федерации прослеживается заметное усиление гражданского участия в осуществлении антикоррупционного контроля (Рисунок 1.4).

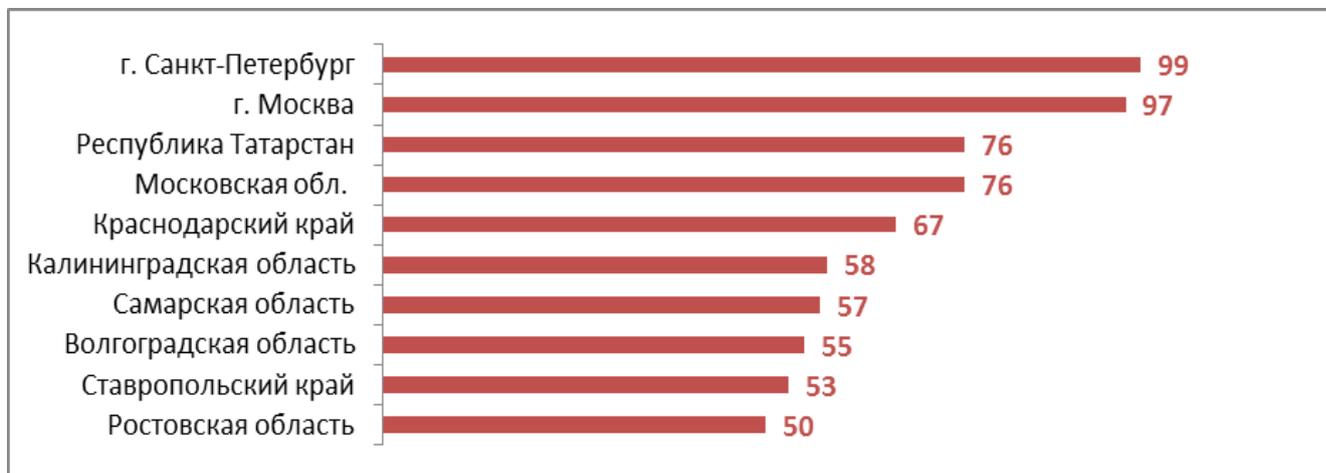

Рисунок 1.4 - Топ-10 самых коррупционных регионов России в 2017 году.

Источник: составлен автором по материалам Генпрокуратуры РФ (январь-октябрь 2017). Количество преступлений, совершенных по ст. 290 УК РФ (получение взятки), уголовные дела, которые были направлены в суд.

Подобный региональный диссонанс сказывается на расхождении в институциональном значении коррупции на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации. Различия затрагивают и экономический смысл данного негативного явления, который значительно отличается от формально-юридического подхода.

В пределах юридического понимания коррупция рассматривается как перечень отдельных её проявлений, наблюдаемых у публичных акторов и влекущих для них ответственность по уголовно-правовым и административно-правовым нормам.

Так, в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4] подобные проявления сводятся к незаконному использованию должностных полномочий. К их числу относятся разнообразные формы служебных злоупотреблений, получение и передача взяток, а также коммерческий подкуп [140].

Объединяющим критерием среди перечисленных видов коррупции является столкновение интересов: частных (самого коррупционера) и общественных.

Поэтому значимым в правовой квалификации коррупционного поведения служит извлечение любой имущественной выгоды. Примечательно, что она может предназначаться не только самому нарушителю, но и другим субъектам (Рисунок 1.5).

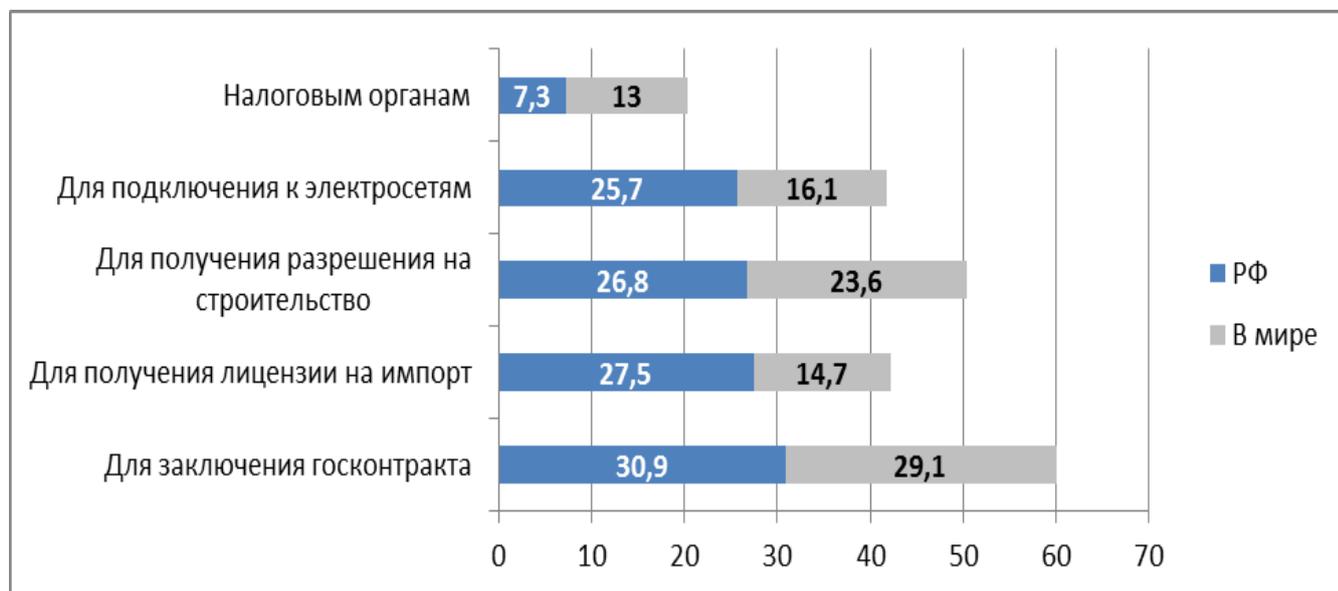

Рисунок 1.5 - Доля компаний, вынужденных давать взятки.

Источник: составлен автором по материалам world bank enterprise surveys.

На региональном уровне прослеживается стремление сохранить рассматриваемую дефиницию «коррупция». Исходя из этого, размывается её экономический смысл, что можно признать дефектом государственного регулирования антикоррупционной деятельности. Тем самым многие субъекты федерации стараются не наделять коррупцию дополнительным значением, что не всегда учитывает её региональные особенности.

С другой стороны, некоторые субъекты Российской Федерации демонстрируют попытку сформулировать термин «коррупция» в сложившихся институциональных рамках.

Например, развёрнутое определение содержится в Законе Забайкальского края N 18-33К [21]. Однако по существу оно лишь уточняет федеральный подход.

Напротив, в Республике Дагестан коррупция в управленческой практике обозначается термином «коррупционное правонарушение» [18]. Таковым признается не любое коррупционное действие, а лишь то, за которое на

федеральном уровне предусмотрена юридическая ответственность. Тем самым игнорируются другие виды социальной ответственности, включая экономическую. Последняя, как правило, возникает у региональных акторов в связи имущественными и репутационными потерями, вызванные коррупционным оборотом, т.е. выведены за рамки правового регулирования.

В этом проявляется принципиальное отличие между экономическим и правовым пониманием термина «коррупция» в современной России, что сказывается на институциональной основе антикоррупционной деятельности в субъектах федерации. Региональным властям в рамках государственно-общественного партнёрства остаётся лишь конкретизировать интересы, которые нарушаются коррупционными действиями, а также институционализировать участников экономических отношений [15; 19; 23].

Отмеченные терминологические признаки в полной мере предопределили особенности понимания категории «коррупция» в отечественной экономической науке.

Так, в узком смысле экономическое восприятие затрагивает исключительно те нарушения, которые возникают в государственно-управленческом процессе. Однако из числа таких коррупционных нарушений выведены те, которые напрямую не влияют на национальную экономическую систему [530, с. 46; 532, с. 29; 569, с. 43]. Тем самым не учитываются второстепенные факторы предупреждения коррупции, которые в своей совокупности препятствуют преодолению институционализированных коррупционных барьеров.

Широкое понимание коррупции в экономических научных исследованиях также затрагивает лишь публичную сферу, приравненную к направлениям государственной политики. Во многом такой подход сводится к выделению категории «экономическая безопасность» [545, с. 30; 558, с. 37; 584, с. 34].

Кроме того, общее экономическое определение коррупции связано с комплексом научных работ, затрагивающих проблему «теневой экономики» в масштабах страны и в транснациональном измерении [523, с. 59; 553, с. 71; 578, с. 94] (Таблица 1.1).

Таблица 1.1 - Основные подходы в исследовании коррупции.

Подход	Представители	Характеристика подхода
Традиционный (идеалистически-философский или конвенциональный) подход	К. Фридрих, Д. Саймон, ¶ Д. Эйтцен, Дж. Най	Коррупция-поведение отклоняющееся от преобладающих в политической сфере норм и обусловленное мотивацией получения личной выгоды за общественный счет
Подход ревизионистской школы исследования коррупции	Х. Абуэва, Д. Бейли, К. Лейес, Н. Лефф	Коррупция-болезнь развивающихся обществ, а также результат, следствие или проявление незавершенной модернизации бедности. Коррупция может выполнять в отдельных случаях позитивные функции
Институциональный подход	Дж. Най, С. Хантингтон	Коррупция-звено между элитой и бедными слоями населения
Экономический (рыночно-центристский) подход	С. Роуз-Аккерман, ¶ Г. Мюрдаль, Д. Кауфман, ¶ Г. Беккер, В. Райсмен, ¶ М. Олсон, А. Крюгер, ¶ Д. Делла-Порта, Д. Акемологоу и Т. Вердые, П. Бардхан, ¶ Т. Беслей и А. Кейс, ¶ А. Шляйхер и Р. Вишни	Коррупция - форма социального обмена, а коррупционные платежи-часть транзакционных издержек. ¶ Коррупция - рента, способ получения дохода, максимизации дохода.
Ортодоксальный марксистский подход	К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин	Коррупция как основной порок капитализма

Источник: составлена автором.

Стоит особо отметить, что сведение коррупции лишь к публичным сферам, сопряжённым с государством, исключает из неё коммерческий подкуп. Последний проявляется у негосударственных акторов, занимающихся бизнесом или некоммерческой деятельностью, в том числе при делегировании им отдельных государственных полномочий.

Для сравнения в зарубежной литературе коррупция понимается в максимально широком ключе, в соответствии с которым любая экономическая составляющая в отношениях, не предусматривающих регламентированного возмездного характера, расценивается как нарушение [704; 721; 775]. При этом доминирующим трендом среди исследователей стало разделение на многочисленные виды, каждый из которых наделяется специфическими содержательными понятиями, не сочетающимися с другими типологическими характеристиками [686; 772; 802].

Выделенные отличия в восприятии коррупции в близких социальных науках (экономика и право) сформировали разное понимание антикоррупционного контроля. Прежде всего, на государственном уровне в России вообще не выделяется данная категория. Она не содержится в действующих законах, не упоминается в управленческих документах (государственных и муниципальных стратегиях и программах). Вследствие этого исследователи по-разному оценивают её содержательный смысл.

Так, одна группа авторов раскрывают антикоррупционный контроль в качестве системы общих и специальных мер. Они используются лишь теми органами публичного управления (государственного и муниципального уровня), которые получили соответствующие полномочия [321, с. 33; 426, с. 140; 448, с. 270]. Тем самым рассматриваемый вид контроля инициируется государством и всегда носит публичный характер, даже если отдельные его элементы формируются в негосударственном секторе (институтами гражданского общества).

Поскольку антикоррупционный контроль рассматривается как публичная деятельность, в рамках первого научного подхода он должен быть подвержен определённым процедурным требованиям. С позиции «старого» институционализма это сводится к форме повторяющегося поведения актора, т.е. приобретает организационные черты и требует создания постоянно действующей структуры.

Отсюда вытекает другая особенность первого восприятия антикоррупционного контроля – возможность его осуществления только со стороны компетентного субъекта [492, с. 128]. Результаты проверок, связанных с потенциальной коррупцией в различных отраслях экономики, приобретают значимый характер тогда, когда они установлены определённым органом публичного управления (государственным или на уровне местного самоуправления), а равно должностным лицом или общественной организацией. Тем самым следует констатировать, что меры антикоррупционного контроля

могут применять не только для обнаружения существующих коррупционных действий, но и в качестве инструмента их предупреждения (Рисунок 1.6).

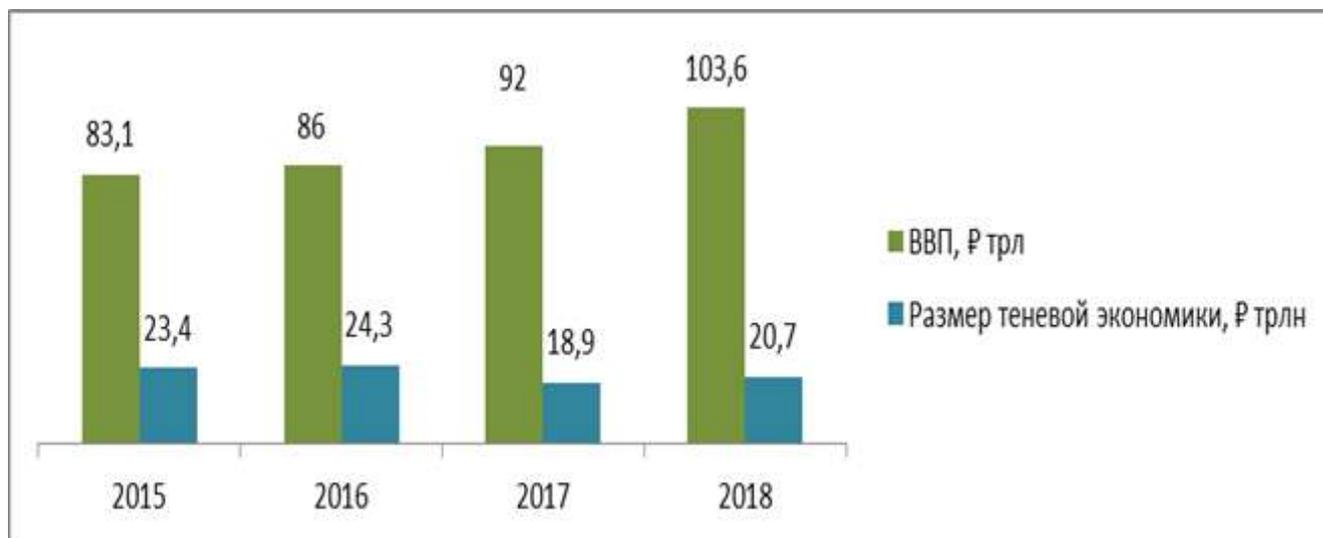

Рисунок 1.6 - Размер теневой экономики в России.

Источник: Росстат, Росфинмониторинг.

Выявлена взаимосвязь экономических интересов и регионального коррупционного оборота, в том числе на основе обширной типологии коррупционных проявлений. Они зависят как от специфики отдельных отраслей экономики, в которых сложились собственные типы коррупции, так и от институциональных условий, в которых реализуются коррупционные интересы и переменных, характеризующих коррупционную активность. Перечисленные субъекты должны получить некое формальное право на проведение мероприятий, выражающих антикоррупционный контроль (Таблица 1.2).

Таблица 1.2 - Объясняемые переменные, характеризующие коррупционную активность.

Переменные (количество преступлений)	Годы/тыс.						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
экономической направленности	107797	112445	108754	105087	109463	104927	105480
по статье 290 УК РФ (получение взятки)	5980	6495	5344	3188	3499	3988	4174

Источник: составлена автором.

В экономической науке сложился второй подход к пониманию антикоррупционного контроля. Он завязан на тех особенностях, которые имеются

на определённой территории и проявляются в её экономической системе [522; 541; 573]. Тем самым контрольные меры вправе реализовать не только институты государственной власти, но и неправительственные акторы (институты гражданского общества, частные лица, независимые общественные объединения и т.д.) [404, с. 51; 477, с. 90].

В частности, в Республике Татарстан граждане выделяются в отдельную структуру лиц, которые могут участвовать в осуществлении антикоррупционной политики [23, ст. 4]. Вместе с тем такое участие ограничивается определёнными полномочиями, т.е. приобретает второстепенный, а не главенствующий характер.

Схожий вариант прослеживается в институтах противодействия коррупции в Забайкальском крае. Там так же граждане обозначены в качестве лиц, обладающих правом участвовать в реализации превентивных антикоррупционных мер [21, ст. 6].

Имеются примеры российских регионов, в которых рядовые жители не институционализированы в процесс осуществления антикоррупционного контроля. Такой подход сложился в Красноярском крае, поэтому региональное законодательство не наделяет граждан соответствующими полномочиями, т.е. результаты их антикоррупционных проверок требуют дополнительного признания со стороны органов публичного управления [17].

Рассматриваемая позиция восприятия антикоррупционного контроля строится на выделении эффективности его реализации. Так, значение приобретает не признание результатов проверки определёнными публичными акторами, а возможность институтов гражданского общества воздействовать на данный процесс [136, с. 229]. На основании этого уточнено понятие «**экономическая коррупция**» в качестве совокупности коррупционных проявлений в сфере экономических отношений, заключающаяся в возможности использования должностными лицами своего служебного статуса по присвоению материальных ресурсов, собственности, финансов, а также получения различных льгот, иных преимуществ и выгод в сфере экономики государства.

Приведённые две научные трактовки антикоррупционного контроля имеют ярко выраженную формальную составляющую. В связи с этим нами предложены формы антикоррупционного контроля (Рисунок 1.7).

Рисунок 1.7 - Формы антикоррупционного контроля.

Источник: составлен автором.

В институционализме она проявляется в существовании неизменных правил, которые закрепляют государственное (или иное публичное) вмешательство в деятельность по противодействию коррупции. Однако указанные варианты не всегда учитываются особенности экономического назначения такого контроля.

Экономический смысл в предупреждении коррупции выражается в возможности оценить влияние этого негативного явления на соответствующие экономические отношения. В частности, это проявляется в прозрачном механизме установления ущерба (нанесённого или потенциально возникающего в будущем). Сюда же относится установление экономической заинтересованности в реализации коррупционных схем, что сопряжено с систематизацией отношений между экономическими акторами. Подобный глубинный подход позволяет выявить скрытые формы экономической деятельности, которая направлена на обеспечение коррупционного оборота в отдельно взятом регионе [529, с. 27; 563, с. 35; 567, с. 43].

Можно заключить, что экономический смысл коррупции и антикоррупционного контроля представляется значительно отличающимся от восприятия данных категорий в смежных гуманитарных науках. Несмотря на формально-рациональный характер экономико-теоретического понимания коррупции, он не является определяющим.

В юридических, как и в политических, науках коррупция всегда признаётся преступлением, что сводит её оценку к нормативному содержанию законов. В экономических исследованиях коррупция приобретает значительно широкие терминологические рамки. В обобщённом виде это сводится к должностному положению и к определённым полномочиям (публичного либо частного характера), которые используются против институционализированных интересов. К числу последних относятся как государственные (муниципальные), так и корпоративные интересы. Главным условием такого поведения служит причинение экономического вреда, который может иметь далеко не только имущественное выражение [573, с. 41; 579, с. 60].

Специфическим восприятием коррупции в экономико-теоретической плоскости выступает наличие определённой системы (преимущественно корпоративистского толка), у которой есть «общие интересы». Именно попытка противодействовать этим совокупным интересам за счёт занимаемого положения, в том числе имущественного, расценивается как коррупционное поведение [678, р. 988; 685, р. 679; 689, р. 97]. Сходство с формальным закреплением дефиниции «коррупция» прослеживается в части извлечения выгоды в любой из возможных форм.

Термин «интерес», выделяемый в рассматриваемом подходе, приобретает преимущественно экономическое содержание. Вред ему может иметь как материальное, так и репутационное выражение. При этом интерес в предотвращении подобных негативных последствий есть как у государства, так и его регионов, а равно у иных хозяйствующих субъектов [547, с. 70; 587, с. 53].

К числу лиц, чьи интересы затрагиваются коррупционными действиями, в экономической науке причисляются, в первую очередь, субъекты, у которых

возникли прямые убытки, т.е. их экономические интересы затронуты прямым образом [590, с. 67]. Однако к категории заинтересованных лиц также относятся участники экономического оборота, которым коррупция причиняет косвенный вред.

Вследствие этого можно установить принципиальную разницу между пониманием антикоррупционного контроля в смежных науках.

Так, в правовом смысле такой контроль расценивается в качестве совокупности мер, системно ориентированных на верификацию требований законодательства в области противодействия коррупции [104, с. 5; 128, с. 40; 344, с. 151]. Подобной проверке подвергается поведение публичных должностных лиц.

Если следовать экономическому пониманию антикоррупционного контроля, то он посредством определённых мер призван выявлять коррупционные факты, а также превентивно воздействовать (предупреждать) на потенциально возможное коррупционное поведение частных и публичных акторов [451, с. 560; 455, с. 47; 496, с. 50]. Примечательно, что такой контроль соотносит действия проверяемых лиц не только с правовыми требованиями, но и с экономическими интересами [134, с. 160; 376, с. 340]. К числу субъектов, имеющих эти интересы, относятся граждане, общество, организации любых форм собственности, муниципальные образования, регионы, государство и наднациональные объединения.

Следует признать, что столь широкое восприятие антикоррупционного контроля учёными в области экономики не всегда сопровождается детализацией субъектного состава отношений, складывающихся по поводу превентивного воздействия на коррупцию. В частности, выделяя граждан как лиц, потенциально страдающих от коррупционного оборота, исследователи рассматривают лишь субъектов малого бизнеса. Если индивидуальный предприниматель соприкасается с коррупционным барьером или сам заинтересован в совершении коррупционной сделки, то он воспринимается в качестве субъекта или объекта контроля [202, с. 31; 489, с. 7].

Получается, что экономические интересы других граждан, которые не занимаются бизнесом, рассматриваются лишь в совокупности, т.е. приобретают

не частный, а публичный характер [264, с. 2; 310, с. 245; 377, с. 70]. Именно они растворены в таких категориях, как «общество», «население муниципалитета», «публичное образование» и др. Тем самым разделение людей по их экономическому статусу ярко прослеживается в современных специальных исследованиях [524; 576].

Не менее дискуссионным вопросом остаётся отнесение к субъектам коррупции (и к объектам антикоррупционного контроля) негосударственных организаций.

С одной стороны, в условиях интенсивного развития государственно-частного партнёрства любая компания может стать участником бюджетных проектов, тем самым потенциально сталкиваясь с коррупционными рисками [249, с. 60; 380, с. 200].

С другой стороны, коррупция возникает также в областях, никак не связанных с государством и с расходованием публичных бюджетных средств. Отсюда ряд авторов выводят тезис о возможности использования антикоррупционного контроля к тем компаниям и некоммерческим организациям, которые связаны с публичной сферой, но не аффилированы с государственными финансами [153, с. 12; 359, с. 20; 445, с. 39].

Если отдельные коррупционные эпизоды, возникающие в малом бизнесе, а равно с участием рядовых граждан, не угрожают напрямую экономической безопасности государства [350; 351; 352; 353], то их совокупность (массовость) приобретает макроэкономические черты [393; 394; 395] и в пределах усечённых территориальных масштабов (региона, муниципального образования, экономического кластера) препятствуют функционированию рыночного экономического оборота.

Антикоррупционный контроль в региональном срезе призван предупреждать негативные последствия не только со стороны представителей публичного сектора, но и частного бизнеса, и граждан без специального экономического статуса. Главным условием его распространения на перечисленных субъектов является ущемление экономических интересов,

принадлежащих большой категории лиц (от публичных образований в виде государства, региона или муниципалитета до рядовых граждан) (Таблица 1.3).

Таблица 1.3. - Данные по мероприятиям, направленным на контроль за соблюдением бюджетного законодательства и соблюдением заказчиками законодательства при размещении заказов на поставку товаров, оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд в 2019 г.

Министерства, ведомства и Муниципальные образования Республики Татарстан	Количество проведённых мероприятий по контролю, ед.	Количество выявленных нарушений по результатам проведённых мероприятий по контролю, ед.	Суммовое выражение выявленных нарушений по результатам проведённых мероприятий по контролю, тыс. рублей
Министерства и ведомства	13	22	415186.6
Министерство спорта	2	3	273964.7
Министерство цифрового развития государственного управления информационных технологий и связи	1	2	72125.3
Министерство здравоохранения	1	2	36346.7
Министерство промышленности и торговли	1	5	14231.5
Государственный комитет по туризму	1	5	9707.9
Министерство по делам молодежи	1	1	6557.1
Министерство образования и науки	1	2	1601.2
Министерство экономики	1	1	352.2
Министерство финансов	1	0	0
Министерство труда, занятости и социальной защиты	1	0	0
Министерство сельского хозяйства и продовольствия	1	0	0
Главное управление ветеринарии КМ	1	0	0
Муниципальные образования	11	276	790180.7
Елабужский	1	27	196193.3
Рыбно-Слободский	1	47	133043.3
Мензелинский	1	36	90725.4
Муслюмовский	1	44	88510.5
Зайнский	10	21	79347.9
Тюлячинский	1	29	60949.5
Арский	1	34	59649.3
Апастовский	1	25	34355
Спасский	1	5	27432.3
Черемшанский	1	7	13192.3
г. Набережные Челны	1	1	6782.1

Источник: составлена автором.

В приведённой таблице указаны показатели выявленных коррупционных нарушений Счётной Палатой Республики Татарстан. Особый интерес вызывают финансовые индикаторы, характеризующие экономический урон от коррупционных действий на уровне региона.

Тем самым рассматриваемый контроль в государственном масштабе и в региональных пределах приобретает разное значение. Прежде всего, это

обосновано оперативной возможностью реагировать на коррупционные проявления в пределах муниципалитета или региона. Если система реализации контрольных мероприятий гибкая и деbüroкратизированная, то установление коррупции происходит быстрее и эффективнее [727, р. 77]. Однако при наличии искусственной конкуренции между административными структурами региона или муниципалитета антикоррупционный контроль может приобретать черты борьбы за сферы влияния [759]. Поскольку региональная, а в особенности – местная экономика в России демонстрируют тенденции к монополизации и олигополизации, то предупреждение коррупционных последствий даёт возможность оперативно минимизировать имущественный ущерб [730, р. 1050]. Не менее значимым является снятие социальной напряжённости, вызываемой коррупционными злоупотреблениями на местах [482, с. 40; 801, р. 971]. Тем самым отсутствие действенного механизма антикоррупционного контроля рано или поздно препятствует нормальной деятельности организаций, имеющих жизненно важное назначение (обслуживающих здравоохранение, оказывающих образовательные услуги, сопровождающих решение жилищно-коммунальных проблем). Именно из таких звеньев складывается безопасность целого региона.

В соответствии с рейтингом, по которому Всемирным экономическим форумом определяется глобальная конкурентоспособность, занятие бизнесом в субъектах Российской Федерации неизбежно приводит к столкновению с коррупцией [612]. Непосредственно на национальном уровне проводились экономико-социологические измерения «Бизнес-барометр коррупции». Реализацией исследовательских задач осуществляла Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Был отмечен индикатор в 79,4% бизнесменов, которые, так или иначе, соприкасались с коррупционными барьерами [620]. Небольшая удельная доля (20,6%) из числа российских предпринимателей постулировали уверенность в отсутствии фактов коррупции при занятии бизнесом.

В «Бизнес-барометре коррупции» приняли участие 10,5 тыс. представителей малого и среднего бизнеса из большинства субъектов федерации. При этом

затрагивались основные экономические сегменты: от жилищного строительства до сельского хозяйства. Особенностью данного социологического опроса стало использование цифровых сетевых ресурсов. Тем самым гражданин, принимающий участие в заполнении анкеты, мог сохранить свою конфиденциальность. Впоследствии ряд российских регионов заимствовали подобный инструментарий для объективизации собственных антикоррупционных измерений.

Указанное исследование, проводившееся на протяжении 2017-2018 гг., подтвердило сложившуюся в российских регионах коррупционную модель осуществления предпринимательской деятельности. Подавляющее большинство субъектов малого и среднего бизнеса по-прежнему расценивают коррупцию в качестве нормы, а соответствующие расходы на решение с её помощью различных вопросов определяют в качестве вынужденных затрат [Цит. по: 145; 147; 148; 335].

В коррупционных трендах «лидируют» такие направления, как возможность ускорить порядок рассмотрения документов и в органах власти, и в негосударственных инстанциях. Кроме того, частой тенденцией остаётся коррупционное «право» бизнесмена на решение вопросов, связанных с выявленными или с потенциальными нарушениями. Нередки случаи коррупционного покровительства для получения желаемого результата в различных публичных тендерах [418].

Если приблизиться к региональной конкретике, то результаты социологических опросов демонстрируют схожую картину, но в менее выраженных цифрах.

Например, специализированные ежегодные исследования ведутся с 2005 г. по инициативе Комитета Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу. Наиболее комплексный характер приобрело т.н. «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан». В частности, в 2017 г. коррупционное влияние на бизнес заметили 67,7% опрошенных граждан [646]. Уже в 2018 г. участникам данного опроса были предложены антикоррупционные

мероприятия, в которых они могли бы стать непосредственными субъектами процесса (Приложение Л). Примечательно, что половина из опрошенных граждан отказались воспользоваться данной возможностью [621]. Отчасти это продиктовано тем обстоятельством, что подавляющее большинство (87,5%) жителей Татарстана, принявших участие в социологическом измерении, отметили позитивные результаты антикоррупционных мер [621].

В Татарстане также проводятся особые исследования социально-экономического развития. К их числу следует отнести антикоррупционные опросы представителей малого предпринимательства. В частности, по итогам 2017 г. 5,8% респондентов сообщили о возникновении у них коррупционных ситуаций (за календарный год) [646]. Лишь четверть из этих граждан приняли участие в коррупционном действии, т.е. согласились на нелегальное предложение или сами инициировали коррупционный спрос. В этой связи представляется неравномерной статистика обращений граждан посредством специальной татарстанской информационной системы, получившей название «Народный контроль» (Рисунок 1.8).

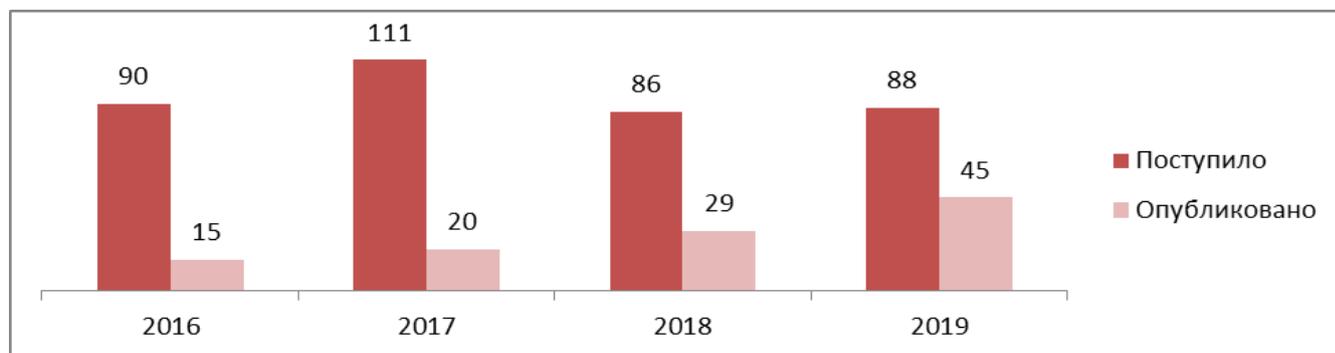

Рисунок 1.8 - Число обращений граждан, поступивших и опубликованных в ГИС «Народный контроль» в категории «коррупция», в 2016-2019 гг., ед.

Источник: составлен автором по материалам антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2019 г. [605].

Следует выделить 2018 г., на протяжении которого в Татарстане исследовалось мнение всех граждан (не только предпринимателей) касательно коррупции. 53,8% опрошенных лиц признались, что участвовали в коррупционной сделке хотя бы 1 раз в своей жизни [621].

Несмотря на негативное отношение к коррупции, число граждан, которые не собираются информировать правоохранительные органы о коррупционных фактах, в Татарстане составляет 89,2% [621].

Тем не менее, в структуре республиканской коррупции доминирующее положение занимают вопросы, связанные с работой контролирующих инстанций (до 60%). Так, представители бизнеса (в том числе малого), как правило, соглашаются на коррупционные условия при намерении участвовать в осуществлении государственных и муниципальных заказов (24,1% из числа опрошенных предпринимателей) [621]. Среди указанных цифр следует выделить такие распространённые случаи, как регистрация новых юридических лиц и исполнение документационных обязанностей по финансовой отчётности перед органами государственного управления.

Кроме того, 6,8% насчитывает в Татарстане число т.н. «коррупционных откатов». В частности, определённая доля перечисленных средств от участия в выгодной сделке отдаётся должностным лицам (в 2018 эта цифра составила 7,2%). Каждый третий предприниматель, сталкивающийся с необходимостью «коррупционного отката», расходы на преодоление данного барьера составили до 10% от цены контракта [604].

Ещё одним примечательным фактом является то, что жители Республики Татарстан видят эффективность решения коррупционных проблем не только в наказании виновных (39,4%), но и в усилении антикоррупционного контроля (42,2%) [621].

На сходство уровня коррупции с другими регионами обратили внимание жители Республики Марий Эл. Так, лишь 15% граждан отмечают повышенный коррупционный фон в республике в сравнении с соседними субъектами Российской Федерации [603]. Ужесточение антикоррупционного контроля так же служит для граждан Марий Эл преимущественным способом минимизировать региональную коррупцию (11,79%) на фоне усиления деятельности правоохранительных органов в данной сфере (9,44%) [603].

Схожие показатели фиксируются в Красноярском Крае [635], Мурманской области [643] и в ряде других субъектах Российской Федерации.

Если обратиться к концептуальным основам изучения антикоррупционного контроля, то исследователи, в целом, солидарны с необходимостью его осуществления для обеспечения экономической безопасности. Так, многие авторы рассматривают превентивные меры противодействия коррупции в качестве наиболее предпочтительных. Это объясняется тем, что в экономической плоскости вред, наносимый коррупцией, значительно ниже при предупреждении потенциальных случаев нелегального оборота в сравнении с реакцией государства на уже произошедшие коррупционные факты [208, с. 20; 409, с. 215; 416, с. 35]. Последнее получило в науке название «постреакционные меры» [272, с. 69; 328; 330; 338, с. 7].

Учитывая то обстоятельство, что российские регионы, как и отдельные территории в других странах, развиваются экономически неравномерно, неэффективный антикоррупционный контроль может спровоцировать доминирование теневой экономики с прямым ущербом публичным и частным интересам [156, с. 8; 425, с. 266; 500, с. 80]. В свою очередь, подобные недостатки управленческой деятельности влияют на образование и укрепление дефектов во всей экономической системе [116, с. 5; 327, с. 100].

Вместе с тем исследователи не сходятся во мнениях относительно методик, позволяющих оценить экономические последствия коррупции. Это приводит к разным точкам зрения на способность институтов антикоррупционного контроля повлиять в значительной степени на сегменты теневой экономики, инкорпорированные в региональные системы управления, т.е. получившие прочную институциональную основу.

Например, одна группа авторов предлагает математические приёмы в оценке ущерба, причинённого коррупционным оборотом на определённой территории [356, с. 142; 436, с. 105]. Другие учёные отличают экономические последствия коррупции от дефектов государственного и корпоративного управления, которые обычно возникают в процессе принятия и реализации

решений [313, с. 50; 427, с. 71]. Следует выделить третью категорию исследователей, которые настаивают на разнице факторов и последствий от классифицируемых коррупционных форм [369, с. 392; 441, с. 100; 566]. В результате в науке сложилось представление, которое обосновывает применение специальных методов, которые дают возможность объективизировать оценку коррупционного влияния на национальную и региональную экономическую безопасность.

Из числа названных подходов третье направление видится наиболее перспективным. Это обосновывается собирательным характером термина «антикоррупционный контроль». В своей реализации он может приобретать несколько форм, в том числе комбинированных, что вызвано спецификой коррупции в отдельных регионах и сферах экономики. Более того, такой контроль не всегда обладает превентивным действием. Нередко субъекты федерации, как и многие государства, используют его в постреакционном направлении. Последний позволяет определить масштаб коррупционного оборота, сложившегося на определённой территории. Именно такой подход позволяет выявить институционализованные формы коррупции, т.е. те коррупционные действия, которые приобрели черты экономических традиций. В свою очередь, такой контроль, базируясь на существующих коррупционных объектах, способен спрогнозировать и предупредить аналогичные действия в будущем.

Связь коррупции с экономическими потерями вытекает из сложившихся классификаций коррупции. Последние выделяются, прежде всего, в силу особенностей, наблюдаемых в отраслях экономики. Там, как правило, прослеживаются специфические коррупционные проявления. Кроме того, указанная классическая типологизация строится на институциональных условиях реализации коррупционных интересов. Тем самым разделяются и виды антикоррупционного контроля, обладающие разной степенью эффективности.

Если углубиться в факторы, определяющие осуществление антикоррупционного контроля, то следует провести их разграничение по двум категориям.

Первая объединяет обстоятельства, которые способствуют воплощению контрольных мероприятий и достижению прогнозируемых результатов:

- действующие институты;
- наличие интереса в борьбе с коррупцией у государства, общества и экономических акторов;
- прозрачность полномочий у контролирующих инстанций;
- статичность антикоррупционных правил и т.п.

Вторая группа факторов включает в себя те условия, которые становятся барьерами в реализации антикоррупционного контроля:

- намеренное самоустранение органов и должностных лиц, уполномоченных проводить проверки на предмет коррупции;
- институционализированные коррупционные формы, определение которых является чрезмерно затратным для общественных ресурсов;
- манипулирование результатами, выявленными в ходе контроля;
- ограниченное финансово-материальное обеспечение;
- нехватка квалифицированных кадровых ресурсов;
- развитость коррупционных традиций среди населения с высокой терпимостью к их применению и т.д.

Однако указанную дихотомию факторов необходимо скорректировать. В частности, антикоррупционный контроль целесообразно оценивать с аксиологической позиции, возобладавшей в современной экономической науке [133, с. 150; 183, с. 2; 504, с. 30]. Речь идёт о категории «интерес», объединяющей понятийные признаки и формы коррупционного поведения. Если установление факта коррупции происходит с учётом оценки экономических интересов, то и превентивные меры, включая контрольные механизмы, следует рассматривать в тех же категориях.

Проблема низкой эффективности осуществляемого в российских регионах антикоррупционного контроля как раз заключается в отсутствии конкретизированных экономических интересов. Формальный подход, доминирующий в современной публичной политике, выражается в

необходимости соблюдения субъектами Российской Федерации целого ряда условий, связанных с реализацией федеральных установок. Это проявляется, прежде всего, в дублировании институтов противодействия коррупции, в наделении их смежными полномочиями (нередко конкурирующими друг с другом), в повторении региональным законодательством тех же норм, которые сложились на федеральном уровне в части антикоррупционной деятельности. Поэтому значение антикоррупционного контроля определяют те факторы, которые влияют на его реализацию.

Исходя из этого, сформулирована общая концепция антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации (Рисунок 1.9).

Рисунок 1.9 - Концепция развития антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности.

Источник: разработан автором.

Другим немаловажным проявлением указанной проблемы выступает искусственное ограничение форм общественного (гражданского) контроля. Зачастую субъекты федерации создают собственные условно неправительственные институты, специализирующиеся на борьбе с коррупцией.

В то же время эффективность деятельности таких институциональных структур с каждым годом стремительно снижается из-за их формального отношения к коррупционному обороту.

Кроме того, результаты антикоррупционного контроля т.н. «независимых» акторов либо игнорируются, либо нивелируются.

Ряд авторов отмечает, что во многом подобное состояние дел в превентивном механизме противодействия коррупции детерминировано строгими рамками федеральной политики, не дающей российским регионам полномочий по самостоятельному установлению соответствующего контроля [373, с. 121; 478, с. 377; 573]. Однако разница в масштабах распространения коррупции и в её негативных последствиях для региона [424, с. 211] показывает, что причина неравнозначной эффективности антикоррупционного контроля кроется в интересах элиты.

Речь идёт, в первую очередь, об экономической и политической элите, которая в отдельных субъектах Российской Федерации имеет тенденцию к сращиванию между собой. Именно в таких регионах наблюдается максимально низкий уровень заинтересованности власти в противодействии отраслевой коррупции (Краснодарский край, Новосибирская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Омская область и др.).

Помимо этого, экономические интересы в развитии регионального антикоррупционного контроля зависят от субъектов, доминирующих на рынке одного товара, работы или услуги. Тем самым при исследовании особенностей превентивных мер в области коррупции следует учитывать монополизацию региональных рынков и зависимость экономических связей от неформальных практик. Исходя из этого, дано понятие **«антикоррупционного контроля»**, под которым понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц с целью обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации, связанных с предупреждением, выявлением,

последующем устранением и профилактики причин и факторов, а также минимизации и ликвидации последствий коррупционных проявлений.

Проблема низкой эффективности антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации заключается в отсутствии конкретизированных экономических интересов – частных и публичных. Это проявляется в дублировании институтов противодействия коррупции, наделении специальных органов смежными полномочиями (нередко конкурирующими друг с другом), в нестатичности и непрозрачности правил антикоррупционной деятельности.

Также существенным препятствием служит ограничение форм общественного (гражданского) контроля.

Зачастую субъекты федерации создают подконтрольные региональным экономическим элитам неправительственные организации, специализирующиеся на борьбе с коррупцией. В то же время эффективность деятельности таких институтов сомнительна в силу формализации антикоррупционного контроля, приводящей к игнорированию его основных результатов. Это даёт нам основание сформулировать понятие **«превенция коррупционных проявлений»**, под которым понимается деятельность субъектов экономической безопасности, направленная на реализацию антикоррупционной политики государства по выявлению, изучению, ограничению и устранению детерминантов, порождающих коррупцию, что позволит расширить сферу применения и воздействия на коррупционные проявления в целях обеспечения экономической безопасности государства.

1.2. Основы формирования и реализации антикоррупционного контроля как необходимого условия обеспечения экономической безопасности

Влияние коррупции на экономические системы ежегодно оценивается международными финансовыми структурами. Так, по оценкам Международного Валютного Фонда, глобальная экономика упускает из-за коррупционного влияния примерно 2% от мирового ВВП. В долларовом эквиваленте этот ущерб

варьируется от 1,5 до 2 трлн. [Цит. по: 341, с. 66]. Национальный антикоррупционный комитет, действующий в Российской Федерации, расценивает коррупционный оборот в объёме до 30% от федерального бюджета [671].

При этом приведённые показатели имеют макроэкономическое выражение, которое складывается из региональных сегментов. К тому же в каждом антикоррупционном институте – на наднациональном и на государственном уровнях – сложился собственный подход к понятию «коррупционный ущерб» (Рисунок 1.10).

Рисунок 1.10. - Масштабы коррупции на примере емкости некоторых Российских рынков и объемов производства различных групп товаров по отраслям.

Источник: составлен автором по материалам Росстат, Автостат, аналитический центр при правительстве РФ, ГК «ФИНАМ» Национальный Антикоррупционный комитет.

Ряд исследователей отмечают ложность подхода, разделяющего экономику и коррупцию [137, с. 100; 220, с. 99; 480, с. 20]. В справедливом замечании В.Е. Севрюгина подчёркивается, что при осуществлении бизнес - проектов преодоление различных барьеров, включая административные требования, эффективны разнообразные средства, включая коррупционные [418, с. 22]. Исходя из этого, учёный рассматривает экономику в её «белом» и «теневом» виде, что разделяет большое количество авторов [78, с. 91; 555; 575].

На данном фоне некоторые исследователи занимаются оценкой позитивного влияния коррупции на экономические отношения, складывающиеся в условиях неэффективно работающих институтов [182, с. 13; 184, с. 107; 297, с. 200].

В связи с этим, по нашему мнению, в соотношении коррупции и экономики следует рассматривать развитие сегментов последней, а не целостную систему имущественных отношений. Одной из таких составляющих можно признать категорию «экономическая безопасность», которая отождествляется с состоянием государства [527; 556; 581]. Вместе с тем всё большее число авторов акцентируют академический интерес на региональный уровень экономической безопасности [259; 551; 562; 572].

Примечательно, что в экономических исследованиях единообразного понимания указанного термина до сих пор не наблюдается. В частности, зарубежные учёные выделяют категорию «economic security». Она рассматривается в качестве государственной (региональной) способности поддерживать определённый уровень жизни граждан посредством прогнозированого экономического развития [738]. Схожее понимание прослеживается у Д. Лосмана [753] и В. Кэйбла [697].

Отмеченный подход опровергается целым научным направлением, в котором экономическая безопасность отграничивается от социальной [719]. В таком же ключе экономическую безопасность принято выделять из категории национальной безопасности [755]. В силу этих методологических особенностей данные термины не рассматриваются как собирательные. Их проецируют на определённые экономические системы и отрасли [724, р. 52; 800, р. 955].

Если обратиться к российским экономическим научным исследованиям, то в них прослеживается качественно иное понимание термина «экономическая безопасность». Это вызвано прикладным характером применения данной категории. Часто наблюдаемые кризисные тенденции в экономических отношениях предопределили возникновение трёх основных концептуальных подходов к рассматриваемому понятию.

Первый условно можно назвать этатистским подходом. Он зародился ещё в конце XIX в. [64, с. 47; 80, С. 43-44; 90, С. 11-13], но свой расцвет получил в советское время [82; 84; 96]. Данное научное восприятие региональной экономической безопасности строится на представлении, что она выступает фундаментальным элементом в структуре государственной безопасности. В силу этого такое состояние региона обеспечивается вертикально-интегрированными инструментами политического воздействия. Тем самым определённая территория, которая включена в состав государства, не рассматривается в качестве актора формирования стратегий экономической безопасности. Она лишь выступает участником, обязанным реализовывать решения верховной власти.

В силу этого регионы должны соблюдать экономические требования, выдвинутые центральным правительством, что включает экономическую безопасность в систему общей национальной безопасности. Из числа современных исследователей, развивающих данное научное направление, можно отметить М.В. Малаховскую [86], В.М. Белоусова [66], Т.Ю. Феофилова [583] и др.

Вторым подходом стало научное осмысление экономической безопасности, сформировавшееся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Её практической основой послужил т.н. «парад суверенитетов» среди российских регионов. Поскольку некоторые субъекты Российской Федерации до сих пор позиционируются в качестве государственно-подобных образований [98; 101], роль центральной власти в построении региональной экономической безопасности значительно размывается. Значение приобретают те группы факторов (внешних и внутренних), которые непосредственным образом влияют на состояние экономической системы, сложившейся на определённой территории (в регионе или муниципалитете) [536; 585; 591].

Третьим научным осмыслением региональной экономической безопасности стал подход, который ставит территориально-экономическую специфику в разряд определяющего курса развития экономических отношений [549; 562; 572]. В силу этого и государство, и образующие его регионы являются полноправными

акторами формирования и воплощения стратегий экономической безопасности, т.е. несут равную ответственность за возникающие в связи с такими условиями негативные последствия, включая институционализированную коррупцию.

Сегодня последний выделенный научный подход является доминирующим среди учёных, исследующих проблемы экономической безопасности. Однако в управленческой практике прослеживаются другое понимание рассматриваемой категории.

Так, механизм участия субъектов Российской Федерации в процессе поддержки экономической безопасности на должном уровне приобрели универсальный характер [329; 331; 332]. Наиболее отчётливо эта тенденция прослеживается на примере антикоррупционного контроля. В частности, в некоторых регионах предпринимаются попытки ввести собственные методы предупреждения коррупции, не свойственные общим федеральным стратегиям (Республика Татарстан, Липецкая, Калужская область, г. Москва, Санкт-Петербург, Республика Крым, Тюменская область и др.). Напротив, в подавляющем большинстве субъектов федерации подобные инициативы отсутствуют, а управленческая практика в области антикоррупционной борьбы всецело подчинена федеральным установкам.

В каждом российском регионе действует ряд документов стратегического и программного характера в области противодействия коррупции. Через них власти субъектов Российской Федерации постулируют резко отрицательное отношение к сложившемуся в территориальных масштабах коррупционному обороту.

Например, в Республике Татарстан ещё в 2005 г. была утверждена Стратегия антикоррупционной политики [39]. В ней напрямую выделяются два тренда, вступающих между собой в противоречие, касательно уровня региональной коррупции.

Прежде всего, отдельные экономические секторы (нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, машиностроение, производство алкогольной продукции, энергетическая сфера) находятся под широким государственным усмотрением. При этом Татарстан провозглашает курс на

дальнейшее постепенное ослабление властного влияния на различные экономические отношения, существующие в его границах. Тем самым коррупционный оборот в таких сферах приравнен к государственному участию, что нельзя рассматривать единственно верной причиной.

Несмотря на это в антикоррупционной стратегии Татарстана говорится о сохранении теневых экономических традиций при построении отношений между должностными лицами и республиканским бизнес-сообществом (Рисунок 1.11).

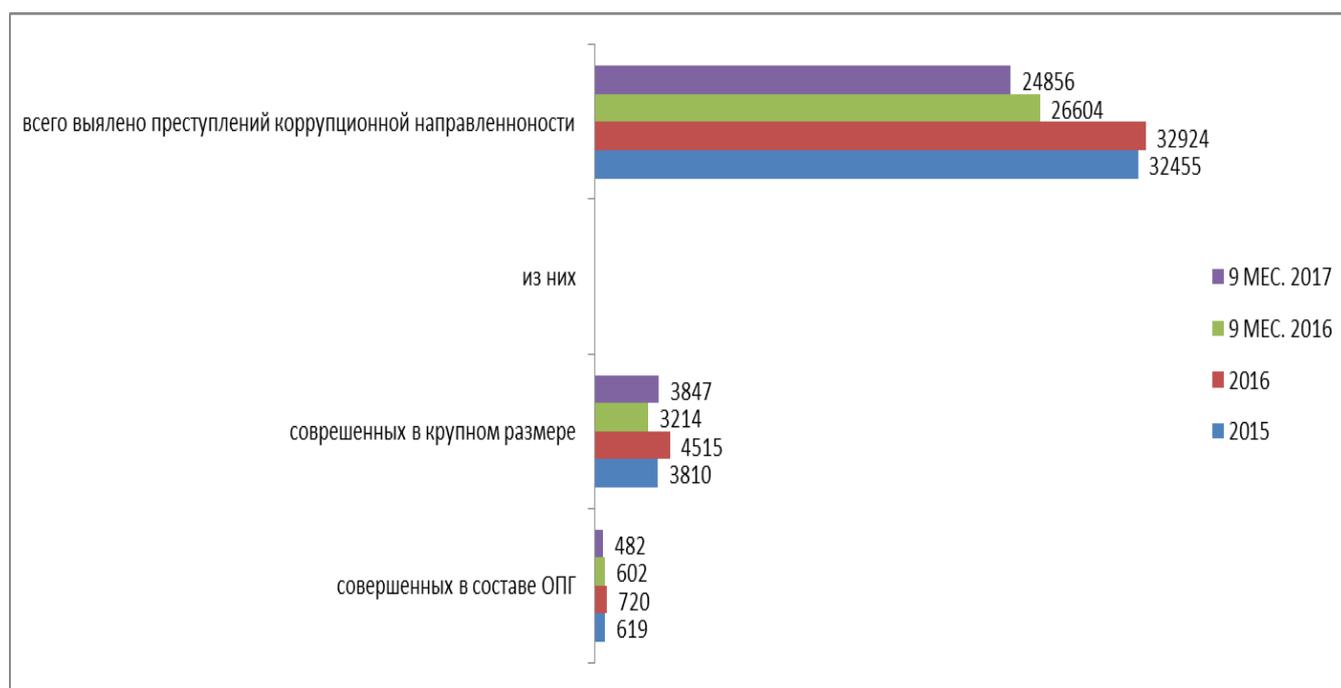

Рисунок 1.11 - Показатели Национального плана противодействия коррупции. Источник: координационное совещание руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по выполнению мероприятий Национального плана противодействия коррупции [629].

Особенно интересным с научной точки зрения является перевод ответственности за такое состояние татарстанской коррупции на власти, функционирующие в муниципалитетах. Так, в рассматриваемой антикоррупционной стратегии (на момент 2004-2005 гг.) приводится показатель в 80% от числа коррупционных действий, которые выявляются при участии представителей городских и районных органов управления. При этом 88% из данных случаев приходится на органы, реализующие исполнительную власть.

Если обратиться к более современным статистическим данным, то в 2018 г. из 43 муниципальных районов Татарстана в 38 прослеживается коррупционное воздействие на качество жизни рядовых граждан и на их участие в бизнесе [669]. В масштабах республиканской экономики коррупционное влияние заметили 46% опрошенных граждан. В социологическом измерении участвовало 3 110 человек, при этом ошибка репрезентативности варьировалась в пределах 5%. Примечательно, что не менее значительный показатель - 33% - объединил тех, кто полагает существование коррупции не определяющим фактором в экономике Татарстана. 16,8% вообще не рассматривают коррупционный оборот в качестве фактора, негативно влияющего на их жизнь.

При этом постепенно снижается позиция коррупционной тематики среди вопросов, вызывающих недовольство граждан в Татарстане. В частности, в 2013 г. она беспокоила 13,1% респондентов, а в 2018 г. составила уже 7,6% [669].

Гораздо ощутимее уменьшился т.н. «коррупционный охват». По приведённым эмпирическим данным, в 2010 г. он составлял показатель 21,2% от общего числа опрошенных граждан, а в 2018 уже 8,4% (более, чем в два раза).

Инвариантно восприятие антикоррупционного контроля среди населения Республики Татарстан. Например, его позитивное влияние на экономическую безопасность отмечает большинство граждан. Но 42,2% респондентов считают, что уровень использования мер такого контроля недостаточен [669]. При этом отмечается такой парадокс: свыше 89% лиц, участвовавших в социологических и эконометрических исследованиях в Татарстане, не желают сообщать в уполномоченные инстанции о коррупционных фактах, в том числе по личным мотивам.

Для сравнения необходимо обратиться к эмпирическим материалам региона, соседствующего с Татарстаном. В частности, в 2018 г. в Республике Марий Эл было проведено подобное специальное исследования. Его координировал Общественный Совет при МВД Республики. Однако участие приняли лишь 192 респондента, поскольку за основу была взята 1 социальная сеть, что несколько снижает ценность данного подхода [645]. Из них 22%

прибывают в убеждении, что коррупция прочно вошла в управленческую практику и не может быть устранена. При этом 40,6% респондентов солидарны с потребностью в усилении санкций, накладываемых в связи с коррупционными нарушениями.

В другом социо-эконометрическом измерении, проведённом в Республике Марий Эл, 44,6% респондентов (из 435) отметили необходимость антикоррупционного контроля со стороны государственных органов [660]. При этом 26,9% прямо указали на дефицит контрольных мероприятий в борьбе с коррупционными проявлениями.

Приведённые эмпирические показатели по двум сопредельным регионам (Татарстан и Марий Эл) за 2018 г. демонстрируют общий тренд среди граждан. Общественное мнение о значимости превентивного воздействия на коррупцию, в целом, совпадает. Это позволяет говорить о запросе на более эффективное осуществление антикоррупционного контроля со стороны региональных и федеральных властей.

Схожесть исследуемых субъектов Российской Федерации прослеживается в таком аспекте, как распространение коррупции в экономических секторах. При этом Республика Татарстан (как и другая национальная республика – Башкортостан) на протяжении шести последних лет находится на верхних позициях в рейтинге, фиксирующим высокий уровень коррупции в пределах Приволжского федерального округа [651]. Ранее, в 2010-2015 гг., Республика Марий Эл также значилась в пределах трёх верхних позиций данного рейтинга. Однако к настоящему моменту показатели коррупции позволили ей опуститься на шестое место [653], что демонстрирует позитивную динамику на фоне громких коррупционных дел в отношении высшего республиканского руководства.

Если взять для оценки другой федеральный округ, то в субъектах федерации фиксируется противоречие тенденции в области коррупции.

Например, в правительственном докладе Амурской области за 2018 г. отмечается показатель в 81% из 3000 опрошенных граждан, которые вообще не сталкивались с коррупционными проявлениями при общении с региональными

должностными лицами. Измерения проводились посредством анонимного анкетирования [619]. Однако 40% из указанного числа респондентов высказали мнение о дефиците мер по противодействию коррупции.

Амурская область располагается на третьем месте в рейтинге регионов, образующих Дальневосточный федеральный округ, по коррупционному охвату [652]. Вместе с тем основополагающим инструментом подобного измерения стали уголовные дела по фактам коррупции, а также количество лиц, осуждённых за коррупционные преступления. Тем самым не задействованы административные и дисциплинарные дела, которыми нередко завуалированы случаи низовой служебной коррупции.

Аналогичные эмпирические данные зафиксированы по Хабаровской области, которая возглавляет коррупционный рейтинг регионов в Дальневосточном федеральном округе. Так, в 2018 г. были опрошены 300 предпринимателей, при этом все они состояли в членстве областного отделения торгово-промышленной палаты [618]. Из них 10% сообщили о постоянном соприкосновении с коррупционными ситуациями. При этом 40% полагают, что проводимые региональными властями меры по предупреждению коррупции явно неэффективны.

Например, подавляющее число жителей отмеченных российских регионов не обладают необходимой информацией о превентивных антикоррупционных мерах [149, с. 30].

Так, в Республике Марий Эл количество жителей, которые регулярно интересуются деятельностью региональных органов управления в антикоррупционном направлении, составило всего 15,66% от числа опрошенных граждан [660]. Однако 63% респондентов пребывают в уверенности, что реализуемые мероприятия по профилактике коррупции обладают хорошим информационным сопровождением. В Республике Татарстан данный показатель составил 80% от числа респондентов [669], что наблюдается также в официальных опросах, проводимых в Хабаровском крае [618].

Примечательно, что во всех проанализированных социо-эконометрических измерениях, организуемых властными институтами, напрямую не прослеживается тематика антикоррупционного контроля. Об этом прямо говорится в приведённых региональных исследованиях (Рисунок 1.12).

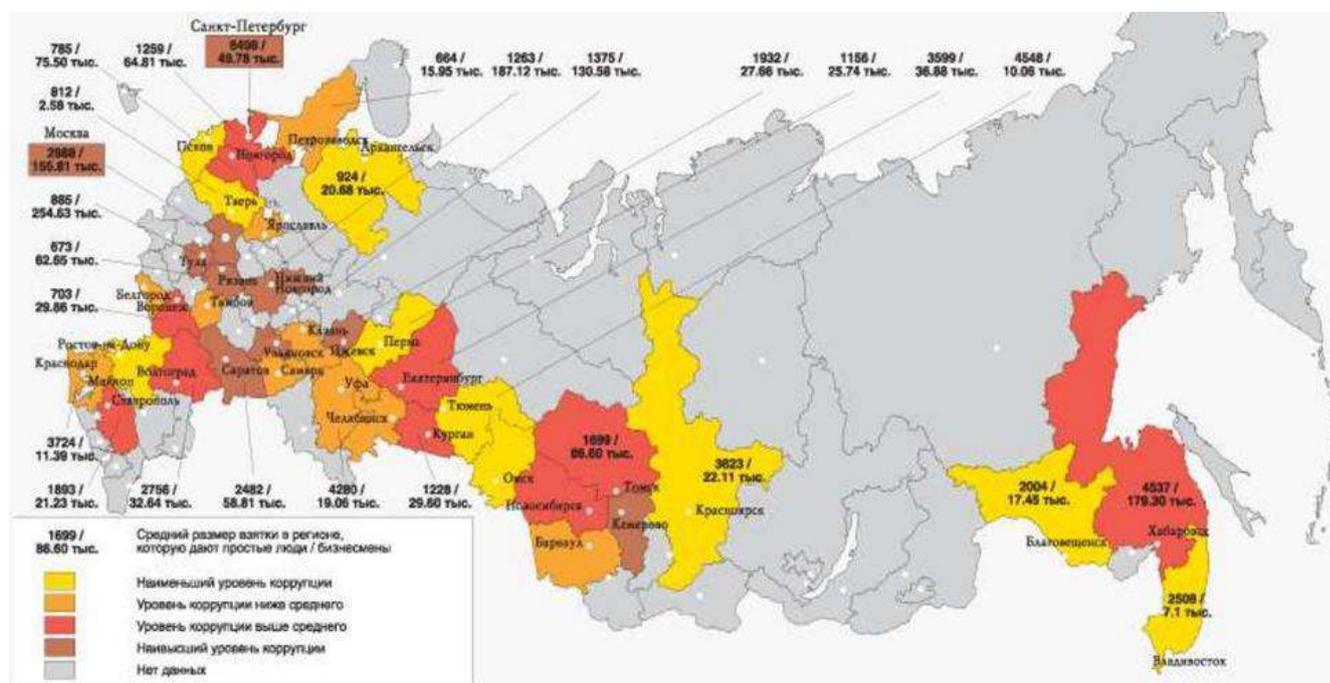

Рисунок 1.12 - Инфографика деловой коррупции в субъектах РФ.
Источник: рейтинг российских регионов по экономическому развитию [661].

Следует констатировать, что в социальных условиях функционирования региональной экономики прослеживаются противоречия в восприятии антикоррупционного контроля.

Его обязательность для властей постулируется во всех официальных документах от стратегических до отчётных.

При этом доступные информационные ресурсы не доводят до граждан сведения о потенциальных и реальных возможностях превентивного воздействия на региональную коррупцию. Отчасти это объясняется позицией тех лиц, которые организуют социо-эконометрические измерения. И рядовые жители, и представители предпринимательской деятельности высказываются только об общей коррупционной обстановке. Детализация их мнения о мерах, имеющих специфический характер, малопродуктивна в условиях дефектов информационного сопровождения антикоррупционных действий (Рисунок 1.13).

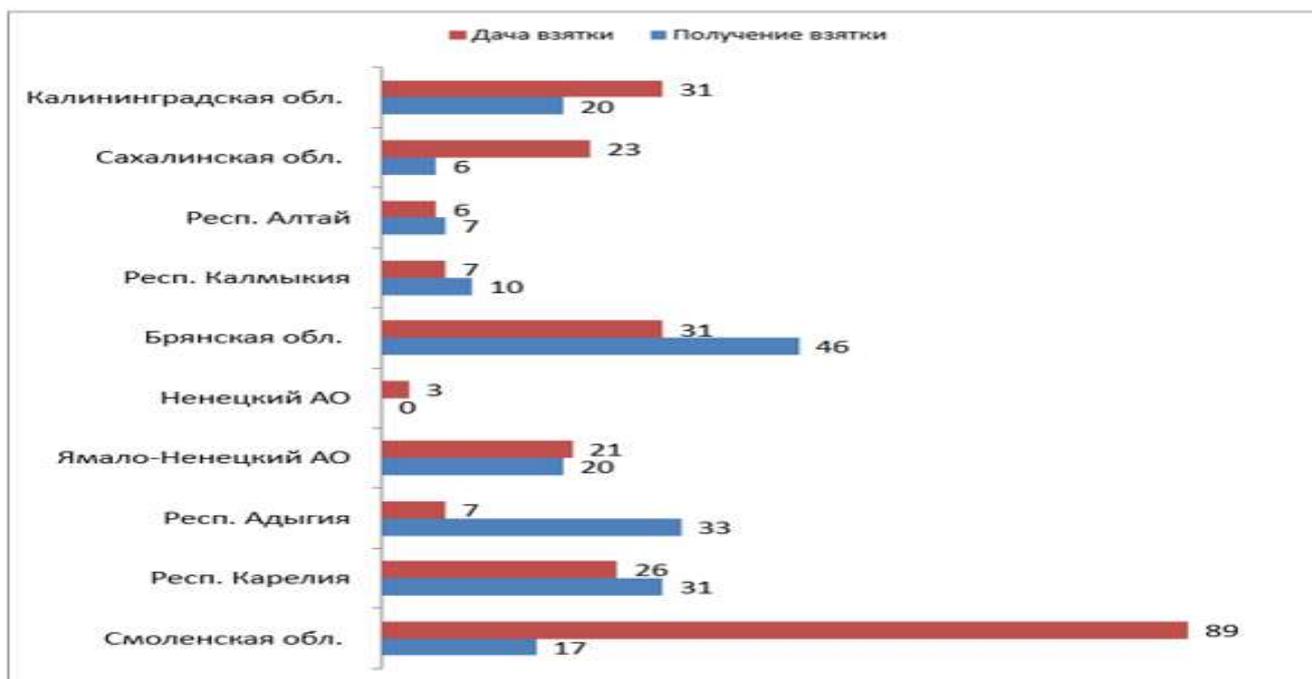

Рисунок 1.13 - В каких регионах дают и берут больше всего взяток (на душу населения).

Источник: составлен автором по материалам Генпрокуратуры РФ.

Исходя из выявленных особенностей, можно выделить три группы факторов, предопределяющих указанное состояние регионального антикоррупционного контроля:

1) недостатки в стратегическом планировании, которые сопряжены с неразвитым механизмом формирования региональной антикоррупционной политики. В частности, гражданское участие в данном процессе носит преимущественно формальный характер, а выработкой контрольных мероприятий, как правило, занимаются те же органы государственного управления, которые являются подконтрольными объектами;

2) ошибки в осуществлении контрольных мер, вызванные задержкой во внедрении принципов независимости и объективности проводимых антикоррупционных проверок с последующим реагированием на обнаруженные факты коррупции;

3) отсутствие комплексного механизма, позволяющего оценить результативность контрольных мероприятий, в связи с чем каждый субъект

Российской Федерации использует неоднозначные методы определения эффективности превентивного воздействия на коррупцию.

Остановимся на отмеченных детерминантах более подробно.

Так, несовершенная разработка мер предупреждения коррупции, равно как и её выявления, напрямую порождает дефекты антикоррупционного контроля в российских регионах. К настоящему моменту ни один субъект федерации не ввёл в управленческую практику рассматриваемый термин. Он растворяется в целой группе действий, предпринимаемых акторами для установления коррупционных фактов или для попытки устранения условий, способствующих им.

В нормативных актах и в программных документах, принимаемых органами региональной власти, перечисляются отдельные меры, которые в силу своего содержания вписываются в категорию антикоррупционного контроля. Например, чаще всего субъекты Российской Федерации наделяют превентивным характером антикоррупционный мониторинг и соответствующие экспертизы [254].

Указанные мероприятия, прежде всего, носят превентивный характер. Если в процессе их реализации обнаруживаются коррупционные проявления, то в отношении таких фактов применяются другие, но уже постреакционные действия (в рамках уголовно-правовых процедур). Тем самым и антикоррупционная экспертиза, и соответствующий мониторинг в полной мере обладают признаками антикоррупционного контроля [348; 354].

В плоскости анализируемых двух групп мероприятий субъекты федерации выступают и в качестве исполнителей, и в статусе инициаторов внедрения новых технологических инструментов их применения. Это связано с тем обстоятельством, что постреакционные действия всецело являются прерогативой федеральной власти, которой напрямую подчиняются правоохранительные институты. Региональному уровню в более широком ключе доступны меры по предупреждению коррупции, что при должной заинтересованности позволяет им развивать данное направление.

Антикоррупционная экспертиза представляет собой специальный контрольный механизм. Она применима лишь к определённой, довольно узкой,

категории объектов. Чаще всего ими выступают нормативные документы различных уровней: от муниципального до федерального. Более того, в большинстве российских регионов данная экспертиза распространяется на акты отдельных организаций, если они выполняют публичные функции, осложнённые коррупционным риском.

Примечательно, что в экономическом направлении исследований антикоррупционного контроля юридические лица (как с публичным, так и с частным статусом) признаны в качестве основных акторов. Это вытекает из представления об уязвимости их интересов, на которые посягает коррупция. Относительно региональной экономики именно организационные формы коммерческого и некоммерческого типа используются для обеспечения коррупционного оборота [368, с. 100; 411, с. 88].

Между тем в субъектах Российской Федерации антикоррупционная экспертиза, как и другие контрольные механизмы, затрагивает лишь ту экономическую и административную деятельность, которая имеет публичный (открытый) характер [295, с. 89; 361, с. 44]. В данную категорию включены в большей степени государственные и муниципальные структуры [230, с. 77], а также публичные компании [155, с. 138]. Последние, как правило, учреждены Российской Федерацией, субъектом федерации либо муниципалитетом для реализации стратегических задач. К их числу относится система государственных корпораций, различные унитарные предприятия, а также некоммерческие структуры вроде бюджетных и автономных учреждений. В категорию публичных организаций входят другие формы осуществления общественной деятельности, сопряжённой с отдельными властными функциями (партийные организации, отраслевые ассоциации, некоммерческие фонды и союзы и т.п.).

В отличие от ряда зарубежных национальных экономических систем российский вариант антикоррупционной экспертизы, равно как и антикоррупционного мониторинга, распространяется исключительно на публичные образования. Одновременно с этим контроль, призванный предупреждать коррупцию в субъектах Российской Федерации, направлен на

гораздо более широкий круг отношений. Он должен затрагивать деятельность как государственных, так и частных компаний, а в некоторых случаях его мероприятия могут выявлять коррупционные действия с участием индивидуальных предпринимателей.

Отмеченное противоречие прослеживается в признании всеми российскими регионами деловой (коммерческой) коррупции как явления, которому также необходимо противодействовать на государственном уровне. Тем самым институты государственного управления разделяют ответственность за влияние подобных коррупционных действий на территориальную экономическую безопасность. При этом одного лишь постулирования данного направления явно недостаточно, поскольку практический механизм антикоррупционного контроля в отношении негосударственных участников регионального рынка фактически не разработан.

Таким образом, частные организационные формы (коммерческого и некоммерческого типа) в большинстве субъектов федерации выведены из-под антикоррупционного контроля. Сказанное вовсе не означает, что государство не реагирует на коррупционные проявления с их участием. Однако такое регулирование имеет посткоррупционный характер, т.е. происходит после возникновения значительного ущерба от деловой коррупции. При этом необходимо иметь в виду, что промежуток, возникающий между коррупционным действием и реакцией на него, может значительно растягиваться во времени (Таблица 1.4).

Таблица 1.4 - Тенденции распределения коррупционных рисков в государственных закупках субъектов РФ.

№ п/п	Регион	Сумма закупок за 9 месяцев 2013 года (млрд. руб.)
1.	Чечня	13.1
2.	Дагестан	24.8
3.	Калмыкия	4.5
4.	Чукотский АО	4.1
5.	Северная Осетия	8.9

Источник: составлена автором по материалам бизнес-барометра коррупции [620].

Такой nepозволительно длительный диапазон отрицательно сказывается на экономической безопасности региона. Тем самым региональный антикоррупционный контроль объективизируется со значительными дефектами, практически не затрагивая частные корпоративные отношения. Это позволяет в системном виде выстраивать негосударственные организации в сложные коррупционные схемы. Как показано на рисунке 1.14, именно коммерческие компании активно задействуются при хищении бюджетных средств. Они же легализуют финансы, полученные коррупционным путём.

В этой плоскости фиксируются такие противоречивые тенденции, как ограниченность антикоррупционного контроля и одновременный выход коррупционных акторов в полуправильные рамки. Простое получение коррупционных доходов в российских регионах заменяется на цепь корпоративных форм и расчётных операций. Подобный уклон позволяет в посткоррупционной стадии отследить движение незаконного капитала внутри страны и за её пределами. Однако ровно такой же подход может оказаться эффективен при реализации контрольных мероприятий, проводимых иными, кроме правоохранительных, институтами противодействия коррупции. На примере антикоррупционной экспертизы, как одного из механизмов контроля [см., например, 51; 55; 56;], отмеченные противоречия проявляются в более наглядном виде (Рисунок 1.14).

Рисунок 1.14 - Антикоррупционная экспертиза в Республике Татарстан.

Источник: составлен автором по материалам антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2019 г. [605].

В частности, она считается неотъемлемым элементом процесса по принятию управленческих актов регламентирующего характера. Методика её осуществления унифицирована во всей Российской Федерации [9]. При этом на региональном уровне органы исполнительной власти стремятся внедрить свои детализированные условия проведения антикоррупционной экспертизы.

Отчасти такая практика спровоцирована отсутствием обязательного стандарта проведения подобного мероприятия. Его примерные рамки обозначены на федеральном уровне [3], но субъектам Российской Федерации предоставлено право активного вмешательства в регламентацию процесса осуществления экспертизы. В результате объекты антикоррупционного контроля (органы власти и должностные лица) занимаются институциональным дизайном субъектов антикоррупционного контроля, что ограничивает активность институтов превентивного противодействия коррупции.

Вместе с тем отмеченная тенденция прослеживается не во всех уровнях управления. Так, субъекты федерации всецело занимаются экспертизами тех нормативных актов, которые принимаются муниципалитетами в пределах их территории. Если подобные меры реализует общественная организация, то она должна получить аккредитацию на уровне региона, а не местного самоуправления (Рисунок 1.15).

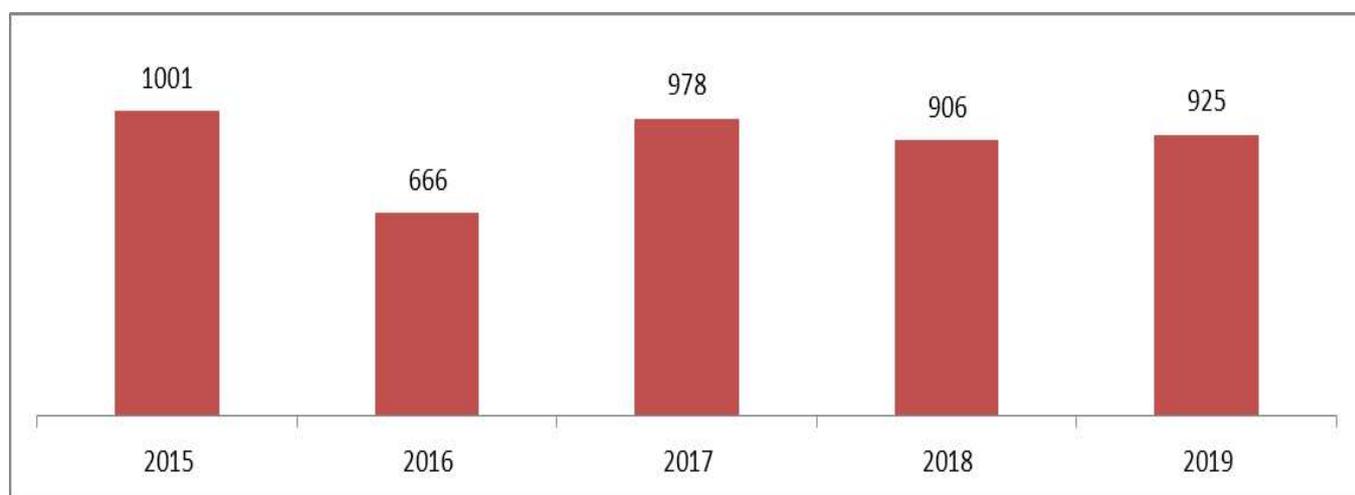

Рисунок 1.15 - Динамика антикоррупционной экспертизы муниципальных актов в Республике Татарстан.

Источник: антикоррупционный мониторинг Республики Татарстан за 2019 г. [605].

Этим в определённой мере обеспечивается одно из условий, направленных на независимость контроля.

Искусственное соединение в одном органе или должностном лице объекта и субъекта антикоррупционного контроля детерминировано дефектами планирования региональной системы предупреждения коррупции. Когда один или несколько административных акторов решают, каким образом необходимо применять контрольные мероприятия, у них образуется естественный интерес оградить себя и других лиц, задействованных в общей структуре управления, от потенциального вреда, который может нанести выявленный факт коррупции. Если такой интерес имеет имущественный характер, то, как правило, орган власти или целая система институтов государственного управления превращаются в организованное преступное сообщество. Именно данная тенденция стала прослеживаться на примере тех субъектов федерации, чьи губернаторы и их окружение стали участниками уголовных дел по широкомасштабной коррупции.

В плоскости антикоррупционной экспертизы условие, обеспечивающее её независимость, приобрело ярко выраженные бюрократические черты. Так, сами эксперты должны иметь аккредитацию, которую выдают органы исполнительной власти, хотя принципиально важным было бы предоставить такую функцию иным институтам, в том числе общественным организациям. При этом сама аккредитационная процедура поставлена в зависимость от усмотрения государственных органов, т.е. может меняться и потенциально подстраиваться под системную коррупцию.

Тем самым на уровне российских регионов многие меры, воплощающие антикоррупционный контроль, проводятся двумя категориями лиц, каждый из которых обладает прямым интересом:

- административным, если контролем занимается государственный орган или должностное лицо;
- экономическим или смешанным, если мероприятия делегированы негосударственным акторам, вынужденным иметь аккредитацию от субъекта федерации на определённый срок.

Если кто-либо занимается проверкой деятельности на предмет коррупции без согласования с уполномоченными лицами, результаты такого антикоррупционного контроля не имеют значения в управленческом процессе.

Исходя из этого, в экономической науке выделяются два подхода к институционализации антикоррупционного контроля.

Первый строится на осмыслении коррупции как исключительного предмета ведения Российской Федерации и регионов, наложения на них ответственности за коррупционное влияние на экономическую безопасность. Это влечёт потребность в статичном механизме реализации контрольных мероприятий, включая антикоррупционные экспертизы. Он заключается в устранении прямых интересов между субъектами и объектами проверок, однако допускает субординацию в качестве регулирующего элемента [524, с. 104; 564, с. 211; 573, с. 90].

Второй подход требует расширения принципа независимости любых мер, воплощающих антикоррупционный контроль, посредством передачи этой функции общественным, а не государственным структурам [542, с. 181; 577, с. 74]. При этом между субъектом федерации и институтом превентивного противодействия коррупции не должны возникать бюрократические процедуры, которые будут консолидировать их интересы. (Рисунок 1.16).

Рисунок 1.16 - Алгоритм действий субъектов антикоррупционного контроля при выявлении коррупционных действий.

Источник: разработан автором.

Именно независимый характер антикоррупционного контроля предопределяет способность регионов к ограждению экономической безопасности как от коррупционного оборота, так и от противодействия ему. Частные и общественные организации, не подчиняющиеся органам государственного управления, могут использовать имеющиеся полномочия по антикоррупционным проверкам во вред экономическим интересам регионов и государства. Появляется обратная зависимость институтов власти от неправительственных структур, аффилированных прямо или косвенно с акторами коррупционного оборота (экономическими или властными элитами, криминалитетом, зарубежными и транснациональными компаниями, а также с иностранными государствами).

Отчасти подобные условия нашли своё отражение на управленческом уровне субъектов Российской Федерации. Так, антикоррупционную экспертизу не могут проводить иностранные и международные организации. Такой же запрет распространяется на российские юридические и физические лица, признанные в качестве т.н. «иностранцев».

Создание отдельного и при этом централизованного института антикоррупционного контроля в российских регионах имеет фиктивный характер. Если доминирующие экономические акторы прямо заинтересованы в сохранении коррупционной активности, они интегрируют в собственные отношения не только органы власти, но и неправительственные структуры. Наличие единственного центра по предупреждению коррупции лишь облегчит данную задачу.

Впрочем, дефекты формирования антикоррупционного контроля наиболее наглядно прослеживаются на примере такой его распространённой формы, как антикоррупционный мониторинг. В субъектах Российской Федерации не сложилось единообразного понимания данного термина ввиду отсутствия его официальной дефиниции.

Вследствие этого в одних российских регионах отсутствует институциональный подход к раскрытию антикоррупционного мониторинга.

Поэтому он трактуется применительно к отдельно взятому сегменту экономики или к проводимому мероприятию (например, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Красноярский край и др.).

Напротив, фрагментарность в институциональной основе антикоррупционного мониторинга прослеживается в тех субъектах федерации, где делается попытка универсализировать механизм антикоррупционного контроля (Республика Дагестан, Астраханская область, Тюменская область и др.).

Выделяется третья категория субъектов Российской Федерации, демонстрирующих условно собственный подход к трактовке антикоррупционного мониторинга (Республика Татарстан, Псковская область, Нижегородская область и др.).

Так, в Татарстане согласно действующему законодательству о противодействии коррупции подобный мониторинг имеет широкое значение. Он выражается в деятельности, направленной на наблюдение, анализ и прогноз касательно состояния коррупции [23, п. 1 ст. 1]. Данная деятельность также связана с изучением условий коррупционных проявлений, характера и эффективности антикоррупционных мер, оценки их эффективности. Кроме того, мониторинг должен охватывать реализацию всей республиканской антикоррупционной политики.

В Псковской области антикоррупционный мониторинг заключается лишь в изучении и анализе тех сведений, которые поступают в органы власти и местного самоуправления касательно коррупционных фактов [22, ст. 12]. В этой связи круг участников областного антикоррупционного мониторинга ограничен лишь до государственных и муниципальных институтов. Подобное сужение субъектов, реализующих рассматриваемое мероприятие, наблюдается практически во всех российских регионах, несмотря на отсутствие такого федерального требования.

В Нижегородской области, в отличие от Республики Татарстан, сделана попытка сформировать собственную институциональную основу для проведения антикоррупционного мониторинга. В частности, действует специальный Порядок, регламентирующий весь мониторинговый процесс [53]. Однако ключевая норма,

изложенная в п. 3 раздела I, искажает понятие мониторинга, сложившееся в экономической науке. В частности, любой мониторинг, в том числе антикоррупционный, представляет собой непрерывный процесс по наблюдению, анализу, прогнозу и оценке определённых данных [339, с. 33; 457, с. 70]. Вместе с тем в Нижегородской области сложилось правило, согласно которому антикоррупционный мониторинг проводится не реже 1 раза в календарный год.

В указанном расхождении кроется принципиальное отличие категории «контроль» от термина «мониторинг». Первый как раз имеет срочный и эпизодический (регулярный) характер, что сводит его преимущественно к проверке определённых обстоятельств и действий на соответствие институциональным требованиям [546; 582; 586].

Помимо этого, контроль преимущественно затрагивает результаты, в то время как мониторинг проводится по всей деятельности вне зависимости от достижения запланированных или случайных результатов [535; 574]. Субъект контроля наделён полномочиями по реагированию на факты выявленных нарушений, а субъект мониторинга может лишь сообщить о негативных обстоятельствах уполномоченному органу или должностному лицу. Различается алгоритм сбора и анализа информации при контроле и мониторинге, равно как и цели их проведения [349].

Отмеченные отличия показывают, что формирование антикоррупционного контроля нельзя приравнивать к механизму формирования антикоррупционного мониторинга в связи с несовпадением терминологического смысла данных понятий. Между ними имеется ряд общих элементов, как-то: способы, приёмы, технологии, субъектный и объектный состав, ресурсная база, порядок оформления, наличие специальных полномочий и т.п.

Например, в Нижегородской области антикоррупционный контроль (мониторинг) проводится специализированной рабочей группой. Она носит межведомственный характер, поэтому в её состав обязательно включаются представители кадрового направления деятельности областного Правительства, специалисты из Министерства внутренней региональной и муниципальной

политики, правоохранительных органов (МВД) и профессиональной общественности (региональная торгово-промышленная палата), а также ряд иных лиц, уполномоченных на занятие антикоррупционной деятельностью [53, п. 2 разд. II]. Данная рабочая группа утверждается Правительством Нижегородской области, после чего происходит согласование проектов опросных листов для проведения социологических антикоррупционных исследований по целевым категориям (граждане, публичные служащие, предприниматели).

Отсюда следует, что антикоррупционный контроль сужается не только до отдельных органов власти, но и до специально создаваемых для него институциональных условий.

В этой связи для каждого исследования в Нижегородской области обязательна разработка собственной методики [53, п. 4 разд. V]. Она касается не только проведения самого опроса, но и учёта полученных в ходе него результатов. Получается, что на региональном уровне отсутствуют единые стандарты проведения антикоррупционных исследований, что подтверждает непрозрачность всего института антикоррупционного контроля.

Ограничению подвергаются и объекты мониторинга. К их числу, помимо официальной информации, полученной от государственных органов и органов местного самоуправления, в Нижегородской области отнесены сведения, поступающие от средств массовой информации.

Если руководствоваться формально-юридическим подходом, доминирующим в практике субъектов федерации, под региональными СМИ понимаются лишь те организации, которые получили лицензию в органах исполнительной власти на осуществление соответствующей деятельности и имеют государственную аккредитацию на реализацию своих целей на территории области. Данный вариант исключает анализ сведений из альтернативных информационных источников, доминирующих в современной новостной хронике. В то же время рабочая группа в Нижегородской области наделена возможностями самостоятельно уточнять объекты антикоррупционного мониторинга.

Распространённой в субъектах Российской Федерации практикой стало сужение антикоррупционного контроля до тех пределов, которые обозначены в специальной региональной программе (стратегии) по противодействию коррупции. Оценка её реализации ставится в качестве главенствующей задачи проводимого антикоррупционного мониторинга. Тем самым анализ эффективности других антикоррупционных мер, не вошедших в состав указанной программы (стратегии), осуществляется по остаточному принципу либо вовсе не проводится.

Проблема достижения объективности и независимости механизма антикоррупционного контроля, периодически получает своё разрешение в виде разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Поэтому каждое звено в механизме реализации антикоррупционного контроля в российских регионах находится в стадии своей институционализации. Результатом этих процессов, должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Прозрачность и эффективность её функционирования могут обеспечиваться постепенным отказом от практики персональных проверок и исключением возможности элит (политических, административных и экономических) влиять на содержание антикоррупционных сведений. Таким образом, определены основополагающие направления и предложена модель развития антикоррупционного контроля в экономической сфере российского общества, а именно: развитие экономических и финансовых инструментов противодействия коррупции, совершенствование законодательной базы, развитие экономических институтов гражданского общества, противодействующих коррупции и теневой экономике, укрепление судебной системы, развитие местного самоуправления в целях повышения эффективности противодействия коррупции в сфере экономической безопасности. Таким образом, антикоррупционный контроль в субъектах Российской Федерации имеет специфику своего формирования, предопределяющую особенности его реализации (Рисунок 1.17).

Рисунок 1.17 - Модель развития антикоррупционного контроля для обеспечения экономической безопасности.

Источник: разработан автором.

Изначальное ограничение субъектного состава лиц, уполномоченных обозначать направления и механизм контрольных мероприятий, обязывает временные антикоррупционные квазиобразования (рабочие группы, комиссии) проводить точечную (ваучерную, «поручительскую») оценку влияния отдельных коррупционных действий на региональную экономику. При этом в институциональном плане отсутствует требование о необходимости учёта экономических интересов и привлечения большего числа независимых участников. Обоснованием такого подхода служит представление о региональной социально-экономической специфике, исключающем влияние со стороны

общественных, коммерческих, иностранных и международных структур, специализирующихся на антикоррупционной деятельности.

1.3. Зарубежный опыт реализации антикоррупционного контроля и возможность его адаптации в российскую практику

Дефекты формирования и реализации антикоррупционного контроля наблюдаются не только в российской региональной практике, но и в других государствах, чей позитивный опыт рекомендуется заимствовать в отечественную экономику.

В большинстве отечественных публикаций, посвящённых зарубежным особенностям противодействия коррупции, рассматриваются, главным образом, формальные стороны вопроса. Так, в основном оцениваются антикоррупционное законодательство и система институтов, сложившихся в определённой стране [112; 170; 311]. При этом гораздо реже анализируются практические аспекты борьбы с коррупционными проявлениями [285; 439, с. 266-269].

Многие исследователи делают единый вывод, что в ряде стран (США, Великобритания, ФРГ, Франция, Сингапур и др.) антикоррупционная деятельность является неким эталоном, образцом, требующим подражания со стороны других национальных экономик, в том числе Российской Федерацией [189; 206; 458]. Заимствование успешных институциональных условий противодействия коррупции, безусловно, является приоритетной задачей. Однако вместе с перениманием такого опыта стоит прогнозировать те же недостатки и негативные тенденции, наблюдаемые в обозначенных зарубежных системах. К тому же создание прочной законодательной базы вовсе не гарантирует достижение одинаковых эффектов, что наглядно фиксируется в государствах постсоветского пространства. Вследствие этого ряд российских авторов констатируют, что ключевая проблема заключается в «менталитете» граждан [305, с. 534; 388, с. 134; 396, с. 88].

В плоскости антикоррупционного контроля сложно оценивать лишь формальную составляющую и психологические особенности сознания граждан. В законодательстве большинства стран получили закрепление нормы, предусматривающие ответственность за коррупцию, равно как и система мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупционных действий. При этом если сравнивать антикоррупционные институты между различными государствами, то можно прийти к прямо противоположному выводу об их определённом совпадении.

Общая модель антикоррупционного контроля в зарубежных странах выглядит довольно прозаично. Все институты противодействия коррупции делятся на две большие группы [528, с. 127]:

1) органы, организации и должностные лица, обладающие общей (широкой) компетенцией в сфере антикоррупционной политики, т.е. институты, занимающиеся различными вопросами, в том числе противодействием коррупции;

2) органы и организации, специализирующиеся на антикоррупционной деятельности, т.е. существующие исключительно для противодействия коррупции.

Абсолютно каждый государственный орган или организация обязаны следовать определённой антикоррупционной стратегии, утверждённой либо в макроэкономическом масштабе, либо применительно к отдельному сектору экономики или территории. Более того, нетерпимость к коррупционному поведению зафиксирована не только в этических кодексах для публичных служащих, но и на законодательном уровне применительно к частным организациям. Поэтому именно такие критерии взяты за основу сравнительного исследования с учётом международных рейтингов [662].

Отсюда можно констатировать, что формально-юридическая сторона антикоррупционного контроля не является определяющей. Значение имеет его реализация как в отдельно взятом государстве, так и в конкретном регионе (Рисунок 1.18).

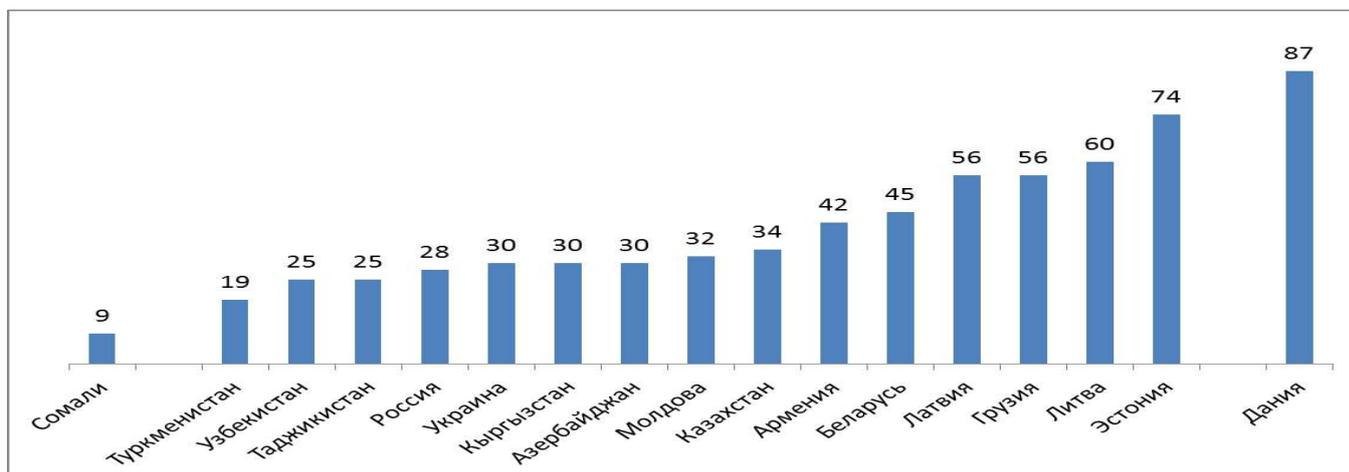

Рисунок 1.18 - Индекс восприятия коррупции за 2019 г.

Источник: составлен автором по материалам Transparency international [622].

Расхождения между государствами наблюдаются в аспекте специализированных институтов, призванных заниматься антикоррупционным контролем. В этой связи целесообразнее рассматривать опыт не отдельных государств, а их групп, формируемых по ряду критериев. К их числу предлагается отнести: учёт экономических интересов, публичность результатов проводимого контроля и объёмы выявленных коррупционных фактов.

Перечисленные показатели противодействия коррупции напрямую связаны с обеспечением региональной экономической безопасности [383, с. 100; 540, с. 49; 589, с. 71]. Одновременно они являются факторами институционализации соответствующего направления деятельности государства [205, с. 144; 337, с. 53; 371, с. 40].

Стоит отметить, что институционализация в данной плоскости понимается по Д. Норту в качестве образования норм и правил [89], соблюдаемых при построении отношений, направленных на противодействие коррупции.

Кроме того, указанные критерии влияют на объём проводимых контрольных мероприятий.

Исходя из них, зарубежные страны могут быть поделены на четыре блока:

1) государства с высоким уровнем институционализации антикоррупционного контроля (Сингапур, Дания, Швейцария, Канада, Норвегия и Швеция);

2) государства с умеренной институционализацией антикоррупционного контроля (Великобритания, ФРГ, США, Япония, Франция и др.);

3) государства со средними темпами институционализированности антикоррупционного контроля (Польша, Грузия, Италия, Индия и др.);

4) государства с недостаточным уровнем институционализации антикоррупционного контроля (Бразилия, Пакистан, Украина, Иран, Эфиопия и др.).

Первая категория стран демонстрирует развитую систему национального антикоррупционного контроля, позволяющего активно использовать достижения межгосударственного сотрудничества по вопросам борьбы с коррупцией. Эта группа государств, в целом, выступает инициатором в процессах по унификации антикоррупционного контроля в отдельных сферах экономики (прежде всего, в банковском и в инвестиционном секторах). Несмотря на то обстоятельство, что уровень антикоррупционной системы достигался в данных странах разными путями и собственными инструментами, их современный облик показывает высокую эффективность используемых превентивных мер.

Так, в Швейцарии, как и во всех государствах, органы государственной власти – от общефедеральных до местных – обязаны осуществлять комплекс мероприятий, направленных на контроль за коррупцией в потенциально уязвимых к ней сферах (публичная служба, оказание публичных услуг, рискованные секторы экономики). В качестве особенностей швейцарских антикоррупционных институтов следует выделить их разветвлённую систему [795]. Внутри неё функционируют различные органы, в том числе правоохранительной направленности, которые независимы не только друг от друга, но и от верховной федеральной власти [710, р. 303].

Например, Федеральное управление полиции Швейцарии не подчиняется Федеральному управлению юстиции, несмотря на то, что оба ведомства входят в состав специализированного Федерального департамента. Для них не обязательны указания Генерального секретариата данного органа, кроме отдельных регламентирующих актов, которые редко принимаются в силу доминирующего

законодательного регулирования. Учитывая то обстоятельство, что в Швейцарии практически не развито подзаконное нормотворчество, у номинального руководства Федерального управления полиции и юстиции весьма ограниченный набор средств законного вмешательства в деятельность органов антикоррупционного контроля.

Примечателен и тот факт, что швейцарская полиция, в том числе уголовная, существует на фоне Федерального департамента внутренних дел, который также наделён функциями специального антикоррупционного контроля. При этом швейцарская прокуратура формально входит в систему Федерального департамента юстиции и полиции, но не подчиняется ему ни институционально, ни фактически.

В этом проявляется главная специфика первого и второго блока государств в рассматриваемой классификации.

Существующие органы и должностные лица, наделённые компетенцией в области антикоррупционного контроля, взаимодействуют друг с другом исключительно в рамках субординации и сотрудничества. Неформальные способы сокрытия коррупционных фактов практически невозможны, поскольку попустительство одного института будет замещено строгим контролем со стороны целой группы других инстанций (Таблица 1.5).

Таблица 1.5 - Связь уровня жизни с восприятием коррупции в стране.

Страны	ВВП на душу населения	Отсутствие коррупции
Швейцария	\$ 79.3 тыс.	5 место
Финляндия	\$ 43.8 тыс.	3 место
Россия	\$ 8.7 тыс.	131 место

Источник: составлена автором по данным МФВ, 2017; Transparency international, ИВК-2016.

По данному поводу значение приобретает сетевой подход к противодействию коррупции и открытость информационной среды государственного аппарата, при которых как публичные институты, так и частные лица могут влиять на принимаемые политико-управленческие решения. Указанная специфика означает, что при реализации антикоррупционного

контроля одним специализированным ведомством нет гарантии, что подобным вопросом не заинтересуется смежный государственный институт. При установлении коррупционного факта теряется смысл в его сокрытии проверяющей структурой: этим обстоятельством обязательно займётся параллельный орган, даже если у него отсутствуют правоохранные функции.

Примером такого подхода стал 2016 г., когда в Швейцарии начал действовать новый закон о противодействии легализации коррупционных доходов. В частности, любое лицо, в том числе юридическое, при покупке имущества на сумму свыше 100 тыс. франков, обязано сообщить продавцу исчерпывающие сведения о собственной личности. В свою очередь, при возникновении подозрений в происхождении денежных средств любой продавец должен передать указанную информацию в правоохранные органы.

Попытка разрешить возникший казус с полицией кантона обернулась уголовным преследованием не только нескольких граждан Швейцарии, но и семейного магазина антиквариата в г. Ивердон-ле-Бен, а также двоих сотрудников муниципального полицейского управления. Служебная проверка по фактам сокрытия коррупционных действий проводилась сначала Федеральным департаментом юстиции и полиции, затем независимой группой специалистов из Федерального управления культуры Швейцарии. Кроме того, альтернативное дознание осуществлялось со стороны Федерального аудиторского бюро, входящего в состав швейцарского департамента финансов [597].

Швейцарская прокуратура наделена полномочиями выборочных проверок коррупционных фактов без раскрытия собственных источников. Аналогичное право принадлежит кантональным судам, которые могут самостоятельно запрашивать информацию, в том числе у государственных структур, о движении публичного капитала. Однако указанные полномочия не распространяются на частные финансы, поскольку они относятся к прерогативе Государственного секретариата по экономике и Федерального ведомства по экономическому снабжению [598].

Именно в разграничении объектов антикоррупционного контроля на публичный и частный капитал видится главный недостаток швейцарской системы. В частности, сохраняется императивное требование соблюдения банковской тайны, которая если и подлежит разглашению, то лишь в исключительных случаях. К таковым, например, относятся дела с широким общественным резонансом (коррупционные дотации Swiss Post на фоне незаконного коммерческого участия в компании PostBus) либо под давлением иностранных государств (передача швейцарскими властями арестованных чиновников из FIFA под юрисдикцию США).

Схожие черты разветвлённой системы органов антикоррупционного контроля наблюдаются у Норвегии, Дании и Швеции, входящих в первый блок государств с высоким уровнем институционализации. В этих странах практически вся документация о государственных закупках и расходах публикуется на специализированных сетевых ресурсах, доступ к которым имеют рядовые граждане. Такая специфика позволяет считать субъектом антикоррупционного контроля любого человека, заметившего подозрительные действия с публичными финансами. В то же время особенности использования частного капитала в Дании и Швеции не являются объектом антикоррупционного контроля, за исключением случаев, когда потребность в дополнительном анализе информации подтверждает судебный орган [595].

Аналогичным образом обстоит дело с различными реестрами и кадастрами Скандинавских стран. Ключевые сведения о владельцах недвижимости носят открытый характер, благодаря чему легко устанавливаются сделки публичных служащих с частными лицами. Кроме того, оформление объектов недвижимого имущества на т.н. «подставных лиц» в данных государствах практически исключено. Перекрёстный антикоррупционный контроль со стороны государственных и общественных институтов Швеции и Дании мгновенно выявляет подобные факты.

Датский опыт антикоррупционной борьбы, в отличие от Швейцарии и Норвегии, демонстрирует частичное вмешательство в частные дела бизнеса.

Несмотря на отказ государственных институтов вести реестр компаний-нарушителей, с этой функцией успешно справляется ряд независимых организаций, специализирующихся на антикоррупционном контроле. В частности, таковыми являются различные агентства (например, Агентство по кредитованию экспортных операций, агентство DANIDA и др.) [Цит. по: 207]. Данные структуры объединяют под своей эгидой большое число коммерческих и некоммерческих организаций, обязывая их ратифицировать в своих локальных актах и договорах антикоррупционные положения, принятые этими агентствами. Нарушение подобных условий наказывается лишением виновной компании членства и внесение её в «чёрный список», публикуемый в средствах массовой информации и на официальных сетевых ресурсах. Тем самым любая проверка контрагента не обходится без обращения к указанным реестрам, что позволяет контролировать деловую коррупцию.

Специальный государственный институт, занимающийся единоличным антикоррупционным контролем, функционирует в Сингапуре. Это Бюро по расследованию случаев коррупции. Проводимый им мониторинг носит постоянный характер в отношении тех публичных должностей, которые относятся к зоне повышенного коррупционного риска.

В частности, в отношении таких чиновников сингапурское бюро вправе проверять банковские счета и операции, допрашивать различных свидетелей, задерживать и обыскивать любого гражданина, заподозренного в коррупционном действии [120, с. 55]. Примечательно, что для данного органа не требуется судебное санкционирование перечисленных мер. Фактически он не подчиняется ни одной государственной структуре, являясь по-настоящему независимым институтом противодействия коррупции.

Однако само по себе государство Сингапур имеет черты тоталитаризма, позволяющие субъектам антикоррупционной деятельности безгранично реализовать предоставленные им полномочия [544]. Поэтому в рамках первого блока стран с высоким уровнем институционализации антикоррупционного контроля Сингапур является специфическим примером с собственными

императивными методами борьбы с преступностью и подчинением граждан строгим правилам. Так, к числу последних необходимо отнести обязанность чиновников доказать отсутствие у них долгов, что признано ключевым коррупционным мотивом. Аналогичные критерии антикоррупционного контроля присутствуют в КНР (Рисунок 1.19).

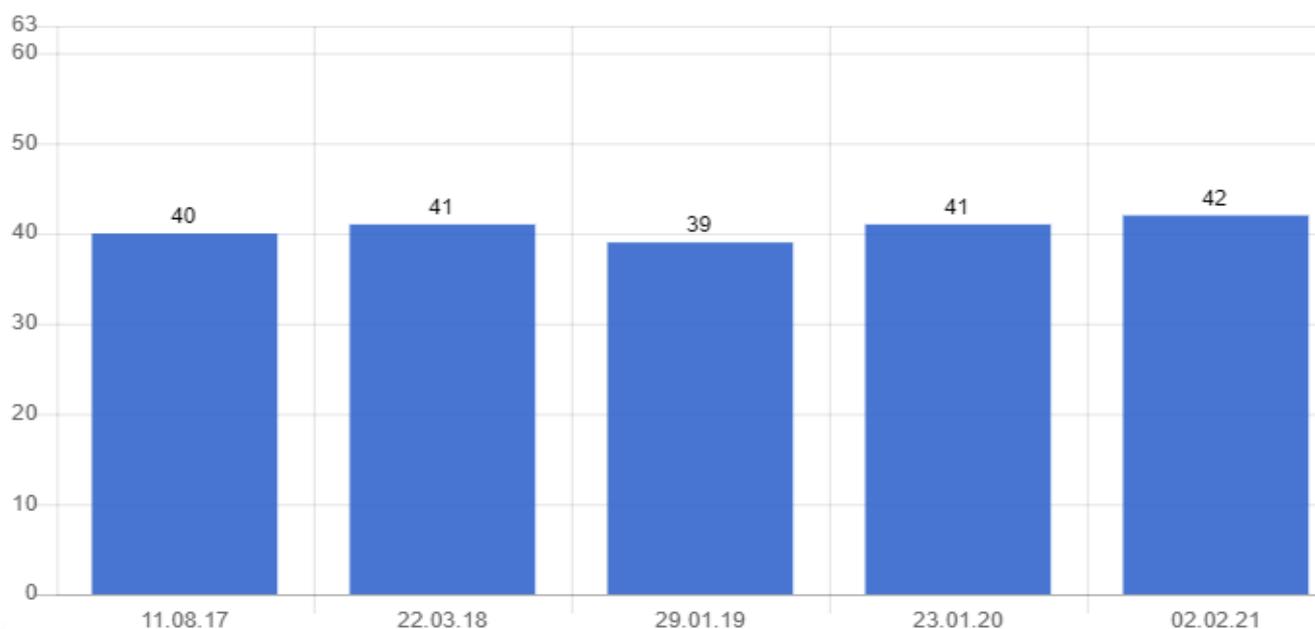

Рисунок 1.19 - Показатели противодействия коррупции в КНР.

Источник: материалы биржевый портал №1, Take-profit.org.

Каждое обращение фиксируется на специальных серверах, доступ к которым имеют представители различных ведомств, не связанных между собой ни организационно, ни экономически. Как и в швейцарской, и в скандинавской системах, в Сингапуре нет возможности скрыть выявленный коррупционный факт (Таблица 1.6; Рисунок 1.20).

Таблица 1.6 - Результаты противодействия коррупции в Сингапуре.

Год	ВВП, млрд. долл. США	ВВП на душу населения, долл. США	Чистый приток прямых инвестиций, млн. долл. США
1960	0.7	428	98
1990	38.9	127.66	5575
2014	307.9	46579	67523

Источник: составлена автором по материалам World bank conference on development economics [744].

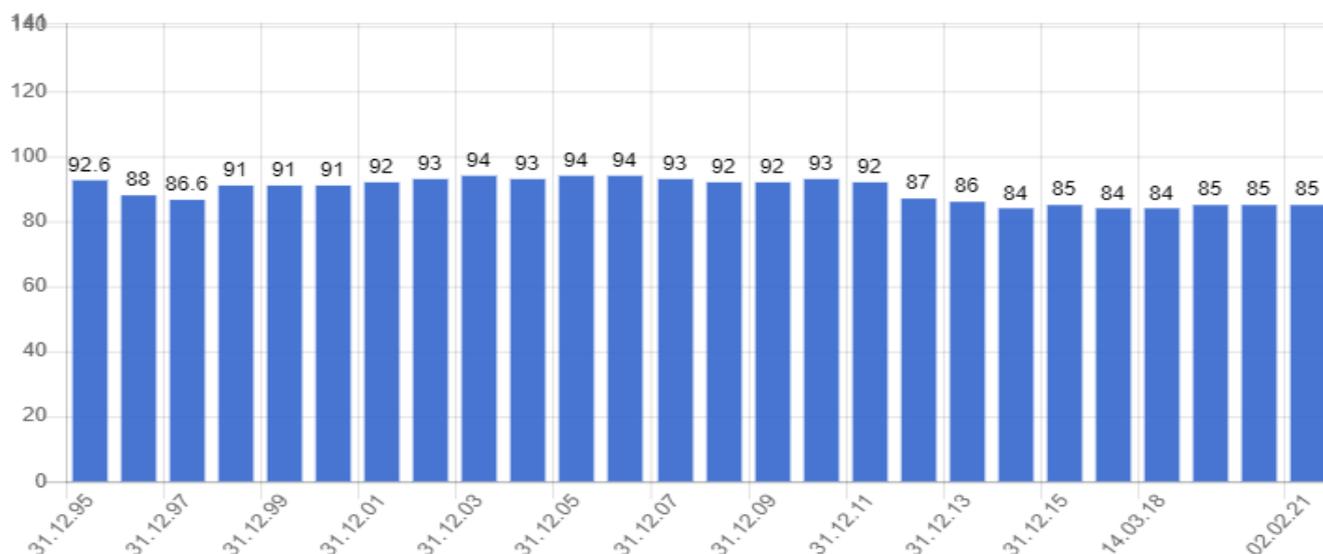

Рисунок 1.20 - Индекс коррупции в Сингапуре (по годам).

Источник: материалы биржевый портал №1, Take-profit.org. [743].

Внешне схожая система антикоррупционного контроля наблюдается у второго блока стран.

Например, США демонстрируют разветвлённую сеть правоохранительных структур, уполномоченных проводить проверки по коррупционным фактам [716, р. 27; 717, р. 1422]. Выработанная за десятилетия налоговая система позволяет американским властям узнавать не только о доходах граждан и бизнеса, но и об их расходах [467; 679]. Это означает, что случайное обогащение должностных лиц теряет свой первоначальный смысл, поскольку использовать незаконно нажитые средства в повседневной жизни затруднительно.

В отличие от российского подхода, гражданин США должен доказать правомерность происхождения собственного имущества в случае возникновения соответствующих подозрений у специализированных служб и агентств. Подобная практика универсальна для всех штатов, но региональные власти обладают правом ужесточения антикоррупционного и налогового контроля [487; 488].

В частности, в отдельных североамериканских штатах установлены контрольные суммы покупок, при достижении которых продавец или банк обязаны сообщить о финансовой операции в налоговое управление (схожее правило действует с 2016 г. в Швейцарии). Если камеральная проверка показала несоответствие имущественного статуса гражданина с его текущими или

капитальными расходами, то он обязан дать исчерпывающие разъяснения своему налоговому инспектору или агенту о природе происхождения подозрительных денежных средств [Цит. по: 382, с. 84].

При этом отсутствие доказательств законности происхождения капитала расценивается как основание привлечения подобного лица к юридической ответственности (в зависимости от суммы незаконного обогащения и от наличия статуса публичного служащего назначается либо административное, либо уголовное наказание) [509].

Спецификой антикоррупционного контроля США является его неотделимость от финансового контроля, проводимого государственными органами и организациями [696, р. 127; 749, р. 239]. В этом заключается расхождение в средствах противодействия коррупции, которые используют страны, входящие в первый блок.

Помимо этого, североамериканские власти оставляют за собой право определять субъектов антикоррупционного контроля. Тем самым независимые институты (общественные, частные) могут заниматься проверками деятельности публичных служащих и должностных лиц, а также компаний и корпораций, однако результаты такого контроля подлежат легитимизации через специальные процедуры, проводимые уполномоченными государственными структурами [706, р. 4]. Стоит отметить, что случайные обвинения кого-либо в коррупционных действиях без должных на то доказательств и без соблюдения регламентированных процедур влечёт по законам США судебное преследование в рамках дел о клевете и защите чести (деловой репутации).

Подобный подход наблюдается в Великобритании, но лишь частично реализован в Германии и Франции. Объединяющим признаком названных стран служит то, что субъекты антикоррупционного контроля подлежат признанию со стороны государственных институтов. Причём речь идёт именно о тех органах, которые специализируются на вопросах юстиции.

Произвольное вмешательство в деятельность должностных лиц, в том числе с целью выявления фактов коррупции, может расцениваться как публичное

правонарушение. В то же время общественные и гражданские организации, получившие право на занятие антикоррупционными проверками, обладают широкими полномочиями: от проверки официальной документации до доступа к персональной переписке служащих, заподозренных в совершении коррупционных действий.

Обязанность взаимодействия между криминальной и налоговой полицией закреплена в немецком законодательстве с 2011 г., что свойственно американской системе антикоррупционного контроля. Кроме того, на ведомственном уровне установлена плановая проверка каждого государственного и муниципального служащего, проработавшего на своей должности более двух лет подряд. Такое требование было выведено из научных представлений немецких исследователей о психологической детерминированности коррупции и необходимости ротации кадров, что является общеевропейской чертой института публичной (государственной) службы [611].

В то же время нахождение перечисленных государств во втором блоке с умеренной институционализацией антикоррупционного контроля связано с определёнными дефектами. В частности, в отличие от Скандинавских национальных экономик, в США и Западной Европе по-прежнему фиксируется недостаточная эффективность от мониторинга деятельности частных и публичных компаний за рубежом. Вследствие этого за последние годы в ФРГ и Франции были выявлены многочисленные случаи коррупционного поведения должностных лиц и бизнесменов в части построения внешнеэкономического сотрудничества. В условиях санкционного противостояния те сделки, которые совершаются с представителями Российской Федерации, также стали рассматриваться в коррупционной плоскости.

Так, специализированный институт Совета Европы – «Группа государств по борьбе с коррупцией» (далее – ГРЕКО) - неоднократно отмечал ряд дефектов в немецкой, английской и французской практиках [304, с. 66]. До сих пор в данных государствах не задействована количественная оценка экономических интересов не только публичных служащих, но и парламентариев. Если в ФРГ

рекомендованная методика применяется к федеральным государственным служащим, то во Франции она получила частичное воплощение лишь на низовом – муниципальном – уровне [290, с. 31].

К Великобритании со стороны ГРЕКО предъявлялись претензии о низком уровне антикоррупционного контроля в части партийно-ведомственных и партийно-парламентских взаимоотношений. Например, известен скандал об отчислениях, которые производили английские судьи в качестве пожертвований политическим партиям (схожая ситуация наблюдалась ранее и в Швейцарии [614]).

Кроме того, в ряде муниципальных образований Великобритании до сих пор отсутствуют антикоррупционные программы и стратегии, что, в свою очередь, вызвано особенностями государственного устройства страны и автономностью отдельных регионов к решениям центрального правительства.

Общая черта государств, входящих во второй блок с умеренной институционализацией антикоррупционного контроля, сводится так же к тому, что существует большое число должностных лиц, обладающих правовым иммунитетом. Помимо защиты от необоснованного уголовного и административного преследования, подобный иммунитет способен распространяться на мероприятия по противодействию коррупции. Вместе с тем за последнее десятилетие указанный дефект постепенно минимизируется за счёт расширения полномочий по антикоррупционному контролю в региональных органах власти.

Япония оказалась во втором блоке государств с умеренной институционализацией антикоррупционного контроля сразу по нескольким причинам. Прежде всего, в отличие от других стран, входящих в данную группу, японская экономика продолжает испытывать сильное влияние государства. Как и в Российской Федерации, в Японии значителен перечень экономических сфер, где требуется получение государственных лицензий, разрешений, аккредитаций для осуществления определённых видов хозяйственной деятельности. Несмотря на усиление антикоррупционного контроля в данном направлении, властям до конца

не удалось добиться ответной реакции бизнес-сообщества в мерах по противодействию коррупции и сообщению официальным органам о фактах коррупционных действий.

Длительное доминирование одной партии привело к тому, что до сих пор японский бизнес поддерживает тесные связи с депутатами, состоящими в этой политической силе. Дефекты государственной службы приводят к ситуации, когда бывшие чиновники, уходящие на пенсию гораздо раньше других трудоспособных подданных Японии, используют собственное влияние в экономике для последующего трудоустройства или занятия предпринимательской деятельности.

В отличие от США и Швейцарии, в Японии не удалось организовать контроль над расходами рядовых граждан. Подобная практика применяется лишь в отношении публичных служащих. Прорывным достижением следует признать антикоррупционный контроль за финансированием избирательных процессов, при котором суммы, превышающие 10 000 иен, подлежат специальному оформлению и отчётности перед уполномоченными органами.

Имеются в Японии проблемы с раскрытием информации, связанной с расходованием публичных финансов. Несмотря на установление в 2001 г. требования о доступности японским подданным сведений, связанных с финансированием государственно-управленческой деятельности, по-прежнему широк круг тех вопросов, по которым законодательно запрещается публиковать отчётность (снабжение Национального полицейского агентства, секретные сделки Технического проектно-конструкторского института при Министерстве обороны Японии и др.).

Перечисленные дефекты в институционализации антикоррупционного контроля в государствах, образующих второй блок, более наглядно присутствуют в странах из третьей группы. Так, в Польше функционирует Центральное антикоррупционное бюро. Подобный орган существует преимущественно в тех национальных экономиках, в которых отмечен значительный уровень коррупции. Сравнительно недавнее образование этого института (2006 г.) не позволило в

достаточной степени сформировать наработанную практику его деятельности, но существенно повлияло на коррупционную обстановку в данной восточноевропейской республике (согласно рейтингам ЕС [601]).

Контрольные полномочия Центрального антикоррупционного бюро Польши ограничены лишь публичной сферой – деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления. Руководитель данной организации подчиняется премьер-министру, но контроль за деятельностью этой структуры ведёт парламентская комиссия по работе специальных государственных служб. Тем самым сохраняется влияние высших государственных структур на полномочия антикоррупционного бюро.

В частности, такая специфика выражается в необходимости создания двух отчётов по проделанной работе: отдельно для польского Сейма (подлежит публикации) и отдельно для польского премьер-министра (носит секретный характер) [593]. Примечательно, что в 2014 г. глава антикоррупционного бюро Польши был заподозрен в незаконном устройстве своего человека в контрольное управление, в связи с чем Сейм решал вопрос о снятии с него иммунитета от уголовного преследования.

Специализированный институт антикоррупционного контроля сложился и в странах постсоветского пространства, входящих в третий блок государств. Так, в Литве функционирует Служба специальных расследований, которая призвана выявлять только коррупционные правонарушения. В отличие от Польши, литовский институт существует дольше – с 1997 г. Проведение антикоррупционного контроля является юридической обязанностью всех органов государственной власти Литвы в рамках такого мероприятия, как анализ риска коррупции. Он применяется в отношении всех публичных учреждений с целью скорректировать антикоррупционные программы и выработать рекомендации для преодоления возможных коррупционных ситуаций. Однако фактически такой анализ проводится лишь в тех сферах, где был выявлен факт коррупции, т.е. из превентивной деятельности данное мероприятие стало посткоррупционной реакцией государства.

Между тем ежегодно каждое литовское публичное учреждение обязано оценить коррупционные риски и представить соответствующий доклад в Службу специальных расследований. Именно этот орган наделён полномочиями по реализации антикоррупционного контроля. Для этого в Литве сложилась система критериев, и наличие хотя бы одного из них в деятельности подконтрольного учреждения гарантирует проведение антикоррупционных проверок.

Например, среди таких критериев, помимо прочего, значится потребность в усовершенствовании надзора за соответствующей публичной деятельностью, а подконтрольный орган (организация) наделены правом самостоятельного распоряжения бюджетными средствами. Кроме того, сигналы от отдельных государственных институтов (контролёры литовского Сейма, надзорные учреждения) являются основанием внеочередной антикоррупционной проверки со стороны Службы специальных расследований.

Рассматриваемый институт уполномочен проводить обязательные проверки личности тех граждан, которые претендуют на назначение (избрание) на высшие государственные посты в Литве. Помимо этого, ему принадлежат полномочия по внесению в специальные антикоррупционные реестры (регистры государственных служащих и юридических лиц) сведений о факте привлечения гражданина (организации) к ответственности за коррупционное нарушение.

Возможно, сосредоточение в рамках одного органа столь широких полномочий и зависимость от его административной политики других ведомств послужили причиной дефектов реализации антикоррупционного контроля в странах, образующих третий блок. Одновременно с этим, ключевым отличием этих государств является тот факт, что в странах четвёртого блока влияние подобных институтов на коррупцию незначительно или находится в своём неразвитом состоянии.

Как отмечают исследователи, создание единого специализированного органа с предоставлением ему особых полномочий по организации антикоррупционного контроля свойственно именно тем государствам, в которых противодействие коррупции общими методами не даёт желаемых эффектов [191,

с. 163; 298, с. 71; 526, с. 154]. Невзирая на то обстоятельство, что в отдельных странах подобная практика способна дать положительные результаты, в аспекте института антикоррупционного контроля образование единого центра остаётся дефектом.

Недавние коррупционные скандалы с участием глав антикоррупционных бюро в Польше и Украине подтверждают, что использование лишь институционального дизайна недостаточно для построения широкомасштабного противодействия коррупции (Рисунок 1.21).

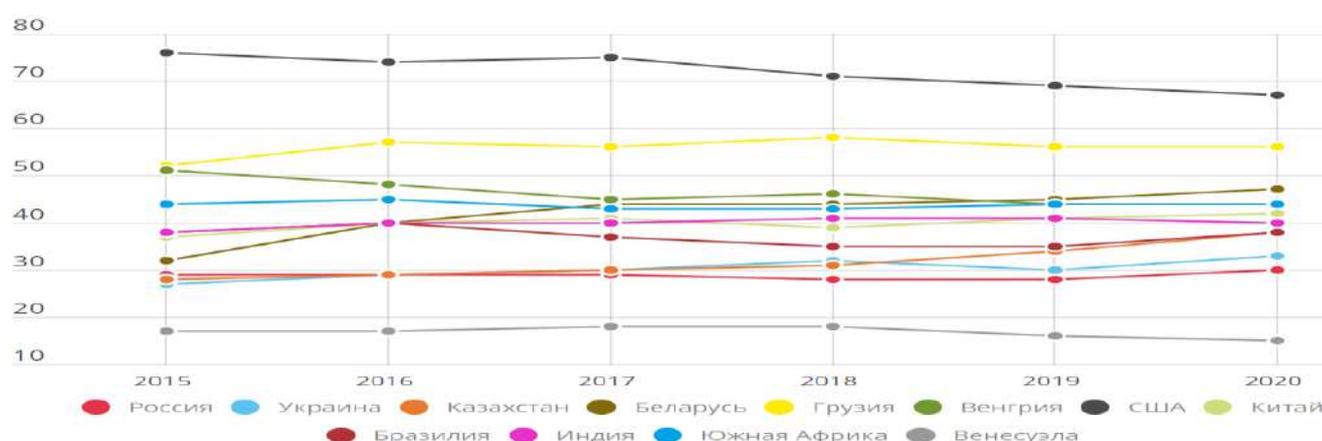

Рисунок 1.21 - Динамика места Российской Федерации в международных антикоррупционных рейтингах.

Источник: Transparency international.

Вместе с тем имеется общая объединительная тенденция для национальных экономик, построенных на одном специализированном институте антикоррупционного контроля – стремительное снижение низовой коррупции (преимущественно бытовой), так Российская Федерация обладает признаками третьего блока институционализации антикоррупционного контроля. При этом в рамках проанализированного опыта зарубежных национальных экономик по организации антикоррупционного контроля следует констатировать, что далеко не все инструменты противодействия коррупции, применяемые в зарубежной практике, классифицированные в ходе исследования, могут быть применены, как в регионах, так и в целом в системе экономической безопасности Российской Федерации.

Так, в условиях разветвлённой системы правоохранительных органов субъекты федерации практически лишены полномочий по воздействию на их деятельность.

Исходя из проведённого анализа, мы приходим к выводу, что в настоящее время российские регионы не способны создать собственную систему независимых друг от друга органов и должностных лиц, специализирующихся на антикоррупционном контроле. Поэтому заимствование швейцарского и североамериканского опыта расширения спектра антикоррупционных институтов и полномочий может производиться исключительно во взаимодействии с федеральным центром.

Таким образом, на основе проведенного анализа зарубежного опыта противодействия коррупции, в интересах сокращения теневой экономики и обеспечения экономической безопасности страны, предложены инструменты противодействия коррупции, при использовании которых открытие реестров и кадастров, наблюдаемое в странах из первого и второго блока институционализированности антикоррупционного контроля, допустимо осуществить на уровне субъектов Российской Федерации. Учитывая сложность и длительность реформирования системы противодействия коррупции в масштабах региона и государства, образование первоначального центра антикоррупционного контроля имеет определённую эффективность, которую можно достичь через предлагаемые инструменты для адаптации в российскую практику.

В рамках проанализированного опыта зарубежных национальных экономик по организации антикоррупционного контроля следует констатировать, что далеко не все достижения могут быть применены в субъектах Российской Федерации.

Во-первых, в условиях разветвлённой системы правоохранительных органов российские регионы практически лишены полномочий по воздействию на их деятельность.

Субъект федерации не способен создать собственную систему независимых друг от друга органов и должностных лиц, специализирующихся на антикоррупционном контроле (Рисунок 1.22).

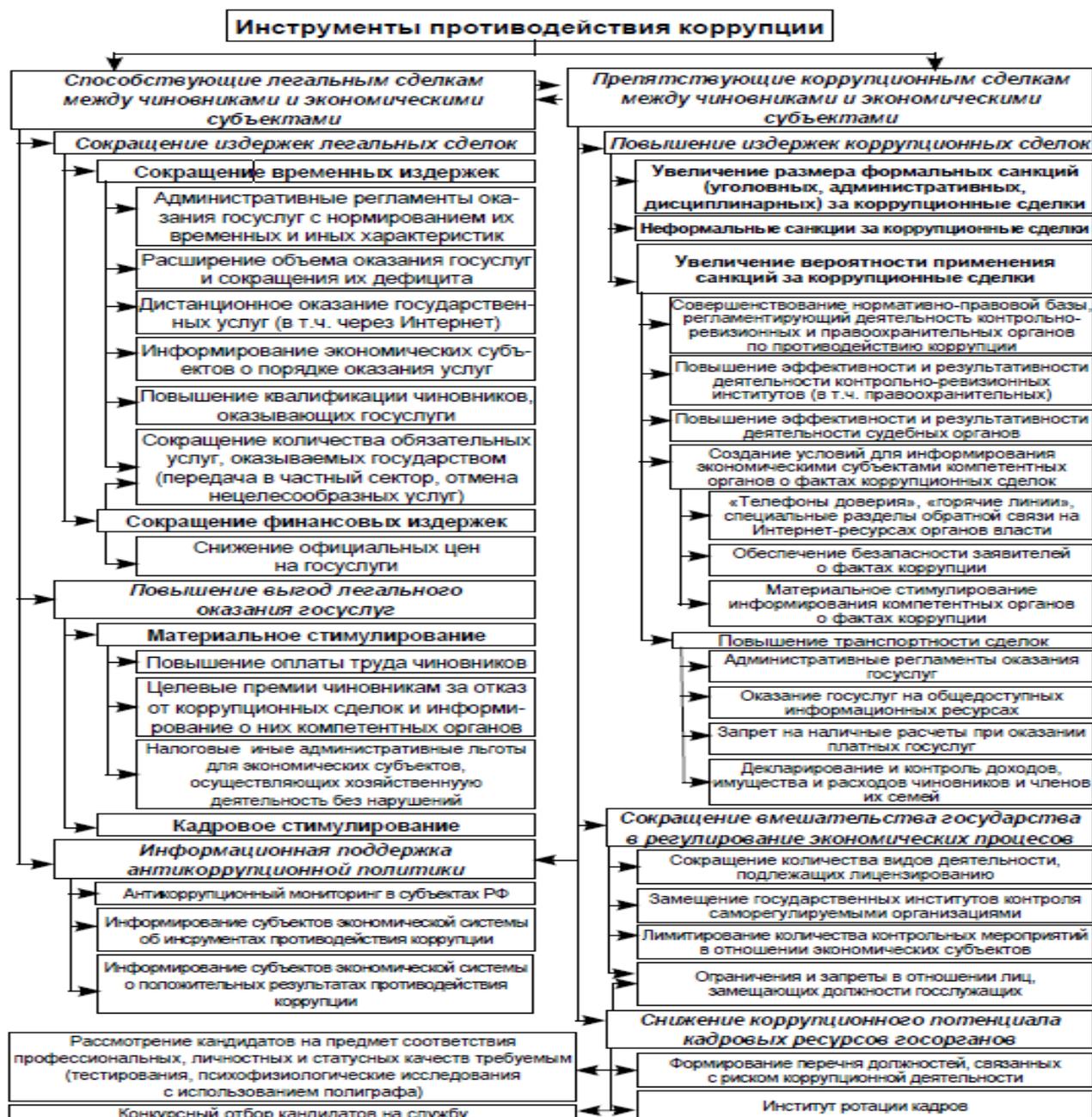

Рисунок 1.22 - Инструменты противодействия коррупции, предлагаемые автором для адаптации в российскую практику.
Источник: разработан автором.

Поэтому заимствование швейцарского и северо-американского опыта расширения спектра антикоррупционных институтов и полномочий может производиться исключительно во взаимодействии с федеральным центром.

Такие органы, как прокуратура, органы внутренних дел, следственные комитеты, органы финансового надзора образуют единую федерально-региональную вертикаль [146]. Разделение их полномочий в рамках антикоррупционного контроля требует от Российской Федерации соответствующей политической воли. Тем самым решение данного вопроса лишь на региональном уровне не может гарантировать положительного эффекта.

Во-вторых, открытие реестров и кадастров, наблюдаемое в странах из первого и второго блока институционализированности антикоррупционного контроля, допустимо осуществить на уровне субъектов Российской Федерации. Поскольку каждый российский регион ведёт собственный регистр должностных лиц и публичных служащих, сегодня наблюдаются тенденции внедрения в управленческую практику специальных «черных списков» лиц, уличённых в коррупционных нарушениях. Так, подобным гражданам запрещено поступать на государственную и муниципальную службу. Вместе с тем отсутствует реестр компаний и предпринимателей, связанных с выявленными коррупционными действиями, равно как и нет обязанности у органов регионального управления учитывать подобные сведения при построении отношений с бизнес-структурами.

Раскрытие реестров недвижимости и юридических лиц частично реализуется в субъектах Российской Федерации с 2004 г. В то же время следует отметить незаполненность кадастров достаточными сведениями о правообладателях и об объектах недвижимости. По российскому законодательству отсутствует обязанность граждан и организаций по прохождению государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом (за исключением жилых помещений и отдельных категорий земельных участков). Вследствие этого сложилась ситуация, при которой сведения о целых имущественных комплексах не значатся в официальных реестрах и кадастрах.

Кроме того, с 2016 г. в Российской Федерации действует прямо противоположное решение о засекречивании сведений в едином реестре недвижимости, если объект принадлежит высокопоставленным должностным лицам и членам их семей. Если ранее при помощи анализа кадастров и реестров

независимым организациям и гражданам удавалось устанавливать факты незаконного или подозрительного приобретения государственными служащими дорогостоящего имущества, то сегодня указанная возможность значительно затруднена. Такая практика в корне противоречит тенденциям развития антикоррупционного контроля в странах первого и второго блока.

В-третьих, требует большей прозрачности система аккредитации независимых организаций, специализирующихся на общественном антикоррупционном контроле. Существующие в субъектах Российской Федерации условия получения негосударственными структурами полномочий по противодействию коррупции носят теневой характер. В силу этого при отдельных региональных органах исполнительной власти длительное время функционируют собственные антикоррупционные институты. Ротация их кадрового состава не является обязательной для курирующих ведомств. Вследствие такого подхода объекты и субъекты антикоррупционного контроля во многих российских регионах совпадают.

Вместе с тем требует своего скорейшего внедрения в российскую региональную практику информатизация процессов по сбору и обработке сведений, составляющих предмет антикоррупционного контроля. Исключение из сложной цепи верификации данных человеческого фактора (по опыту государств первых трёх блоков) с одновременным распределённым доступом к подобной информационной базе различных органов и ведомств позволит установить своеобразную конкуренцию в области противодействия региональной коррупции.

Выводы по I главе

1. Установлено, что антикоррупционный контроль является собирательным понятием. В силу этого он может приобретать различные формы, которые зависят от конкретных случаев, объединяемых по объектным и субъектным параметрам. Примечательно, что в таком виде контроль может иметь как превентивный характер, так посткоррупционные черты. Последнее актуально при длительном

злоупотреблении кем-либо публичными полномочиями, образовании системы коррупционных сделок либо в рамках сложившихся экономических традиций в регионах, что дало основание выделить основные подходы в исследовании коррупции, уточнить понятие «экономическая коррупция».

2. Влияние региональной коррупции на экономические потери методологически обосновано сложившейся классификацией коррупционных форм, исходя из этого сформулирована общая концепция антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Выделение отдельных типов коррупции сопровождается исследованием специфики экономических секторов, как правило, в них образуются собственные коррупционные проявления. В свою очередь, такой подход требует изучения институциональных условий, способствующих или препятствующих воплощению экономических интересов, позволяющих сохранять коррупцию в определённом объёме. Тем самым меры антикоррупционного контроля должны учитывать данные особенности, что дало основание сформулировать понятие «антикоррупционного контроля» и «превенция коррупционных проявлений».

3. Восприятие антикоррупционного контроля строится на выделении эффективности его реализации. Так, значение приобретает не признание результатов проверки определёнными публичными акторами, а возможность институтов гражданского общества воздействовать на данный процесс. Выявлены две категории факторов сопровождающие антикоррупционный контроль:

- условия, повышающие эффективность реализуемых мер (статичная институциональная основа, исключение личных интересов, широта полномочий контролирующих инстанций, прозрачный механизм проведения проверок, публичная отчётность и информационная открытость и т.п.);
- условия, снижающие эффективность контроля (безинициативность органов государственного и местного управления, скрытые институционализированные коррупционные формы, затратность процедур, непризнание выявленных негативных результатов, дефицит кадров и др.), что

позволило разработать алгоритм действий субъектов антикоррупционного контроля при выявлении коррупционных действий. Именно независимый характер антикоррупционного контроля предопределяет способность регионов к ограждению экономической безопасности как от коррупционного оборота, так и от противодействия ему.

4. В результате приведённая дихотомия факторов была скорректирована с учётом того, что антикоррупционный контроль строится на базе аксиологических представлений, которые раскрывают превентивные меры через призму экономических интересов. Проблема низкой эффективности антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации заключается в отсутствии конкретизированных экономических интересов. Это проявляется в дублировании институтов противодействия коррупции, наделении их смежными полномочиями (нередко конкурирующими друг с другом), в повторении региональным законодательством тех же норм, которые сложились на федеральном уровне в части антикоррупционной деятельности. Также существенным препятствием служит искусственное ограничение форм антикоррупционного (государственного, гражданского, общественного) контроля. Зачастую субъекты федерации создают собственные неправительственные институты, специализирующиеся на борьбе с коррупцией. В то же время эффективность деятельности таких институциональных структур с каждым годом стремительно снижается из-за их формального отношения к коррупционным случаям. Кроме того, результаты антикоррупционного контроля т.н. «независимых» акторов либо игнорируются, либо нивелируются.

5. Институциональная среда регионального антикоррупционного контроля в Российской Федерации представлена тремя категориями:

- недостатки в планировании, вызванные излишне гибким механизмом формирования территориальных антикоррупционных стратегий и совпадением объекта и субъекта контроля;
- недостатки воплощения на фоне неконкретизированных условий, направленных на обеспечение независимости, прозрачности и публичности;

- ситуативная (оппортунистичная) система определения эффективности мер, реализующих антикоррупционный контроль, вследствие фрагментарности оценки результатов и отсутствия комплексных экспертных методик.

6. В отличие от других национальных экономических систем субъекты Российской Федерации акцентируют антикоррупционный контроль преимущественно на публичные структуры, включая компании, работающие в сфере государственных и муниципальных финансов. Однако предупреждение коррупции строится на более широком восприятии коррупционного оборота, в котором задействованы представители всех форм собственности и с разным объёмом экономической активности. Если регион считает деловую коррупцию объектом своей антикоррупционной политики, он обязан выработать действенный механизм контроля в отношении всех рыночных акторов. Отмеченные особенности показывают, что формирование антикоррупционного контроля нельзя приравнивать к механизму формирования антикоррупционного мониторинга в связи с несовпадением терминологического смысла данных понятий. Между ними имеется ряд общих элементов, как: способы, приёмы, технологии, субъектный и объектный состав, ресурсная база, порядок оформления, наличие специальных полномочий и т.п. Результатом этих процессов, должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Таким образом, определены основополагающие направления и предложена модель развития антикоррупционного контроля в экономической сфере российского общества в целях повышения эффективности противодействия коррупции в сфере экономической безопасности.

7. Дефекты формирования и реализации антикоррупционного контроля наблюдаются не только в российской региональной практике, но и в других государствах, чей позитивный опыт рекомендуется заимствовать в отечественную экономику, зарубежные страны могут быть поделены на четыре блока: государства с высоким уровнем институционализации антикоррупционного контроля; государства с умеренной институционализацией антикоррупционного

контроля; государства со средними темпами институционализированности антикоррупционного контроля; государства с недостаточным уровнем институционализации антикоррупционного контроля. Российская Федерация обладает признаками третьего блока институционализации антикоррупционного контроля. При этом в рамках проанализированного опыта зарубежных национальных экономик по организации антикоррупционного контроля следует констатировать, что далеко не все инструменты противодействия коррупции, применяемые в зарубежной практике, классифицированные в ходе исследования, могут быть применены, как в регионах, так и в целом в системе экономической безопасности Российской Федерации. Таким образом, на основе проведенного анализа зарубежного опыта противодействия коррупции, предложены инструменты противодействия коррупции, при использовании которых открытие реестров и кадастров, наблюдаемое в странах из первого и второго блока институционализированности антикоррупционного контроля, допустимо осуществить на уровне субъектов Российской Федерации.

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Критерии классификации и организационно-управленческие основы реализации антикоррупционного контроля

Выделение сгруппированных типов антикоррупционного контроля имеет два назначения.

В первую очередь, исследование видовых особенностей в теоретическом направлении позволяет выявить критерии, предопределяющие специфическое содержание мер превентивного воздействия на коррупцию.

В практическом выражении отнесение того или иного контроля к определённому типу способствует прогнозируемой эффективности реализации мер, воплощающих его в разных условиях. Одновременно с этим каждая классификационная группа предполагает формирование целостной модели антикоррупционного контроля применительно к сектору экономики или к территории, включая регионы.

Типологический подход является одним из старейших философских методологических инструментов детализации признаков, которые выделяются у изучаемого явления, действия или процесса [65, с. 97; 119, с. 68; 296, с. 120]. Он получил распространение в общих и специальных экономических научных исследованиях [267, с. 110; 275, с. 57; 362, с. 103].

В силу такого методологического подхода сущность антикоррупционного контроля сводится к его наиболее широкому значению. В данном процессе сочетаются самые разные отношения, подчинённые общему порядку, т.е. обладают институциональными рамками [155, с. 138; 222, с. 575; 493, с. 178].

С помощью типологического метода в сочетании с системным подходом можно определить место антикоррупционного контроля в общей структуре превентивных мер противодействия коррупции. Также подобный приём показывает, какие результаты достигаются при осуществлении действий контролирующими субъектами [195, с. 38; 312, с. 49; 333, с. 51]. Поэтому критерии разграничения или объединения видов антикоррупционного контроля могут быть и сугубо теоретическими [73, с. 24; 154, с. 141; 215, с. 33], и прикладными [289, с. 4; 477, с. 91; 479, с. 28].

Тем самым разнообразие классификаций антикоррупционного контроля, сложившееся в науке, прослеживается на примере следующих оснований:

- по предмету контроль сужается до определённых сфер и видов отношений [103; 188], до конкретных объектов и форм экономической активности [77; 161];
- по субъектам контроль ограничивается как в плоскости имеющих полномочий (в рационалистическом значении) [112, с. 52; 232, с. 66], так и по выявленным коррупционным интересам [185, с. 142; 251, с. 40];
- территориальный и временной диапазоны позволяют типологизировать антикоррупционный контроль по государствам, регионам и муниципалитетам, а также разграничить предварительный, текущий и последующий этапы его осуществления [201, с. 153; 361, с. 44];
- по методам реализации принято выделять приёмы и способы выявления коррупционных фактов, которые впоследствии образуют определённые механизмы предупреждения коррупции [167, с. 18; 217, с. 201].

Перечисленные критерии вошли в традиционный набор оснований, по которым проводится классификация антикоррупционного контроля. Однако и в экономической, и управленческой, и в юридической научной литературе всё чаще прослеживается акцент на нетипичные параметры выделения тех или иных типологизированных форм предупреждения коррупции.

Так, критерием выступает возможность подчинения интересов (воли) лиц, чья деятельность является объектом антикоррупционного контроля, субъектам, реализующим полномочия по предупреждению коррупции [115, с. 587; 234, с. 91;

405, с. 13]. Схожая типологизация проводится в зависимости от объёмов осуществляемых мероприятий, от их достаточности или чрезмерности [204, с. 18; 469, с. 527]. Сетевое измерение является наиболее популярным научным трендом при разделении антикоррупционного контроля на соответствующие инновационные виды [85, с. 87; 169, с. 45; 367, с. 589].

Примечательно, по нашему мнению, наличие в сложившихся критериях разграничения типов антикоррупционного контроля определённых противоречивых обоснований, выявляемых в связи с новыми эмпирическими данными. В силу этого происходит архаизация и нивелирование определённой классификации, которая сохраняется в прикладной части и вынуждает официальные власти неэффективно задействовать их в своей управленческой практике.

Например, традиционным считается разделение антикоррупционного контроля в зависимости от его предмета. В силу этого критерия исследователи разграничивают превентивные меры по публичным и частным сферам [113, с. 180; 242, с. 5; 291, с. 73]. Такой подход выделяет следующие виды контроля:

- по отношению к публичной службе, а равно к любой деятельности, связанной с занятием государственных должностей [550, с. 128; 573, с. 106];
- по отношению к деятельности, осуществляемой организациями, основанными на публичной собственности (государственные и муниципальные предприятия, учреждения, государственные корпорации), а равно находящимися на особом учёте у государственных институтов (естественные монополии, общественные объединения, аккредитованные в определённой сфере – спорта, туризма, экологии и т.п.) [277, с. 153; 389, с. 13];
- по отношению к любым видам деятельности, которыми занимаются частные экономические акторы [200, с. 110; 322, с. 46; 434, с. 315].

Взамен приведённой классификации другими авторами рассматривается критерий распространения антикоррупционного контроля на определённые сферы и секторы экономики [187, с. 35; 248, с. 10; 508, с. 299]. Данный подход базируется на привязке коррупционной формы к конкретному типу

экономических отношений [118, с. 72]. В силу этого учёные поднимают проблему недостаточности или нерациональности в использовании ресурсов, необходимых для выявления и предупреждения коррупции [355, с. 105] (Рисунок 2.1).

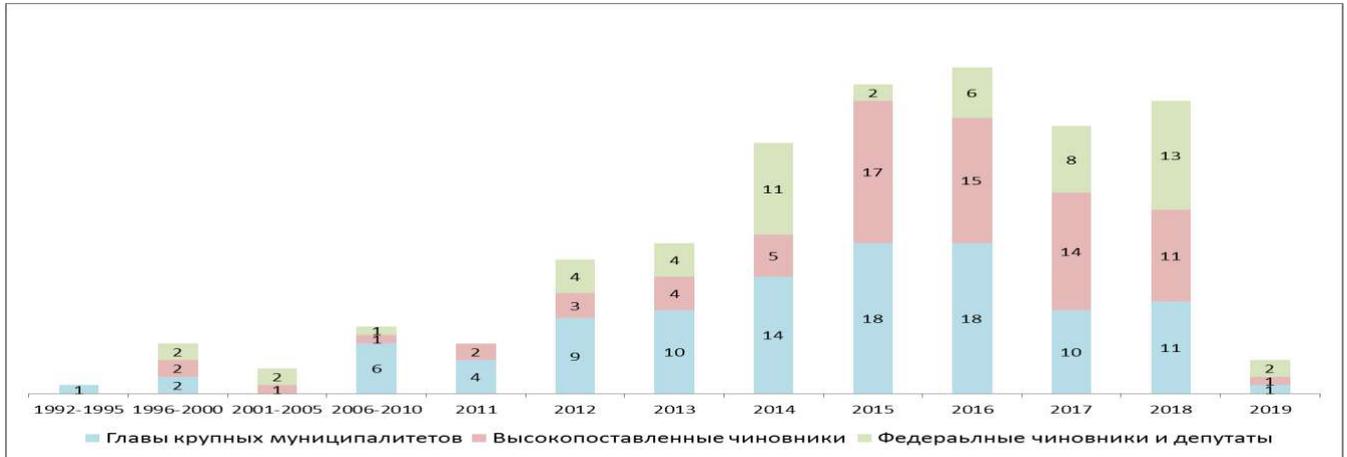

Рисунок 2.1 - Статистика уголовных дел в отношении высокопоставленных чиновников.

Источник: составлен автором по официальным данным МВД [637].

Указанный недостаток относится к категории организационных или управленческих патологий. Наиболее распространённым из них является дублирование и размывание полномочий среди институтов антикоррупционного контроля. В самом простом выражении данная проблема характеризуется ситуацией, когда над каждым вновь создаваемым контрольным звеном образуется в вертикальном порядке схожая контролирующая инстанция [107, с. 11; 344, с. 149]. В конечном итоге вместо выявления и пресечения коррупционных фактов процесс верификации сведений бюрократизируется и превращается в самоцель.

Если наделять спецификой антикоррупционный контроль по отношению к публичным сферам, то образуется его чрезмерная административная зависимость. При этом и публичные, и частные акторы участвуют в институциональном дизайне деятельности по превентивному воздействию на коррупцию: разрабатывают правила, учреждают организационные формы, перераспределяют ресурсы на их сопровождение и т.д.

Если разделять антикоррупционный контроль по предмету внутри публичных сфер, то каждый его вид будет иметь схожие черты. В частности, для

него будет существовать универсальная методика, в его реализации будут участвовать определённые лица с одинаковым набором полномочий, а результаты такого контроля должны влечь равные последствия.

В сущности, не отличаются степенью реагирования коррупционные факты, выявленные в сфере налогообложения или сельского хозяйства. Институты предупреждения коррупции должны действовать по отношению к ним равным образом.

Вместе с тем внутри одной сферы общественных отношений обнаружение коррупции может повлечь разницу в мерах ответственности. Так, в отношении одних акторов это будут санкции правового характера, а в отношении других – меры экономической ответственности.

Если говорить о коррупции, возникающей в предпринимательских отношениях без участия государства или муниципалитета, то средства её выявления и предупреждения могут обладать спецификой. Использование в коммерческой деятельности отдельных инструментов экономической активности считается законным, в то время как на уровне публичного управления (в государственной или муниципальной службе) схожее поведение рассматривается как коррупция.

В сложившейся парадигме определяющим критерием является вовсе не сам коррупционный факт, а интересы, против которых он выступает. Если затрагиваются общественные или государственные интересы, то антикоррупционный контроль должен осуществляться в обязательном порядке. Напротив, интересы частных корпоративных структур редко подлежат проверке на предмет коррупции, за исключением случаев возникновения деловой коррупции, т.е. предполагающей прямое или косвенное участие представителей власти.

Сказанное подтверждается на примере Российской Федерации, в которой возникновение коррупционных случаев исключительно между корпоративными структурами, основанными на частной собственности, не подлежит оценке в

рамках уголовного преследования, а заменяется на арбитражный процесс. Последний, как правило, имеет частный характер.

Отмеченная особенность проявляет себя в статистических данных. Например, прослеживается диспропорция между выявленными случаями взяточничества (т.е. публичная сфера) и действиями, образующими т.н. «коммерческий подкуп» (т.е. частные сферы). В 2018 г. в судебной статистике был зафиксирован 181 случай коммерческого подкупа, в то время как по делам о взятках были привлечены к одной лишь уголовной ответственности 1068 человек [667]. Это предопределяет институциональную сторону ответственности за коррупционные нарушения. В частности, в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации [1] выделяется 10 статей, описывающих разные типы коррупционного поведения с их вариативными формами. Коррупции в частном секторе посвящён лишь такой состав преступления, как коммерческий подкуп (Рисунок 2.2).

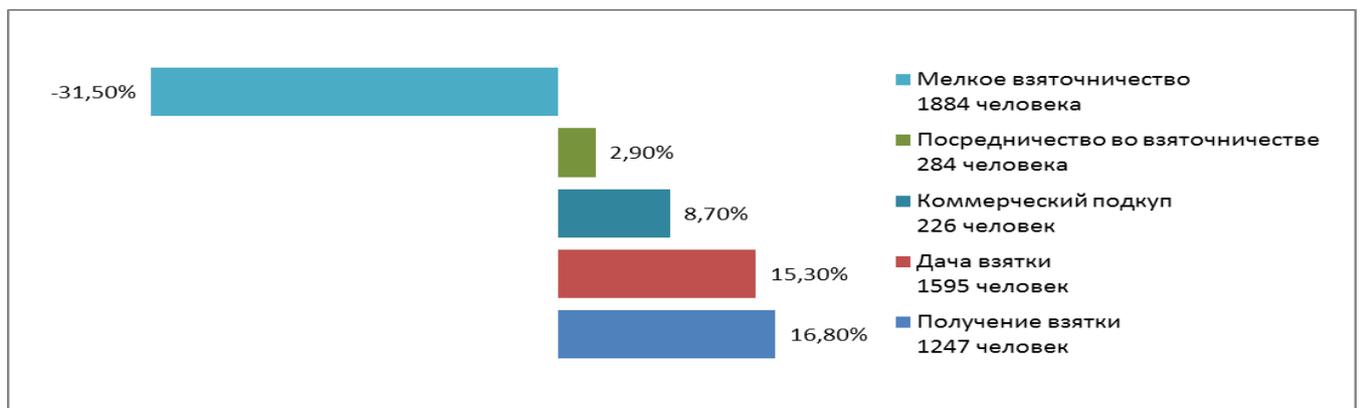

Рисунок 2.2 - Изменение числа осужденных за коррупцию в 2019 году по сравнению с 2018 годом.

Источник: составлен автором по материалам судебного департамента РБК.

Специалисты полагают, что указанная неравномерность в статистических показателях не отражает реальной картины распространения коррупции в частных сферах (прежде всего, в бизнес-среде) [244, с. 91; 269, с. 98; 494, с. 151]. Однако государственный и общественный интерес привлекают именно коррупционные случаи, связанные с осуществлением государственного и муниципального управления. Тем самым искусственное сужение предмета антикоррупционного

контроля оправдывается провозглашением такого экономико-правового принципа, как невмешательство государства в частные дела.

Поэтому в большинстве программ противодействия коррупции, действующих в субъектах Российской Федерации, частный сектор не выделяется в предмете антикоррупционного мониторинга. В силу этого можно констатировать, что в российских регионах практически не применяется механизм превентивного воздействия на коррупцию в бизнес-среде. Вместо контроля используются посткоррупционные инструменты, как правило, посредством правоохранительных органов (Рисунок 2.3).

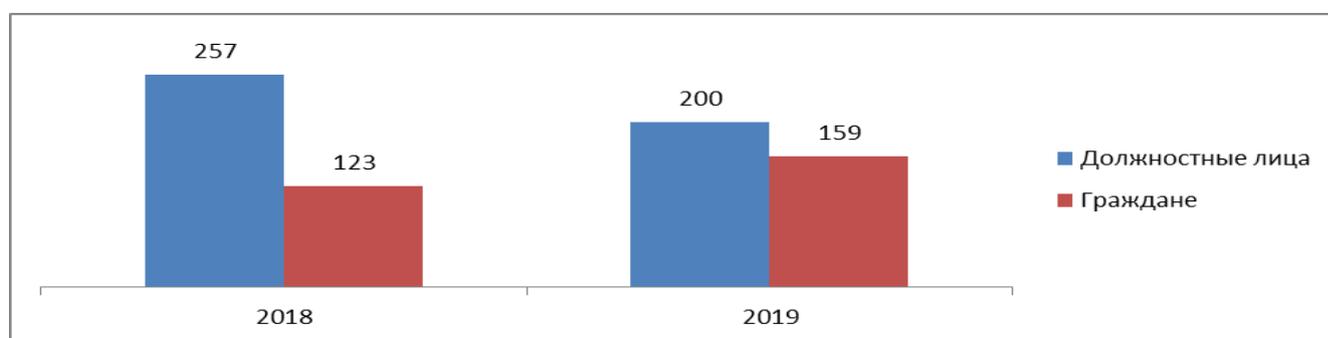

Рисунок 2.3 - Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в РТ, чел.

Источник: составлен автором по материалам антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2019 г. [605].

Такой приоритет в антикоррупционной политике нивелирует роль институтов предупреждения коррупции в частных экономических отношениях.

Необходимо признать, что типологизация антикоррупционного контроля по критерию выделения его предмета к настоящему времени утратило свою методологическую значимость. Если выделяются определённые виды в исследуемом процессе, то они должны демонстрировать специфику. Разделение антикоррупционного контроля на сферы, в которых складываются либо публичные, либо частные интересы, не соответствует данному научному требованию.

Обращение к другим классификациям антикоррупционного контроля, имеющим характерный классический облик, показывает их состоятельность в современности. В частности, методы, позволяющие реализовать превентивное

воздействие на коррупцию, определяют разграничение контрольной деятельности на виды и уровни.

Учёные типологизируют методы антикоррупционного контроля в данной плоскости по их соотношению друг с другом. Так, выделяются общие (стандартные) приёмы и способы контроля [239, с. 50; 361, с. 44; 491, с. 20] и специальные, обладающие отличительными чертами [219, с. 256; 246, с. 61; 457, с. 69].

Первая группа содержит ключевые средства оценки поведения подконтрольного объекта на предмет коррупции [129, с. 55; 135, с. 96; 466, с. 8]:

- аналитическое сравнение экономического или иного состояния (административного, муниципального, общественного и др.) на этапе, предшествующем вмешательству (до осуществления контроля), и в последующем виде, что определяет эффективность внедряемых инструментов проверки;
- документационные исследования как отчётной, так и иной информации, характеризующей вектор интересов подконтрольных лиц;
- опросы определённых категорий граждан, составление анкет, проведение интервью с целью объективизации данных о подконтрольной деятельности;
- посредственное и непосредственное наблюдение за коррупционной активностью.

Перечисленные методы антикоррупционного контроля в разной степени представлены в действующих программах по противодействию коррупции, принятых в субъектах Российской Федерации.

Так, в Республике Татарстан подобные мероприятия [46] объединены в следующие направления:

- контроль в отношении экономической активности должностных лиц и определённых членов их семей (супругов, несовершеннолетних детей) в части доходов, расходов и имущества. Проверка призвана установить полноту и достоверность, а её результаты направлены на поддержание открытости государственного и муниципального управления, поскольку публикуются на общедоступных официальных сайтах;

- периодическая аналитическая работа с обеспечением антикоррупционных запретов, ограничений и служебных требований, адресованных должностным лицам;
- выявление коррупционного конфликта интересов среди государственных и муниципальных служащих;
- общие и специальные социологические опросы граждан на предмет их отношения к коррупции и к реализуемым со стороны государства мерам противодействия;
- исследование обращений населения в специальные органы, занимающиеся контролем и надзором, в том числе в части коррупции;
- контроль сведений о закупках для государственных (муниципальных) нужд и нарушений, сопровождающих процесс заключения и исполнения соответствующих контрактов;
- непосредственное общение с представителями бизнеса (малого и среднего) в части незаконного воздействия на их отношения со стороны представителей власти.

Указанные стандартные методы антикоррупционного контроля, в общем виде, диктуются федеральным центром и выступают обязательным минимумом для региональной управленческой деятельности (Рисунок 2.4).

Рисунок 2.4 - Топ-10 самых коррупционных регионов России.
Источник: данные портала «Госслужба» на 20 февраля 2020 г. [602].

При этом они не являются барьером для использования субъектами Российской Федерации других средств и приёмов, направленных на предупреждение коррупции.

Подобный подход отчасти прослеживается на примере Татарстана, в чьих программных мерах присутствуют дополнительные действия:

- анализ коррупционных рисков в тех видах деятельности, которые наиболее часто демонстрируют коррупционные факты (затрагивают лишь государственные и муниципальные должности);
- оценка влияния общественных организаций и доступность им контрольных полномочий;
- аналитика жалоб граждан в рамках республиканской системы «Народный контроль» с одновременным сопровождением т.н. «телефонов доверия»;
- содействие специальному общественному контролю посредством поддержки системы общественных организаций, занимающихся противодействием коррупции.

Рассмотренные типологизированные методы содержатся и в других региональных программах. В частности, в Республике Марий Эл меньше внимания уделено вычислению и прогнозированию коррупционных рисков в пользу ведомственного подхода к предупреждению коррупции и работы с региональными средствами массовой информации, а также с некоторыми представителями гражданского общества [617].

Вместе с тем превентивная деятельность по отношению к коррупционным рискам, которую проводят отдельные субъекты Российской Федерации, в институциональном выражении имеет лишь рамочные черты. Это означает, что необходимость их реализации зафиксирована в региональных государственных программах, но условия воплощения таких мер не детализированы. Как правило, рассматриваемый метод ограничивается определением тех должностей и сфер, в которых коррупционные проявления наиболее часто возникают в управленческой практике. Однако регионы не раскрывают механизм, с помощью которого можно установить подобные риски.

Например, в Республике Татарстан данный вопрос остаётся на усмотрение органов исполнительной власти и местного самоуправления. Тем самым открывается широкий диапазон бюрократического «творчества», нередко проявляющийся в избирательности, не системности и нелинейности антикоррупционного контроля, который либо применяется в чрезмерном виде, либо имеет признаки административной фикции [см., например, 54; 58].

Схожий вариант специальной оценки коррупционных рисков сложился в Республике Марий Эл. Некоторые звенья государственного и муниципального управления наделены полномочиями по определению перечней должностей, к которым институты антикоррупционного контроля обязаны проявлять повышенный интерес [см., например, 57; 60]. При этом остаётся открытым вопрос, какими критериями необходимо руководствоваться в данном процессе.

Проанализированная классификация антикоррупционного контроля по критерию выделения методов его осуществления, на наш взгляд, требует доработки. Так, выделение категорий «наблюдение» или «опрос» в качестве видов контроля представляется бесперспективным, поскольку они являются формами его проведения. По существу, данная типология относится к разграничению способов, позволяющих получить первичные информационные показатели. При этом методы сбора сведений нельзя рассматривать в качестве равнозначных понятий методам реализации антикоррупционного контроля.

Архаичный характер имеет типологизация антикоррупционного контроля по методам, применяемым на общей и специальной основе. Поскольку практически все субъекты Российской Федерации осуществляют предупреждение коррупции схожим набором инструментов, следует говорить не об их содержании, а об особенностях использования тех или иных средств выявления коррупционных фактов. Это позволяет оценивать управленческую практику российских регионов с позиций неoinституционализма, когда формальные и неформальные правила показывают, как статику, так и динамику интересов административной и экономической элиты в противодействии коррупции превентивными методами (Рисунок 2.5).

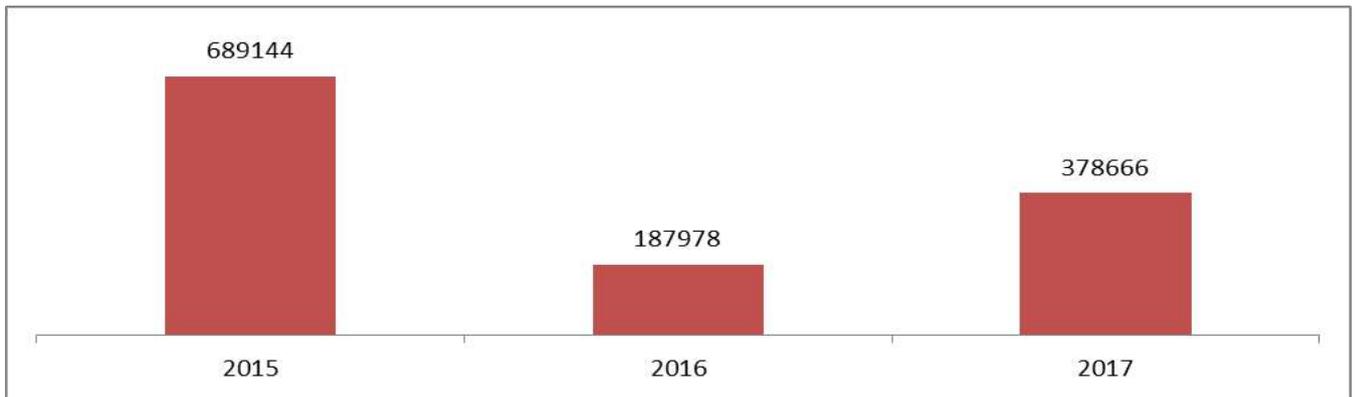

Рисунок 2.5 – Статистические данные по Саратовской области.

Источник: составлен автором по данным аппарата полномочного представителя президента РФ в Приволжском федеральном округе [651].

Поэтому предлагается классифицировать антикоррупционный контроль не по методам, а по программным установкам, действующим в российских регионах. Тем самым можно выделить контроль, проводимый в соответствии с запланированными мероприятиями, и ситуативный контроль, используемый по усмотрению институтов предупреждения коррупции.

Разделение антикоррупционного контроля в зависимости от территории его распространения имеет длительную эволюцию. Её корни уходят в административно-политические классификации мер, предпринимаемых государствами для предупреждения коррупции. Такая градация известна во всех науках: контроль разграничивается на международный, национальный, региональный и муниципальный (в некоторых случаях исследователи выделяют локальный уровень) [199, с. 370; 435, с. 28; 470, с. 92].

Не менее распространена территориальная классификация антикоррупционного контроля, исходя из социально-экономических условий, сложившихся в пределах определённых границ [105, с. 139; 240, с. 727; 387, с. 68].

В соответствии с ней выделяют:

- регионы, в которых проводят эксперименты по внедрению инновационных технологий предупреждения и выявления коррупции;
- регионы, в которых фиксируют умеренные (средние) показатели применения антикоррупционных мер;

- регионы, демонстрирующие низкие показатели эффективности превентивного воздействия на коррупцию.

В представленной классификации территориальный критерий заменён на показатели результативности внедрения тех или иных мер антикоррупционного контроля (Рисунок 2.6).

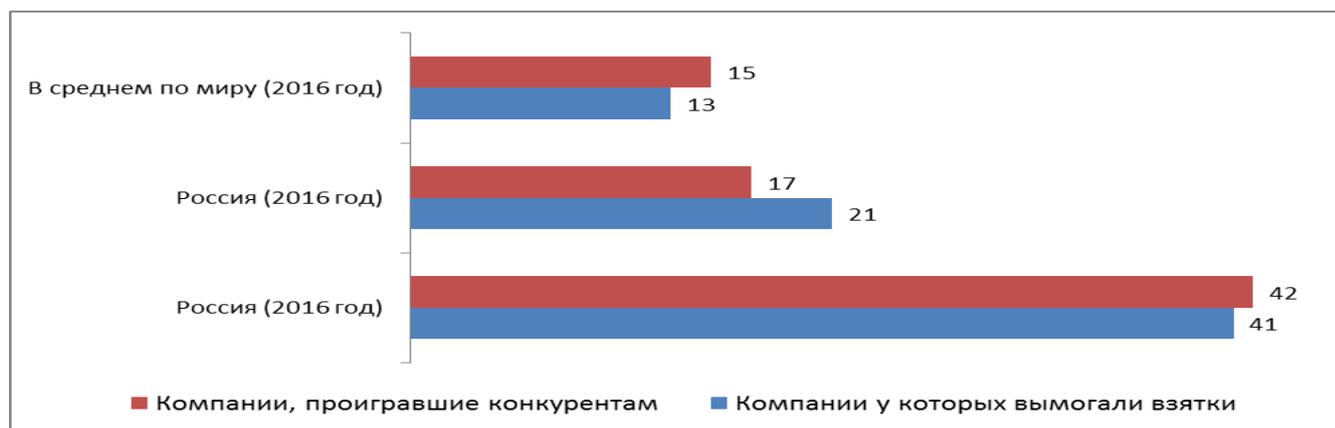

Рисунок 2.6 - Компании, у которых вымогали взятки, а также проигравшие конкурентам, заплатившим взятку, в %.

Источник: составлен автором по данным PWC, GLOBAL ECONOMIC CRIME SURVEY 2016.

При этом объективная специфика регионов (климатические, ландшафтные, экономические, логистические и иные факторы) отходит на второй план, но не отвергается в полной мере.

Схожий подход прослеживается при выделении институционального критерия классификации антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации. Он привязывается к организационно-территориальным особенностям. Однако исследование правительственных и неправительственных организаций, участвующих в предупреждении коррупции, нельзя рассматривать как естественную специфику региона или муниципалитета. Зачастую все они формируются под влиянием федеральных требований и образуют единую систему, что можно отнести к недостаткам антикоррупционной политики, проводимой в России.

Одним из классических подходов, разграничивающих виды антикоррупционного контроля, является выделение субъектов, которые занимаются его реализацией. Это органы и организации, наделённые общими или

специальными полномочиями в территориальных рамках. Преобладание последнего критерия показывает, что локализация контрольных мероприятий сужает или расширяет возможности институтов предупреждения коррупции.

В частности, федеральный институциональный дизайн антикоррупционного контроля всецело ориентирован на субъекты федерации. Российские регионы обязаны следовать подобным требованиям, исходящим от федерального центра и принятым, как правило, в вертикальном порядке. Однако такой подход вовсе не лишает, а иногда поощряет создание и поддержку региональных институтов, носящих дополнительный характер при противодействии коррупции превентивными способами.

Так, общественный антикоррупционный контроль практически не институционализирован на федеральном уровне. Практика всех субъектов Российской Федерации демонстрирует целенаправленную деятельность властей по использованию данного вида деятельности для обеспечения собственных стратегий противодействия коррупции.

В частности, одни регионы стремятся значительным образом расширить категорию субъектов, не аффилированных с властью и занимающихся предупреждением коррупции (Республика Татарстан, Саратовская область, Свердловская область, Республика Саха и др.). Вместе с тем преобладающим трендом выступают искусственные ограничения общественных акторов, претендующих на реализацию антикоррупционного контроля.

Примером такого подхода служит Нижегородская область. Общественный антикоррупционный контроль могут осуществлять лишь определённые группы лиц, к числу которых отнесены общественные палаты и советы, функционирующие при органах и организациях, включая муниципальный уровень, общественные инспекции, а также группы общественного контроля [14]. При этом указанные категории обладают узким объёмом полномочий и могут проверять далеко не все сферы экономики и государственного управления, что вынуждает их согласовывать свои действия с централизованными институтами противодействия коррупции, которые созданы при губернаторе.

Таким образом, учредительный характер деятельности общественных советов превращает их в одно из подразделений определённых органов региональной власти. Это не позволяет считать подобный контроль независимым, в то время как администрация Нижегородской области заявляет о таком характере действий, совершаемых условно неправительственными структурами.

Сохранение подобной тактики на современном этапе представляется крайне устаревшей и дефектной моделью. В условиях информационной открытости и доступа населения к мировой сети Интернет попытки региональных властей контролировать результаты независимых антикоррупционных проверок не приносят ожидаемого эффекта. Если неправительственная организация или частное лицо установят коррупционный факт, на который при этом не последует должной реакции государственных органов, сетевые ресурсы стремительно распространят данные сведения, что вызовет негативные эмоции жителей региона, а равно усилит их недоверие к институтам государственного и муниципального управления.

В рамках действующих областных программ не содержится механизма определения субъектности для общественных структур, занимающихся антикоррупционным контролем. Прямого контакта региональной власти с независимыми институтами гражданского общества, по существу, не установлено. Это проявляется в сложной системе признания со стороны субъекта федерации кого-либо в качестве лица, уполномоченного заниматься общественным антикоррупционным контролем. В результате большинство потенциальных участников данной деятельности остаются без доступа к подобным полномочиям.

Вместе с тем в региональных антикоррупционных законах и программах подчёркивается, что любой гражданин или организованная общественная структура вправе осуществлять негосударственный контроль. Однако его результаты приобретают юридическое значение лишь тогда, когда соответствующий субъект обладает полномочиями на контрольную деятельность.

Все иные инициативы в данном направлении достаточно редко вызывают реакцию со стороны антикоррупционных институтов.

Помимо проблематики классификации антикоррупционного контроля на государственный и общественный, существует его более детализированная типологизация по субъектному критерию. В частности, такой контроль делится на внутренний и внешний [221, с. 88; 241, с. 138; 412, с. 65].

Основаниями для разграничения данных видов служит статус субъекта, осуществляющего контрольные мероприятия, и предмет его деятельности. Если лицо состоит в организационных отношениях со структурой, применительно к которой оно занимается антикоррупционным контролем, такой контроль принято называть внутренним [229, с. 177; 273, с. 81; 276, с. 135]. Напротив, если превентивные меры по противодействию коррупции реализуют субъекты, организационно не связанные с лицами, чья деятельность подлежит проверке, такой антикоррупционный контроль считается внешним [266, с. 41; 472, с. 116; 531, с. 68].

В плоскости государственного управления выделение внутреннего и внешнего контроля сопровождается рядом коллизий. Например, антикоррупционные проверки, проводимые подразделениями Министерства финансов, включая федеральное казначейство, по отношению к налоговым органам всегда имеет внутренний характер. Эти органы государственного управления входят в одну систему как на федеральном, так и на региональном уровнях. Равным образом невозможно отнести к внешнему контролю проверки, проводимые региональными правительствами в отношении своих же отраслевых органов исполнительной власти.

В теории административного управления внутренним признаётся контроль, организуемый одним корпоративным структурным подразделением в адрес другого [449, с. 51; 580, с. 111]. Если же задействуется внешний эксперт (аудитор, специалист по безопасности), то проверка обладает признаками внешнего контроля [552, с. 184, 192; 559, с. 45]. При этом за основу берётся интерес лица,

занимающегося подобными мероприятиями, а не его условно независимый статус.

Отсюда предлагается типологизировать антикоррупционный контроль на внутренний и внешний по критерию экономической заинтересованности субъекта, реализующего проверочные мероприятия, в их результатах. Исходя из этого, можно присоединиться к мнению некоторых исследователей, отмечающих, что любой антикоррупционный контроль предполагает у лиц наличие как публичных (легальных), так и частных (нелегальных) интересов [400, с. 86; 407, с. 185; 519, с. 209].

Тем самым критерий, выделяющий интересы в реализации антикоррупционного контроля, классифицирует его субъектов на условно независимых и условно заинтересованных. Поэтому присутствие любого экономического интереса в проведении проверок, призванных выявить коррупцию, снижает эффективность контроля и вынуждает проводить комплексные мероприятия.

В частности, если независимым контролем занимается специальный орган, входящий в одну систему власти (законодательной или исполнительной), его непосредственное руководство всегда будет пытаться скрыть выявленные коррупционные недостатки. Стоит признать, что прочная институциональная основа, позволяющая исключить реализацию подобного интереса, значительным образом объективизирует антикоррупционный контроль, т.е. делает его независимым.

Проблематика достижения независимости при противодействии коррупции является центральным вопросом для исследований, посвящённых данной тематике [270, с. 66; 314, с. 78; 498, с. 25]. Каждый автор констатирует указанный принцип как основополагающее условие антикоррупционной деятельности [196, с. 82; 283, с. 81; 386, с. 91]. И на законодательном, и на управленческом уровнях соблюдение стандартов независимости обозначено в качестве обязанности соответствующих органов, организаций и должностных лиц. Вместе с тем именно

подобные стандарты, образующие институциональную основу антикоррупционного контроля, подвергаются максимальной критике.

Так, выбор мер и формирование из них целостных механизмов предупреждения коррупции в субъектах Российской Федерации остаётся в компетенции органов власти, которые берут на себя контрольные функции. Изначально неограниченное усмотрение в администрировании антикоррупционных проверок позволяет данной деятельности развиваться в закрытом режим. Последний способствует сокрытию обнаруженных коррупционных фактов и последующей институционализации коррупции в региональной экономике, подчинённой государственно-управленческим решениям. При этом в официальной плоскости такой контроль называется внешним и независимым. Однако совпадение его объекта и субъектов не позволяет поддержать данную позицию (Рисунок 2.7).

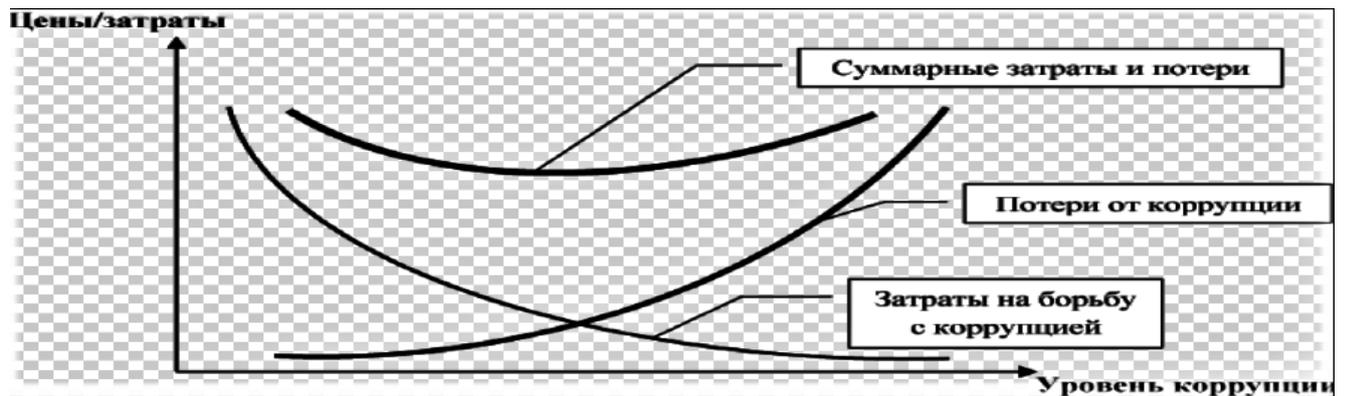

Рисунок 2.7 - Издержки антикоррупционного контроля.

Источник: Оценка взаимного влияния коррупции и конкуренции [184].

В частности, антикоррупционный контроль в отношении Следственного комитета Российской Федерации, являющегося одним из институтов противодействия коррупции, могут осуществлять лишь два органа – Федеральная служба безопасности России и Администрация Президента Российской Федерации. На региональном уровне таких звеньев, которые могли бы проверять деятельность данной структуры, нет. При этом реакция ФСБ имеет посткоррупционный характер, поскольку не считается превентивным воздействием. Как правило, основной массив мер, выражающих предупреждение

коррупции в Следственном комитете, проводится его же администрацией. Тем самым сохраняется прямой интерес в сокрытии масштабов коррупции внутри одного ведомства.

Так, в США сложился схожий институт - Федеральное бюро расследований. Антикоррупционный контроль в отношении него реализуется группой других органов и организаций. Среди них можно выделить и Конгресс США, и правительство с главенствующей функцией Министерства юстиции, и неправительственные структуры, обеспечивающие соблюдение норм профессиональной этики (специализированные профсоюзы и ассоциации ветеранов). Одновременно с этим региональные законодательные собрания и администрации губернаторов, также наделены контрольными полномочиями в отношении ФБР за тем лишь исключением, когда средства на проведение расследования выделяются из бюджета соответствующего штата или же проводимое расследование, прямо затрагивает экономические интересы его населения. Подобным образом в США сохраняется административный баланс, который позволяет выявлять интересы в осуществлении антикоррупционных проверок и добиваться положительного эффекта в работе перечисленных органов.

Констатируя вышеизложенное нами предложено скорректировать классификацию антикоррупционного контроля в зависимости от методов. Поскольку в ходе исследования были обнаружены специфические черты методик выявления экономических интересов в противодействии коррупции, необходимо классифицировать не только методы антикоррупционного контроля, но также его региональные стратегии и программы.

Последние, в свою очередь, подразделяются в зависимости от преобладания тех или иных механизмов предупреждения коррупции (компенсационных, реструктуризационных, процедурных и др.). При этом большинство субъектов Российской Федерации стремятся заложить в антикоррупционные программы равнозначный подход к основным методам превентивного воздействия на коррупцию, что на современном этапе государственного управления нельзя считать эффективным подходом. Исходя из этого нами предложен

организационно-управленческий механизм реализации антикоррупционного контроля (Рисунок 2.8).

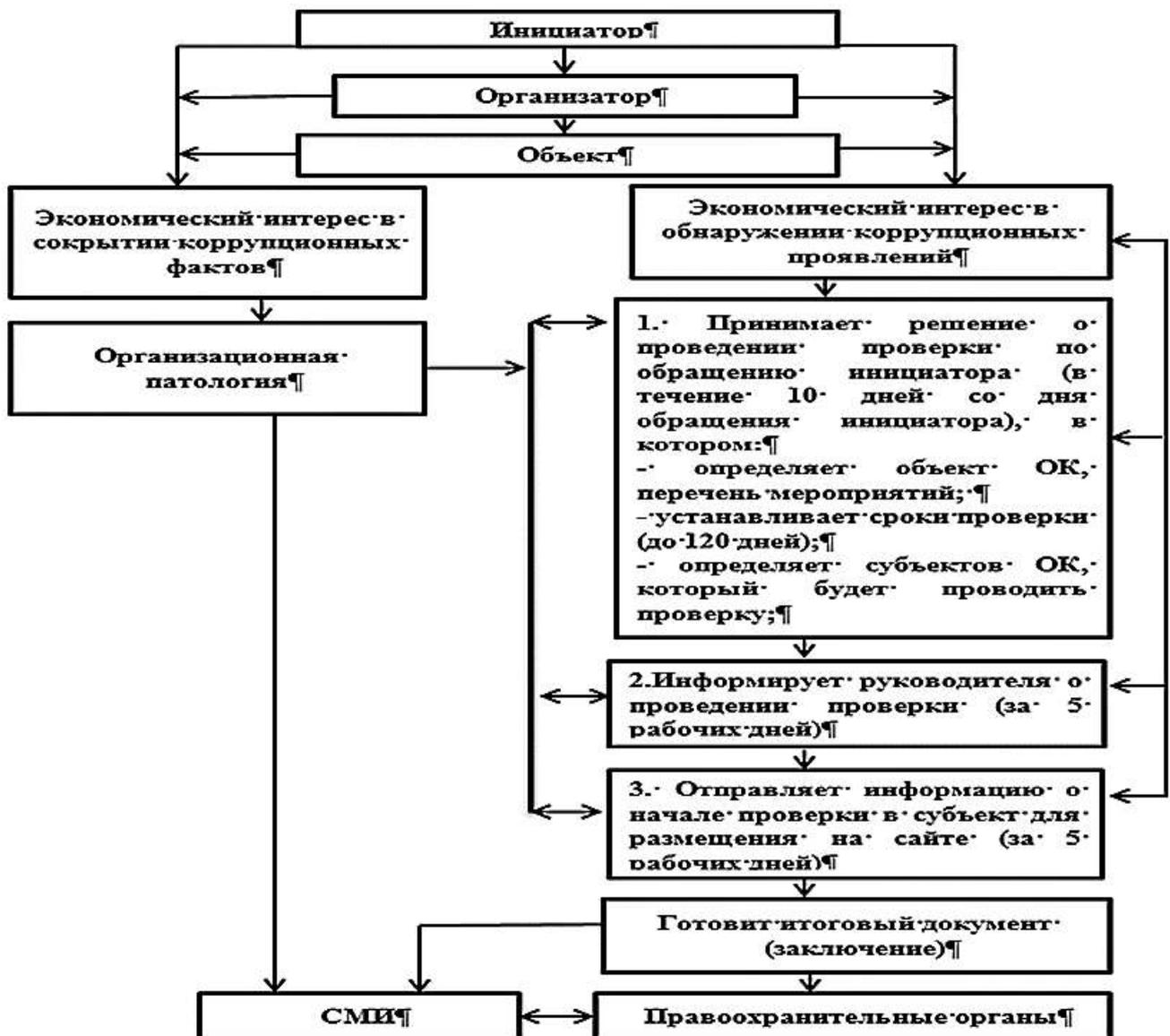

Рисунок 2.8 - Организационно-управленческий механизм реализации антикоррупционного контроля.

Источник: разработан автором.

Классификация антикоррупционного контроля на внутренний и внешний зависит не только от организационного статуса участников данного процесса, но и от их интересов в обнаружении коррупционных проявлений. Тем самым очерчивается круг независимых антикоррупционных проверок. Если контроль инициирован или проводится лицом, имеющим прямой либо косвенный экономический интерес в сокрытии коррупционных фактов, его следует признать

организационной патологией. В результате чего можно констатировать, что сложившаяся в науке типологизация антикоррупционного контроля обладает гибкостью и позволяет ей развиваться с течением времени под влиянием современных управленческих практик. При этом критериями, которые способствуют выделению специальных видов такого контроля, должны быть не территориальные или предметные условия, а принципы, позволяющие достичь объективность, открытость и прозрачность превентивных антикоррупционных мер.

2.2. Региональные институты антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации: функции и принципы взаимодействия с другими государственными институтами в системе обеспечения экономической безопасности

Понятие института на современном этапе развития экономической науки имеет разнородный характер. В силу этого антикоррупционный контроль в институциональном измерении также получил неоднозначное восприятие среди исследователей. Отсюда возникает потребность рассмотреть трансформацию институциональной теории и определить её влияние на систему противодействия коррупции, обеспечивающую региональную экономическую безопасность.

Социологическое понимание института было сформулировано Т. Вебленом [70, с. 6, 200-202]. При этом определяющим критерием служило время, на протяжении которого общественные отношения приобретали статику и становились формой повторяющегося, а не меняющегося поведения акторов в лице социальных групп и всего социума [144, с. 193; 151, с. 144; 511, с. 7].

Акцент на формализацию институтов прослеживается в работах Д. Норта. Американский экономист понимал под ними правила, с помощью которых обеспечивается стабилизация отношений [89, с. 17, 21]. Уже в данном научном направлении сформировались юридико-экономические черты институтов [539;

554] за тем лишь исключением, что по Д. Норту институциональные признаки – это и нормы, и порядок их реализации [771, р. 97].

В соотношении т.н. «старого» и «нового» институционализма прослеживается проекция института на определённую систему организационных отношений. Так, Т. Шульц, представлявший Чикагскую школу экономики, называл организации и корпоративные (реже – административные) структуры в качестве области действия институциональных правил [788]. Схожей позиции придерживался О. Фаворо, отождествляя институты исключительно с организационными формами поведения [452, с. 97].

Сочетание объективных и субъективных элементов в рамках институтов отмечал Дж. Ходжсон. Он пришёл к выводу, что институциональное значение имеют не все организационные структуры, а те, которые представляют собой социальную ценность [731, р. 2]. Тем самым, помимо поведенческого, социологического и формального признаков институтов, в экономической научной мысли возобладала аксиологическая модель. При этом до конца не решён вопрос, что именно и с какого момента считать ценностями, а главное – сложно определить критерии, которыми следует руководствоваться при их выявлении.

Если спроецировать указанную теорию на конкретные экономические акторы, то для каждого из них могут быть ценными разнообразные организации. Собственно, при совпадении ценностных представлений в экономической науке делаются выводы, основанные на неoinституционализме [88, с. 308; 100; 300, с. 89].

В плоскости антикоррупционных отношений институты понимаются вполне определённо – это организации, занимающиеся противодействием коррупции [102, с. 31; 213, с. 245; 326, с. 104]. Однако какие именно структуры вкладываются в указанный термин – объединения людей, фактически борющихся с коррупционными проявлениями, или специально уполномоченные органы – остаётся спорным вопросом.

В силу этого происходит градация институтов антикоррупционного контроля на формальные и неформальные. Критерием их разграничения

выступает государственное признание тех или иных организационных форм в качестве акторов предупреждения коррупции [282, с. 76; 444, с. 358; 471, с. 55]. Равное значение имеет критерий влиятельности институтов на принимаемые государственно-управленческие решения [402, с. 175; 534, с. 84].

Примечательно, что многие учёные не используют термин «антикоррупционный институт». Равным образом практически не получила комплексного осмысления категория «институт противодействия коррупции». При этом исследователи отмечают, что различные государственные или общественные институты наделены антикоррупционными функциями [233, с. 300; 323, с. 127; 515, с. 86].

В литературе подчёркивается, что сложились разные институты, которые, так или иначе, соприкасаются с необходимостью противодействия коррупции [288, с. 67; 453, с. 22; 495, с. 36]. Однако их основное предназначение (т.е. институциональные рамки) заключается вовсе не в обеспечении определённого уровня экономической безопасности, а в стабилизации или развитии предмета своей деятельности. Тем самым любой институт можно считать условно относящимся к системе противодействия коррупции, которая, в свою очередь, является негативным явлением для всех экономических акторов.

Проанализированный институциональный критерий предопределил понимание институтов антикоррупционного контроля. Они выражаются в системе органов и организаций, имеющих государственный и негосударственный статус и обладающих возможностями превентивно воздействовать на коррупцию методами публичного контроля [321, с. 33; 364, с. 257; 446, с. 259].

Внешне схожий подход к определению институтов антикоррупционного контроля прослеживается в работах по политике в области противодействия коррупции [127, с. 230; 306, с. 85; 479, с. 29] и по правовым условиям её реализации [104, с. 4; 520, с. 341]. Поэтому контрольные полномочия всегда сопровождаются зависимостью от легальных условий их осуществления и реакции государства на полученные результаты антикоррупционных проверок.

Консолидирующим элементом рассмотренных подходов к определению институтов антикоррупционного контроля является их централизация на государственной платформе. Именно за государством закрепляются функции по аккумулярованию ресурсов, необходимых для предупреждения коррупции. Государство призвано выработать и поддерживать в работоспособном состоянии антикоррупционные механизмы. Однако в такой транскрипции оно рассматривается в структурно-функциональном смысле, а не в качестве равноправного экономического актора [318, с. 40; 492, с. 128].

Зарубежные учёные несколько иначе воспринимают суть институтов антикоррупционного контроля. Они исходят из парадигмы, разграничивающей организации, которые занимаются превентивным воздействием на коррупцию, в зависимости от их специализации. В частности, выделяются институты общего характера и институты, специально созданные для предупреждения коррупционных проявлений [702, р. 17; 708, р. 161; 728, р. 2].

В понимании иностранных авторов любой контроль, направленный на установление коррупционных фактов, со стороны органов государственного управления имеет постреакционный характер [683, р. 465; 760, р. 77]. Они не могут в полной мере заниматься предупреждением коррупции, поэтому должны делегировать данную функцию независимым институтам. Последние, прежде всего, отличаются своей максимальной автономией от объекта контроля, но не от государства [684, р. 1075; 745, р. 49]. К примеру, при соблюдении принципа разделения властей институты, функционирующие в рамках одной ветви (судебной или парламентской), могут превентивно воздействовать на коррупцию в другой ветви власти (исполнительной), но исключительно в открытом (публичном) виде. В таких рамках формируется объективная и прозрачная антикоррупционная работа.

Несовпадение в понимании институтов антикоррупционного контроля в рамках зарубежной и российской науки вызвано качественно разными управленческими практиками. Факторы, предопределяющие подобную

особенность, имеют административную природу, т.е. всецело зависят от стратегий предупреждения коррупции в отдельно взятой стране или регионе.

Так, контрольные полномочия имеют более 30 органов исполнительной власти Российской Федерации, в том числе действующих в российских регионах и занимающихся предупреждением коррупции [6]. При этом данные институты включены в систему органов, обеспечивающих экономическую безопасность.

Некоторыми превентивными функциями в области борьбы с коррупцией обладают региональные институты, сформировавшиеся в рамках других ветвей власти – законодательной и судебной. Также комплексный антикоррупционный контроль осуществляют органы прокуратуры, но преимущественно к административным объектам (должностным лицам исполнительной власти), а также с правом проверять доходы и расходы депутатов регионального и муниципального уровня.

Тем самым в Российской Федерации сложилась развёрнутая система институтов антикоррупционного контроля [4]. Возглавляет её Президент, а реализацией основных функций главы государства в области предупреждения коррупции занимается специальное управление при его Администрации. На данное подразделение возложена обязанность проводить антикоррупционные проверки в отношении определённых объектов.

В частности, Управление по вопросам противодействия коррупции в составе Администрации Президента РФ может осуществлять антикоррупционный контроль параллельно с другими институтами, т.е. независимо от результатов, выявленных иными органами [7]. Подобный характер полномочий свидетельствует о внедрении признаков распределённой системы, призванной аккумулировать сведения из разных источников и верифицировать их в отрыве от плановых антикоррупционных проверок. В институциональном плане отмеченная особенность должна объективизировать антикоррупционный контроль, но фактически она имеет черты внутреннего мониторинга.

Президентский антикоррупционный контроль сведён лишь к двум направлениям. Сами сведения, которые подлежат проверке на предмет

коррупции, ничем не ограничены. Они затрагивают лиц, которые либо занимают определённый государственный пост, либо претендуют на него. В частности, это могут быть должностные лица в структуре Администрации Президента, руководители федеральных органов, а также ряд других граждан, обозначенных в нормативно-правовых актах. При этом юридическая составляющая в рассматриваемом институте не имеет принципиального значения, поскольку Президентское Управление по противодействию коррупции может заниматься проверками в отношении любых должностных лиц как федерального и регионального, так и муниципального уровней.

Сложившаяся институциональная система выводит Администрацию Президента РФ из-под объектов антикоррупционного контроля, что превратило её в административно-политический актор предупреждения коррупции. При этом данный институт одновременно принимает стратегические и программные решения, направленные на формирование антикоррупционного контроля, и сам может принимать участие в механизме их реализации.

Вместе с тем, являясь звеном государственного управления, Администрация Президента автоматически должна быть объектом антикоррупционного контроля, что расходится с институциональной парадигмой российской системы противодействия коррупции. Это вытекает из специального статуса Президента и его непосредственного аппарата, занимающегося надзором над всеми государственными служащими, включая высокопоставленных должностных лиц субъектов федерации.

Примечательно, что антикоррупционная деятельность не является основной функцией президентской Администрации. Таким же образом она целенаправленно не занимается региональной экономической безопасностью, хотя реализация ряда полномочий предполагает, что в комплексном виде эта структура обеспечивает предупреждение соответствующих угроз. Это обосновывает специализацию на антикоррупционном контроле только одного из его подразделений, а не всего органа.

Президентское Управление по противодействию коррупции в институциональном плане не имеет ограничений по контактам с другими органами и организациями, в том числе имеющими негосударственный статус. Это позволяет ему запрашивать необходимые сведения у всех субъектов федерации и у федеральных государственных институтов, чтобы реализовать антикоррупционные проверки [7] (Рисунок 2.9).

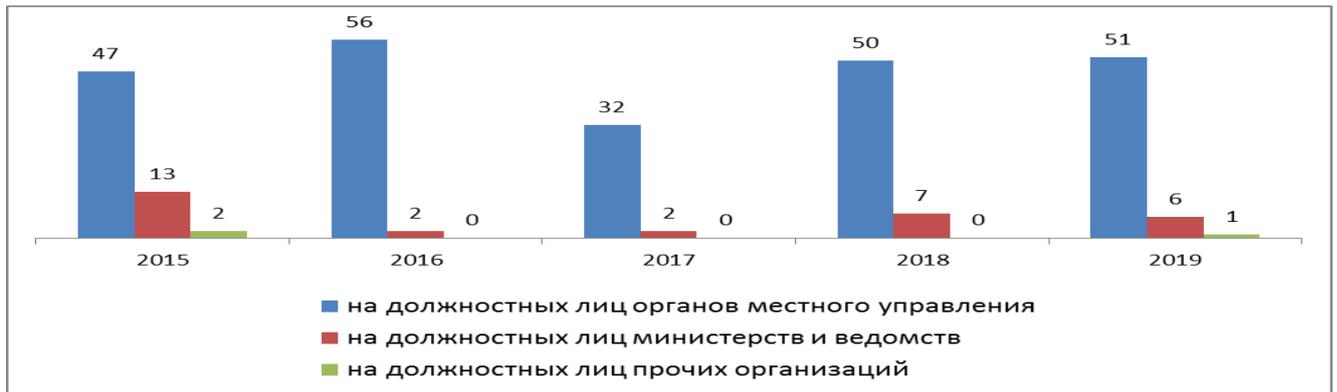

Рисунок 2.9 - Число обращений граждан и организаций, содержащих информацию о фактах коррупции и злоупотребления служебным положением, поступивших в АП РТ в 2015-2019 гг., ед.

Источник: составлен автором по материалам антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2019 г. [605].

Копирование федеральных институтов антикоррупционного контроля на уровне российских регионов является современной традицией государственного устройства. Например, Управление по противодействию коррупции функционирует при Президенте Республики Татарстан [37].

Его можно рассматривать как специальное звено предупреждения коррупции, поскольку постреакционными полномочиями оно не наделено [23]. Такой институциональный дизайн predetermined исключительно оперативный характер деятельности данной структуры, когда мероприятия реализуются не по правилам, содержащимся в законах, а по требованиям, выдвигаемым непосредственно Президентом Республики Татарстан [31].

Дублирование управленческих институтов, уполномоченных заниматься антикоррупционным контролем, происходило в российских регионах и ранее. Так, по аналогии со структурой, функционировавшей при Президенте Российской

Федерации, у Президента Республики Татарстан был собственный Совет по противодействию коррупции [36]. К настоящему моменту этот орган не имеет исключительно президентского статуса, вследствие чего называется Комиссией по координации антикоррупционной работы Республики Татарстан [32].

Тем не менее, заимствование административных технологий в антикоррупционном секторе привело к образованию единой системы данных институтов. Указанная Комиссия Республики Татарстан по координации работы в области противодействия коррупции несёт обязательства перед схожим Управлением Президента Российской Федерации, в частности, по взаимодействию и реализации отдельных делегированных мероприятий. Однако никакие публичные правила, призванные регулировать подобные межведомственные отношения, в России не сложились, что снижает степень прозрачности взаимосвязи данных институтов.

При всём при этом анализируемая антикоррупционная Комиссия Республики Татарстан призвана претворять в жизнь те решения, которые принимаются на федеральном уровне. Речь идёт, прежде всего, о резолюциях Совета по противодействию коррупции, функционирующего при Президенте Российской Федерации. Такой характер взаимодействия сформировал управленческую иерархию, в рамках которой полномочия по антикоррупционному контролю неравномерно распределены между федеральной и региональной властями.

Данная структура управления выглядит следующим образом:

- стратегические решения, определяющие вектор развития антикоррупционного контроля, принимаются на базе Президентского федерального Совета по противодействию коррупции;
- региональные советы и комиссии, функционирующие под эгидой руководителя субъекта федерации, могут принимать тактические решения и координировать оперативную работу акторов антикоррупционной политики на местах.

Примечательно, что приведённые институты не являются участниками реализации контрольных мероприятий. Им отведена лишь функция по выработке поручений. Подобным образом происходит детализация условий антикоррупционного контроля. И в том, и в другом случае управленческие решения должны согласовываться с Президентом Российской Федерации, а точнее – с Управлением по противодействию коррупции в составе его Администрации. На региональном уровне они подлежат утверждению со стороны губернатора или специализированного антикоррупционного управления, образованного при нём.

Стоит констатировать, что региональный антикоррупционный контроль обладает чертами исполнительно-распорядительной деятельности. Рассмотрим эту особенность на примере отдельно взятых субъектов Российской Федерации.

Так, в системе полномочий, принадлежащих Управлению Главы Республики Марий Эл по профилактике коррупционных и иных правонарушений, выделяются антикоррупционные проверки [30]. Объекты такого контроля во многом совпадают с объектами, обозначенными на уровне федерального Управления по противодействию коррупции при Администрации Президента. Кроме того, республиканское Управление либо верифицирует, либо опровергает ряд сведений, характеризующих экономическую активность региональных должностных лиц. В гораздо более широком диапазоне такой антикоррупционный контроль реализуется в отношении муниципальных служащих.

Схожие функции наблюдаются у законодательных органов Российской Федерации и её регионов. Антикоррупционный контроль, проводимый данными институтами, формируется и осуществляется в рамках парламентского контроля самими участниками данной деятельности.

Например, в Республике Татарстан эти функции могут реализовываться как самим Государственным Советом, так и постоянными комитетами, специальными парламентскими комиссиями, создаваемыми для расследования определённого коррупционного факта, а также отдельными республиканскими депутатами [12].

При этом максимально широкие полномочия по контрольным мероприятиям принадлежат всему законодательному собранию Татарстана, а не единичным субъектам парламентского антикоррупционного контроля.

Отсутствие градации по коллективным и индивидуальным субъектам парламентского антикоррупционного контроля наблюдается на примере Государственного Собрания Республики Марий Эл. Так, в данном регионе институт парламентских проверок в области противодействия коррупции не регламентирован специальными правилами и обозначен в качестве общей «контрольной деятельности» республиканского законодательного органа [25].

Примечательно, что в некоторых субъектах Российской Федерации антикоррупционные полномочия в полном объёме предоставлены всем участникам парламентского контроля, а не только его консолидированной форме. Примером может служить антикоррупционный контроль, осуществляемый Магаданской областной Думой. Ограничения, касающиеся региональных депутатов, построены на общих требованиях законодательства к проведению проверок, т.е. без распределения обязанностей между возможными субъектами контрольной деятельности [11]. Это означает, что отсутствует приоритет в осуществлении антикоррупционного контроля для всего областного парламента или для его специализированных комиссий.

Вместе с тем в современной региональной практике парламентский антикоррупционный контроль сведён к политическому уровню, т.е. является способом формирования норм и условий для противодействия коррупции, а не институтом по осуществлению превентивных мер. Законодательные собрания субъектов Российской Федерации ограничиваются двумя имеющимися полномочиями:

- 1) заслушивают на своих плановых заседаниях представителей различных органов власти;
- 2) направляют определённые запросы для получения аналитической информации.

В обоих случаях региональные парламенты используют полученные сведения в своей правотворческой деятельности, но не занимаются контролем тех сфер, в которых существует коррупционный риск.

Ряд авторов объясняют такое состояние региональной практики тем, что при парламентах функционируют специализированные институты, наделённые в том числе антикоррупционными полномочиями [210, с. 128а; 414, с. 83; 557, с. 124]. В частности, речь зачастую идёт о т.н. «счётных палатах», которые в большинстве субъектах федерации имеют наименование «контрольно-счётная палата».

Действительно, проведение антикоррупционных проверок обозначено среди полномочий контрольно-счётных палат субъектов федерации. Так, Счётная палата Республики Татарстан может участвовать в мероприятиях, ориентированных на противодействие коррупции, но лишь в тех пределах, которые очерчены её общими полномочиями [24]. Аналогичным образом сформулированы функции для контрольно-счётных палат Калининградской области и Забайкальского края, а также за Государственной счётной палатой Республики Марий Эл (Рисунок 2.10).

Рисунок 2.10 - Структура финансовых нарушений, выявленных Счетной палатой Республики Татарстан.

Источник: счётная палата Республики Татарстан [642].

При этом в региональном законодательстве предписан главный механизм взаимодействия данного института с другими органами: в случае выявления коррупционного факта палата обязана передать все полученные материалы в правоохранительные структуры. В свою очередь, правоохранительные органы должны известить администрацию региональной счётной палаты о судьбе предоставленных контрольных сведений, но не подотчётны ей. Последнее объясняется механизмом разделения властей в субъектах федерации, при котором заслушивать отчёты и доклады о коррупционной ситуации в регионе вправе лишь высшие органы управления, в том числе законодательное собрание.

Тем самым в российских регионах парламентский антикоррупционный контроль не представляет собой институционального образования в связи со значительным сужением полномочий. Законодательные собрания субъектов федерации, несмотря на имеющуюся возможность проведения проверок в рамках противодействия коррупции практически во всех областях общественных отношений, фактически не занимаются данной деятельностью. Она, в свою очередь, сведена к политическим вопросам по формированию общих стратегий и региональных программ, а также по корректировке текущего законодательства на уровне субъекта Российской Федерации.

Передача парламентского антикоррупционного контроля региональным счётным палатам сопровождается обязанностью данного органа следовать предмету своих полномочий, т.е. осуществлять проверки лишь в части расходования бюджетных средств и использования региональной собственности [510]. В силу этого все контрольные мероприятия, сопряжённые с выявлением коррупционных фактов, могут проводиться лишь в кооперации с правоохранительными органами либо вообще не должны осуществляться в связи с исключительной компетенцией последних по подобным делам.

Учитывая формализованность институтов антикоррупционного контроля в российских регионах, основные функции в выявлении коррупции выполняют правоохранительные органы. Они относятся к категории посткоррупционной реакции, т.е. подключаются к противодействию коррупции на этапе, когда

совершено нарушение, а экономике причинён значительный ущерб. Вместе с тем без проведения антикоррупционных проверок реализация данных полномочий практически невозможна, что частично превратило эти институты в контрольные инстанции.

Главным административным звеном в посткоррупционной реакции выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ). Однако функции по антикоррупционному контролю принадлежат не всему органу власти, а некоторым его структурным подразделениям [8].

В частности, при МВД существует Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции, которое институционализировано в федеральную систему антикоррупционного контроля и координирует проверочные мероприятия в субъектах Российской Федерации. Однако в действительности данное звено занимается организационными вопросами, связанными с проведением антикоррупционных экспертиз. Главное управление экономической безопасности МВД может участвовать в предупреждении коррупционных нарушений, но фактически реализует рассматриваемую функцию лишь к подразделениям и сотрудникам МВД РФ с его региональными структурами (Рисунок 2.11).

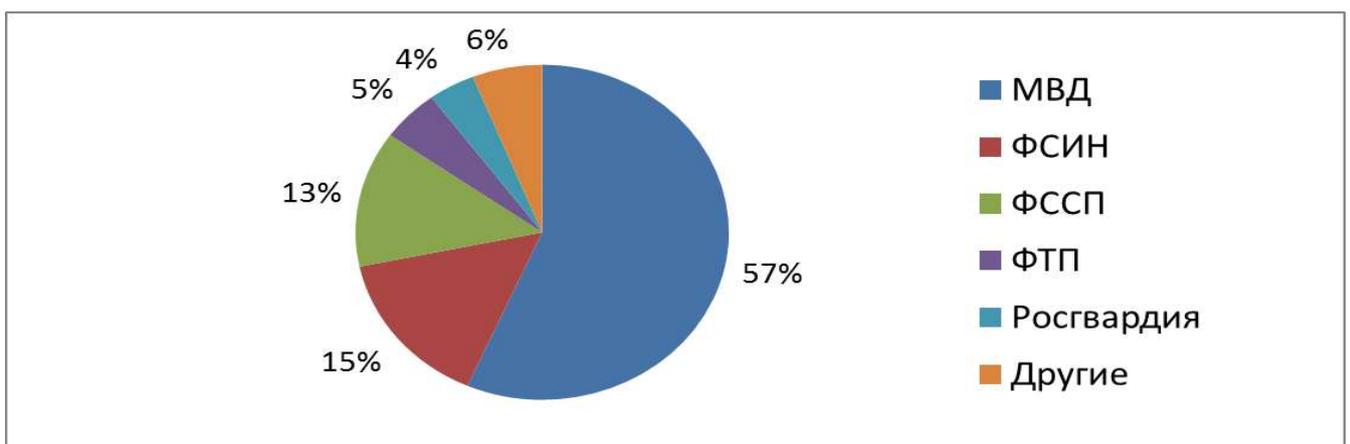

Рисунок 2.11 - Коррупционная поражённость по органам исполнительной власти. Источник: составлен автором по материалам Генеральной прокуратуры РФ [629].

Если же проанализировать полномочия региональных органов внутренних дел, то их текущая работа затрагивает основные объекты антикоррупционного

контроля. Не случайно данные институты действуют в соответствии с плановыми мероприятиями наравне с другими органами и организациями, задействованными в обеспечении экономической безопасности.

В частности, МВД Республики Марий Эл участвует в деятельности Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при региональном Правительстве [50]. Оно должно взаимодействовать как с другими органами исполнительной власти, так и с парламентом Республики Марий Эл (Государственным Собранием). Кроме того, координационные отношения в области антикоррупционного контроля поддерживаются им с прокуратурой и Главным федеральным инспектором (Рисунок 2.12).

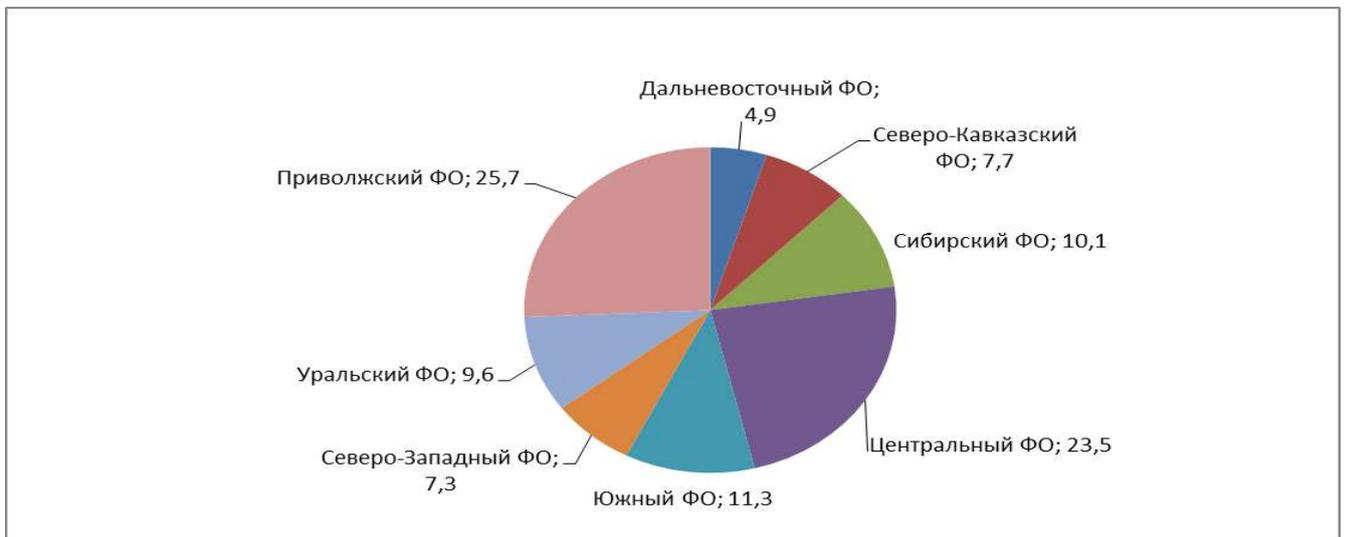

Рисунок 2.12 - Удельный вес преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в федеральных округах, от их общего количества по федеральным округам Российской Федерации, %.

Источник: составлен автором по данным ГИАЦ МВД России за 2016 г.

Примечательно, что плановые и внеплановые антикоррупционные проверки реализуются МВД Республики Марий Эл при наличии консолидированного согласия на это всех участников названной Межведомственной комиссии. Тем самым превентивная работа в области противодействия коррупции зависит от административного усмотрения, отчасти ограниченного региональными программными документами.

Собственно, обеспечение такого межведомственного взаимодействия является центральной функцией данной комиссии. Однако выделяется и другое основное направление в его деятельности – это контроль над органами местного самоуправления в части предупреждения коррупции.

В таком ракурсе очерчиваются ключевые институциональные рамки региональных подразделений МВД. Они обладают ровно теми контрольными полномочиями, которые удовлетворяют административным интересам правительства субъекта федерации и федеральным властям. Все остальные мероприятия не имеют характера антикоррупционного контроля, поскольку связаны с реакцией на коррупцию, а не на её предупреждение.

Смежный институциональный статус прослеживается на примере Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ), чьи управления существуют в каждом российском регионе. Субъекты федерации не наделены полномочиями влиять на функции этого органа в части антикоррупционного контроля, что отличает их взаимодействие с федеральной структурой МВД.

Изначально формальные антикоррупционные полномочия ФСБ имели неограниченный характер [5]. Ему принадлежит право, как принимать управленческие решения в этой сфере, так и осуществлять их применительно к отдельным коррупционным проявлениям в регионах. Единственным ограничением служит обязанность согласовывать подобную деятельность с другими органами власти.

Так, территориальные управления ФСБ состоят в региональных советах, занимающихся вопросами безопасности, включая экономическую безопасность. Например, при Президенте Республики Татарстан функционирует подобное межведомственное образование, наделённое консультативными полномочиями [40]. Непосредственным образом оно не занимается антикоррупционным контролем, но должно выявлять и прогнозировать угрозы региональной безопасности, включая негативные экономические явления и процессы. Поскольку подобные угрозы сформулированы в излишне широком ключе, они могут включать не только существующий коррупционный оборот, но и

потенциально возможные коррупционные факты на планируемый период деятельности.

На практике ФСБ реализует антикоррупционный контроль к двум объектам: к деятельности правоохранительных органов и к поведению руководства субъектов федерации. Поэтому следует признать, что рассматриваемый институт имеет узкую предметную область, из которой исключена обширная масса государственных и негосударственных структур, демонстрирующих высокие коррупционные риски.

Вместе с тем в разных субъектах Российской Федерации сложился неравный подход к координационным межведомственным центрам, занимающимся экономической безопасностью. Так, Главное управление безопасности, функционирующее в Московской области, прямым образом занимается предупреждением коррупции [29] (Рисунок 2.13).

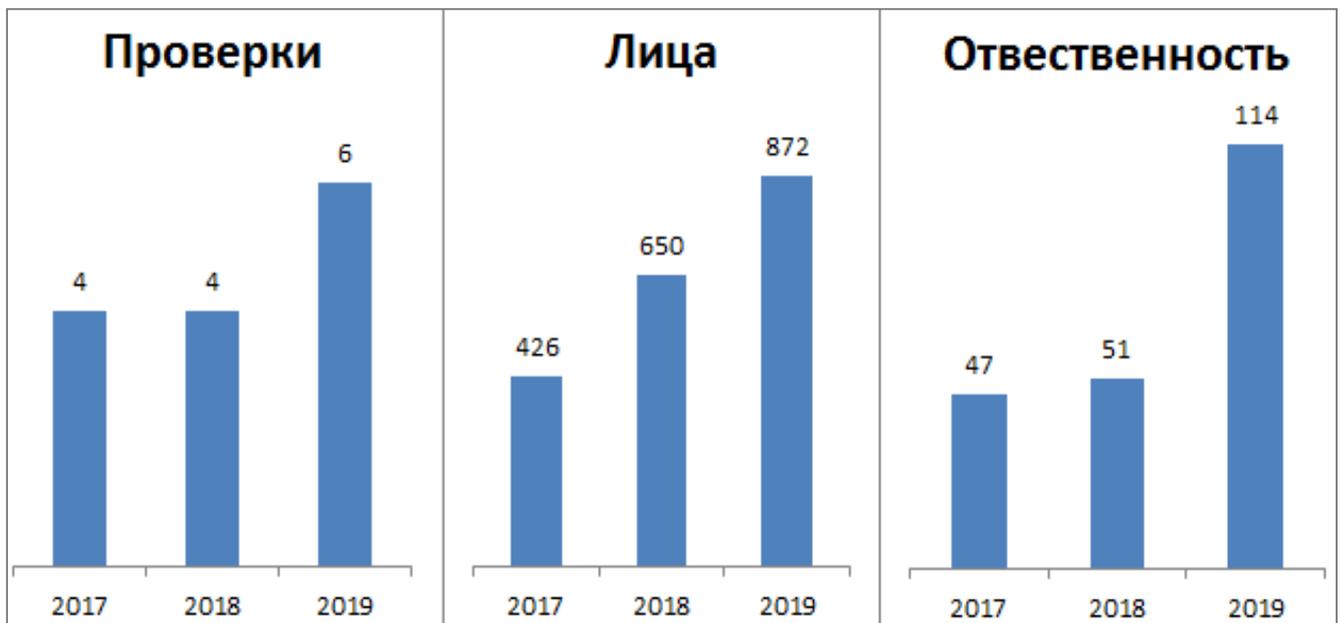

Рисунок 2.13 - Меры по профилактике коррупции ГУРБ Московской области. Источник: составлен автором по материалам ГУРБ Московской области [641].

При этом в предмет его антикоррупционных проверок входят разные органы и организации. Последние могут стать предметом контроля вне зависимости от формы собственности, на базе которой они созданы.

У рассматриваемой структуры, в отличие от Республики Татарстан, есть официальный руководитель. Это региональный министр по безопасности и противодействию коррупции Московской области. Однако данную фигуру определяет непосредственно Губернатор, поскольку самостоятельного министерства в данном направлении нет. Предполагается, что Главное управление по безопасности и противодействию коррупции Московской области является подобным отраслевым органом исполнительной власти.

Необходимо отметить, что специализированные министерства в области противодействия коррупции сложились в отдельных субъектах Российской Федерации. Например, Министерство по контролю и профилактике коррупционных нарушений в Тульской области [41] организует и реализует антикоррупционные проверки, которые затрагивают деятельность как органов власти, так и организаций. Единственным ограничением предмета контроля служит сфера государственных и муниципальных закупок. При этом указанная административная структура должна согласовывать свои мероприятия с другими органами региональной экономической безопасности.

Органы, созданные при схожем институциональном дизайне, функционируют в Свердловской и Томской областях, при этом антикоррупционный контроль, реализуемый ими, является, по существу, контролем главы региона. Следует признать, что попытка специализировать в структуре региональной исполнительной власти отдельные звенья по предупреждению коррупции не делают их независимыми от административной элиты субъектов федерации.

В более широком диапазоне представлены полномочия судов в области антикоррупционного контроля. Его осуществление напрямую в Российской Федерации запрещено так же, как и во многих зарубежных странах. Однако, помимо функции правосудия по коррупционным делам, судебные органы наделены правом направлять материалы о выявленных фактах коррупции или об установленных причинах совершения коррупционных нарушений другим органам

и организациям. В этом проявляется основная контрольная деятельность российских судов, в том числе на региональном уровне [517; 518] (Рисунок 2.14).

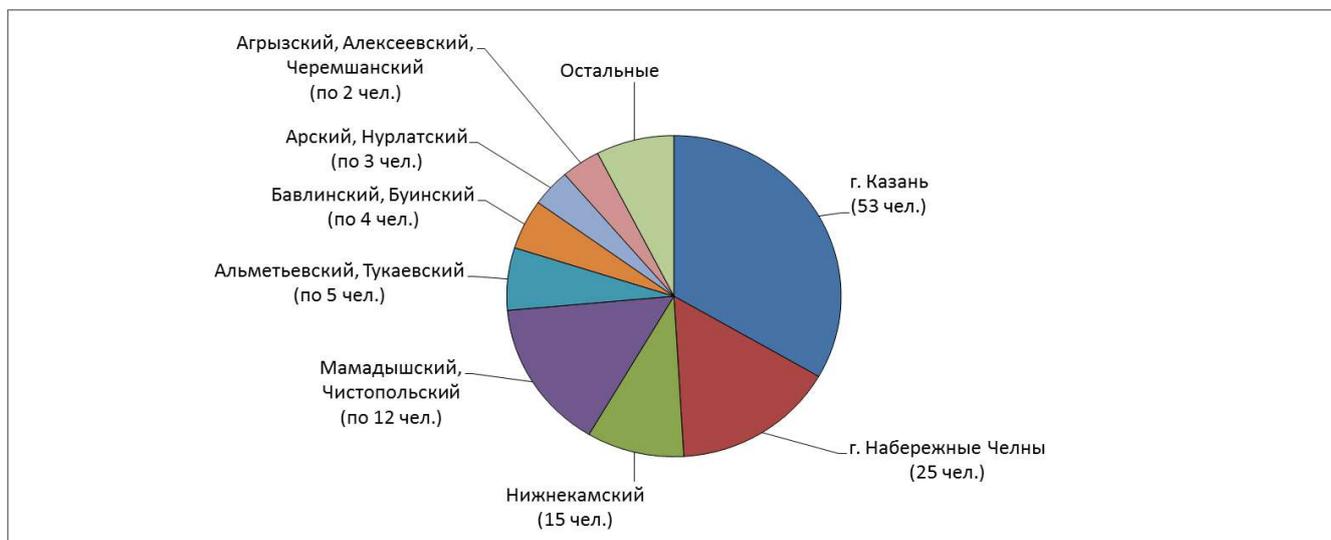

Рисунок 2.14 - Сведения о гражданах, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, в разрезе муниципальных образований РТ в 2019 г., (по данным МВД по РТ).

Источник: антикоррупционный мониторинг Республики Татарстан за 2019 г. [605].

Так, и в уголовно-процессуальной, и в гражданско-процессуальной плоскости судебные органы наделены полномочием выносить т.н. «частные определения» (частные постановления). Они могут затрагивать как вопросы, непосредственно связанные с рассмотренным делом, так и иные обстоятельства, содержащие признаки коррупционного нарушения. Примечательно, что, в отличие от других институтов антикоррупционного контроля, частные судебные постановления обязательны к исполнению, поскольку бездействие по ним влечёт ответственность.

Вместе с тем сфера проводимых судами проверок, равно как и их полномочия в области противодействия коррупции, значительно уже, чем у иных правоохранительных органов. Вследствие этого многие авторы вообще не рассматривают суды в качестве субъекта антикоррупционного контроля, относя их к общепредупредительным инстанциям в области борьбы с преступностью и правонарушениями [166, с. 111; 459, с. 50; 474, с. 55].

В результате необходимо констатировать, что федеральные и региональные институты антикоррупционного контроля находятся в стадии своего административного «размежевания».

Это подтверждает попытку сформировать распределённую систему противодействия коррупции, что отчасти должно объективизировать антикоррупционный контроль и сделать его более независимым от региональных элит в связи с этим нами была разработана развёрнутая система формализации антикоррупционного контроля (Рисунок 2.15).

Рисунок 2.15 - Система формализации антикоррупционного контроля.

Источник: разработан автором.

Так как региональные институты антикоррупционного контроля в Российской Федерации являются разрозненной системой органов и организаций, которые призваны сформировать и реализовать превентивные меры противодействия коррупции и преобладание правоохранительного сегмента влечёт разделение институтов антикоррупционного контроля на формальные и

неформальные нами сформулирована и предложена развернутая организационно-управленческая структура региональных советов по противодействию коррупции (Рисунок 2.16).

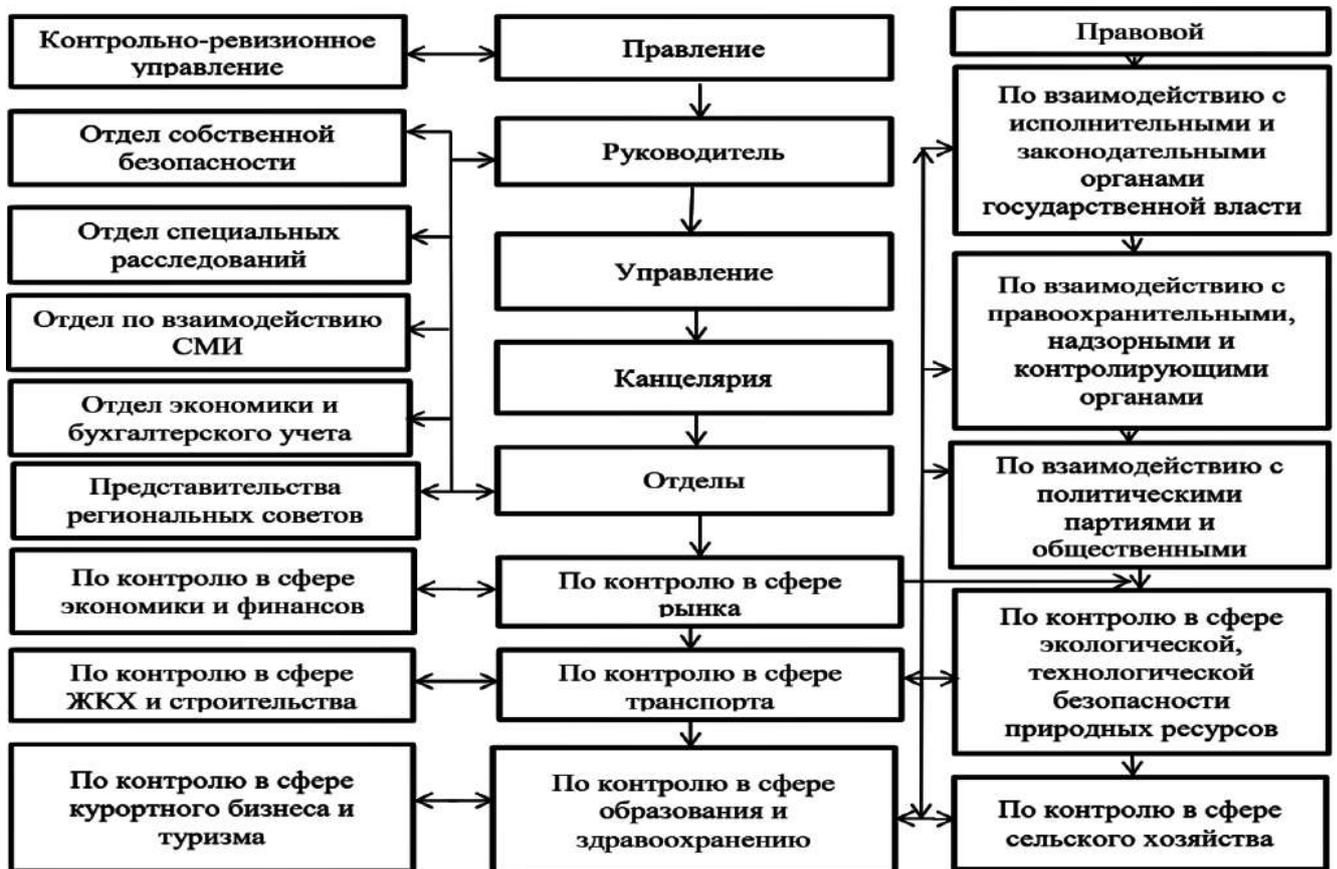

Рисунок 2.16 - Организационно-управленческая структура региональных советов по противодействию коррупции.

Источник: разработан автором.

Проведённый нами анализ институциональной основы регионального антикоррупционного контроля позволил подтвердить, что в современной управленческой практике парламентский антикоррупционный контроль сведён к политическому уровню. Он является лишь способом формирования норм и условий для противодействия коррупции, а не институтом по осуществлению превентивных мер. Аналогичный характер приобрели другие органы, функционирующие в субъектах Российской Федерации. Они ограничиваются двумя имеющимися полномочиями: заслушивают на своих плановых заседаниях представителей власти и общественных организаций и направляют запросы для получения аналитической информации.

2.3. Реализация механизма антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности

Реализация любого контроля представляет собой процесс, включающий в себя совокупность приёмов и средств достижения основных задач [69; 75, с. 241, 287; 81, с. 122]. В теории менеджмента принято разграничивать данные процессы в зависимости от того, на что они направлены – на формирование или на осуществление управленческих решений [87, с. 94; 280, с. 60; 374, с. 22].

Применительно к предупреждению коррупции, в том числе при помощи контрольных мер, некоторые авторы полагают, что система средств и приёмов является сравнительно одинаковой, т.е. имеет общий характер [110, с. 188; 390, с. 56]. Однако их соотношение может привести к разной эффективности, что, в конечном итоге, предопределяет уровень антикоррупционной деятельности. Отсюда можно прийти к выводу, что контроль в данном направлении сопровождается относительно небольшим набором инструментов, но зависит от доминирования среди них некоторых приёмов.

Тем самым механизм антикоррупционного контроля в научном представлении является комплексным выражением средств, приёмов и способов, которые используются для предупреждения, выявления и измерения форм коррупции [83, с. 81; 235, с. 70; 419, с. 17]. При этом данное классическое понимание на современном этапе принято сводить к определённым мерам по пресечению коррупционных фактов [294, с. 135; 442, с. 20].

У одной группы исследователей механизм представляет собой совокупность мероприятий по превентивному воздействию на коррупцию [342, с. 61; 475, с. 110]. Другие авторы полагают, что механизм выступает в качестве группы активных действий административных и экономических акторов по воплощению антикоррупционных стратегий [372, с. 200; 437, с. 451].

В специальном выражении механизм антикоррупционного контроля является теми средствами проверки, которые позволяют установить не только

коррупционный факт, но и риск потенциальной коррупциогенности определённых общественных отношений [245, с. 463; 440, с. 117]. В таком значении рассматриваются не все мероприятия, носящие превентивный характер, а лишь отдельные из них, в том числе реализуемые в постреакционной стадии, т.е. по факту совершения коррупционного правонарушения [317, с. 16; 385, с. 111].

Учитывая тесную связь между предупреждением коррупции и состоянием экономической безопасности в субъекте федерации, необходимо обратиться к основному механизму, который обеспечивает поддержку данного направления. В аспекте государственной деятельности подобный механизм приобретает политико-административный характер, что сопряжено с реализацией соответствующих направлений публичной политики.

В теоретических представлениях любая мера государственной политики представляет собой активное действие или намеренное бездействие (невмешательство) публичного актора по отношению к определённой сфере общественных отношений [410, с. 57; 565, с. 97; 570, с. 51]. Подобное поведение должно соответствовать заранее спрогнозированным целям, поставленным перед государством или перед субъектом федерации [179, с. 95; 197, с. 171].

Как видно на представленной диаграмме, возрастание темпов развития теневой экономики по всей стране свидетельствует о неэффективной превенции коррупции, которая традиционно обеспечивает оборот средств в нелегальном ключе (Рисунок 2.17).

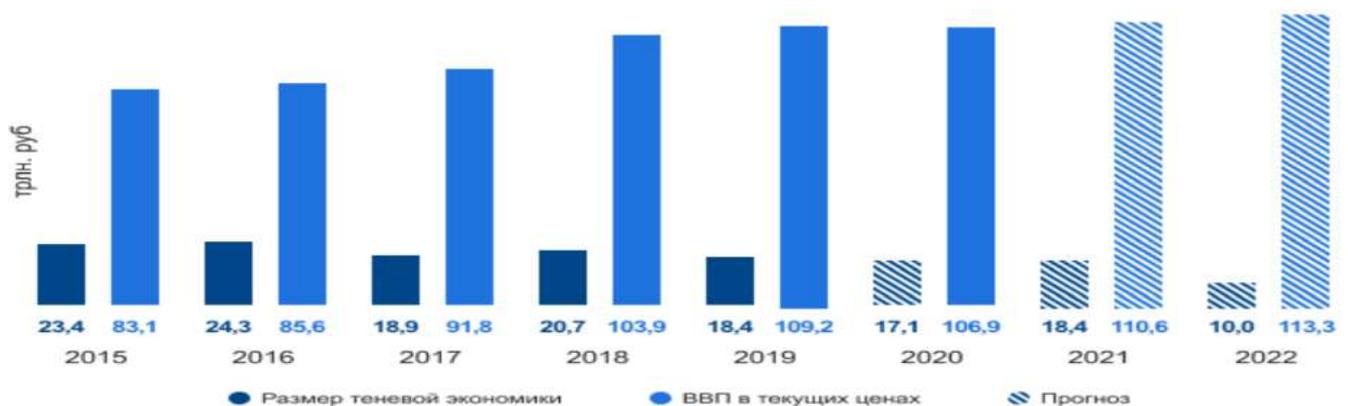

Рисунок 2.17 - Размер теневого сектора экономики России 2015-2022 гг.
 Источник: 2015-2019 гг., Росфинмониторинг; 2020-2021 гг., прогнозные данные Credinform; 2022 г., Прогнозные данные правительства РФ.

Кроме того, реализуя определённую часть политики экономической безопасности, регионы должны следовать запланированным задачам, использовать выстроенную методическую основу своей деятельности и учитывать ресурсную базу, имеющуюся в их фактическом распоряжении [247, с. 20; 450, с. 72]. Лишь при строгом соблюдении указанной формулы допустимо говорить об осуществлении политических функций, направленных на обеспечение региональной экономической безопасности.

Совокупность мер, позволяющих развивать ту или иную государственную политику в области экономической безопасности, принято считать её механизмом реализации [91; 403, с. 36; 456, с. 81]. В свою очередь, простой набор запланированных действий актора в области данной публичной политики не образует соответствующего механизма, поскольку может демонстрировать разные способы достижения поставленных задач. Лишь те меры, которые обладают общим знаменателем, ориентированы на достижение конкретной цели и обеспечиваются схожими ресурсами, в силу чего представляют собой целостный механизм реализации государственной политики [238, с. 15; 399, с. 100].

Механизм антикоррупционного контроля в большей степени зависит от государственной стратегии в области противодействия коррупции. Это связано с монополией власти, в том числе на уровне субъекта федерации, в части оценки коррупционных фактов (какое именно действие признаётся коррупцией) и в привлечении виновного лица к ответственности (как к юридической, так и к политической, и к экономической).

В силу указанной особенности первостепенное значение приобретает тот механизм, который используется субъектами Российской Федерации для реализации антикоррупционного контроля. Он должен быть закреплён на официальном уровне, что будет обязывать российские регионы раскрывать информацию о запланированных мероприятиях и о необходимых объёмах их финансирования. Поэтому ключевыми источниками, позволяющими установить применяемый механизм антикоррупционного контроля, служат региональные целевые программы (Рисунок 2.18).

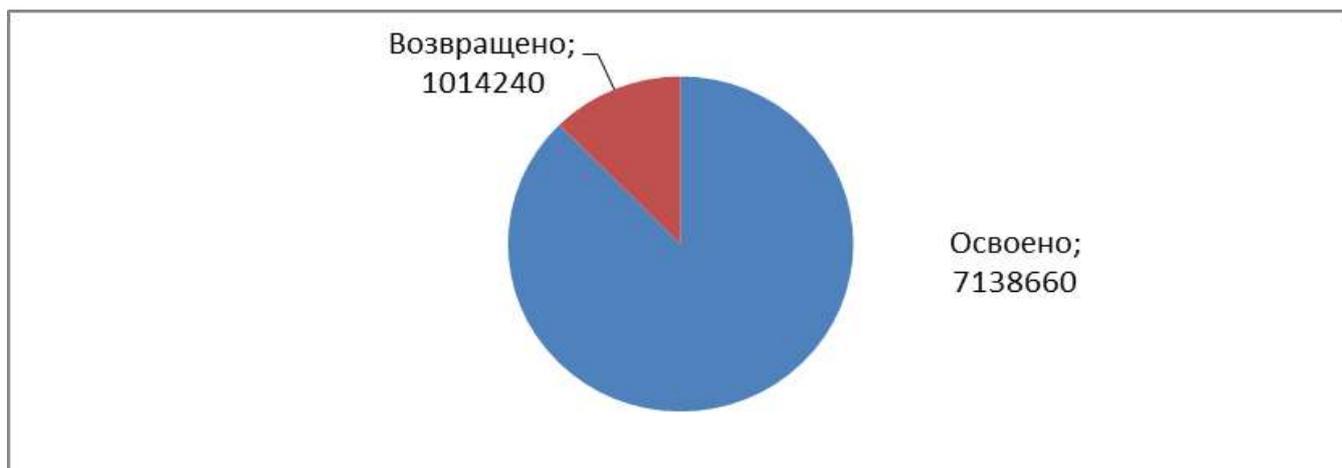

Рисунок 2.18 - Инфографика расходования средств по программам Республики Татарстан на антикоррупционный контроль.

Источник: составлен автором по материалам Кабинета Министров Республики Татарстан [654].

Так, в Республике Татарстан действует государственная программа «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015-2023 годы» [46] (далее – Антикоррупционная Программа Татарстана). В её положениях обозначен уже сложившийся механизм антикоррупционного контроля (как результат прежних программных действий) и сформулированы мероприятия, образующие в своём комплексе другой механизм, требующий своего внедрения и дальнейшего развития [Приложение М].

К числу механизма, образовавшегося к моменту принятия данной республиканской программы, отнесены меры по координации деятельности в области противодействия коррупции. В частности, это выразилось в определении субъектного состава отношений, возникающих в процессе достижения поставленных задач.

Помимо уточнения участников в виде различных комиссий и советов по противодействию коррупции, должностных лиц, занимающихся превентивными мерами, а также комиссий в области соблюдения служебной этики, за каждым из указанных звеньев исполнительной системы закреплена собственная доля ответственности. Речь идёт, прежде всего, о политико-административной ответственности, однако не исключается возможность наступления юридических санкций, если субъекты противодействия коррупции в процессе своей деятельности нарушают требования законодательства.

Отмеченное достижение антикоррупционного контроля в Татарстане имеет признаки реструктуризации, признаваемой многими учёными в качестве механизма реализации публичной политики [173; 533; 543]. В соответствии с ним на базе прежних институтов создаются новые организационные формы противодействия коррупции с трансформацией их полномочий.

В частности, на протяжении с 2006 по 2012 гг. в Татарстане происходила постепенная передача полномочий по осуществлению антикоррупционного контроля от правоохранительных структур к координационным советам и комиссиям, в том числе функционирующим сегодня при Президенте Республики. Помимо комплекса превентивных мер, этим органам предоставлены обязанности по проверке сведений, влияющих на риск возникновения коррупции среди определённых публичных служащих (проверка т.н. «конфликта интересов») или в отдельном сегменте регионального управления (муниципальная служба).

Механизм государственно-общественного партнёрства также отнесён в рассматриваемой региональной программе к достижениям предыдущего этапа развития антикоррупционного контроля [72, с. 56; 180, с. 28; 486, с. 9]. Акцент сделан на расширении влияния институтов гражданского общества в деятельности по противодействию коррупции. В качестве позитивного результата в Антикоррупционной Программе Татарстана обозначено включение представителей общественности в состав различных комиссий и советов, наделённых функциями антикоррупционного контроля.

Примечательно, что близкий по смыслу механизм государственно-частного партнёрства практически не представлен в положениях Антикоррупционной Программы Татарстана. Он выражается лишь в двух мероприятиях: проведении социологических исследований и организации антикоррупционного обучения. Однако роль государства в обозначенном механизме остаётся определяющей, а иногда и доминирующей.

В Республике Татарстан статичным механизмом осуществления антикоррупционного контроля является свойственный всем российским регионам т.н. «компенсационный подход» [224, с. 260; 378, с. 91]. Его суть сводится к

определённому дозволённому уровню бюджетных расходов, необходимых для минимизации негативных последствий коррупции, которая сопровождает процесс достижения долгосрочных социально-экономических задач.

Такой же механизм прослеживается в плоскости разработки и использования некоторых инновационных технологий, которые направлены на объективизацию и ускорение обработки сведений, связанных с выявлением коррупции. В частности, согласно Антикоррупционной Программе Татарстана, реализация основных мер предполагала бюджетные расходы объёмом в 50 млн. рублей.

При этом анализируемый механизм в силу своей архаичности не лишён дефектов. Например, отмеченное ресурсное обеспечение касается интересов только республиканских органов власти, которые непосредственно участвуют в антикоррупционной деятельности, и определённых общественных объединений, аккредитованных ими. Центром по координации превентивных мер в Татарстане обозначено региональное Министерство юстиции, но фактически оно занимается лишь сбором ведомственной отчётности о проведённых программных мероприятиях.

Охарактеризованный механизм позволяет соединить в одном акторе объекты и субъекты антикоррупционного контроля, что нельзя считать рациональным подходом программирования мер по противодействию коррупции. В масштабах всей страны это наглядно прослеживается в отрицательной динамике компенсации тех потерь, которые вызваны коррупционным оборотом.

Попытка российских регионов по примеру федеральной власти отделить общественные антикоррупционные советы от органов исполнительной власти, включая правоохранительные органы, не сопровождается наделением их контрольными полномочиями. Тем самым реальными акторами антикоррупционного контроля остаются государственные и муниципальные органы и должностные лица с формальным общественным участием, ограниченным бюрократическими барьерами. Примечательно, что такие условно негосударственные институты всецело финансируются из региональных

бюджетов, хотя логичнее было бы организовать их материально-финансовое обеспечение из специальных внебюджетных фондов, которые к настоящему моменту не образованы ни в одном субъекте Российской Федерации (Рисунок 2.19).

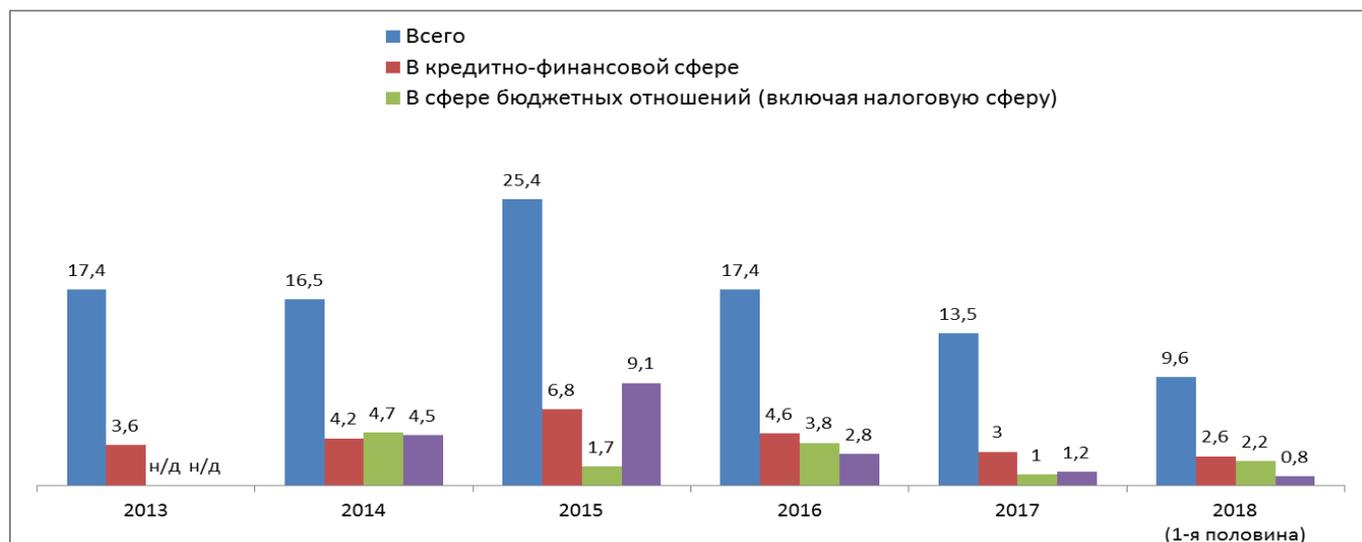

Рисунок 2.19 - Сумма изъятого имущества, денежных средств, ценностей млрд.
Источник: составлен автором по данным Росфинмониторинга.

Вместе с тем, возвращаясь к управленческой практике Республики Татарстан, можно выявить отдельные признаки заинтересованности властей в расширении объективности антикоррупционного контроля. Помимо традиционной открытости в принятии решений органами исполнительной власти, аналогичный принцип адресован Антикоррупционной Программой Татарстана тем общественным образованиям, которые призваны предупреждать коррупцию. Единственным способом достижения данной задачи служит обязательность вовлечения общественности в процесс по превентивному воздействию на коррупционный оборот.

Отмеченный характер программных мероприятий на примере Татарстана демонстрирует сосредоточение антикоррупционного контроля вокруг административных акторов с условным делегированием отдельных полномочий общественным советам и комиссиям, существующим при органах власти. При этом отсутствует алгоритм разграничения государственного контроля от

общественного, что превращает последний в продолжение реализации тех мер, которые запрограммированы на государственном уровне.

В определённой степени способствовать этому могут отдельный инновационный механизм, внедряемый Республикой Татарстан. Одним элементом из таких средств выступает оценка коррупционного риска. Региональные административные акторы несут обязанность ежегодно устанавливать сферы общественных отношений, наиболее сопряжённые с повышенным коррупционным интересом. Если подобные сегменты экономики не находятся в предмете ведения Татарстана, его власти лоббируют внедрение экспериментальных мер по контролю над такими коррупционными проявлениями на федеральном уровне.

Вместе с тем в действующей Антикоррупционной Программе Татарстана не прослеживается механизм, позволяющий установить степень коррупционных рисков. Поэтому подобный способ противодействия коррупции фактически отдан на административное усмотрение, т.е. республиканским органам исполнительной власти. Именно они без обязательного участия общественных организаций могут определять те сферы и должности, которые сопряжены с подобным риском. В свою очередь, каким образом органы власти оценивают возможность его наступления, остаётся закрытым процессом. Тем самым измерение коррупционных рисков происходит теневым, т.е. неформальным способом, институционализированным в управленческую практику.

Примечательно, что в Российской Федерации действуют методические рекомендации по решению данного вопроса [61], но предметом их применения служат только контрольно-надзорные органы. При этом критерии, необходимые для выявления повышенных коррупционных рисков, в равной степени можно спроецировать на другие объекты антикоррупционного контроля, включая негосударственные корпоративные структуры.

В частности, к потенциально опасным коррупционным сферам относятся практически все действия, предполагающие публичный надзор и контроль. В рамках исполнительной власти подобной деятельностью занимаются практически

все органы и должностные лица. Доступ к государственному имуществу и управлению им также влечёт повышенный коррупционный риск, равно как система государственных и муниципальных услуг. Такие полномочия, как предоставление разрешительной документации и привлечение к ответственности (преимущественно к административной), являются коррупционно привлекательными для соответствующих акторов, что требует от субъектов федерации выработки антикоррупционных мер.

Необходимо признать, что решение указанной проблемы видится в контроле экономических интересов при определении объектов антикоррупционной борьбы. Невозможно охватить все сферы, потенциально сопряжённые с коррупцией, что вынуждает региональные власти отдавать предпочтение одним отношениям в ущерб другим. Это вызвано непрозрачностью норм и не всегда адекватным восприятием коррупционных рисков.

Проявлением такой организационной патологии выступает абсолютизация борьбы с «низовой» коррупцией, когда основные административные ресурсы направлены на выявление незначительного ущерба от действий рядовых должностных лиц. Тем самым более высокая по уровню – деловая коррупция – остаётся за рамками контрольных мероприятий, несмотря на широкую известность об экономической активности граждан, аффилированных с представителями административной элиты.

Рассмотренные механизмы антикоррупционного контроля сложились в целом ряде российских регионов. Так, в программе противодействия коррупции, принятой в Республике Марий Эл [45], выделяется не только компенсационный механизм, но и механизм реструктуризации, который носит преимущественно репрессивный характер. Он является показательным для большинства субъектов федерации, которые раскрывают свои антикоррупционные достижения лишь в части официальной статистики по лицам, привлечённым к ответственности (Приложение Н).

Отмеченная особенность подтверждает акцент на посткоррупционную реакцию, которая находится в диспропорции между «низовым» уровнем

коррупции и более «высокими» её проявлениями на уровне высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Несмотря на обязательность привлечения нарушителей к ответственности, данный подход не позволяет значительно снизить размер коррупционного ущерба национальной экономики на фоне возрастания ВВП (Рисунок 2.20).

Рисунок 2.20. Размер теневой экономики в России.

Источник: составлен автором по материалам Росфинмониторинг, Росстат.

Например, в Республике Марий Эл в 2018 г. ущерб от коррупции превысил 19 млн. рублей только в рамках выявленных преступных действий. Непосредственно в республиканский бюджет удалось вернуть только 10 млн. [633]. Такая диспропорция прослеживается на примере 2017 г., когда коррупционный ущерб составил 5 млн. р. и лишь половина - 2,5 млн. – были возвращены в бюджет Марий Эл [657]. При этом общий коррупционный оборот в данном субъекте федерации значительно превышает приведённые показатели, поскольку включает в себя не только официально раскрытые преступления, но и иные формы коррупции.

В рамках задач, обозначенных в республиканской антикоррупционной программе, выделяется потребность в усилении контрольной составляющей. Однако она прослеживается лишь по трём направлениям публичных финансов [252; 255]:

- 1) государственные и муниципальные закупки;
- 2) реализация кадровой политики;
- 3) выявление коррупционных условий.

Констатация необходимости антикоррупционного контроля говорит о переходном периоде между преобладанием правоохранительной посткоррупционной реакции и усилением ведомственного участия в предупреждении коррупции. Заключительным этапом в данном процессе должна быть институционализация государственно-общественного партнёрства, дефицит которого остро прослеживается в российских регионах.

Так, в Республике Марий Эл превентивная работа по противодействию коррупции централизована на Администрации Главы региона. Именно она выступает основным республиканским институтом антикоррупционного контроля на фоне федеральных правоохранительных органов. Концентрация полномочий построена на дихотомии, разграничивающей антикоррупционный контроль на общий (реализуемый Администрацией Главы Республики Марий Эл) и специальный (осуществляемый Управлением по профилактике коррупционных и иных правонарушений, функционирующем так же при Главе Республики).

Поскольку антикоррупционный контроль невозможен без гражданского участия, в Республике Марий Эл в механизме его реализации обозначено привлечение экспертного сообщества. Вместе с тем данный актор значительно ограничен в своих полномочиях и участвует лишь в выработке антикоррупционных планов на краткосрочной основе. Непосредственно в реализации и в измерении эффективности мер по противодействию коррупции экспертное сообщество не задействовано.

Аналогичная посткоррупционная направленность проявляется в механизме антикоррупционного контроля, функционирующем в Краснодарском крае. Так, преимущественно обладают антикоррупционные проверки по фактам нарушений со стороны государственных и муниципальных служащих. Вследствие этого краевые власти сконцентрированы лишь на механизме, призванном предупредить коррупционное поведение среди данных лиц в следующих формах [38; 67; 141]:

- 1) антикоррупционное образование;
- 2) антикоррупционное просвещение;
- 3) контроль обращений обычных граждан.

Антикоррупционные проверки в Краснодарском крае носят в основном предварительный кадровый характер, когда исследованию подвергается имущественный статус лица, претендующего на определённую должность. Что же касается текущего контроля, то он сконцентрирован на сборе сведений о публичных служащих низового звена и на адресной проверке должностных лиц среднего уровня.

Следует отметить, что такой вектор реализации антикоррупционного контроля демонстрирует признаки механизма, названного в научных публикациях «выборочным» [406, с. 144; 454, с. 11]. Фактически его можно признать преобладающим способом предупреждения коррупции со стороны региональных институтов, поскольку их ресурсная основа предельно ограничена. Тем самым заниматься полномасштабными проверками экономической активности всех должностных лиц не удастся по объективным обстоятельствам. Отчасти данная проблема спровоцирована системными дефицитами бюджетов субъектов Российской Федерации, что не позволяет расширить ни кадровую, ни материально-техническую базу антикоррупционного контроля.

На примере Краснодарского края данный дефект привёл к ограничению количества плановых антикоррупционных проверок. В частности, в отношении конкретного должностного лица допустима лишь одна проверка за трёхлетний период [26]. Примечательно, что на федеральном уровне данный вопрос не урегулирован, а его институциональным дизайном занимаются исключительно субъекты федерации.

В качестве средства реализации антикоррупционного контроля в Краснодарском крае, как и во многих российских регионах, отдаётся предпочтение документарным проверкам. Как правило, они носят камеральный характер, что связано с указанными выше ограниченными возможностями институтов предупреждения коррупции. Тем самым любые внеплановые

мероприятия, направленные на объекты антикоррупционного контроля, подлежат согласованию с главой региона и при участии правоохранительных органов.

Кроме материальных и кадровых ограничений, необходимо отметить процедурные особенности антикоррупционных инспекций. Например, в Краснодарском крае инспектор не может заниматься проверкой в условиях отсутствия представителя руководства той организации, которая стала объектом контроля. Тем самым достаточно лишь проигнорировать проверку, чтобы получить дополнительное время в целях сокрыть или подделать необходимые документы.

В силу подобного характера документарные проверки выступают архаичным выражением регионального антикоррупционного контроля. Это значительно препятствует процессу объективизации соответствующей информации, что сопровождается такой бюрократической традицией, как ведение «двойной» документации [114, с. 366; 375, с. 399; 521, с. 1368]. Очевидным остаётся перспектива расширения категории сведений, с помощью которых можно предупредить наступление коррупционного факта, в том числе за счёт анализа всей деятельности, а не только формальной отчётности.

Наиболее наглядно выявленная проблема представлена в организациях, не имеющих статуса регионального органа власти, но выполняющих ряд государственных и муниципальных функций. Данные корпоративные формы публичного управления укоренились в субъектах Российской Федерации, что позволяет завуалировать их деятельность, носящую исполнительно-распорядительный характер, но мимикрирующую под некоммерческие структуры.

Так, в Республике Татарстан подобные организации являются юридическими лицами, которые не относятся к органам исполнительной власти. Вместе с тем им предоставлены отдельные властно-публичные полномочия, в том числе по принятию государственно-управленческих решений. В качестве примера можно назвать государственное казённое учреждение «Главное инвестиционно-строительное управление РТ», некоммерческая организация «Государственный

жилищный фонд при Президенте Республики Татарстан», государственное учреждение «Центр контроля качества и сертификации лекарственных средств Республики Татарстан» и др.

Должностные лица указанных корпоративных структур не являются государственными или муниципальными служащими, что позволяет им избежать соблюдения антикоррупционных ограничений и запретов. Они лишены ряда обязанностей, в том числе связанных с раскрытием своего имущественного статуса и экономической активности. При этом деятельность, которой занимаются подобные организации, как правило, имеет высокий коррупционный риск [111, с. 141; 363, с. 5; 468, с. 59].

Например, в Архангельской области механизм антикоррупционного контроля носит распределённый характер. Это выражается в закреплении конкретных мероприятий за определённым актором политики по противодействию коррупции. В частности, в областном антикоррупционном плане выделяются два государственных учреждения, ответственных за реализацию отдельных задач в рамках соответствующей региональной политики [28].

Государственному юридическому бюро Архангельской области поручено оказывать на безвозмездной основе консультации гражданам в связи с их обращениями касательно коррупционных нарушений. Ограничение по образовательным мероприятиям наблюдается на примере полномочий Архангельского регионального ресурсного центра. Он занимается профессиональной переподготовкой и повышением квалификации публичных служащих, а также муниципальных должностных лиц, в том числе избранных.

Отдельной рекомендацией в действующем антикоррупционном плане Архангельской области обозначено участие политических партий, саморегулируемых организаций и общественных объединений по формированию нетерпимости коррупции среди граждан. Вместе с тем полномочия в области проведения контрольных мероприятий за указанными акторами в Архангельской

области не закреплены, что, в целом, не отрицает возможностей осуществления ими некоторых антикоррупционных функций.

Однако далеко не все мероприятия, образующие тот или иной механизм антикоррупционного контроля в субъекте Российской Федерации, обладают детализированным характером. Многие их направления сформулированы в региональных программах и в планах по противодействию коррупции весьма абстрактно либо носят «лозунговый» подтекст.

Например, в Республике Якутия (Саха) в рамках действующего механизма антикоррупционного контроля обозначен целый ряд мероприятий, являющихся, по существу, задачами, а не конкретными действиями, которые должны осуществить акторы соответствующей региональной политики [27]. К числу таковых относится обеспечение принятия мер, направленных на повышение эффективности антикоррупционного контроля за публичными служащими. При этом из официальных документов, применяемых в Якутии, не вполне понятно, каким образом должно происходить заявленное «повышение».

Единственный способ отследить конкретные меры, призванные повысить эффективность антикоррупционного контроля в Республике Якутия, это изучение докладов, подготавливаемых отдельными участниками регионального плана по противодействию коррупции. В частности, Администрация Главы Республики утверждает ежегодно методические рекомендации по выполнению публичными служащими обязанностей, направленных на раскрытие доходов, расходов и имущества. Но в подобных документах лишь детализирован механизм подготовки соответствующей документации и отсутствуют меры по проведению антикоррупционного контроля.

Отсутствует конкретизация мер, направленных на «повышение эффективности контроля», в документах специализированного Управления по профилактике коррупционных и иных правонарушений, функционирующего при Главе Республики Якутия (Саха). Тем самым можно сделать вывод, что заявленная в региональном антикоррупционном плане мера выступает не действием, которое должны реализовать органы управления, а задачей. При этом

каждый актер антикоррупционного контроля может воспринимать её по-разному, не отчитываясь о фактической деятельности, которая привела к изменению эффективности проводимых проверок.

В то же время действующий в Республике Якутия (Саха) механизм антикоррупционного контроля направлен не только на борьбу с коррупцией в органах власти и местного самоуправления, но и в отдельных бизнес-сферах. Так, внедрение в региональные организации процедур внутреннего контроля обозначено в качестве одного из главных мероприятий, требующих участия специальных институтов. Последние представлены в виде республиканской Торгово-промышленной палаты и Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Якутии.

На практике реализация указанного мероприятия выразилась лишь в разработке антикоррупционного стандарта, который был рекомендован для использования в локальном нормотворчестве юридических лиц вне зависимости от их формы собственности. Каким образом региональные институты противодействия коррупции могут проследить соблюдение таких стандартов и выявить факты т.н. «деловой коррупции» среди бизнес-акторов, в настоящий момент остаётся неразрешённым вопросом.

В качестве сфер, обладающих повышенным коррупционным риском, в Республике Якутия (Саха) обозначены: жилищно-коммунальное хозяйство, экология, землепользование, долевое участие в строительстве, топливно-энергетический комплекс. Однако единственной мерой, позволяющей активизировать работу по установлению коррупционных фактов в обозначенных сегментах региональной экономики, остаётся направление соответствующих материалов в правоохранительные органы.

Таким образом, на примере Республики Якутия (Саха) становится очевидным недостаток в дефиците регламентирующих инструментов касательно механизма антикоррупционного контроля. Кроме стандартных способов, применяемых во всех российских регионах, в Якутии отсутствуют

дополнительные меры, несмотря на попытку их абстрактного обозначения в республиканских антикоррупционных документах.

Описанный дефект отчасти обоснован особенностями природно-климатического, географического, демографического и социально-экономического характера Якутии. Дефицит кадровых ресурсов проецируется на недостатки в реализации отдельных антикоррупционных полномочий. При этом столица данного региона за последние годы систематически ставится в пример тех городов, в которых повышается эффективность антикоррупционного контроля [599]. Однако весь его механизм построен на постреакционной модели, при которой значение приобретают правоохранные органы, а не институты предупреждения коррупции. В результате ущерб от выявленных коррупционных нарушений не покрывает затраты бюджета на профилактику коррупции (Рисунок 2.21).

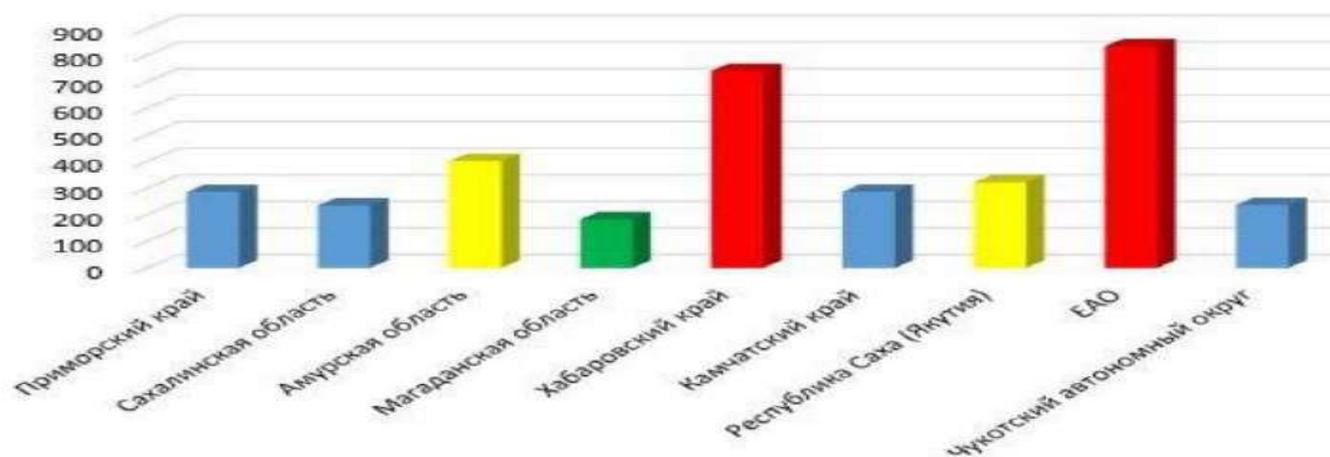

Рисунок 2.21 - Рейтинг коррумпированности субъектов ДФО по итогам 2017 г.
Источник: Дальневосточный центр политических исследований [666].

Аналогичный подход прослеживается в Свердловской области. В региональной антикоррупционной программе подчёркивается, что «правовыми актами Свердловской области урегулированы все основные вопросы в сфере противодействия коррупции» [47]. При этом касательно механизма антикоррупционного контроля отсутствуют не только методические основания, но и распределение полномочий среди областных институтов.

Акцент в превентивной деятельности по противодействию коррупции в Свердловской области сделан на работу с кадрами, в связи с чем действует несколько региональных подпрограмм, направленных на ужесточение требований к кандидатам на публичные должности и к их отчётности о своём имущественном статусе.

Представляется, что реализация антикоррупционного контроля лишь в форме документарных проверок носит архаичный характер. В условиях, когда основная отчётность приобрела электронный оборот, а все подконтрольные органы и организации обладают доступом и к сети Интернет, и к специализированным государственным сетям, необходим переход к следующему этапу развития противодействия коррупции. В качестве такового выступает активизация антикоррупционного контроля и его разнообразных форм.

Механизм, позволяющие реализовать превентивную работу в области борьбы с коррупцией, не должен сводиться лишь к формальному обучению публичных служащих и к периодической сдаче ими отчётности о своём имущественном статусе. Значение приобретает проверка предоставленной информации и развитие альтернативных способов сбора и анализа сведений. Если субъекты антикоррупционного контроля используют в качестве источников получения информационных ресурсов лишь официальные базы данных, это неизбежно приводит к снижению эффективности проводимой ими работы.

Ярким примером может служить проверка сведений об имуществе, приобретаемом публичными служащими. В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации контроль за соблюдением имущественных ограничений и запретов реализуется при помощи государственных реестров и кадастров. Вместе с тем они заполнены достоверными сведениями лишь отчасти, а по некоторым категориям объектов недвижимости и вовсе имеют значительные пробелы. В связи с этим институты антикоррупционного контроля могут годами не знать об истинном имущественном статусе должностных лиц, что позволяет последним длительное время заниматься коррупционной деятельностью. Вследствие такого подхода нивелирована роль гражданского общества в контроле

за региональной властью, а также отсутствии легитимных способов его реализации институтами антикоррупционного контроля. В связи с этим нами предложен механизм реализации антикоррупционного контроля (Рисунок 2.22).

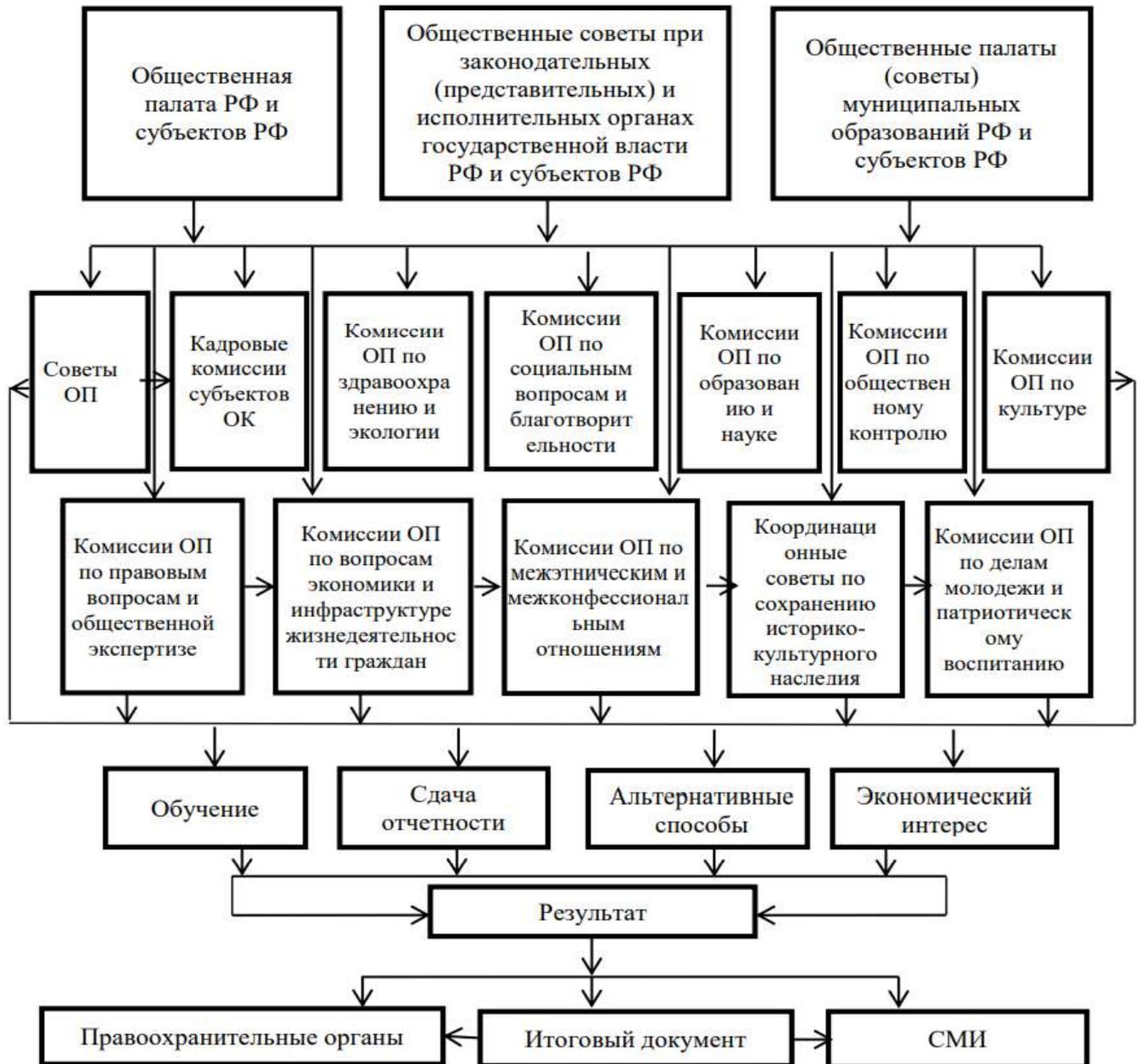

Рисунок 2.22 - Механизм антикоррупционного контроля.

Источник: разработан автором.

Помимо этого, используемые в ходе антикоррупционных проверок реестры и кадастры не носят открытый характер, как это наблюдается в странах Европы, в США, Японии, Сингапуре, КНР и ряде других государств. Тем самым теряется сам смысл существования системы регистрации объектов недвижимости в

субъектах Российской Федерации. Институты общественного антикоррупционного контроля зачастую не обладают прямым доступом к сведениям, содержащимся в указанных реестрах и кадастрах. А в отдельных случаях записи подвергаются специальной шифровке, введённой с 2017 г. в Российской Федерации.

В связи с этим всё чаще наблюдаются прецеденты скандальных разоблачений региональных должностных лиц в части их коррупционного поведения, развиваемого на протяжении nepoзвoлитeльнo длитeльнoгo вpeмeни. Примечательно, что такие «инструменты» борьбы с коррупцией приобретают характер политических технологий, когда в преддверии региональных и местных выборов, а также на фоне проводимых в субъекте федерации экспериментальных мероприятий происходит «теневое» воздействие на основных акторов антикоррупционного контроля – на государственную власть.

В результате исследования механизма регионального антикоррупционного контроля следует спрогнозировать ряд институциональных преобразований:

- корректировку методов проведения антикоррупционных проверок;
- расширение форм и участников антикоррупционных проверок с постепенным переходом системы противодействия коррупции от вертикальной к сетевой, что снизит административное влияние на управленческие решения в данной сфере;
- переход к государственно-общественному партнёрству как перспективному механизму, обеспечивающему объективность антикоррупционного контроля, с планомерным отказом от обязательной аккредитации общественных организаций в качестве акторов процесса по предупреждению коррупции;
- пересмотр материальных, технических, кадровых и процедурных ресурсов, снижающих эффективность контрольных мер (переход от документарной к электронной системе, открытие реестров) с одновременным расширением источников базы сведений о возможных коррупционных фактах;

- переход от посткоррупционного к превентивному контролю, позволяющему предупредить наступление ущерба региональной экономике взамен недополучения компенсаций от виновных лиц;
- рассредоточить центры ответственности для диверсификации антикоррупционного контроля и сокращения неформальных правил, применяемых при проведении соответствующих проверок.

Выводы по Главе II

1. Установлено, что разграничение антикоррупционного контроля на виды в зависимости от его предмета не позволяет выявить типологические особенности, равно как разделение средств противодействия коррупции по частным и публичным сферам. Вследствие этого субъекты Российской Федерации используют общий набор инструментов для предупреждения коррупционных проявлений. Критерий, выделяющий определённые методы антикоррупционного контроля, должен исключать его формы, поскольку значение приобретают приёмы и способы получения необходимой информации и её обработки. При этом влияние методов на типологизацию контроля на общий и специальный в современной управленческой практике российских регионов не обнаружено. Тем самым антикоррупционный контроль может формироваться и осуществляться одинаковым набором методов, но с акцентом на определённые средства и приёмы в зависимости от прогнозируемой эффективности деятельности по предупреждению коррупции.

2. Поскольку в ходе исследования были обнаружены специфические черты методик выявления экономических интересов в противодействии коррупции, предлагается классифицировать не только методы антикоррупционного контроля, но также его региональные стратегии и программы. Последние, в свою очередь, подразделяются в зависимости от преобладания того или иного механизма предупреждения коррупции (компенсационных, реструктуризационных, процедурных и др.). При этом большинство субъектов Российской Федерации

стремятся заложить в антикоррупционные программы равнозначный подход к основным методам превентивного воздействия на коррупцию, что на современном этапе государственного управления нельзя считать эффективным подходом. Исходя из этого нами был предложен организационно-управленческий механизм реализации антикоррупционного контроля.

3. Выявлено, что в рамках действующих региональных программ не содержится механизма определения субъектности для общественных структур, занимающихся антикоррупционным контролем. Прямой контакта региональной власти с независимыми институтами гражданского общества, по существу, не установлено. Это проявляется в сложной системе признания со стороны субъекта федерации кого-либо в качестве лица, уполномоченного заниматься общественным антикоррупционным контролем. В результате большинство потенциальных участников данной деятельности остаются без доступа к подобным полномочиям.

4. Классификация антикоррупционного контроля на внутренний и внешний зависит не только от организационного статуса участников данного процесса, но и от их интересов в достижении результатов по установлению коррупционных проявлений. Тем самым очерчивается круг независимых антикоррупционных проверок. Если контроль инициирован или проводится лицом, имеющим прямой либо косвенный экономический интерес в сокрытии коррупционных фактов, его следует признать организационной патологией.

5. Анализ институциональной основы регионального антикоррупционного контроля подтвердил, что в современной управленческой практике парламентский антикоррупционный контроль сведён к политическому уровню. Он является лишь способом формирования норм и условий для противодействия коррупции, а не институтом по осуществлению превентивных мер. Законодательные собрания субъектов Российской Федерации ограничиваются двумя имеющимися полномочиями: заслушивают на своих плановых заседаниях представителей различных органов власти и направляют определённые запросы для получения аналитической информации. В обоих случаях региональные

парламенты используют полученные сведения в своей правотворческой деятельности, но не занимаются контролем тех сфер, в которых наблюдаются коррупционные факты. Это подтверждает попытку сформировать распределённую систему противодействия коррупции, что отчасти должно объективизировать антикоррупционный контроль и сделать его более независимым от региональных элит в связи с этим нами была разработана развёрнутая система формализации антикоррупционного контроля.

6. Институты антикоррупционного контроля являются разрозненной системой органов и организаций, которые призваны сформировать и реализовать превентивные меры противодействия коррупции. При этом в Российской Федерации данная система приобрела такие институциональные формы, которые привели к диспропорции административных полномочий. Последнее выражается в дефиците исполнительского звена, которое фактически представлено посткоррупционными реакциями правоохранительных органов и усечёнными превентивными возможностями иных органов и организаций, включая формализацию и бюрократизацию государственно-общественного партнёрства. Кроме того, преобладание правоохранительного сегмента влечёт разделение институтов антикоррупционного контроля на формальные и неформальные. В связи с этим нами предложена развёрнутая организационно-управленческая структура региональных советов по противодействию коррупции.

7. Представляется, что реализация антикоррупционного контроля лишь в форме документарных проверок носит архаичный характер. В условиях, когда основная отчётность приобрела электронный оборот, а все подконтрольные органы и организации обладают доступом к сети Интернет и к специализированным государственным сетям, необходим переход к следующему этапу развития противодействия коррупции. В качестве такового выступает активизация антикоррупционного контроля и его разнообразных форм.

8. Многие мероприятия, образующие определённый механизм антикоррупционного контроля в субъекте Российской Федерации, обладают детализированным характером. Их направления сформулированы в региональных

программах и в планах по противодействию коррупции весьма абстрактно либо носят «лозунговый» подтекст. В связи с этим был предложен механизм реализации антикоррупционного контроля, который позволит реализовать превентивную работу в области борьбы с коррупцией, а не будет сводиться лишь к формальному обучению публичных служащих и к периодической сдаче ими отчётности о своём имущественном статусе. Значение приобретёт проверка предоставленной информации и развитие альтернативных способов сбора и анализа подобных сведений, в том числе по выявлению экономических интересов. Если субъекты антикоррупционного контроля будут использовать в качестве источников получения информационных ресурсов лишь официальные базы данных, это неизбежно приводит к снижению эффективности проверок.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ТЕНЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

3.1. Мониторинг экономической безопасности субъектов Российской Федерации методами антикоррупционного контроля

На международном неправительственном уровне применительно к типизации государственного управления за основу берутся индикаторы, выработанные Институтом Всемирного Банка и его Исследовательского отдела. Механизм определения подобных показателей получил наименование «The Worldwide Governance Indicators» (далее – WGI) [743, p. 11; 744, p. 225]. Он характеризует по концепции Кауфмана-Крэя состояние институтов и традиций осуществления власти в стране, в том числе с учётом коррупционного влияния [742, p. 56] (Рисунок 3.1).

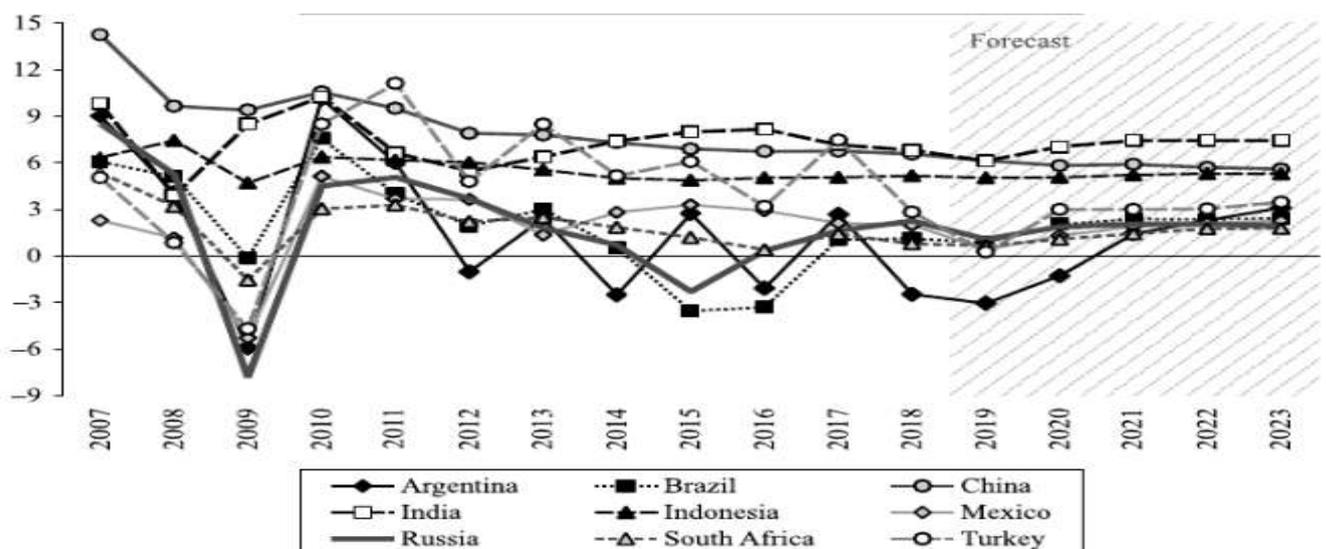

Рисунок 3.1 - Реальный ВВП в крупных странах с формирующейся рыночной экономикой (годовое процентное изменение), 2007-2018 годы и прогноз МВФ на 2019-2023 годы.

Источник: word bank (https://www.researchgate.net/figure/Russia-World-Banks-Worldwide-Governance-Indicators-1996-2018-Source-World-Bank_fig9_338080979).

В рамках рейтинга, составляемого ежегодно при помощи индикаторов Всемирного Банка, рассматриваются шесть ключевых параметров. Последним из них значится «Control of Corruption» (антикоррупционный контроль), который понимается несколько специфичнее, чем в российской практике (Таблица 3.1).

Таблица 3.1 - Рейтинг коррупции: Динамика в 2016 – 2020 гг.

Indicator (Institution)	Country	2016	2017	2018	2019	2020
Corruption Perception Index (Transparency International)	USA	7.1	73	73	74	76
	Germany	8.0	79	78	79	81
	Russia	2.4	28	28	27	29
	Congo, Dem, Rep.	2.0	21	22	22	22
Freedom from Corruption/ Index of Economic Freedom (Heritage Foundation)	USA	75	71	71	72	73
	Germany	80	79	80	80	78
	Russia	22	21	24	22	28
	Congo, Dem, Rep.	19	20	20	17.6	22
Control of Corruption/Worldwide Governance Indicators (World Bank)	USA	1.27	1.38	1.30	1.30	1.38
	Germany	1.71	1.78	1.80	1.80	1.82
	Russia	-1.04	-1.01	-1.00	-0.90	-0.86
	Congo, Dem, Rep.	-1.40	-1.30	-1.30	-1.30	-1.25

Источник: составлена автором по материалам: «Всемирные показатели управления» (WGI) (<https://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

В частности, такой контроль должен показывать отношение к коррупционным фактам граждан и общества (по отдельности и в совокупности). Последние трактуются Кауфманом и Крэм как возможность должностных лиц (прежде всего, в области публичной службы) использовать предоставленные полномочия для получения частной выгоды [744, p. 233].

В силу этого методы и меры антикоррупционного контроля не могут концентрироваться только вокруг поведения публичных служащих [142; 143]. Они должны быть направлены на формирование соответствующей реакции у всего общества, т.е. обладать широким информационным потенциалом и соответствовать реальному положению вещей.

Измерение коррупционного оборота страны проводится не только по общенациональным тенденциям, но и по тем показателям, которые фиксируются в регионах. Особенно наглядно такой акцент в международных рейтингах прослеживается на примере федеративных государств.

Применительно к субъектам Российской Федерации оценка носит дихотомический характер и ограничивается деятельностью двух категорий публичных служащих – государственных и муниципальных. Вместе с тем значение приобретают и другие объединения граждан, включая бизнес-сообщества и некоммерческий сектор.

Тем самым в плоскости WGI оценка антикоррупционного контроля заключается не только в изучении реально работающих механизмов государственного управления, но и контактов власти с гражданами. Наиболее удобным критерием здесь выступает территориальная локализация до уровня муниципалитета или региона. В таком срезе можно проследить, какие субъекты федерации находятся в статике или динамике собственной деятельности по превенции коррупции, включая эффективность применения антикоррупционного контроля.

Отчасти данный тезис прослеживается в тех международных стандартах, которые призваны унифицировать политику по противодействию коррупции. Так, одним из неотъемлемых условий является участие институтов гражданского общества [681, р. 203; 709, р. 62; 720, р. 110]. При этом методическая составляющая на государственном и государственно-общественном уровнях антикоррупционного контроля, как правило, не совпадает [702, р. 13; 708, р. 155].

В широком виде меры антикоррупционного контроля предполагают активные действия акторов, в том числе экономических, в области превентивного противодействия коррупции. К ним традиционно относятся [132, с. 31; 319, с. 28; 357, с. 31]:

- проверочные мероприятия в области соблюдения антикоррупционных стандартов и правил;
- меры, направленные на реализацию принципов открытости и прозрачности тех видов деятельности, которые сопряжены с высоким коррупционным риском;
- меры по содействию институтам гражданского общества в повышении независимости и эффективности проводимого контроля (Таблица 3.2).

Таблица 3.2 - Взаимозависимость антикоррупционного контроля.

Субъекты	Функции	Мероприятия	Направления деятельности
Президент Российской Федерации	- определяет основные направления; - устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти	- формируют в обществе нетерпимость к коррупционному поведению; - организуют антикоррупционную экспертизу; - рассматривают, не реже одного раза в квартал вопросы правоприменительной практики в целях выработки и принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений; - предъявляют в установленном порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами; - устанавливают в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы; - внедряют в практику кадровой работы правила, в соответствии с которыми длительное, беспрекословное и эффективное исполнение своих должностных обязанностей должно учитываться при назначении на вышестоящую должность	- проведение единой государственной политики; - создание механизма взаимодействия; - принятие мер на негативное отношение к коррупции; - совершенствование системы и структуры общественного контроля; - введение антикоррупционных стандартов; - унификация прав, ограничений, запретов и обязанностей; - обеспечение доступа граждан к информации; - обеспечение независимости СМИ; - неукоснительное соблюдение принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность; - совершенствование организации деятельности; - совершенствование порядка прохождения государственной и муниципальной службы; - обеспечение добросовестности при размещении заказов для государственных или муниципальных нужд; - устранение необоснованных запретов и ограничений; - совершенствование порядка использования государственного и муниципального имущества; - укрепление международного сотрудничества; - усиление контроля за обращением граждан; - передача части функций негосударственным организациям; - сокращение численности государственных и муниципальных служащих с привлечением квалифицированных специалистов; - повышение ответственности за непринятие мер по устранению причин коррупции; - оптимизация и конкретизация полномочий должностных лиц
Федеральное Собрание Российской Федерации	- обеспечивает разработку и принятие федеральных законов; - контролирует деятельность органов исполнительной власти		
Правительство Российской Федерации	- распределяет функции между федеральными органами исполнительной власти		
Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления	- осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий		
Органы в составе представителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ	- обеспечивают координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления		
Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры	- координирует деятельность правоохранительных органов.		
Счетная палата Российской Федерации	- обеспечивает противодействие коррупции в соответствии с ФЗ		

Источник: составлена автором.

Что же касается такой категории, как «мера антикоррупционного контроля», то она раскрывается через следующие формы:

- информирование;
- проверочные действия;

- предписания в ходе или по итогам проверок;
- ведение проверочной документации, включая специализированные реестры и кадастры;
- фиксация признаков коррупции и условий, способствующих её возникновению;
- экспертизы различных объектов и пр. [171, с. 169; 193, с. 55; 271, с. 36].

Если провести терминологическое отличие между категориями «мера» и «метод» антикоррупционного контроля, то можно выявить такую закономерность: метод имеет свойство воплощаться в разных мерах, которые, в свою очередь, преследуют одну и ту же цель по установлению коррупционного проявления, а равно прогнозированию причин и условий, способствующих ему.

Если провести терминологическое отличие между категориями «мера» и «метод» антикоррупционного контроля, то можно выявить такую закономерность: метод имеет свойство воплощаться в разных мерах, которые, в свою очередь, преследуют одну и ту же цель по установлению коррупционного проявления, а равно прогнозированию причин и условий, способствующих ему.

Проблема современного восприятия методов и мер антикоррупционного контроля заключается в их смешении. Во многом данная ситуация детерминирована подходом, изложенным в официальных управленческих актах, фиксирующих стратегии и концепции субъектов Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Так, в категорию «исследование» попадают практически все мероприятия, проводимые в рамках противодействия коррупции в Республике Татарстан [33].

Условно их можно сгруппировать в три блока:

- получение определённой информации об объектах антикоррупционного контроля (сбор сведений о доходах, расходах, имуществе, имущественных обязательствах, а также о соблюдении публичными служащими антикоррупционных запретов и ограничений);
- анализ собранных сведений об объектах антикоррупционного контроля (проверка на соответствие, формирование статистики, верификация результатов);

- информирование общества и лиц, ответственных за реализацию антикоррупционных стратегий, о результатах проведённых контрольных мероприятий, в том числе посредством размещения сведений в сети Интернет и через СМИ.

Аналогичные меры антикоррупционного контроля сложились в других субъектах Российской Федерации, что позволяет рассматривать их в качестве общей системы мероприятий. Это объясняется выработкой данных действий на федеральном уровне (указами Президента РФ) и обязанностью региональных властей внедрить (с 2010 г.) подобную систему в собственную управленческую практику. Тем самым перечисленные меры составляют фундамент антикоррупционного контроля, т.е. обязательный минимум, который должен реализовываться институтами противодействия коррупции на региональном уровне.

Таким образом, определяющим значением служит не сама мера, а порядок её осуществления (например, всеобщий или адресный, равный или избирательный, сопряжённый с коррупционными интересами или противостоящий им и т.д.). В частности, подобные процедурные особенности можно наблюдать в плоскости антикоррупционного контроля за расходами должностных лиц, что всегда носит спорный характер.

Так, российские регионы могут проверять экономический статус собственных публичных служащих в полном объёме и с помощью разнообразного инструментария [263, с. 135; 336, с. 33]. При этом средства, с помощью которых достигается данная задача, искусственно ограничены теми институциональными рамками, которые сложились на современном этапе [226, с. 131; 433, с. 995].

В частности, в Республике Татарстан объектами антикоррупционного контроля являются далеко не все расходы должностных лиц. Как правило, это хозяйственные операции, подлежащие государственной регистрации, т.е. сведения, содержащиеся в государственных реестрах и кадастрах (Рисунок 3.2).

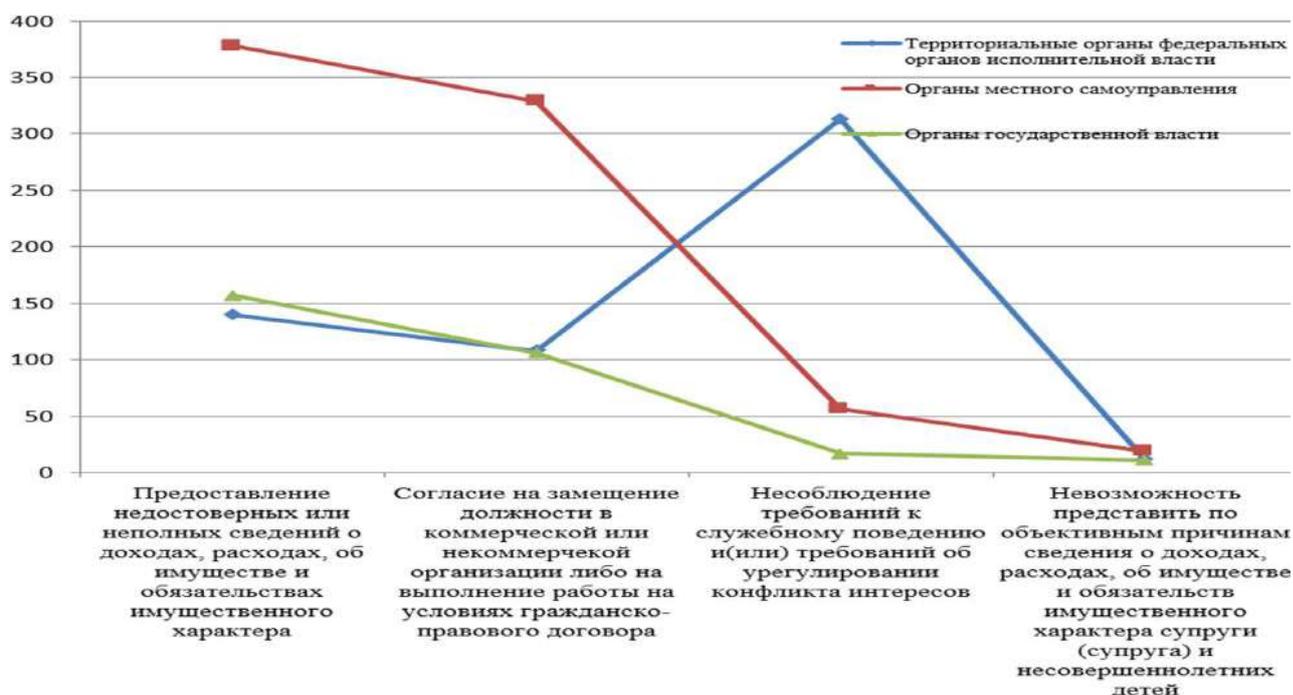

Рисунок 3.2. - Количество служащих (граждан, ранее замещавших должности служащих), в отношении которых комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов были рассмотрены материалы в 2019 г., чел.

Источник: составлен автором по данным Комитета Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу.

К ним относятся:

- объекты недвижимости (земельные участки, здания, сооружения, помещения в многоквартирных домах);
- транспортные средства;
- некоторые ценные бумаги;
- доли в уставных капиталах коммерческих организаций.

Однако проверке могут подвергаться лишь те материальные ценности, которые принадлежат либо самому должностному лицу, либо его супругу (супруге), либо его несовершеннолетним детям. Тем самым из-под контроля выведен большой круг граждан, окружающих в повседневной жизни публичного служащего (иные близкие родственники, включая родителей, братьев и сестёр, а также люди из близкого круга общения). Кроме того, отсутствует обязанность проводить схожую проверку в отношении юридических лиц, с которыми контактирует подконтрольный субъект.

Не включение в предмет антикоррупционной проверки иных ценностей зачастую обоснован объективной невозможностью региональных властей отследить хозяйственные операции с движимым имуществом и с финансами, не подлежащими государственной регистрации. Подобный подход представляется к настоящему времени несколько устаревшим, поскольку доступ к российской банковской информации у институтов антикоррупционного контроля технически возможен (по аналогии с налоговыми органами и органами бюджетного надзора).

Тем не менее, ни в институциональном плане, ни в практической плоскости не поднимается вопрос о расширении перечня объектов, в отношении которых может проводиться проверка расходов публичных служащих в субъектах федерации.

Например, в Смоленской области в 2013 г. под объекты регионального антикоррупционного контроля были введены наличные денежные средства, находящиеся в иностранных банках [35]. При этом проверка подобных сведений касается только тех банковских организаций, которые расположены за пределами Российской Федерации. Примечательно, что под соответствующий контроль не попали денежные средства, размещённые на счетах в российских банках.

Кроме того, современный финансовый рынок позволяет иметь капитал не только в банковском, но и в страховом секторе. Равным образом физическим лицам доступны различные активы в интернет-сервисах, мимикрирующих под банковские услуги, но формально не являющиеся таковыми. Возможность завуалировать наличные денежные средства под виртуальную эрзац-валюту также не считается объектом антикоррупционного контроля в региональной управленческой практике.

Отчасти это объясняется ограниченными полномочиями институтов, занимающихся превентивным противодействием коррупции. Все они завязаны на соответствующем межведомственном взаимодействии, т.е. на отношениях с органами государственного и местного управления, которые, в свою очередь, тоже отнесены к предмету антикоррупционного контроля. Отсюда гораздо более

широкие возможности имеются у институтов, осуществляющих постреакционную борьбу с коррупцией (Таблица 3.3).

Таблица 3.3. Динамика соотношения преступлений коррупционного характера и качества жизни населения в регионах Российской Федерации.

Регионы	Количество коррупционных преступлений, ед.											Рейтинг регионов РФ по количеству коррупционных преступлений в 2020 году	Рейтинг регионов РФ по качеству жизни (средн 83 субъектов РФ) в 2020 году
	Годы/тысяч												
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020		
Москва	185911	173628	180240	174990	182873	195239	173898	140134	140542	142081	146559	1	1
Санкт-Петербург	64370	59318	56439	55110	56463	56480	52351	52138	51420	48627	61309	6	2
Липецкая область	16267	15376	13482	13274	12334	14406	12369	12690	12344	12181	13234	55	12
Калужская область	17979	15086	14783	15727	16808	18218	16193	17638	16941	15595	17209	40	21
Республика Крым	-	-	-	-	18248	27842	23747	21711	22414	20979	21682	31	42
Тюменская область	38265	35132	29415	33698	30248	30979	27466	26452	25639	26648	24757	26	14
Республика Татарстан	58769	55318	51584	46021	44781	52080	48150	46093	43586	49839	53856	10	4
Республика Марий Эл	12430	10842	9495	8248	7419	8360	7214	7352	7664	7754	7597	72	62
Амурская область	18489	18091	17904	16909	17254	19475	18656	18505	17536	19508	18422	36	69
Хабаровский край	32321	27492	26534	28465	29598	30946	27008	24023	22509	23940	22695	29	30

Источник: составлена автором по материалам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, портал правовой статистики.

Определить грань, когда меры антикоррупционного контроля превращаются в мероприятия уголовно-процессуального характера для российских регионов сложно. Если первые относятся к компетенции институтов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, то последние остаются прерогативой федеральной власти.

Поэтому следует признать целесообразным расширение институционального дизайна в области антикоррупционного контроля на законодательном и управленческом уровнях. В частности, необходима трансформация проверки расходов и доходов публичных служащих как в сторону увеличения объектов, подконтрольных специальным органам, так и расширения субъектов, входящих в круг общения должностного лица и осуществляющих имущественные операции в крупных размерах.

Не вполне понятным остаётся реализуемость такой меры, как проверка заграничных счетов и банковских активов. По подсчётам, проведённым аналитическим агентством Frank RG в 2018 г., российские граждане хранят в зарубежных банках порядка 315 млрд. \$ [670]. При этом в статистику попали лишь те россияне, которые имеют более 1 млн. \$ наличных денежных средств (примерно 30 тыс. человек). Многие исследователи отмечают, что если российская юрисдикция не в состоянии проконтролировать вывод финансов на заграничные счета, то и маловероятным представляется контроль их происхождения [428, с. 45; 465, с. 139; 485, с. 183].

Как известно, в международной практике сложилось собственное понимание банковской тайны [227, с. 199; 343]. Последняя может раскрываться только по запросу национальных судебных инстанций, которые не обязаны содействовать российским институтам антикоррупционного контроля, если на их территории не возбуждены соответствующие уголовные дела [443]. Поэтому возможность получения информации о наличии или отсутствии у публичных служащих зарубежного банковского капитала остаётся сомнительной, поскольку её осуществление строится на взаимных межгосударственных, а не межрегиональных обязательствах.

Ещё одной проблемной составляющей в проверке расходов региональных публичных служащих являются т.н. «обязательства имущественного характера». Выглядающие объёмно формулировки из регламентирующих актов, действующих в субъектах Российской Федерации, фактически представляют собой узкую категорию сделок, совершаемых должностными лицами.

Так, в Краснодарском крае, равно как и во многих других российских регионах, такие обязательства должны быть документально оформлены [34]. Получается, что устные сделки, которые широко распространены в теневой экономической практике, изначально не подпадают под меры антикоррупционного контроля. Более того, подобные обязательства построены на передаче и последующей возможности возврата некоего имущества (его аренда, деприватизация, ипотечные обязательства, договоры о передаче во временное пользование).

Предполагается, что сложившимся институтам регионального антикоррупционного контроля доступны сведения только о сделках, подлежащих государственной регистрации. Вместе с тем круг таких обязательств имущественного характера на деле выглядит значительно ограниченным. Распространённые в экономическом обороте арендные отношения зачастую не подвергаются занесению в государственные реестры и кадастры. Причём к ним относятся не только незаконные хозяйственные операции, но и вполне легальные договорные конструкции.

Массовым примером может служить аренда недвижимости на краткосрочной основе (до 1 года), что не подлежит государственной регистрации в силу действующих в Российской Федерации законов. Не меньшую масштабность приобретают сделки, направленные на временное пользование транспортными средствами, включая дорогостоящие варианты (водные и воздушные суда). Не подпадают под региональные антикоррупционные проверки аналогичные сделки, совершаемые другими лицами, не являющимися супругами или несовершеннолетними детьми публичных служащих, но входящие в их близкий круг общения.

Чаще всего, в региональных актах содержится примерный или исчерпывающий перечень обязательств, обладающих имущественным характером. К ним традиционно отнесены основные сделки с недвижимостью и кредитные договоры, обеспеченные залогом недвижимого имущества. Тем самым можно констатировать, что за основу антикоррупционных проверок доходов,

имущества и расходов должностных лиц взят формальный подход. Он может считаться состоятельным, если правосознание самих публичных служащих находится на достаточном уровне, вызывающим доверие у институтов противодействия коррупции и общества. Однако в субъектах Российской Федерации сложилось прямо противоположное отношение граждан к антикоррупционным мерам, включая превентивный контроль.

В частности, согласно официальным социологическим опросам, проводимым в Республике Татарстан, за 2018 г. доля граждан, которые не стали бы сообщать о своём участии в коррупционном факте, составила 89,2% [669]. Следует особо подчеркнуть, что 42,2% респондентов полагают под причинами современного уровня коррупции отсутствие надлежащего контроля. При этом доля сторонников такого подхода в Татарстане значительно увеличилась: с 26,1% в 2014 г. до 32,6% в 2017 г. и до 42,2% к 2019 г. [669].

Не сильно отличаются данные показатели в Краснодарском крае: о нежелании сообщать органам власти о коррупционных фактах заявили 84,2% респондентов в 2020 г., при этом рейтинг доверия губернатору в антикоррупционной плоскости высказали 83,7% граждан [616]. Социологический опрос о влиянии проводимых мер антикоррупционного контроля в рассматриваемом субъекте федерации не проводился.

В Сахалинской области нежелание сообщать о коррупционном поведении региональных должностных лиц в 2019 г. высказали 73,9% респондентов, при этом лишь 28% считают проводимые меры антикоррупционного контроля недостаточными [647].

Подобная практика проведения социологических опросов по заказу региональных властей распространена во всех субъектах Российской Федерации, но их результаты публикуются лишь некоторыми регионами. Так, даже институты антикоррупционного контроля г. Москвы ограничиваются лишь стандартными годовыми отчётами о реализации мер по противодействию коррупции и выявленными коррупционными фактами, в том числе при помощи

контрольного механизма. Однако статистика, выражающая отношение населения к эффективности таких мер, существует лишь в неофициальных источниках.

Если рассмотреть процедурные особенности антикоррупционной проверки расходов должностных лиц, то они сводятся к исключительно избирательному подходу к объектам контроля, который определяется инициатором процесса по противодействию коррупции.

В частности, на примере Республики Татарстан подобное полномочие принадлежит следующим лицам:

- Президенту Республики Татарстан;
- Руководителю Аппарата Президента Республики Татарстан;
- заместителю Премьер-министра, являющемуся по своему функциональному предназначению руководителем Аппарата Кабинета Министров Республики Татарстан;
- лицам, возглавляющим республиканские органы власти.

Вместе с тем свобода определения объекта антикоррупционного контроля у перечисленных субъектов отсутствует. В институциональном плане за каждым из них закреплены определённые категории публичных служащих, чей экономический статус может подвергаться проверкам. При этом отмеченное ранжирование полномочий сопровождается соответствующими административными интересами. В частности, в чьем непосредственном ведении или прямом подчинении находится то или иное должностное лицо, тот и инициирует контрольные мероприятия.

Следует обозначить ещё одну институциональную черту, которая ограничивает реализацию антикоррупционного контроля. Она заключается в обстоятельствах, служащих основанием инициирования проверочных мероприятий.

Например, в Республике Татарстан в таком качестве рассматривается получение субъектом контроля сведений, но не любого характера, а из строго определённых источников, к числу которых отнесены:

- информация от различных государственных и муниципальных структур, включая правоохранительные органы. Она берётся за основу при условии, что перечисленные органы обладают антикоррупционной компетенцией, т.е. имеют институциональную основу;

- сведения от партийных и общественных организаций, если они официально зарегистрированы в Российской Федерации;

- общественная палата (как федерального, так республиканского уровней);

- организации, зарегистрированные в качестве СМИ.

Столь усечённая группа источников, на которые обязан обратить внимание субъект антикоррупционного контроля, лишает аналогичных возможностей других общественных акторов (отдельных граждан, субъектов предпринимательской деятельности, лидеров общественного мнения или общественно-политических движений, не имеющих официальной регистрации). При этом формула, распределяющая информационные каналы в области противодействия коррупции, строится на представлении, что частные обращения могут обрабатываться другими лицами (например, перечисленными в перечне). Такой подход обосновывает малую ресурсную обеспеченность региональных институтов антикоррупционного контроля, которые в своём рациональном значении должны заниматься любыми обращениями, посвящёнными коррупционной тематике.

Примечательно, что в некоторых регионах (например, в Санкт-Петербурге) территориальные общественные палаты не названы в качестве официального источника сведений, составляющих предмет антикоррупционного контроля [10]. Кроме того, запрещена анонимная информация, которая в развитых странах традиционно используется в качестве причины обратить внимание на поведение подконтрольного лица [237].

Следует также отметить, что далеко не все сведения из названных источников могут инициировать антикоррупционную проверку экономического статуса должностных лиц. К ним относятся лишь узкая категория экономических действий. В частности, это может быть информация о совершённой сделке по

приобретению лишь тех материальных объектов, которые должны быть официально зарегистрированы. К их числу, как правило, относятся:

- объекты недвижимости;
- некоторые виды транспорта;
- ограниченная категория ценных бумаг;
- доли в уставном капитале коммерческой организации.

Помимо названных институциональных ограничений, во внимание принимается только экономическая активность подконтрольного лица за последний год. Кроме того, совершённая сделка должна выбиваться за рамки трёхлетнего дохода, рассчитываемого в совокупности на само должностное лицо, его супруга и несовершеннолетних детей.

В процедурном смысле Забайкальский край демонстрирует другой вектор реализации антикоррупционного контроля. Так, глава региона должен определить, кто будет заниматься проверкой применительно к отдельно взятому случаю. Тем самым полномочия в данном вопросе до сих пор не институционализированы [49]. Отчасти подобный подход снижает вероятность теневого воздействия на субъект контроля, поскольку он изначально не известен. С другой стороны, неограниченное усмотрение одного человека – губернатора Забайкальского края – чревато злоупотреблениями и развитием неформальных практик по сохранению коррупционных интересов.

Смежный подход прослеживается при проведении антикоррупционной проверки в Краснодарском крае за тем лишь исключением, что усмотрение губернатора разделяется с руководителем управления, функционирующего при краевой Администрации и специализирующегося на предупреждении коррупции. Однако любое инициирование контроля расходов публичных служащих считается решением всего правительства Краснодарского края, что налагает на данный институт равную ответственность.

Поскольку большинство регионов предпочитают пользоваться минимальными федеральными требованиями по предупреждению коррупции (например, Рязанская, Саратовская, Тверская области, Удмуртская Республика,

Архангельский и Приморский края и др.), внедрение более специфических процедур, направленных на обеспечение антикоррупционных проверок, происходит лишь в отдельных субъектах федерации. В последних детализацией мер по предупреждению коррупции занимаются как высшие органы и должностные лица, так и рядовые административные институты, включая муниципальные органы.

Так, Ивановская область использует в управленческой практике задействование муниципальных администраций в проведении рядовых антикоррупционных проверок как публичных служащих, так и граждан [59]. Частные лица становятся объектами контроля только в тех случаях, когда участвуют в исполнении договоров для муниципальных нужд. Избирательность в предмете проверки снижена, что позволяет органам местного самоуправления выявлять расхождения между доходами и расходами из различных верифицируемых источников.

При этом в общерегиональном срезе можно констатировать, что антикоррупционный контроль за экономической активностью публичных служащих строится на презумпции их добросовестности. Должностные лица самостоятельно раскрывают сведения, составляющие предмет проверки, что образует внушительный информационный массив. Обработать его в ручном режиме, который сохраняется в большинстве субъектов Российской Федерации, практически невозможно, что обнажает потребность в цифровизации данного процесса.

Разрешение обозначенного управленческого дефекта видится в двух взаимоисключающих направлениях.

В рамках сохраняющихся административных тенденций субъекты федерации вынуждены расширять кадровый состав тех органов, которые занимаются антикоррупционными проверками. При этом сотрудники подлежат специальному дорогостоящему обучению, которое в российских условиях не получило широкого распространения. Данное направление упирается в финансовые возможности каждого региона, что на фоне частых экономических

потрясений приводит к архаизации антикоррупционного контроля (например, сохранение бумажных документов в качестве средства передачи сведений).

Другим направлением можно считать внедрение инновационных методов противодействия коррупции, которые показали эффективность в зарубежных странах. С помощью современных цифровых технологий неизбежно расширится категория объектов, подлежащих проверке, а также значительно ускорится реализация соответствующих административных процессов.

Так, перекрёстная верификация сведений, поступаемых в органы антикоррупционного контроля, проводится с одновременным участием гражданских организаций, специализирующихся на противодействии коррупции. Такой же вариант возможен при задействовании органов и должностных лиц, представляющих другие ветви власти в субъекте федерации (парламентские комиссии, контрольные комитеты в избирательных центрах, группы по соблюдению профессиональной этики и др.) [243, с. 89].

Собственно, цифровизация антикоррупционного контроля потребует введения в административную практику новых требований. Одним из таких условий может стать значительное ограничение сроков, в течение которых должностное лицо может обосновать выявленное несоответствие в своих экономических показателях (расхождения между расходами и доходами). Подобная трансформация наблюдается в Канаде и Великобритании с 2019 г. в плоскости борьбы с теневым капиталом и с легализацией доходов криминального происхождения [157, с. 33; 299, с. 28]. Примечательно, что в центр внимания включена экономическая активность гражданина на фоне официальной финансовой отчётности. Достаточным считается несоответствие между данными показателями.

Тем самым на передний план проверки выходит экономический интерес, который может демонстрировать соблюдение или нарушение административного порядка совершения сделок. Подобным образом институты антикоррупционного контроля выявляют бенефициаров нелегального получения ценностей даже в случаях, когда само экономическое действие оформлено на другое лицо либо

совершено без оформления (при помощи нерегистрируемых наличных денег или иных ценностей). Тогда экономическая активность подконтрольного субъекта сводится к его практическим расходам, раскрываемым через банковские операции или контрагентами, с которыми лицо вступает в экономические отношения.

Схожий механизм должен применяться регионами для минимизации такой угрозы экономической безопасности, как теневой оборот. Он успешно зарекомендовал себя в некоторых североамериканских штатах, а также в столичных регионах Дании, Швеции и Норвегии. Его суть сводится к введению отчётности за покупки, совершённые в торговых сетях за наличный расчёт. Основным идентифицирующим инструментом выступают именные скидочные и бонусные карты. При этом администрация магазина передаёт в налоговый орган сведения о покупках, превышающих определённую планку. Например, в штате Юта данный показатель приравнен к сумме 3500 \$. В другом штате – Миссисипи – эта цифра снижена до 1270 \$.

Аналогичные платёжные операции, совершённые через банковские счета, автоматически подвергаются проверкам в силу налогового или административного статуса владельца счёта и аффилированных с ним лиц. Тем самым соответствующие агентства, занимающиеся финансовым контролем, аккумулируют информацию и передают её органам, которые реализуют антикоррупционный контроль. В силу использования электронных реестров обработка такого массива сведений происходит через объективные алгоритмы, сигнализирующие о превышении показателей, заявленных самим налогоплательщиком, и фактически собранной информацией об экономической активности гражданина.

Расхождения между доходами и расходами можно обосновать в кратчайшие сроки (до 5-7 дней). Если этого не происходит, то налоговая полиция штата в рамках административного или уголовного производства начинает полную проверку экономических отношений лица, подозреваемого в т.н. «налоговом мошенничестве». Параллельно подключаются несколько служб, реализующих антикоррупционный контроль в отношении публичных служащих, а равно

административных работников бизнес-корпораций. Как правило, на время проведения проверки подозреваемый гражданин подлежит временному отстранению от занимаемой должности, что вынуждает его либо сотрудничать с компетентными органами, либо дожидаться результатов контроля.

В значительно усечённом варианте такая управленческая технология постепенно проникает в некоторые субъекты Российской Федерации (Рисунок 3.3).

Рисунок 3.3. - Доходы и расходы граждан, не занимающих публичные должности. Источник: составлен автором по материалам ФНС и Росстат.

Например, на протяжении 2019-2020 гг. проводится налоговый эксперимент в Москве, Республике Татарстан, а также в Московской и Калужской областях. Контролирующие инстанции избирательно проверяют доходы и расходы граждан, не занимающих публичные должности, в связи с т.н. «налогом для самозанятых». При этом проверка обнажила экономические отношения отдельных публичных служащих.

Примечательно, что налоговый контроль в данных субъектах федерации сопровождается теми же дефектами, что и антикоррупционные проверки. Так, полномочия органов власти ограничены до некоторых видов официальной банковской информации, обрабатываемой цифровыми алгоритмами самих

кредитных организаций. При этом допускается проверка по результатам рассмотрения частных обращений лиц, сообщающих о теневой экономической активности гражданина. Благодаря прогнозируемо высоким показателями, зафиксированным в Татарстане, Москве и Калужской области, другие субъекты федерации (19) в 2020 г. вступили в приведённый налоговый эксперимент.

Необходимо констатировать, что финансовый контроль, включающий налоговый мониторинг экономических отношений, может быть эффективен в приобщении субъектов Российской Федерации к превентивным способам противодействия коррупции.

В этой связи следует привести пример с другим управленческим экспериментом. Так, с 2014 г. в российских регионах под контролем федеральных финансовых институтов (Центрального банка и Министерства финансов РФ) происходит планомерное расширение технологий, позволяющих активизировать безналичные расчёты рядовых граждан. Уже к осени 2019 г. в докладе Boston Consulting Group было отмечено 30-кратное увеличение карточных банковских транзакций за восьмилетний период (под исследование попали 2010-2018 гг.) [650]. В силу такой специфики Российская Федерация возглавила рейтинг стран, по которым проводились эконометрические измерения (Таблица 3.4).

Таблица 3.4. - Как уровень восприятия коррупции и долларизации влияет на использование карт.

Страна	Доля оборота по картам	Доля банковских счетов в национальной валюте	Уровень восприятия коррупции
Россия	63	70	28
Белоруссия	33	45	44
Узбекистан	29	60	29
Казахстан	27	50	31
Молдавия	15	60	33
Киргизия	13	50	29
Украина	10	60	32
Азербайджан	6	35	25
Таджикистан	1	50	25
Армения	1	40	35

Источник: составлена автором по материалам РБК и агентство Moody's.

Следует особо выделить тот факт, что расширение карточных счетов стало ответом государства на валютный кризис, случившийся осенью 2014 г. в связи с падением котировок рубля. Сегодня в целой группе субъектов Российской Федерации участники предпринимательских отношений должны применять электронные кассы и терминалы, позволяющие совершить платёж за покупку на месте совершения сделки. Тем самым оборот наличных денежных средств значительно снизился. Этому способствовали другие ограничения, направленные на усечение возможности обналичивать карточные счета и web-кошельки. Последние, в частности, обязывают владельца идентифицировать себя при помощи СНИЛС или ИНН.

Вместе с тем невозможно утверждать, что усиление финансового контроля, прежде всего, в банковском секторе, значительно минимизирует коррупционный оборот. Такой вектор государственного управления доказывает наличие способностей у субъектов федерации осуществлять широкий мониторинг собственных публичных служащих на предмет коррупционных интересов.

Состояние региональной экономической безопасности определяется целым комплексом показателей. По отдельности они представляют собой факторы, влияющие на уровень развития тех или иных отношений, включая низовые институты. Однако в совокупности эти элементы способны сформировать целостный образ региональной экономики, функционирующей либо при нормальных условиях, либо с повышенными рисками, включая коррупционные издержки.

Контроль по отношению к экономической безопасности проявляется в двух активных действиях [62, с. 37; 562, с. 82; 571, с. 41]:

- 1) получение объективных сведений, необходимых для оценки потенциальных или реальных угроз;
- 2) минимизация факторов, способствующих усилению подобных угроз.

Существующий коррупционный оборот и его последующее развитие предопределяют региональную экономику и возможности государства (и муниципалитетов) обеспечить её нормальное (в рационалистическом понимании)

функционирование. Тем самым антикоррупционный контроль, адекватный сложившейся обстановке, является одним из неотъемлемых элементов в достижении такого уровня экономической безопасности, при котором акторы могут полагаться на формальные институты в решении возникающих проблем [253; 260]. В силу этого эффективно применяемые методы данного контроля способствуют своевременному превентивному воздействию на неформальные явления и процессы, которые претендуют на замещение официальной власти (нередко – коррупционным путём или опосредованно с ним).

Указанные приёмы и способы образуют такой постоянный управленческий процесс, как мониторинг экономической безопасности. Поскольку он осуществляется преимущественно институтами государственного и муниципального управления, то методы антикоррупционного контроля имеют циклический характер [722, р. 38; 764, р. 536; 787, р. 1050]. Последний представляет собой специальный алгоритм, с помощью которого публичные акторы устанавливают потенциально опасные коррупционные тенденции и оперативно минимизируют их влияние на управленческие решения [548, с. 71; 560, с. 46].

В научной литературе, как правило, называются четыре этапа по применению общих методов [97, с. 37; 561, с. 20]:

- определение индикаторов, демонстрирующих состояние экономической безопасности в её территориальных рамках;
- обозначение пороговых показателей, за пределами которых угроза из потенциальной перерастает в реальную;
- выявление интегрального показателя;
- территориальное разделение угроз по степени их влияния на экономические отношения общего (свойственного любым акторам) и специального назначения (характерного для отдельных видов экономической деятельности, особенно для монополизированных сфер).

В плоскости антикоррупционного контроля мониторинг экономической безопасности регионов осуществляется в более ограниченных рамках. Так,

определение многих пороговых значений для борьбы с коррупцией малопродуктивно, ведь государство и муниципалитет должны строить свои решения на «нулевой» терпимости к её проявлениям. В силу такого подхода каждый участник управленческого цикла обязан противодействовать как распространённому коррупционному типу, так и мелким коррупционным фактам. Поэтому значение приобретает только интегральный показатель, складывающийся из совокупности индикаторов, которые демонстрируют коррупционное влияние на различные сегменты региональной экономики.

Минимизация усилий к низовой коррупции и их концентрация на т.н. «глубинной коррупции» является диспропорцией полномочий [430, с. 22; 461, с. 139]. В силу этого антикоррупционный контроль должен быть не сегментарным, а повсеместным, если его методы используются для мониторинга экономической безопасности [695, р. 208; 790, р. 9]. Во многом данный дефект проявляется сегодня во всех российских регионах в форме преобладания правоохранительных институтов над институтами предупреждения коррупции, что превращает противодействие ей в процесс управленческого «ожидания». Последний означает, что административные акторы реагируют лишь после случившегося коррупционного факта вместо того, чтобы пресечь возможность его возникновения.

Например, в Республике Татарстан к 2019 г. официально постулировалась идея сформированности институтов антикоррупционного контроля [669]. Однако в действительности речь шла лишь о государственной и муниципальной службах, а также некоторых смежных видах деятельности, предполагающих дополнительную финансовую отчётность должностных лиц и отдельных близких членов их семьи.

При этом избирательность в реализации контрольных мероприятий привела к ситуации, когда в Татарстане из общего массива объектов антикоррупционного контроля проверяется лишь их незначительная доля.

В частности, в 2018 г. из 16 600 публичных служащих воспользовались специальным электронным ресурсом по подаче сведений о своём экономическом

положении лишь 8 614 должностных лиц государственного уровня и 7 986 человек муниципального уровня [669]. Из них метод анализа применялся только к информации, переданной от 105 граждан. Среди них были как публичные служащие, так и лица с депутатским статусом республиканского и муниципального значений. В результате выявлено 3 случая неполной или недостоверной отчётности, а 11 муниципальных депутатов были лишены мандатов.

Другой пример, характеризующий системные проблемы антикоррупционного контроля в российских регионах, касается показателей Ярославской области. Подача сведений об экономическом положении в 2018 г. коснулась 1065 лиц государственного уровня и 2894 человек, занимающих муниципальные должности (в общем количестве 3959 граждан) [644]. Однако специальное исследование имущественного статуса затронуло только 10 государственных служащих, из которых по 7 лицам применялись меры дисциплинарного характера.

Незначительно больше антикоррупционных проверок в Ярославской области проводилось в 2018 г. по муниципальным должностям – 14. Из них 6 должностных лиц были лишены управленческих полномочий. При этом 28 муниципальных служащих подвергнуты антикоррупционной проверке расходов, но ни один из них не был уличён в нарушениях.

Отмеченные показатели вытекают из институциональных недостатков, сопровождающих механизм реализации антикоррупционного контроля. Несмотря на регламентированный характер данных процедур, усмотрение акторов, инициирующих проведение проверок, ничем не ограничено. Как правило, столь узкая избирательность обосновывается затратностью всего процесса верификации сведений, которые поступают от публичных служащих.

Европейские экономисты, выделяя антикоррупционную верификацию, рассматривают её в трёх плоскостях [707, p. 24; 766, p. 419; 803, p. 245]. Российские исследователи полагают, что речь идёт о стадиях постепенного

контроля, осуществляемого на предмет поиска коррупции [73, с. 38; 321, с. 33; 481, с. 57]:

1) превентивный контроль соотносит аккумулированную информацию об определённом лице с другими платформами, которые доступны государственным органам. Это могут быть налоговые реестры, сведения из банковских организаций, реестры объектов недвижимости или транспорта, в том числе данные об учёте граждан по месту жительства. Обработкой такого массива информации призваны заниматься цифровые технологии, а не должностные лица. При обнаружении различий между полученными сведениями следует назначить специальную антикоррупционную проверку;

2) текущий контроль строится на постоянном характере мер, направленных не только на получение, но и анализ оперативной информации об экономической активности. Если наблюдаются внезапные или планомерные изменения имущественного положения подконтрольного лица либо в его публичной деятельности увеличиваются конфликты интересов, то назначается отдельная антикоррупционная проверка по каждому выявленному факту. В достижении этой задачи могут использоваться каналы связи с гражданами и представителями бизнеса (жалобы, иные обращения), а также данные, полученные от других органов власти и местного самоуправления;

3) ретроспективный контроль предполагает проведение верификации сведений по лицам, которые ранее были объектами антикоррупционного контроля, но теперь занимаются другими видами деятельности. Данный контроль проводится теми же методами, что текущая антикоррупционная проверка. Однако его предмет значительно уже, поскольку выявляются лишь интересы, свойственные прежней публичной должности. Кроме того, ограничению подлежит и срок, на протяжении которого проводятся подобные проверки (не более 5 лет). Если по итогам такого контроля устанавливается факт внезапного роста доходов либо расходов, занятие видами предпринимательской или иной деятельности, которые ранее входили в функциональную область публичной службы подозреваемого лица, то назначается специальная проверка.

Субъекты федерации чаще всего оценивают коррупционные угрозы экономической безопасности формулой, позволяющей рассчитать т.н. «коррупционную поражённость населения» (далее - КПН) [216, с. 63; 431, с. 1290]. Это показатель интенсивности совершения коррупционных действий в зависимости от общей численности людей на определённой территории. Как правило, пороговым показателем при этом является коэффициент, рассчитываемый на 100 тыс. населения [370, с. 34; 423, с. 122].

При расчёте КПН используются только те обстоятельства, которые получили правовую оценку, т.е. факты обвинительных приговоров по уголовным или административным делам. В общем виде данный коэффициент выглядит так (Формула 3.1):

$$КПН = \frac{ККП \times 10^5}{ЧНР}, \text{ где [3.1]}$$

КПН – коэффициент коррупционной поражённости населения региона;

ККП – количество коррупционных правонарушений, выявленных в регионе за определённый промежуток времени (из расчёта в 1 календарный год, за который отчитываются институты противодействия коррупции);

10^5 - единая расчётная база на 100 тыс. населения;

ЧНР – численность населения региона.

Указанные элементы формулы не всегда репрезентативны при проведении эконометрических исследований региональной коррупции.

Так, если коррупционное действие в формальном виде не влечёт ни уголовной, ни административной ответственности, а является, например, дисциплинарным проступком или гражданско-правовым деликтом, он не попадает в официальную статистику, которую ведут институты антикоррупционного контроля, базирующиеся лишь на данных, получаемых от правоохранительных органов (Рисунок 3.4).

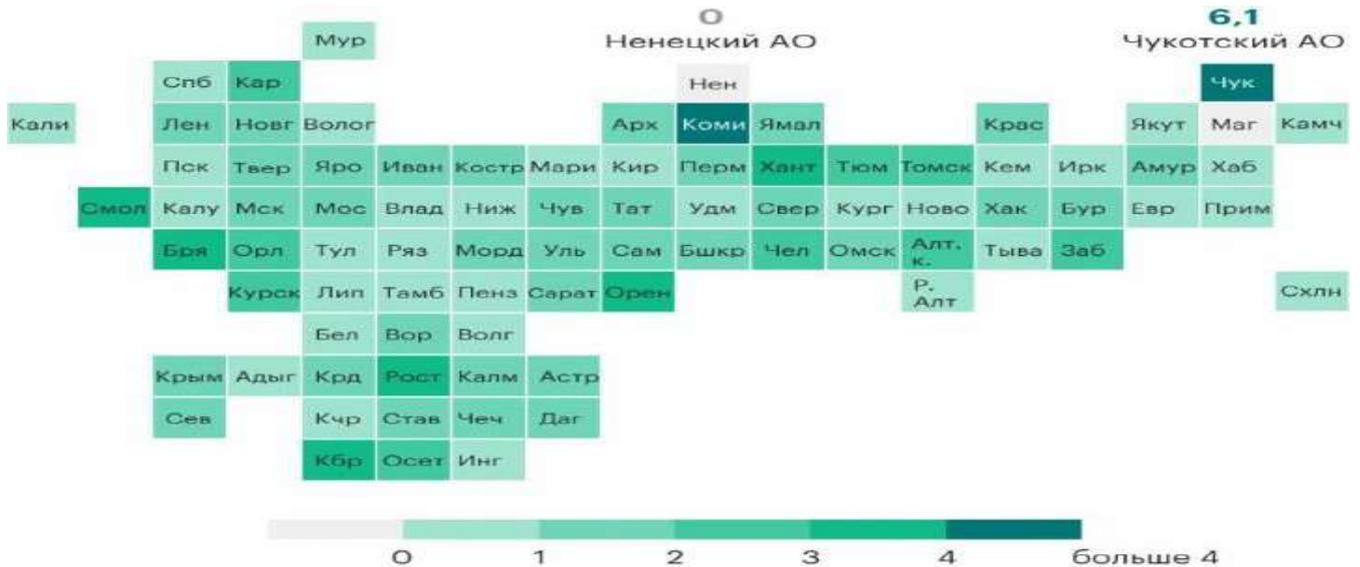

Рисунок 3.4. - Количество зарегистрированных преступлений по статье «Получение взятки» в регионах на 100 тыс. населения (Данные без учета специализированных прокуратур, за январь-июнь 2018 года).
 Источник: Генеральная прокуратура РФ совместно с Росстат.

Тем самым возникает потребность в учёте оснований увольнения с государственной или муниципальной службы, которую ведут многие субъекты федерации. Кроме того, на федеральном уровне появился специальный реестр [658] (Рисунок 3.5).

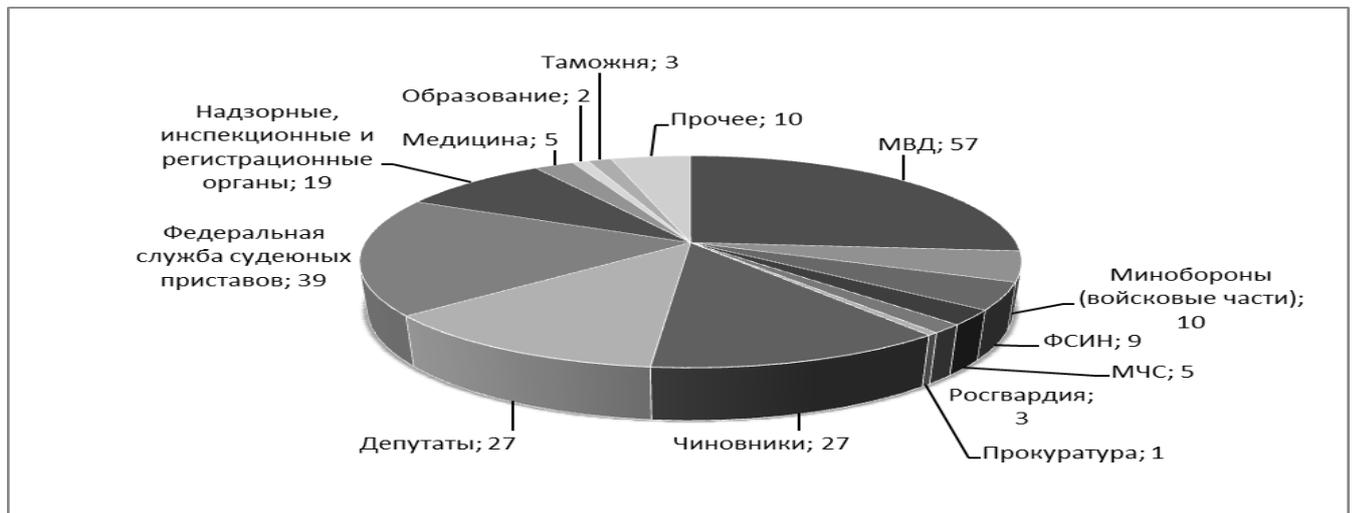

Рисунок 3.5 - Сферы деятельности коррупционеров.
 Источник: составлен автором по материалам реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия (по состоянию на 6 июля 2018 г).

Примечательно, что сведения из представленного реестра вступают в противоречие с коррупционной статистикой региональных правоохранительных органов (Рисунок 3.6).

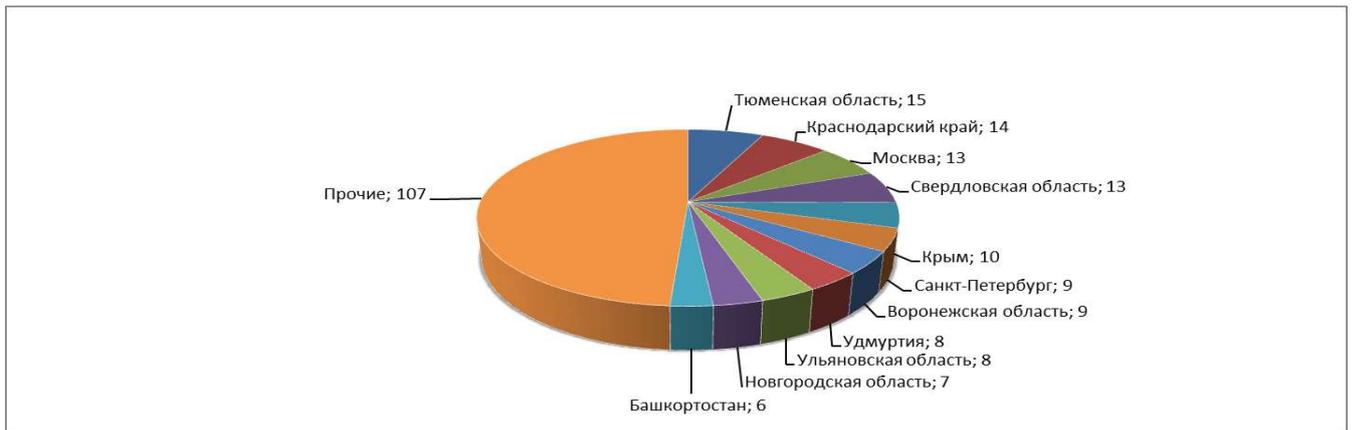

Рисунок 3.6 - Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия за первое полугодие 2018 г.

Источник: составлен автором по материалам реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия (по состоянию на 6 июля 2018 г).

В силу этого базироваться только на тех данных, которые предоставляют институты посткоррупционной реакции, при расчёте КПН не представляется возможным (Таблица 3.5).

Таблица 3.5. - Регионы с наибольшим и наименьшим числом преступлений по статье «Получение взятки» (Данные без учета специализированных прокуратур, за январь – июнь 2018 года, ед.).

Регионы	Количество преступлений, ед.
Москва	128
Московская область	92
Ростовская область	130
Челябинская область	89
Краснодарский край	75
Ненецкий АО	0
Магаданская область	0

Источник: составлена автором по материалам Генеральной прокуратуры РФ.

Главной проблемой проведения подобных расчётов становится ограниченность доступных информационных ресурсов, которые сводятся только к определённым официальным источникам [231, с. 65; 358, с. 77; 483, с. 261]. В силу этого трехмерная антикоррупционная проверка самостоятельными усилиями (без участия государственных институтов) затруднительна [212, с. 31; 236, с. 81; 379, с. 113].

Появление подобных альтернативных расчётов не учитывается представителями власти, поскольку нарушает их административные и нередко экономические интересы [345, с. 33; 429, с. 28]. Отмеченный вторичный антикоррупционный аудит базируется на непроверенной либо сомнительной информации, которая в итоге незначительным образом объективизирует состояние коррупции в регионе [121, с. 14; 320, с. 45; 408, с. 51].

В этой связи не вполне состоятельной можно признать другую формулу, которая демонстрирует потенциальную коррупционную поражённость региональной публичной службы (КПС) [265, с. 361; 281, с. 34; 484, с. 87]. В общем виде она представляет собой следующий расчёт (Формула 3.2):

$$КПС = \frac{ККС \times 10^5}{ЧНР}, \text{ где [3.2]}$$

КПС – коррупционная поражённость региональной публичной службы;

ККС – количество коррупционных субъектов, выявленных в регионе за определённый промежуток времени (1 календарный год);

10^5 - единая расчётная база на 100 тыс. населения;

ЧНР – численность населения региона.

Подобный коэффициент, по мнению некоторых исследователей, необходим для выявления двух принципиальных показателей [163, с. 90; 186, с. 18]:

- задействованности населения региона в публичном управлении, которое признаётся сферой с повышенными коррупционными рисками;
- детализации проникновения коррупции в общественные массы путём уточнения количества лиц, совершивших соответствующие нарушения.

Так, при 832 выявленных коррупционных преступлениях в Республике Татарстан за 2018 г. были осуждены лишь 175 граждан. При таких показателях КПС Татарстана за данный период времени составляет всего 4,5.

В Ярославской области за 2018 г. были возбуждены уголовные дела по коррупционным преступлениям в отношении 144 лиц. Из них 10 обвиняемых на

протяжении года были признаны в качестве лиц, уголовное преследование которых подлежит прекращению. Таким образом, КПС Ярославской области составит 10,6.

Отчасти такое расхождение в цифрах КПН и КПС двух регионов объясняется тем, что один и тот же коррупционер мог совершить сразу или последовательно несколько преступных актов. Также следует учесть, что следственные и судебные процессы в субъектах Российской Федерации осуществляются в довольно продолжительные периоды. В связи с этим ряд выявленных коррупционных преступлений в одном году попадают под статистику вынесенных приговоров другого календарного года.

В социологическом значении такая особенность получила наименование «динамическая погрешность», которая принципиально не влияет на состояние экономической безопасности региона за расчётный период [223, с. 91; 422, с. 1248].

Таким образом, методика вычисления КПН и КПС по субъектам федерации значительно устарела. Из-под учёта выведены корпоративные структуры, чьи сотрудники нередко задействованы в коррупционном обороте. Поэтому исследователи выделяют такую категорию, как условная коррупционная виктимность (УКВ).

Указанный показатель рассчитывается теми же критериями, что и КПН, и КПС, за тем лишь исключением, что демонстрирует процентное соотношение общего числа населения и юридических лиц в региональной экономике с гипотетическим количеством субъектов, пострадавших от коррупционных действий (Формула 3.3):

$$УКВ = \frac{ЧПК}{ЧНР} \times 100\% , \text{ где [3.3]}$$

УКВ – условная коррупционная виктимность;

ЧПК – число граждан, пострадавших от коррупции в регионе за определённый промежуток времени (1 календарный год);

ЧНР – численность населения региона.

Примечательно, что данный показатель рассчитывается не по официальной криминальной статистике, а с учётом данных, полученных из социологических опросов. Невзирая на критику в отношении такой методики, реализуемой в субъектах Российской Федерации, можно взять за основу опубликованные результаты социологических опросов, проводимых по заданию региональных властей для формирования годовых отчётов в области противодействия коррупции.

Например, в Республике Татарстан в 2018 г. количество граждан, включая лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, которые попадали хотя бы один раз в коррупционную ситуацию, составило 327 484,8 жителей [621]. Тем самым, УКВ в Татарстане за 2018 г. должно равняться 8,4%. Из этой цифры лишь 53,8% (примерно 176 186,8 граждан) признали своё участие в коррупционной сделке. Поэтому расчёт необходимо проводить лишь по тому количеству жителей Республики Татарстан, которые экономически пострадали от проявления коррупции. В силу такого уточнения УКВ за 2018 г. составит лишь 3,9%.

По Ярославской области в 2018 г. УКВ составляет 15% [644]. При этом отмечается снижение коррупционной поражённости на 3,4% с предыдущего календарного года. В сравнении с Татарстаном такой ощутимой динамики в годовом измерении не наблюдается (0,3%), однако в общей тенденции, фиксируемой с 2010 г., республиканская УКВ снизилась на 12,8%.

В силу указанных цифр важен не тот показатель, который рассчитывается по конкретному году или за иной определённый период. Значимость имеют несколько показателей в их совокупности между собой и между контрольными временными периодами. Тем самым динамика или статика вычислений является единственным эффективным инструментом в установлении эффективности превентивных методов противодействия коррупции.

Следует отметить, что механизм подсчёта УКВ по российским регионам также не демонстрирует истинные масштабы коррупционной угрозы для экономической безопасности. Прежде всего, это связано с общей проблемой всех

социологических измерений: низкой активностью граждан в предоставлении сведений о деликатных темах [218, с. 73; 340, с. 218], к числу которых относится личный опыт участия в коррупционных отношениях.

Цифры опубликованной статистики показывают процент не от общего числа населения субъекта Российской Федерации (3 898 628 в Республике Татарстан), а лишь от количества граждан, которые согласились поучаствовать в социологическом опросе (например, 3110 чел. в Республике Татарстан).

Кроме того, полученные данные строятся на презумпции того факта, что все эти лица сообщили истинные сведения. Последнее, по мнению ряда социологов, базируется на известных погрешностях, используемых при верификации статистических индикаторов [256; 257; 334, с. 131; 513, с. 935]. В том числе необходимо иметь в виду специфику восприятия гражданами коррупционных предложений, включая вымогательства.

В этой связи показательны цифры готовности жителей субъекта федерации к участию в антикоррупционных мероприятиях. Так, в Республике Татарстан почти 50% опрошенных граждан не желают становиться участниками процессов по противодействию коррупции [621]. Более того, 89,2% жителей не заявили бы о коррупционном факте, в котором они приняли личное участие.

Данный показатель вполне очевиден, поскольку социологический опрос имеет публичный характер, выводит каждого гражданина из его частного состояния в общественное. Поэтому подавляющее большинство людей не сообщат или утаят своё участие в коррупционных отношениях, придерживаясь известной истины, что любая коррупция плоха и недопустима.

В силу сказанного следует констатировать, что подобный вектор проводимых социологических измерений бесперспективен, поскольку фиксирует известные истины и не раскрывает особенностей человеческой психики в аспекте противодействия коррупции. Более того, эффективнее сопоставить данные, полученные по заданию государственных институтов, с показателями, фиксируемыми независимыми (неправительственными) организациями, которые специализируются на антикоррупционных исследованиях.

Как видно из приведённой статистики за 2018 г., имеется три противоречивых показателя: УКВ Республики Татарстана – 8,4%, фактическая толерантность жителей к коррупции – 50%, погрешность в измерении числа коррупционных нарушений – 89,2%. Указанные цифры, в целом, свидетельствуют о пассивном отношении граждан к пресечению коррупции и о максимальном недоверии применяемым методам антикоррупционного контроля. В силу этого центр ответственности за проводимые мероприятия смещается на институты противодействия коррупции, включающие в себя как государственных и муниципальных акторов, так и неправительственные организации.

Решение поднятой проблемы заключается в значительной технологизации процессов, реализуемых в рамках антикоррупционного контроля. Кроме того, фактический доступ региональных властей к реестрам и кадастрам, фиксирующим динамику имущественного положения публичных служащих и иных лиц, чья деятельность подвержена повышенному коррупционному риску, позволяет в довольно сжатые сроки внедрить независимую компьютерную обработку сведений в собственную практику.

Такой международный показатель, как привлечение институтов гражданского общества [705, р. 371; 786, р. 63; 789, р. 302], сопряжён с двумя особенностями, сложившимися в субъектах Российской Федерации.

Во-первых, функцию своеобразного отбора организованных форм участия граждан в антикоррупционном контроле взяли на себя не специальные институты противодействия коррупции, а высшие должностные лица и органы власти в регионах. В результате в рамках реализуемых антикоррупционных программ принимают участие лишь отдельные общественные акторы. Это выражается в недоступности большинства ресурсов (прежде всего, информационных) тем институтам гражданского общества, которые заинтересованы в повышении эффективности и объективности такого контроля.

Во-вторых, субъекты Российской Федерации крайне разнородны в уровне информатизации населения. В представлении институтов, обеспечивающих экономическую безопасность, данный показатель является одним из

определяющих, в том числе при обеспечении прозрачности контрольных мероприятий.

В частности, в Республике Татарстан, по данным Росстата, в 2018 г. частные лица имели широкополосный доступ к сети Интернет в объеме 80,2% от общего числа домохозяйств (жилых помещений). При этом 91,3% жителей Татарстана пользуются Интернетом при помощи различных способов, включая мобильный доступ (92,2%) [92, с. 431].

В Ярославской области за аналогичный период объем частных домохозяйств, обладающих широкополосным доступом к Интернету, составил лишь 63,3%. При этом 77,3% от общего числа населения пользуются сетью Интернет, из их числа 78,5% - через мобильные устройства [92, с. 155].

Прямая корреляция между КПН, УВК и доступностью сети Интернет населению отсутствует. Однако такой метод, как информирование граждан о мерах антикоррупционного контроля, сегодня возможен преимущественно через интернет-сервисы и, прежде всего, при помощи аналитических данных, публикуемых институтами противодействия коррупции на собственных электронных площадках. Именно оттуда региональные и местные СМИ доводят до населения сведения о действиях, предпринимаемых органами власти и иными акторами в антикоррупционном направлении.

Так, в Татарстане 80% опрошенных граждан полагают достаточной информацию, поступающую к ним об антикоррупционных мерах республиканской власти. Вместе с тем 60,5% жителей Татарстана не владеют полными сведениями о деятельности государства в области противодействия коррупции [621]. При этом, как было отмечено выше, Республика Татарстана в общефедеральном измерении относится к числу тех субъектов Российской Федерации, в которых информатизация и открытость информационных ресурсов держатся на сравнительно высоком уровне.

Аналогичные показатели по Ярославской области незначительно расходятся со статистическими данными Татарстана. За 2018 г. лишь 58,4% опрошенных жителей отмечены в качестве тех, кто владеет сведениями об

антикоррупционных мерах, предпринимаемых государственными и муниципальными институтами [644].

Одновременно с указанными вычислениями примечательны цифры, характеризующие коррупционный ущерб региональной экономике. Например, для Республики Татарстан за 2018 г. он составил 800 млн. рублей [608]. При этом комиссия по координации антикоррупционной работы при Президенте Татарстана отметила порядка 200 тыс. нарушений коррупционной направленности вместо 2 807, попавших в прокурорскую статистику, которая была ранее опубликована этим же институтом. В то же время стоит отметить, что речь шла не только о публичных служащих, но и о деловой коррупции.

К тому же под статистический расчёт в Татарстане попали нарушения двухстороннего характера, когда один и тот же коррупционный факт оценен со стороны коррупционера и со стороны заказчика. В некоторых случаях коррупционные схемы включают десятки акторов, и по каждому из них в статистику включается отдельное нарушение, являющееся, по существу, единой коррупционной деятельностью.

Для Ярославской области такие подсчёты не проводились, но по неофициальным данным объём коррупционного ущерба за 2018 г. составил примерно 350 млн. рублей [596], при этом исследователи отмечают, что данный показатель определён лишь по аналитическим материалам, опубликованным областными правоохранительными органами [198, с. 55].

В силу этого методы и меры антикоррупционного контроля не могут концентрироваться только вокруг поведения публичных служащих. Они должны быть направлены на формирование соответствующей реакции у всего общества, т.е. обладать широким информационным потенциалом и соответствовать реальному положению вещей.

Компьютеризация процессов сбора и анализа информации об элементарных показателях экономического интереса публичных служащих (доходов, имущества, расходов) должна сопровождаться исключением субъективных факторов (анализ количества жалоб, дисциплинарных мер, медийная активность и

др.). Однако вмешательство человеческого фактора остаётся доминирующим в современных институтах антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации. Такая система методов представляется архаичной в условиях, когда государство нацелено на максимальную информатизацию своей деятельности и на вестернизацию позитивного опыта противодействия коррупции. Для этого нами предложен мониторинг экономической безопасности на основе методов антикоррупционного контроля (Рисунок 3.7).

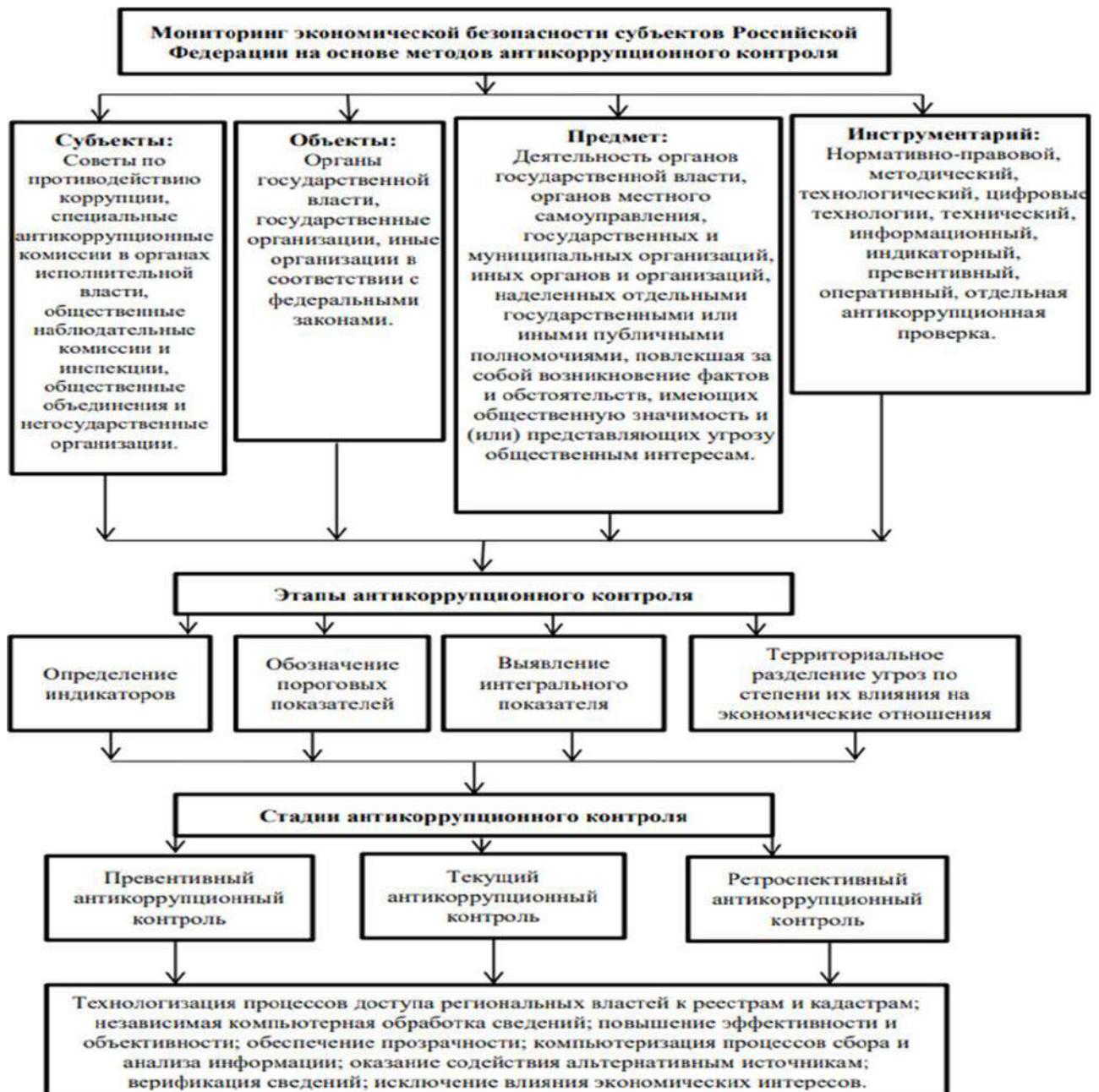

Рисунок 3.7 - Мониторинг экономической безопасности на основе методов антикоррупционного контроля.

Источник: разработана автором.

Немаловажным является оказание содействия альтернативным источникам верификации сведений, необходимых для расчётов антикоррупционных показателей в аспекте региональной и межрегиональной экономической безопасности. При этом расхождение в цифрах внутри формируемой субъектами федерации статистики нуждается в обеспечении прозрачности механизма их установления, т.е. подлежит максимальной открытости за счёт привлечения к этим процессам общественных акторов и исключения влияния экономических интересов.

Таким образом, можно констатировать, что сложившиеся в субъектах Российской Федерации методы мониторинга экономической безопасности в плоскости осуществления антикоррупционного контроля нуждаются в модернизации по европейскому варианту. Для этого необходимо изменение не только методики расчёта показателей, позволяющих сформировать экономический облик региональной коррупции, но и трансформировать деятельность институтов противодействия коррупции. В частности, вместо показателей, приходящихся только на количество выявленных граждан, участвующих на стороне взяткодателя, необходимо использовать индикаторы, показывающие количество должностных лиц, получающих коррупционный доход.

3.2. Ключевые индикаторы антикоррупционного контроля в области обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации

Сложившиеся в российских регионах институциональные рамки антикоррупционного контроля не позволяют в настоящий момент осуществлять мониторинг исключительно коммерческих отношений. Их коррупционная составляющая служит предметом административного контроля (финансового, налогового, банковского, лицензионного), но оценивается преимущественно в постреакционном периоде противодействия коррупции, т.е. в правоохранительной (криминальной) плоскости.

Социологические измерения, проводимые всеми субъектами Российской Федерации, показывают в большей степени лишь одну сторону коррупции – низовую («бытовую»).

Однако коррупционная поражённость населения не является единственным риском региональной экономической безопасности. Не менее важно и значимо поведение экономических акторов как во взаимосвязи с представителями власти («деловая коррупция») [765; 781], так и между собой (в европейской литературе она называется «corruption in commercial enterprise» - «коррупция в коммерческом предпринимательстве») [698; 701]. Вместе с тем экономической науке известны различные методики расчёта коррупционных рисков, к числу которых, как правило относится целая совокупность индикаторов [711; 712, p. 217; 715, p. 4; 791, p. 333].

Наиболее распространённая концепция вычислений была предложена представительницей американской экономической науки С. Роуз-Аккерман, которая на примере заключения государственных контрактов с коммерческими организациями исследовала возможные коррупционные отношения [784]. На фоне стандартизированной процедуры отбора частных компаний (поставщиков и подрядчиков) организатор публичных торгов, как правило отдаёт предпочтение лишь одному участнику [779]. Исходя из имевшейся на тот момент статистики США по ряду европейских стран и по отдельным азиатским государствам С. Роуз-Аккерман определила две модели подобных отношений:

1) претендент на получение государственного заказа даёт взятку должностному лицу, отвечающему за организацию публичных торгов [783];

2) претендент использует коррупционные инструменты в отношении с конкурентами, т.е. подкупает других участников с целью самоустранить их на пути к заключению государственного контракта [785].

Тем самым С. Роуз-Аккерман предложила вычислять коррупционную прибыль, применительно к государственному должностному лицу (как монополисту в организации государственного заказа) и к экономическому актору

(как участнику, имеющему интерес в получении государственного контракта коррупционным путём).

В обобщённом виде формула, предложенная С. Роуз-Аккерман, выглядит так (Формула 3.4):

$$\text{КП} = \text{ЦЕП (РВ)} - \text{ИП (РВ)} - \text{СШК} - \text{МИ}, \text{ где [3.4]}$$

КП – коррупционная прибыль (для экономического актора);

ЦЕП – цена за единицу продукта (работы, услуги);

РВ – размер взятки;

ИП – издержки производства продукции, выполнения работ или оказания услуг;

СШК – средний штраф для экономического актора за выявленный коррупционный факт;

МИ – моральные издержки экономического актора при совершении коррупционной сделки.

Следует отметить, что в некоторых субъектах Российской Федерации задействована подобная методика вычислений коррупционного оборота, построенная на моделях С. Роуз-Аккерман.

Например, в Сахалинской области данный механизм определения показателей коррупции использовался в 2018-2019 гг. в качестве экономико-социологических расчётов эффективности антикоррупционных мер [647].

В частности, средний размер коррупционной прибыли в Сахалинской области определяется путём сложения комплекса показателей, выявленных в результате официального социологического исследования. В расчёт включалась лишь референтная группа, выделяемая по профессиональным и социальным критериям (рабочие, служащие, предприниматели, безработные, пенсионеры, учащиеся и т.д.).

Так, применительно к отдельно взятой социальной группе формула расчёта коррупционной прибыли выглядит следующим образом (Формула 3.5):

$$\begin{aligned}
 & KЧ\ min \times \frac{S\ min}{2} + KЧ\ min\ med \times \frac{S\ min\ med\ min}{2} + KЧ\ med \times \frac{S\ med}{2} + \\
 & + KЧ\ med\ high \times \frac{S\ med\ high}{2} + KЧ\ high\ min \times \frac{S\ high\ min}{2} + \\
 & + KЧ\ high\ med \times \frac{S\ high\ med}{2} + KЧ\ high \times S\ high
 \end{aligned}$$

$$КП = \frac{\text{сумма числителя}}{КЧГ}, \text{ где [3.5]}$$

$KЧ\ min$ – количество человек, согласившихся на минимальную сумму взятки (для Сахалинской области их число составило 370 человек);

$S\ min$ – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне минимального размера взяток (для Сахалинской области она варьируется от 3 000 до 5 000 рублей);

$KЧ\ min\ med$ – количество человек, согласившихся на среднеминимальный размер взятки (по Сахалинской области составляет 602 человека);

$S\ min\ med$ – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне среднеминимального размера взяток (по Сахалинской области варьируется от 5 000 до 15 000 рублей);

$KЧ\ med$ – количество человек, согласившихся на средний размер взяток (в Сахалинской области насчитывается 381 человек);

$S\ med$ – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне среднего размера взяток (в Сахалинской области варьируется от 15 000 до 30 000 рублей);

$KЧ\ med\ high$ – количество человек, согласившихся на верхнесредний размер взяток (по Сахалинской области насчитывает 167 человек);

$S\ med\ high$ – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне верхнесреднего размера взяток (в Сахалинской области варьируется от 30 000 до 50 000 рублей);

$KЧ\ high\ min$ – количество человек, согласившихся на минимально высокий размер взяток (по Сахалинской области составило 72 человека);

S high min – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне минимально высокого размера взяток (в Сахалинской области варьируется от 50 000 до 100 000 рублей);

КЧ high med – количество человек, согласившихся на средневысокий размер взяток (по Сахалинской области составляет 38 человек);

S high med – сумма нижнего и верхнего пределов в диапазоне средневысокого размера взяток (в Сахалинской области варьируется от 100 000 до 200 000 рублей);

КЧ high – количество человек, согласившихся на максимально высокий размер взяток (по Сахалинской области составило 27 человек);

S high – максимально высокий размер взяток (в Сахалинской области составляет 250 000 рублей, при этом не установлено верхнего предела).

КЧГ – количество представителей определённой социальной группы в проведённом социологическом опросе (например, число муниципальных служащих в социологическом измерении, проведённом в Сахалинской области, составило 2 222 представителя).

Таким образом, в каждом диапазоне приведённой градации коррупционных доходов складывается минимальный и максимальный размер, выявленный путём показаний, которые дали сами опрашиваемые граждане. С целью получить средний размер в каждом из указанных диапазонов полученную сумму, следует делить на 2 (т.е. 1 нижний предел + 1 верхний предел). В результате суммирования коррупционных доходов полученные цифры умножаются на количество людей, признавших участие в коррупционной сделке в определённом размере (они ранжированы на минимальные, среднеминимальные, средние, верхнесредние, минимально высокие, средневысокие и высокие размеры, исчисляемые в национальной валюте). Установленная этим способом итоговая сумма делится на количество представителей социальной группы (муниципальных служащих в субъекте федерации).

Например, спроецировав указанную формулу [3.5] на показатели Сахалинской области за 2019 г., полученные в результате социологического

опроса 7 200 человек по заданию региональной власти, представляется возможным определить средний коррупционный доход:

$$KD = \frac{370 \times \frac{3000+5000}{2} + 602 \times \frac{5000+15000}{2} + 381 \times \frac{15000+30000}{2} + 167 \times \frac{30000+50000}{2} + 72 \times \frac{50000+100000}{2} + 38 \times \frac{100000+200000}{2} + 250000 \times 27}{2222}$$

Тем самым КД по Сахалинской области насчитывает 18 273 рубля.

Однако в приведённом примере не вполне понятна эмпирическая ценность произведённых вычислений. Что именно показывает эта цифра? Она не подтверждает коррупционный ВВП на душу населения и не коррелирует с коррупционной поражённостью областных жителей. Самое главное, что приведённая сумма не демонстрирует средний размер взятки, поскольку она значительно расходится с общероссийскими показателями и с региональными тенденциями, зафиксированными правоохранительными институтами.

Так, ещё в 2016 г. МВД РФ заявило о существенном росте средней взятки по стране: если в 2012 г. она насчитывала 60 тыс. рублей, то к 2016 г. составила 328 тыс. рублей [637] (в 2019 г. – более 800 тыс. рублей [139, с. 168; 244, с. 87]). Вместе с тем в правоохранительном сегменте вычисление средних коррупционных показателей строится на данных, полученных из уголовных дел за определённый период. Тем самым в расчёт попадают лишь официально выявленные коррупционные сделки.

По Сахалинской области рассматриваемый показатель лишь за 2016 г. составил 140 тыс. рублей [Цит. по: 324]. Безусловно, он не мог снизиться за три года до цифры 18 273 рубля, несмотря на ощутимые достижения областных институтов противодействия коррупции.

Тем самым можно прийти к выводу, что подобный подход нуждается в доработке. В частности, вместо показателей, приходящихся только на количество выявленных граждан, участвующих на стороне взяткодателя, необходимо использовать индикаторы, показывающие количество должностных лиц,

получающих коррупционную прибыль. Использовать для этого общую численность публичных служащих нецелесообразно.

Кроме того, нельзя упускать официальную антикоррупционную статистику, публикуемую правоохранительными органами, поскольку именно она должна верифицировать показатели, формируемые в результате открытых социологических измерений. В противном случае, как это удалось установить по примеру Сахалинской области, полученные данные будут демонстрировать лишь уровень т.н. «бытовой» (низовой) коррупции в регионе.

Возвращаясь к теоретическим выкладкам С. Роуз-Аккерман, следует отметить её стремление вычислить экономико-коррупционную составляющую. В частности, исследователь отмечала, что наравне с доходностью от коррупции на бюрократическо-управленческом уровне значение имеет также коррупционная прибыльность участников рынка [782]. Она определяется путём вычитания из совокупного множественного показателя, включающего размер взятки и стоимость единицы продукта (работы, услуги), следующих элементов:

- издержки производства определённого количества товаров (работ, услуг);
- средний штраф, накладываемый на поставщика в случае выявления коррупционного факта;
- моральные издержки предпринимателя, связанные с дачей взятки.

Последний элемент связан с репутационными потерями, которые потенциально может понести предприниматель при выявлении коррупционного факта и доведении сведений об этом до общественности [718; 725]. Однако подобный показатель имеет значение в странах с высококонкурентной экономикой и с наработанным десятилетиями институтом деловой репутации.

Применительно к российским регионам данный аспект учитывается лишь в минимальной степени. Деловая репутация, несмотря на её закрепление в законодательстве Российской Федерации, не получила адекватной оценки ни в экономическом обороте, ни во взаимодействии бизнеса и власти [159, с. 110; 447, с. 21]. Сложившийся в субъектах федерации подход к организации публичных

торгов на размещение государственных и муниципальных заказов имеет формальный характер [174, с. 31; 228, с. 88].

В частности, при желании того или иного контрагента стать субъектом конкурса (аукциона), проводимого для заключения государственного контракта, выдвигаются требования о деловой «чистоте» предпринимателя или организации. Это может выражаться в необходимости предоставить сведения об отсутствии данного лица в реестре недобросовестных поставщиков, который ведётся на федеральном уровне совместными усилиями всех субъектов Российской Федерации. Также в расчёт попадают факты наложения санкций за нарушения, допущенные предпринимателем в процессе исполнения прошлых государственных заказов. Значение приобретают гарантии в потенциальном выполнении будущих контрактных обязательств перед государственным или муниципальным заказчиком.

Формальность перечисленных показателей выражается либо в игнорировании выявленных фактов в торговой практике [175, с. 71; 303, с. 18], либо в искусственной замене одного участника другим при наличии между ними экономической аффилированности [152, с. 81; 278, с. 39]. В региональном опыте публичных закупок нередки случаи участия в торгах корпоративных субъектов, напрямую или косвенно связанных с тем или иным должностным лицом, обладающим властными полномочиями.

Аналогичным образом нивелируются и другие экономические издержки, перечисленные С. Роуз-Аккерман в условиях монополизации и олигополизации региональных рынков. Тем не менее, приблизительная стоимость предлагаемого продукта (работ или услуг) высчитывается участниками коррупционных отношений, исходя из рыночных показателей и оценки потенциальной себестоимости производства (необходимых затрат).

При этом вовсе не обязательной является прибыль для самого экономического актора, который специально создан для получения преференций, включая возможности вывода публичных финансов (бюджетных средств) [123; 124]. По средним подсчётам специалистов коррупционная рента у корпоративных

субъектов может варьироваться в зависимости установленного минимума от оборота (от 2 до 35%), а также составлять подавляющую долю их экономической активности (от 35 до 75%) [125; 687, р. 1021; 700, р. 103]. В силу этого в теневом секторе могут существовать предпринимательские структуры, основной целью которых является участие в коррупционных схемах, а не извлечение экономической выгоды [258; 261]. Для них наличие или отсутствие производственных издержек компенсируется высокой коррупционной прибылью (или сверхприбылью от систематических коррупционных сделок).

В обобщённом виде формула определения коррупционной прибыли бизнеса выглядит следующим образом [714; 733; 746] (Формула 3.6):

$$КПБ = ПВ - \frac{ПВ}{1 + ТН} - ПИ, \text{ где [3.6]}$$

КПБ – коррупционная прибыль бизнеса;

ПВ – выручка от продажи;

ТН – торговая наценка;

ПИ – переменные издержки.

Исходя из такого варианта, производители оценивают в качестве себестоимости конечной продукции не только издержки по основной реализационной деятельности, но и иные составляющие, которые формируют расходы предпринимателя.

Например, в 2019 г. в Республике Татарстан было возбуждено громкое уголовное дело в отношении служащих Исполнительного Комитета г. Казани, курировавших сферу образования. Коррупционная прибыль для главного фигуранта – начальника городского управления образованием – составила 800 тыс. рублей. При этом коррупционная выручка в приведённом случае превысила 5 млн. 300 тыс. рублей [634].

В практике большинства субъектов Российской Федерации рассчитываются другие индикаторы коррупционного оборота в аспекте экономической

безопасности. Например, наиболее распространённой является формула выявления доли коррупционного рынка (ДКР) в составе валового регионального продукта (ВРП). Она представлена простым делением объёма регионального коррупционного рынка (РКР) на показатель ВРП за определённый год [68, с. 58; 287, с. 193; 384, с. 240] (Формула 3.7):

$$ДКР = \frac{РКР}{ВРП} \quad [3.7]$$

При этом РКР тоже рассчитывается элементарным умножением показателя среднего коррупционного дохода по региону (КД) на количество совершённых коррупционных сделок (СКС) в определённом субъекте Российской Федерации [162; 214; 507] (Формула 3.8):

$$РКР = КД \times СКС \quad [3.8]$$

Например, в Сахалинской области, согласно официальным социально-экономическим измерениям, РКР составил в 2016 г. почти 16 000 000 000 рублей [647]. При этом СКС определялся путём выявления среднего количества коррупционных сделок (1,78) на душу населения (в Сахалинской области проживало 489 638 человек). Тем самым ДКР по данному субъекту федерации выразился в цифре 2%.

Вместе с тем, применительно к проиллюстрированным расчётам за основу был взят показатель средней взятки размером в 18 273 рубля. Как удалось установить ранее, он не соответствует реальному индикатору коррупционного оборота в Сахалинской области. Поэтому в плоскости только правоохранительной статистики (при учёте КП в объёме не менее 140 тыс. рублей за 2016 г.) ДКР должен составлять 16% [Приложение О].

Как видно из проведённых расчётов, разница между исчислениями, проводимыми по заданию антикоррупционных институтов Сахалинской области, с вычислениями правоохранительных институтов составляет порядка 14%, что

существенно скрывает состояние коррупции в анализируемом субъекте Российской Федерации.

Несмотря на то обстоятельство, что приведённые методики расчётов предназначены для выявления общих показателей в области противодействия коррупции в регионе, они вполне гармонируют с результатами проводимого антикоррупционного контроля. Однако для разграничения индикаторов необходимо установить, в какой степени контрольные мероприятия повлияли на устранение коррупционных рисков и в каком объёме защита экономической безопасности проводилась постреакционными мерами.

Прежде всего, следует констатировать тот факт, что доля правоохранительного сегмента в выявлении и пресечении коррупции значительно превышает влияние превентивных инструментов воздействия. Во многом такое положение детерминировано институциональными особенностями, сложившимися во всех субъектах Российской Федерации. У правоохранительных органов значительно больше полномочий и возможностей в сравнении с институтами антикоррупционного контроля, которые относительно недавно были сформированы на региональном уровне.

Вместе с тем, даже в установленных судами объёмах коррупционного ущерба можно выделить потери региональной экономики как в общей, так и бюджетной сферах, в частности, те, которые произошли из-за дефектов реализации антикоррупционного контроля.

Например, в Республике Татарстан ещё в 2015 г. только региональными судами была подтверждена сумма вреда от коррупционных действий в размере 554 млн. рублей. Примечательно, что правоохранительные институты сумели вернуть в республиканский бюджет порядка 475,8 млн. рублей [632]. Однако уже в 2018 г. в Татарстане высшими политическими структурами была озвучена коррупционная сумма в объёме 800 млн. рублей. При этом лишь половина выявленных коррупционных преступлений (400 эпизодов) нанесла ущерб бюджетам (республиканскому и муниципальным) [674].

Одновременно с указанными цифрами впервые руководство Татарстана назвало число нарушений коррупционного характера, которые удалось установить усилиями контрольно-надзорных структур: они насчитывают 200 тыс. нарушений, из которых лишь 1 тыс. случаев связаны с порядком декларирования доходов подконтрольных лиц (т.е. 0,5% от общего числа нарушений) [674].

В официальной статистике не обозначены суммы предотвращённых убытков региональной экономике, но по предварительным оценкам она варьируется от 30 до 50% от совокупного показателя реального коррупционного ущерба [250, с. 6]. При этом следует отметить, что указанные процентные доли не включаются в итоговые статистические отчёты, в силу чего их оценкой занимаются преимущественно научные круги [164, с. 28; 308, с. 345].

В связи с этим необходимо указать на такой фактор, как невозможность установления конечного коррупционного ущерба инструментами контроля. Превентивное воздействие заключается в минимизации либо в полном устранении факта коррупции в будущем. Лишь в некоторых видах антикоррупционного контроля удаётся определить реальные суммы экономических потерь региона (прежде всего, в последующей и в ретроспективной антикоррупционной верификации). Примечательно, что при наличии соответствующего ущерба речь идёт уже не о превенции, а о необходимости пресечения криминальных действий, т.е. о постреакционном противодействии коррупции.

Отчасти барьеры в определении индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля вызваны не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчёта.

Так, выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и в осуществлении предпринимательской деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике.

Вместе с тем в экономических исследованиях сложились две классических модели, позволяющих не только установить наличие интереса у подконтрольного лица, но и потенциальный объём коррупционного капитала, который будет задействован в экономическом обороте.

Первая модель – экономические мотивы совершения коррупционных нарушений – была сформулирована Г. Беккером [691]. Она построена на определении разницы между потенциально возможной коррупционной прибылью и сопряжёнными с нею затратами в виде обнаружения коррупционного факта [690] (Формула 3.9):

$$OKD = (1 - BPK) \times \Phi K + BPK \times (\Phi K - KI) = \Phi K - BPK \times KI, \text{ где [3.9]}$$

OKD – ожидаемые доходы коррупционного характера;

BPK – возможность раскрытия коррупционного факта;

ΦK – материальная или нематериальная форма выражения предмета коррупционной сделки;

KI – коррупционные издержки в виде потенциального размера наказания (штрафа, лишения свободы, увольнения со службы с потерей служебного вознаграждения и др.).

Тем самым логика Г. Беккера в выявлении экономического коррупционного интереса базируется на разнице выгод между совершением коррупционного действия (т.е. нарушением закона) и выполнением законных требований (нормальным исполнением служебных функций) [692].

Вторая – это т.н. «динамическая модель», сформулированная Францисом Луи ещё в 1986 г. [756] Она предполагает неинституциональные особенности во взаимоотношениях между публичными служащими, осуществляющими друг над другом антикоррупционный контроль.

Несмотря на разделение данных лиц по поколениям (условно «молодое» и условно «старое»), суть подсчётов сводится к формированию и выражению экономического интереса в получении взятки [713] (Формула 3.10):

$$1 - SGK - VP \times ШК \geq 0 = ФЭИ, \text{ где [3.10]}$$

1 – минимальная вероятность получения наказания (штрафа) за коррупционный факт;

СКГ – степень готовности должностного лица к коррупционному действию (зависит от условной честности служащего);

ВП – вероятность антикоррупционной проверки в отношении конкретного должностного лица;

ШК – штрафная санкция за коррупцию;

ФЭИ – формирование экономического интереса.

Одновременно с этим Ф. Луи отмечает, что частота проведения антикоррупционных проверок влияет на увеличение расходов государства, а ожидаемый экономический эффект от этого становится ниже [758]. Тем самым расширение мер антикоррупционного контроля сопряжено с соответствующим объёмом финансирования, что не всегда представляет выгоду для государства в сравнении с коррупционным ущербом.

Исходя из этого Ф. Луи констатирует, что повышение штрафных санкций за коррупционные действия, как правило, приводит к разрастанию коррупционного оборота и к расширению коррупционного капитала, поскольку потенциальные материальные издержки должностных лиц включаются в формулу расчёта коррупционной ренты [757].

Обе признанные в экономической науке формулы позволяют вычислить лишь идеальный тип коррупционных отношений, когда получатель коррупционного дохода и исполнитель коррупционного действия совпадают в одном лице. Такой вариант наблюдается лишь в низовой («бытовой») коррупции. Однако в российских регионах за последнее десятилетие сформировались более сложные коррупционные схемы, при которых значение приобретают критерии приближённости получателя коррупционных доходов к тому или иному субъекту публичной службы.

Например, это часто выражается в легализованной возможности близких родственников или супругов должностных лиц заниматься экономической деятельностью, в том числе в условно подконтрольных отраслях. Тем самым расчёт «моральных издержек» для таких структур бесперспективен, за исключением прямого или косвенного конфликта интересов.

Вместе с тем официальная статистика, публикуемая субъектами Российской Федерации, демонстрирует пассивную реализацию мер антикоррупционного контроля по выявлению и урегулированию конфликтов интересов лишь на низовом управленческом уровне. Речь идёт, прежде всего, о муниципальной службе, где в отношении рядовых должностных лиц проводятся эпизодические проверки и выдаются уведомления о необходимости пресечения потенциального коррупционного риска.

Так, за 2019 г. в Чувашской Республике касательно региональных государственных служащих было составлено лишь 5 материалов, затрагивающих конфликт интересов, а также 18 уведомлений подавались самими должностными лицами о наличии потенциальной личной заинтересованности при реализации служебных полномочий [640]. В то же время от муниципальных служащих поступило 48 аналогичных уведомлений, а в отношении 529 должностных лиц местного самоуправления проводились специальные заседания комиссий о противодействии коррупции на основании 66 фактов возникновения конфликта интересов.

Примечательно, что весной 2019 г. Администрация главы Чувашии внесла в республиканский парламент законопроект о необходимости внесения сведений о родственниках в личные дела гражданских служащих. При этом в Чувашской Республике нередки коррупционные скандалы с участием высших должностных лиц, а также их близких.

Например, родная сестра республиканского вице-премьера, занимавшая пост генерального директора аудиторской компании, была задержана сотрудниками ФСБ при получении взятки размером порядка 15 млн. рублей [665].

При этом к высокопоставленной родственнице во власти у институтов противодействия коррупции не возникло никаких вопросов.

Ещё одной региональной спецификой становится смещение центра ответственности на замещающие должностные единицы. Например, в Чувашской Республике пост вице-преьера за последние пять лет приобрёл негативный коррупционный колорит, поскольку либо занимающие его лица, либо их близкие родственники были уличены в фактах коррупции [627]. Одновременно с эти правоохранные институты фиксируют снижение коррупционного ущерба республиканской экономике в объёме от 87 млн. рублей в 2017 г. до 7,5 млн. в 2019 г. на фоне 5% увеличения случаев выявления коррупционных преступлений [655].

Таким образом, исходя из проведённого нами исследования мы пришли к следующему выводу, что имеющиеся современные индикаторы региональной экономической безопасности, рассчитываемые классическими методиками в плоскости антикоррупционного контроля, внедрены в практику субъектов федерации лишь фрагментарно.

Собственно, предлагаемые методы антикоррупционного контроля должны быть направлены на оценку существующих и предлагаемых нами ключевых индикаторов распространения коррупции в различных формах и видах, таких как: коррупционная прибыль; средний размер взяток; коррупционная маржинальность; коррупционная волатильность; коррупционные издержки государства и негосударственных акторов; коррупционная стоимость продукта (работы, услуги); экономический коррупционный опыт (стаж); объём коррупционного оборота и мн. др.

Ранее нами было установлено, что определение ключевых индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля вызваны не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчёта. Выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и в осуществлении предпринимательской

деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике.

Поэтому целесообразно использовать предлагаемые нами формулы расчёта указанных показателей оценки эффективности мероприятий по превентивному антикоррупционному противодействию.

Так, «коррупционный доход» должностного лица – представителя государственного управления может быть рассчитан по формуле и базироваться на следующих индикаторах (Формула 3.11):

$$\text{КД (РВ)} = \text{РВ} - \text{СШК (РВ)} - \text{ЭПИ (РВ)}, \text{ где [3.11]}$$

КД – коррупционный доход, получаемый должностным лицом;

РВ – размер взятки, предоставляемой экономическим актором;

СШК – средний штраф, налагаемый за коррупционное действие должностного лица;

ЭПИ – «эмоционально-психологические» издержки должностного лица, получающего взятку.

Под «эмоционально-психологическими» издержками должностного лица, получающего взятку, нами понимается мера (предел) риска должностного лица при совершении коррупционного проявления связанного с неотвратимостью наступления наказания. Данный показатель определяется нами экспертным путем на основе материалов проводимого ежегодно социально-экономического мониторинга «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан» Комитетом Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу в рамках реализации Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 N 512 «Об утверждении государственной программы «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015-2023 годы».

Следует отметить, что в некоторых субъектах Российской Федерации уже применяется предложенная методика вычислений коррупционного оборота. При этом в качестве доминирующих индикаторов антикоррупционного контроля нами

выделены: коррупционная маржинальность, коэффициент пораженности и коррупционная волатильность и т.д. (Рисунок 3.10).

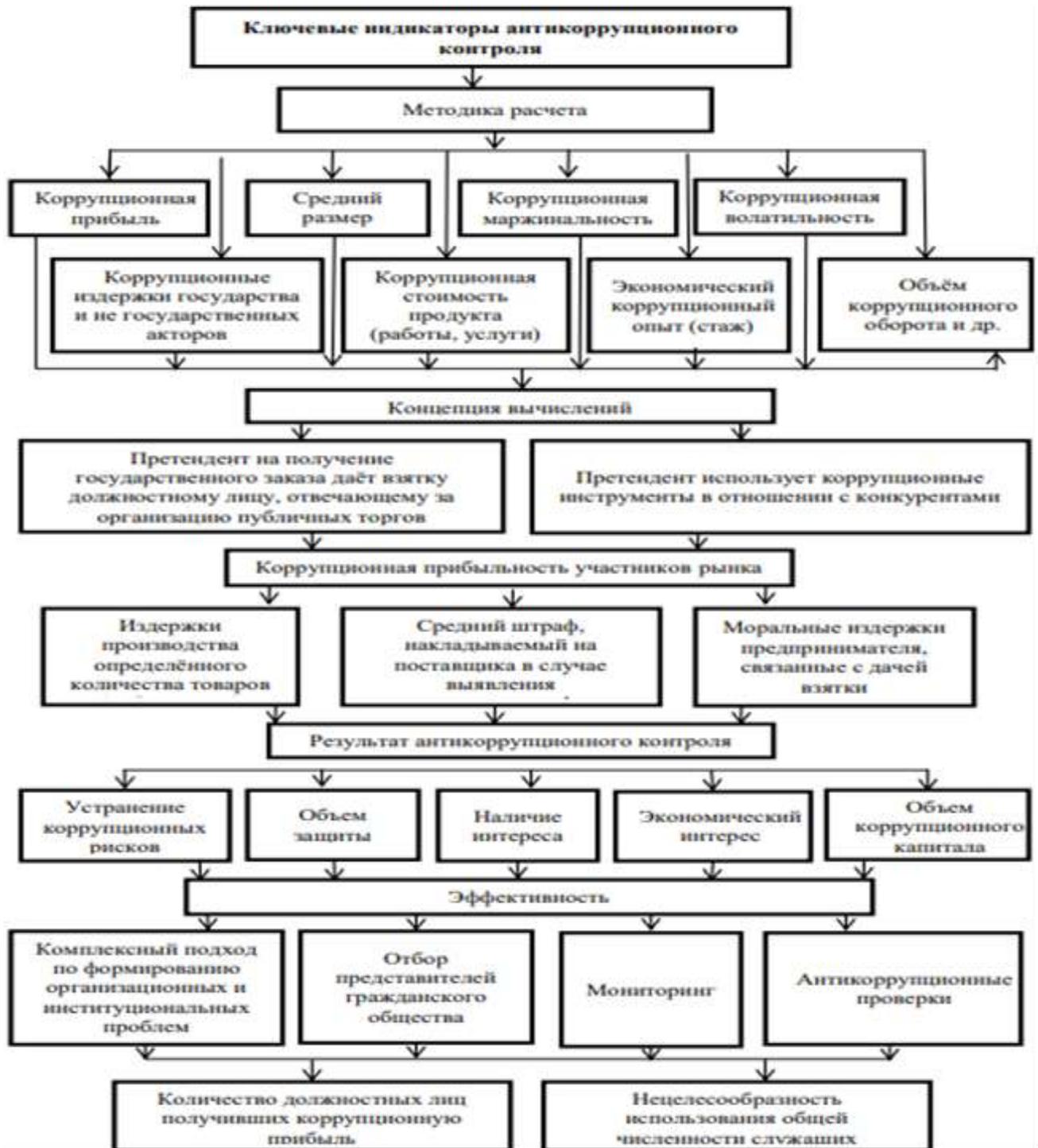

Рисунок 3.10 - Ключевые индикаторы антикоррупционного контроля.
Источник: разработан автором.

Так, коррупционная маржинальность (КМ) для установления рентабельности экономической деятельности может быть рассчитана по формуле (Формула 3.12):

$$KM = KD - KD \div (1 + UKD) - \text{ЭПИ}, \text{ где [3.12]}$$

КД – коррупционный доход;

УКД – увеличение коррупционного дохода;

ЭПИ – «эмоционально-психологические» издержки должностного лица, получающего взятку.

При этом значение имеет коррупционный стаж, понимаемый нами в качестве периода времени, когда должностное лицо не подвергалось соответствующим проверкам. Последними связаны не с общими показателями (декларирование доходов, расходов, имущества), а со специальными мерами антикоррупционного контроля, когда уполномоченный институт целенаправленно занимается верификацией данных в отношении конкретного публичного служащего при наличии подозрений в его коррупционной деятельности, но чем больше данный период времени, тем менее эффективен будет антикоррупционный контроль.

Это сопряжено со смещением полномочий и высокой институциональной устойчивостью правоохранительного сегмента в ущерб потенциально возможным мерам превентивного характера. Во многом сложившаяся в российских регионах практика вычислений коррупционных интересов применяется лишь к низовому уровню управления и не распространяется на всех должностных лиц, включая тех, чьи полномочия осложнены высоким коррупционным риском.

Указанные тенденции фиксируются на фоне повышения информационной открытости органов власти и публичных компаний, влияющих на региональные экономические процессы. Кроме того, развитие информатизации сведений, получаемых институтами антикоррупционного контроля, приводит сегодня к выявлению противоречий и пробелов в статистических данных, в то время как ранее, в условиях нераскрытия основных достижений, установить истинные показатели было практически невозможно.

Таким образом, спроецировав предлагаемую нами формулу [3.11] на показатели Сахалинской области за 2019 г., представляется возможным

определить реальный средний коррупционный доход из расчета определенного ранее среднего размера взятки, предоставляемой экономическим актором (РВ) – 391025 рублей; совокупного размера штрафа, налагаемого за коррупционное действие должностного лица (СШК) – 44110 рублей и «эмоционально-психологических» издержек должностного лица, получающего взятку (ЭПИ) – 5452 рубля.

$$КД(РВ) = 391025 - 44110 - 5452 = 341463$$

Отсюда реальный средний коррупционный доход (КД) составляет – 341463 рубля, что коррелируется со средними данными МВД РФ по 2019 году.

Повышение эффективности мер антикоррупционного контроля в обеспечении региональной экономической безопасности требует комплексного подхода к размыванию монопольного права высших властных структур в формировании организационных и институциональных систем, занимающихся превентивным воздействием на коррупцию. В частности, сложившийся в субъектах Российской Федерации подход по избирательному отбору представителей гражданского общества для реализации антикоррупционного мониторинга и проведения соответствующих проверок вынуждает альтернативные общественные структуры политизировать состояние региональной коррупции.

В большем значении требует своего внедрения методика выявления экономических интересов и связей между участниками коррупционной деятельности с одновременным пресечением потенциальных конфликтов интересов. Для этого региональные институты антикоррупционного контроля должны получить доступ к полномасштабным базам данных, формируемых органами власти и управления, с целью технологизировать и объективизировать процесс верификации сведений о коррупционной активности подконтрольных лиц. На основании этого, необходимо, по-нашему мнению, провести комплексную оценку и разработать собственную методику рейтинга

эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга.

3.3. Методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга

В целях анализа и разработки методики рейтинга эффективности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов необходимо использовать официальную информационную базу, проводимых мониторингов эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов, территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов субъектов РФ, иных государственных органов и организаций по реализации антикоррупционных мер на территории Российской Федерации.

Под **«Рейтингом эффективности»** нами понимается деятельность органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции, а также условий для ее проявления, мер по противодействию, превенции и реализации антикоррупционной политики, в том числе её социальная диагностика, осуществляемая в целях оценки эффективности антикоррупционной политики субъектов Российской Федерации.

«Антикоррупционный мониторинг» в нашем понятии является инструментом измерения коррупционных проявлений в экономической сфере, их причин, основанных на наблюдении и анализе коррупции.

Основной задачей антикоррупционного мониторинга в системе экономической безопасности является выявление в обществе уязвимых и слабых мест, которые могут способствовать росту коррупционных проявлений.

Подобный анализ, как правило позволяет определить экономически важные сферы, где успешно реализованы проекты, которые уже привели к значительному

снижению коррупционного напряжения, а также с целью выявления зон рисков, требующих принятия целенаправленных мер по предупреждению и предотвращению коррупционных проявлений.

Показатели, антикоррупционного мониторинга, как правило устанавливаются региональными органами исполнительной власти субъектов РФ, так в Республике Татарстан приняты следующие нормативно-правовые акты:

- Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 № УП-148 «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами»;

- Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 № 463 «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами».

С целью расчета рейтинга оценки эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления за основу должны быть взяты показатели, характеризующие эффективность применения основных направлений антикоррупционной деятельности.

Кроме этого, необходимо дополнительно использовать ведомственные данные, предоставленные в рамках запросов при формировании антикоррупционного мониторинга:

- Аппаратом Президента РФ;
- Прокуратурой РФ;
- Министерством внутренних дел РФ.

Таким образом, расчет рейтинга органов местного самоуправления регионов нами был сформирован по следующим модульным показателям [Приложение П]:

Модуль 1. Организационные мероприятия по обеспечению исполнения антикоррупционного законодательства:

1.1. Доля фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений в штатной численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

1.2. Доля фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений с опытом работы свыше 3-х лет в общей фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

1.3. Количество служащих, привлеченных к юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений в расчете на 100 муниципальных служащих штатной численности;

1.4. Доля проектов нормативных правовых актов, в которых органами прокуратуры, юстиции были выявлены коррупциогенные факторы в общем количестве проектов нормативных правовых актов, прошедших антикоррупционную экспертизу органами прокуратуры, юстиции на наличие коррупциогенных факторов;

1.5. Наличие нормативных правовых актов, разработанных (утвержденных) органом местного самоуправления, в которых органы прокуратуры, юстиции выявили коррупциогенные факторы;

1.6. Доля проверок, в которых выявлены нарушения действующего законодательства (соблюдения требований, установленных законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд, а также осуществления разрешительной деятельности) в общем количестве проверок указанных категорий;

1.7. Доля проверок использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, в результате которых выявлены нарушения действующего законодательства в общем количестве проверок указанной категории;

1.8. Доля уведомлений служащих о фактах обращений в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, рассмотренных в соответствии с требованиями антикоррупционного законодательства к общему числу уведомлений;

1.9. Наличие должностных лиц исполнительной и законодательной власти органа МСУ привлеченных к уголовной ответственности совершивших должностные преступления (ст.285-293 УК РФ (по данным МВД РФ));

1.10. Наличие выявленных нарушений законов муниципальной службы на одного муниципального служащего штатной численности (с учетом данных Прокуратуры РФ);

1.11. Наличие обращений граждан коррупционного характера поступивших в Аппарат Президента РФ (по данным Управления по работе с обращениями граждан);

1.12. Наличие проведенных заседаний комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов;

1.13. Наличие мероприятий антикоррупционной направленности, проведенных с участием общественных объединений и организаций;

1.14. Наличие заседаний комиссии при руководителе органа местного самоуправления по противодействию коррупции.

Модуль 2. Показатели деятельности органов местного самоуправления субъектов РФ по антикоррупционному просвещению:

2.1. Наличие служащих, прошедших обучение по антикоррупционной тематике;

2.2. Наличие проведенных консультаций муниципальных служащих на тему антикоррупционного поведения;

2.3. Наличие подготовленных памяток, методических пособий по антикоррупционной тематике.

Модуль 3. Обеспечение информационной открытости деятельности органов местного самоуправления субъектов РФ по противодействию коррупции:

3.1. Наличие подготовленных материалов антикоррупционной направленности (телепрограмм, радиопрограмм, печатных изданий, социальной рекламы, материалов в «Интернет»);

3.2. Наличие выступлений антикоррупционной направленности официальных представителей органов местного самоуправления в СМИ.

Расчет рейтинга органов местного самоуправления регионов РФ формируется по балльной системе по критериям, путем сложения. Максимальное итоговое значение определяет место в рейтинге.

Расчёт итогового рейтинга исчисляется по формуле (Формула 3.13):

$$РИМО = M1 + M2 = M3, \text{ где [3.13]}$$

РИ МО – итоговый рейтинг для органов местного самоуправления субъектов РФ;

M1 – сумма баллов по Модулю 1;

M2 – сумма баллов по Модулю 2;

M3 – сумма баллов по Модулю 3.

Итоговый рейтинг органов местного самоуправления регионов формируется по численности муниципальных служащих (Таблица 3.6):

Таблица 3.6 - Рейтинговая оценка деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по эффективности реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан по итогам 1 полугодия 2021 года.

Органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан	Итоговые баллы				Рейтинг
	М 1	М 2	М 3	РН МО	
Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих свыше 400 чел.					
г. Набережные Челны	6	2	1	9	1
г. Казань	4	3	1	8	2
Нижнекамский	4	2	2	8	2
Зеленодольский	3	2	1	6	3
Альметьевский	1	1	1	3	4
Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих от 200 до 400 чел.					
Рыбно-Слободский	11	3	2	16	1
Тетюшский	13	1	2	16	1
Аксубаевский	11	3	2	16	1
Дрожжановский	11	3	2	16	1
Занский	11	3	1	15	2
Алькеевский	10	2	2	14	3
Бавлинский	9	3	2	14	3
Нурлатский	9	2	2	13	4
Пестречинский	8	3	2	13	4
Алексеевский	10	2	1	13	4
Муслимовский	9	2	2	13	4
Сармановский	7	3	1	13	4
Апастовский	8	3	2	13	4
Кукморский	7	3	2	12	5
Бушский	7	3	2	12	5
Лениногорский	6	3	2	11	6
Арский	8	2	1	11	6
Спасский	8	2	1	11	6
Чистопольский	6	2	2	10	7
Верхнеуслонский	5	3	2	10	7
Мамадышский	4	3	2	9	8
Черемшанский	7	1	1	9	8
Актанышский	7	1	0	8	9
Балтасинский	3	3	2	8	9
Бутульминский	1	3	2	6	10
Елабужский	3	1	2	6	10
Агрызский	3	2	1	6	10
Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих не более 200 чел.					
Атнинский	12	2	2	16	1
Камско-Устьинский	12	2	1	15	2
Кайбицкий	10	2	1	13	3
Тюлячинский	11	1	1	13	3
Высокогорский	9	3	1	13	3
Сабинский	9	2	1	12	4
Новошешминский	7	3	1	11	5
Ютазинский	7	2	2	11	5
Мензелинский	6	3	1	10	6
Тукаевский	4	3	1	8	7
Ланшевский	4	2	2	8	7
Азнакаевский	3	2	2	7	8
Менделеевский	3	2	2	7	8

Источник: составлена автором.

I. Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих свыше 400 чел.;

II. Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих от 200 до 400 чел.;

III. Группа ОМСУ с численностью муниципальных служащих не более 200 чел.

Для расчета рейтинга деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по эффективности реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан по итогам 1 полугодия 2021 года нами были взяты показатели, характеризующие эффективность применения основных направлений антикоррупционной деятельности Республики Татарстан, результаты показаны в таблице 3.6.

Расчет рейтинга органов исполнительной власти субъектов РФ формируется, также по модульным показателям, как и расчет рейтинга органов местного самоуправления регионов:

Модуль 1. Организационные мероприятия по обеспечению исполнения антикоррупционного законодательства [Приложение Р]:

1.1. Доля фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений в штатной численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

1.2. Доля фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений с опытом работы свыше 3-х лет в общей фактической численности подразделений (должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

1.3. Количество служащих, привлеченных к юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений в расчете на 100 государственных служащих штатной численности;

1.4. Доля проектов нормативных правовых актов, в которых органами прокуратуры, юстиции были выявлены коррупциогенные факторы в общем количестве проектов нормативных правовых актов, прошедших 5 антикоррупционную экспертизу органами прокуратуры, юстиции на наличие коррупциогенных факторов;

1.5. Наличие нормативных правовых актов, разработанных (утвержденных) органом исполнительной власти, в которых органы прокуратуры, юстиции выявили коррупциогенные факторы;

1.6. Доля проверок, в которых выявлены нарушения действующего законодательства (соблюдения требований, установленных законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, а также осуществления разрешительной деятельности) в общем количестве проверок указанных категорий;

1.7. Доля уведомлений служащих о фактах обращений в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, рассмотренных в соответствии с требованиями антикоррупционного законодательства к общему числу таких уведомлений;

1.8. Наличие обращений граждан коррупционного характера поступивших в Аппарат Президента РФ (по данным Управления по работе с обращениями граждан);

1.9. Наличие проведенных заседаний комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов;

1.10. Наличие мероприятий антикоррупционной направленности, проведенных с участием общественных объединений и организаций;

1.11. Наличие заседаний комиссии при руководителе органа исполнительной власти по противодействию коррупции.

Модуль 2. Показатели деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан по антикоррупционному просвещению:

2.1. Наличие служащих, прошедших обучение по антикоррупционной тематике;

2.2. Наличие консультаций государственных служащих на тему антикоррупционного поведения;

2.3. Наличие проведенных мероприятий правовой и антикоррупционной направленности (подготовки памяток, методических пособий по антикоррупционной тематике).

Модуль 3. Обеспечение информационной открытости деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по противодействию коррупции:

3.1 Наличие подготовленных материалов антикоррупционной направленности (телепрограмм, радиопрограмм, печатных изданий, б социальной рекламы, материалов в «Интернет»);

3.2 Наличие выступлений антикоррупционной направленности официальных представителей органов исполнительной власти в СМИ.

Расчет рейтинга органов исполнительной власти субъектов РФ формируется по балльной системе по критериям, путем сложения. Максимальное итоговое значение определяет место в рейтинге.

Расчёт итогового рейтинга исчисляется по формуле (Формула 3.14):

$$РИИОГВ = M1 + M2 = M3, \text{ где [3.14]}$$

РИ ИОГВ – итоговый рейтинг для органов исполнительной власти субъектов РФ;

M1 – сумма баллов по Модулю 1;

M2 – сумма баллов по Модулю 2;

M3 – сумма баллов по Модулю 3.

Итоговый рейтинг органов исполнительной власти субъектов РФ формируется по типу:

I. Министерства субъекта РФ;

II. Иные органы власти субъекта РФ (ведомства).

С целью расчета рейтинга деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан по эффективности реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан по итогам 1 полугодия 2021 года нами были отобраны показатели, характеризующие эффективность применения основных направлений антикоррупционной деятельности Республики Татарстан, результаты представлены в таблице 3.7 (Таблица 3.7).

Таблица 3.7 - Рейтинговая оценка деятельности исполнительной власти Республики Татарстан по эффективности реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан по итогам 1 полугодия 2021 года.

Органы исполнительной власти	Итоговые баллы				Рейтинг
	М 1	М 2	М 3	РН ИОГВ	
Ведомства Республики Татарстан					
Агентство инвестиционного развития	11	2	1	14	1
Инспекция Государственного строительного надзора	10	2	2	14	1
Государственная инспекция по обеспечению государственного контроля за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей	9	2	2	13	2
Управление по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники	11	1	1	13	2
Главное управление ветеринарии Кабинета Министров	11	1	0	12	3
Государственный комитет по тарифам	11	1	0	12	3
Комитет по охране объектов культурного наследия	9	2	1	12	3
Государственный комитет по биологическим ресурсам	7	2	2	11	4
Государственный комитет по закупкам	8	1	2	11	4
Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»	9	1	1	11	4
Управление ЗАГС Кабинета Министров	10	1	0	11	4
Государственная жилищная инспекция	8	2	0	10	5
Государственный комитет по туризму	9	1	0	10	5
Государственный комитет по архивному делу	8	1	0	9	6
Министерства Республики Татарстан					
Министерство земельных и имущественных отношений	11	2	1	14	1
Министерство труда, занятости и социальной защиты	11	2	1	14	1
Министерство промышленности и торговли РТ	11	1	1	13	2
Министерство экономики	10	1	2	13	2
Министерство спорта	9	3	0	12	3
Министерство юстиции	8	3	1	12	3
Министерство цифрового развития государственного управления информационных технологий и связи	8	3	0	11	4
Министерство образования и науки	7	2	2	11	4
Министерство сельского хозяйства и продовольствия	8	2	1	11	4
Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства	8	2	1	11	4
Министерство финансов	9	1	1	11	4
Министерство экологии и природных ресурсов	8	2	1	11	4
Министерство лесного хозяйства	7	2	1	10	5
Министерство по делам молодежи	8	2	0	10	5
Министерство здравоохранения	6	1	2	9	6
Министерство по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям	6	1	1	8	7
Министерство транспорта и дорожного хозяйства	4	2	1	7	8
Министерство культуры	6	0	0	6	9

Источник: составлена автором.

Таким образом, разработанная нами методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по показателям антикоррупционного мониторинга прошла апробацию и была принята к внедрению Министерством экономики Республики Татарстан по результатам проведённого мониторинга в первом полугодии 2021 года.

На основании проведенного рейтинга, нами предложены антикоррупционные мероприятия в органах власти. При этом нами отмечено, что в государственных органах и муниципальных образованиях активность по подготовке мероприятий антикоррупционной направленности различна, так:

- по данным Министерства внутренних дел по РТ в 1 полугодии 2021 года количество расследованных должностных преступлений коррупционной направленности составило 519 преступлений. В числе выявленных преступлений – 243 случая взяточничества, 42 случая служебного подлога, 35 случаев превышения должностных полномочий, 18 случаев, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями. Коррупционные преступления выявлены в 30 муниципальных образованиях. Наибольшее число преступлений по ст.285 расследовано в Заинском муниципальном образовании и в г. Казани, по ст.286, ст.290, ст.291, ст.292 – в г. Казани (Рисунок 3.11).

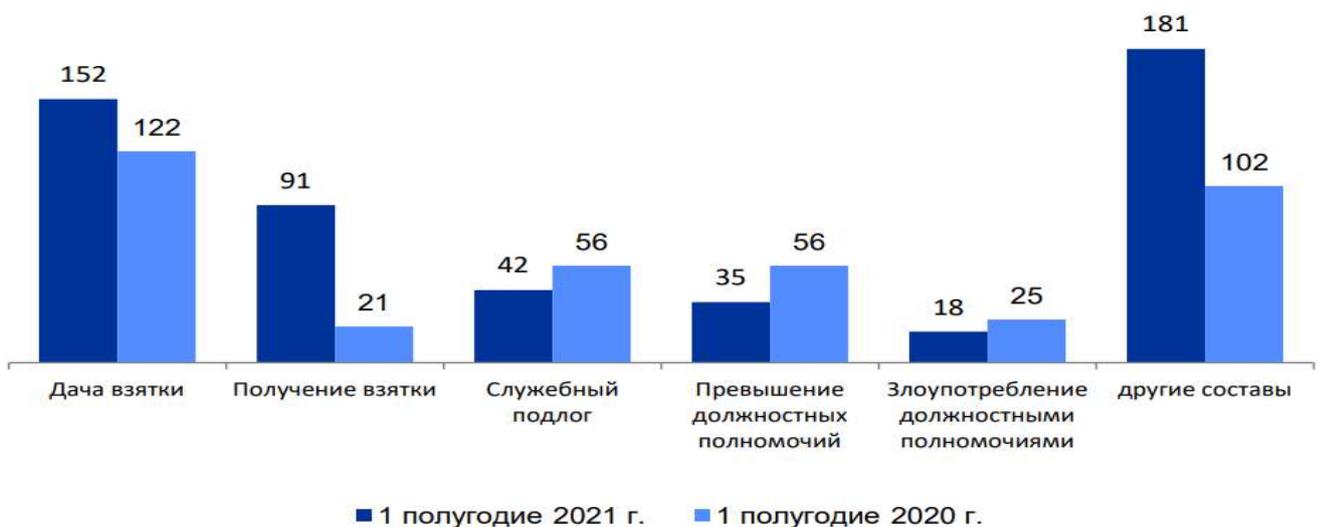

Рисунок 3.11 - Структура расследованных должностных преступлений коррупционной направленности в РТ в 1 полугодии 2020-2021 гг., ед.
Источник: подготовлен автором по данным МВД по РТ.

- По данным МВД по Республике Татарстан по итогам 1 полугодия 2021 года в республике возбуждено 847 уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности. Из них 540 уголовных дел возбуждено по должностным преступлениям по ст.285-ст.293 УК РФ, относительно представителей 30 муниципальных образований. Привлечены к уголовной ответственности за совершение коррупционного преступления в отчетном периоде 295 лиц, их них 143 – должностные лица, 152 – гражданские лица (Рисунок 3.12).

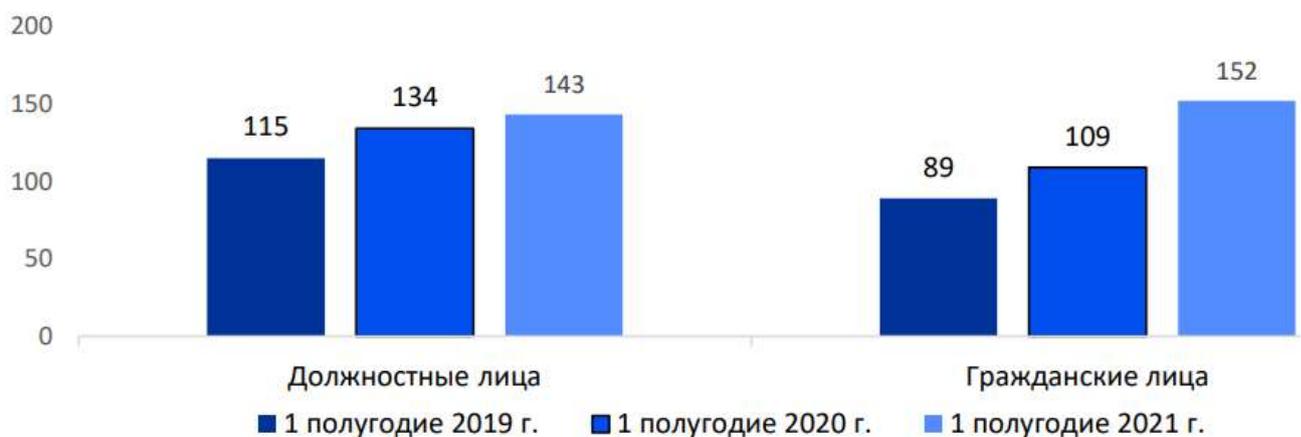

Рисунок 3.12 - Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в 1 полугодии 2021 г., ед.
Источник: подготовлен автором по данным МВД по РТ.

- Коррупционные преступления, по которым 152 гражданина привлечены к уголовной ответственности, совершены в 24 муниципальных образованиях.

- В 1 полугодии 2021 г. из 143 должностных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений – 75 должностных лиц привлечены по ст.285-293 УК РФ. Среди лиц, занимающих должности в органах местного самоуправления, подобные случаи зафиксированы в Альметьевском, Бугульминском, Кайбицком, Лениногорском, Рыбно-Слободском, Тукаевском, Чистопольском муниципальных образованиях и в г. Казани (Рисунок 3.13). В иных муниципальных образованиях подобные случаи отсутствуют (Таблица 3.8).

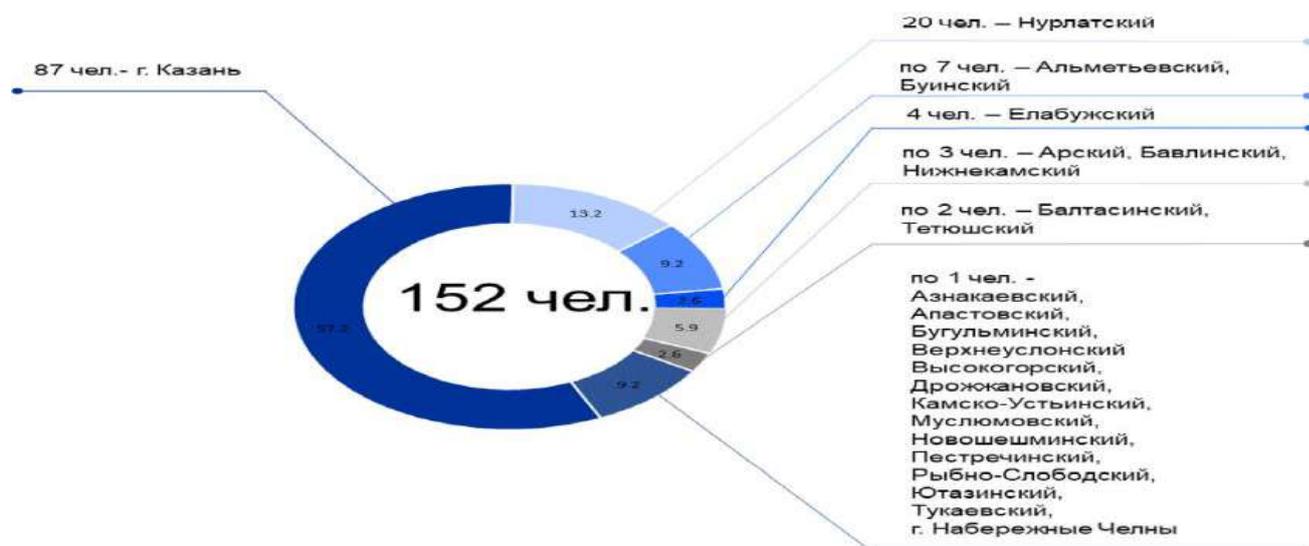

Рисунок 3.13 - Сведения о гражданах, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, в разрезе муниципальных образований РТ в 1 полугодии 2021 г.

Источник: подготовлен автором по данным МВД по РТ.

Таблица 3.8 - Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в разрезе ветвей власти в 1 полугодии 2021 г., ед.

Муниципальные образования	Привлечено к уголовной ответственности должностных лиц, совершивших должностные преступления (по ст. 285-293 УК РФ)	в том числе лица занимающие должности в органах или организациях						в коммерческой или иной организации
		исполнительной власти на уровне			законодательной власти на уровне			
		РФ	Субъекта РФ	ОМС	РФ	Субъекта РФ	ОМС	
Республика Татарстан	75	0	5	8	0	0	0	62
г. Казань	46	0	3	1	0	0	0	42
Бугульминский	5	0	1	1	0	0	0	3
г. Набережные Челны	4	0	1	0	0	0	0	3
Нижнекамский	3	0	0	0	0	0	0	3
Тукаевский	3	0	0	1	0	0	0	2
Елабужский	2	0	0	0	0	0	0	2
Нурлатский	2	0	0	0	0	0	0	2
Альметьевский	1	0	0	1	0	0	0	0
Апастовский	1	0	0	0	0	0	0	1
Бавлинский	1	0	0	0	0	0	0	1
Буинский	1	0	0	0	0	0	0	1
Высокогорский	1	0	0	0	0	0	0	1
Занский	1	0	0	0	0	0	0	1
Кайбицкий	1	0	0	1	0	0	0	0
Лениногорский	1	0	0	1	0	0	0	0
Рыбно-Слободский	1	0	0	1	0	0	0	0
Чистопольский	1	0	0	1	0	0	0	0

Источник: подготовлен автором по данным МВД по РТ.

- В 1 полугодии 2021 года официальные представители 15 государственных органов подготовили 256 выступлений антикоррупционной

направленности в общероссийских (региональных) средствах массовой информации, 40 органов местного самоуправления – 481 выступление. Чаще всего органы власти доводят информацию по теме противодействия коррупции используя интернет ресурсы. Телепрограммы используют чаще представители органов государственной власти, а печатные издания – органы местного самоуправления (Рисунок 3.14).

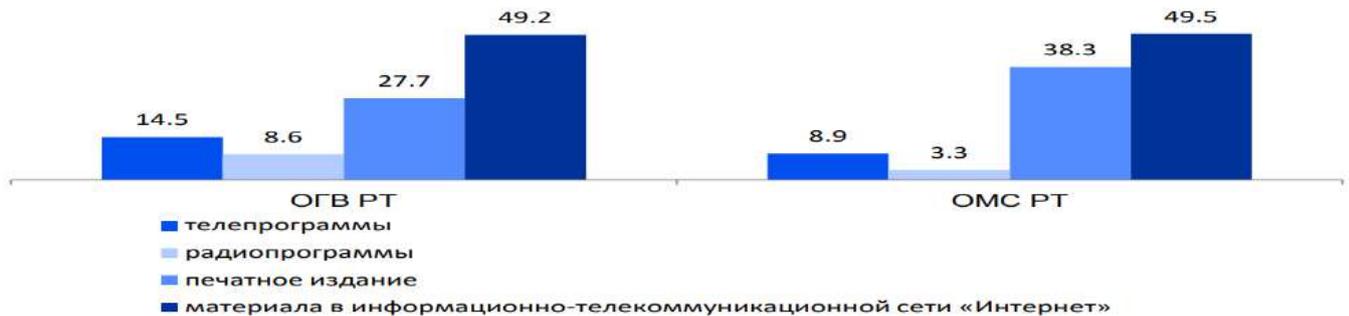

Рисунок 3.14 - Формы выступлений представителей власти по теме противодействия коррупции в 1 полугодии 2021 г., %.

Источник: подготовлен автором.

- В 1 полугодии 2021 года органами государственной власти подготовлено 26 памяток, методических пособий по антикоррупционной тематике (Таблица 3.9).

Таблица 3.9 - Количество памяток, методических пособий по антикоррупционной тематике подготовленные в органах государственной власти РТ в 1 полугодии 2021 г., ед.

Органы исполнительной власти РТ	Количество
Министерство юстиции Республики Татарстан	11
Министерство по делам молодежи Республики Татарстан	3
Инспекция Государственного строительного надзора Республики Татарстан	2
Министерство образования и науки Республики Татарстан	2
Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан	1
Комитет Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия	1
Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан	1
Министерство спорта Республики Татарстан	1
Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Татарстан	1
Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Татарстан	1
Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан	1
Счетная палата Республики Татарстан	1

Источник: составлена автором.

- Среди органов местного самоуправления аналогичная работа проведена в 27 муниципальных образованиях. Наибольшее число методических пособий, памяток по антикоррупционной тематике подготовлено в органах

местного самоуправления Бугульминского и Тукаевского муниципальных районов (Таблица 3.10), (Рисунок 3.15).

Таблица – 3.10 Количество методических пособий, памяток по антикоррупционной тематике подготовленные в муниципальных образованиях в 1 полугодии 2021 г., ед.

Муниципальные образования	Количество
Бугульминский	5
Тукаевский	5
Алькеевский	3
Балтасинский	3
Верхнеуслонский	3
Лениногорский	3
Рыбно-Слободский	3
Сармановский	3
Спасский	3
г. Казань	2
Аксубасевский	2
Бавлинский	2
Дрожжановский	2
Занский	2
Менделеевский	2
Нурлатский	2
Сабинский	2
Апастовский	1
Атнинский	1
Буинский	1
Высокогорский	1
Зеленодольский	1
Кукморский	1
Мамадышский	1
Мензелинский	1
Новошешминский	1
Пестречинский	1

Источник: составлена автором.

Рисунок 3.15 - Количество методических пособий, памяток по антикоррупционной тематике подготовленные в муниципальных образованиях в 1 полугодии 2019-2021 гг., %.

Источник: составлен автором.

В 18 муниципальных образованиях подобная работа не проводилась.

Таким образом, разработанная и апробированная нами методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям

антикоррупционного мониторинга представляет собой универсальное руководство по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции, условий для ее проявления, мер по противодействию коррупции и реализации антикоррупционной политики, в том числе их социальной диагностики, и может быть применена, по-нашему мнению, в целях оценки эффективности антикоррупционного контроля во всех субъектах Российской Федерации.

Выводы по главе III

1. Меры антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации во многом выработаны на федеральном уровне (указами Президента РФ). Они составляют обязательный минимум, который должен реализовываться институтами противодействия коррупции на региональном уровне. Вместе с тем значение приобретают не сами меры, а их содержательная сторона. Поэтому следует признать целесообразным расширение институционального дизайна в области антикоррупционного контроля на управленческом уровне. Необходима трансформация проверки расходов и доходов публичных служащих как в сторону увеличения объектов, подконтрольных специальным органам, так и расширения субъектов, входящих в круг общения должностного лица и осуществляющих имущественные операции в крупных размерах.

2. За основу антикоррупционных проверок взят формальный подход. Он может считаться состоятельным, если правосознание самих публичных служащих находится на достаточном уровне, вызывающим доверие у институтов противодействия коррупции и у общества. Однако в субъектах Российской Федерации сложилось прямо противоположное отношение граждан к антикоррупционным мерам, включая превентивный контроль. Практика проведения социологических опросов по заказу региональных властей распространена во всех субъектах Российской Федерации, но их результаты публикуются лишь некоторыми регионами. Многие институты антикоррупционного контроля ограничиваются лишь стандартными годовыми

отчётами о реализации мер по противодействию коррупции и выявленными коррупционными фактами, в том числе при помощи контрольных механизмов. Однако статистика, выражающая отношение населения к эффективности таких мер, существует лишь в неофициальных источниках.

3. В силу проанализированных цифр важен не тот показатель, который рассчитывается по конкретному году или за иной определённый период. Значимость имеют несколько показателей в их совокупности между собой и между контрольными временными периодами. Тем самым динамика или статика вычислений является единственным эффективным инструментом в установлении эффективности превентивных методов противодействия коррупции.

4. Преодоление архаичных методов антикоррупционного контроля видится в значительной технологизации процессов. Фактический доступ региональных властей к реестрам и кадастрам, фиксирующим динамику имущественного положения публичных служащих и иных лиц, чья деятельность подвержена повышенному коррупционному риску, позволяет в довольно сжатые сроки внедрить независимую компьютерную обработку сведений в собственную практику. Для этого необходимо изменение не только методики расчёта показателей, позволяющих сформировать экономический облик региональной коррупции, но и трансформировать деятельность институтов противодействия коррупции. Компьютеризация процессов сбора и анализа информации об элементарных показателях экономического интереса публичных служащих (доходов, имущества, расходов) должна сопровождаться исключением субъективных факторов (анализ количества жалоб, дисциплинарных мер, медийная активность и др.). Однако вмешательство человеческого фактора остаётся доминирующим в современных институтах антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации. Такая система методов представляется архаичной в условиях, когда государство нацелено на максимальную информатизацию своей деятельности и на вестернизацию позитивного опыта противодействия коррупции. Для этого нами предложен

мониторинг экономической безопасности на основе методов антикоррупционного контроля.

5. Барьеры в определении индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля вызваны не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчёта. Выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и в осуществлении предпринимательской деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике. При этом значение имеет коррупционный стаж, понимаемый в качестве периода времени, когда должностное лицо не подвергалось соответствующим проверкам. Последние связаны не с общими показателями (декларирование доходов, расходов, имущества), а со специальными мерами антикоррупционного контроля, когда уполномоченный институт целенаправленно занимается верификацией данных в отношении конкретного публичного служащего при наличии подозрений в его коррупционной деятельности. Чем выше этот период времени, тем менее эффективен антикоррупционный контроль.

6. Немаловажным является оказание содействия альтернативным источникам верификации сведений, необходимых для расчётов антикоррупционных показателей в аспекте региональной и межрегиональной экономической безопасности. При этом расхождение в цифрах внутри формируемой субъектами федерации статистики нуждается в обеспечении прозрачности механизма их установления, т.е. подлежит максимальной открытости за счёт привлечения к этим процессам общественных акторов и исключения влияния экономических интересов. В частности, вместо показателей, приходящихся только на количество выявленных граждан, участвующих на стороне взяткодателя, необходимо использовать индикаторы, показывающие количество должностных лиц, получающих коррупционную прибыль. Использовать для этого общую численность публичных служащих нецелесообразно. Следует отметить, что в некоторых субъектах Российской

Федерации уже применяется предложенная методика вычислений коррупционного оборота. При этом в качестве доминирующих индикаторов антикоррупционного контроля нами выделены: коррупционная маржинальность, коэффициент пораженности и коррупционная волатильность и т.д. Кроме того, необходимо учитывать и предлагаемый в работе показатель - «эмоционально-психологические» издержки должностного лица, получающего взятку - который определяется нами как мера (предел) риска должностного лица при совершении коррупционного проявления связанного с неотвратимостью наступления наказания. Данный показатель определяется экспертным путем на основе ежегодного социально-экономического мониторинга по регионам РФ.

7. В большем значении требует своего внедрения методика выявления экономических интересов и связей между участниками коррупционной деятельности с одновременным пресечением потенциальных конфликтов интересов. В этой связи, необходимо провести комплексную оценку и разработать собственную методику рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям «антикоррупционного мониторинга», под которым нами понимается инструмент измерения коррупционных проявлений в экономической сфере, их причин, основанных на наблюдении и анализе коррупции.

8. Исходя из определенного в работе понятия «рейтинг эффективности» в исследовании разработана и апробирована методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга представляет собой универсальное руководство по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции, условий для ее проявления, мер по противодействию коррупции и реализации антикоррупционной политики, в том числе их социальной диагностики, и может быть применена, по-нашему мнению, в целях оценки эффективности антикоррупционного контроля во всех субъектах Российской Федерации.

ГЛАВА IV. МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4.1. Проблемы обеспечения и реализации механизма антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации

Использование категории «механизм» применительно к антикоррупционному контролю накладывает комплекс требований. Согласно современной теории любой механизм представляет собой внутреннее устройство, которое приводит определённый аппарат в действие [268, с. 3; 462, с. 146; 497, с. 128]. Тем самым он передаёт энергию или заставляет двигаться (работать) ту или иную конструкцию. Аналогичным образом можно заключить, что антикоррупционный контроль, сложившийся в субъектах Российской Федерации, должен проявляться в действующем механизме своей реализации. Основываясь на теорию машин, можно предположить, что данный механизм считается своеобразной кинематической цепью [776]. Последняя, в частности, выражается в простом, но эффективном принципе: если задано движение одному или нескольким звеньям, то все другие составляющие (звенья) совершают вполне определённые действия, т.е. движутся в заданной траектории [538, с. 62; 792, р. 17].

Если спроецировать эту классическую формулу на современный механизм антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации, то можно выявить его ключевые достижения и недостатки. Как известно, проблемы, обнажающиеся в региональном сегменте противодействия коррупции, рано или поздно формируют общий институциональный облик всей страны. Поэтому дефекты реализации исследуемого контроля обладают не только чертами, типичными для всех субъектов федерации, но и сопровождаются сугубо специфическими формами, которые вызваны нетипичным набором факторов.

В число общерегиональных проблем, препятствующих развитию антикоррупционного контроля, учёные традиционно относят:

- недостаточность финансирования [203];
- кадровый дефицит и ошибки в формировании профессиональных компетенций [490];
- отсутствие стабильной организационной основы [438];
- дефекты правового обеспечения [588];
- преобладание неформальных практик над формальными правилами [130];
- методические ошибки и непроработанность инструментов предупреждения коррупции [573];
- ограниченность информационных ресурсов [192].

Тем самым в специальной литературе подчёркивается, что все субъекты Российской Федерации подвержены одинаковому набору факторов, свойственных, в целом, для государства [168, с. 25; 181, с. 5]. Это обосновывает принцип системности в механизме реализации антикоррупционного контроля, внутри которого региональные звенья (кинематическая цепь) неизбежно приводят в определённое движение федеральные элементы.

Аналогичную взаимосвязь можно обнаружить и при обратном векторе движения: дефекты, спровоцированные на федеральном уровне, неизбежно сказываются на эффективности работы регионального сегмента превенции коррупции.

Вместе с тем по каждой из перечисленных позиций можно выявить детерминанты экономического характера, влияющие на объёмы коррупционного рынка в регионе и предопределяющие праксиологию коррупционных отношений. Примечательно, что последняя составляющая (праксиологический фактор) практически не поднимается в современных научных исследованиях.

Более того, экономические интересы в развитии или в торможении механизма антикоррупционного контроля принято заменять на преимущественно политические [105, с. 140; 158, с. 61; 194, с. 143]. Поэтому частым тезисом в научных работах, посвящённых преодолению дефектов противодействия

коррупции, выступает отсутствие политической воли или незаинтересованность правящих элит в надлежащей антикоррупционной борьбе [392, с. 115; 397, с. 280; 413, с. 62].

По данному поводу необходимо отметить, что практика ряда зарубежных государств, в том числе на постсоветском пространстве, продемонстрировала несовершенство «политических» факторов в механизме антикоррупционного контроля. Его реализация при смене властных элит и даже на фоне масштабных трансформаций (вступление в наднациональные союзы, изменение политического режима, внедрение новых институтов и т.д.) может сопровождаться значительными недостатками.

Поэтому сторонники неоинституционализма опровергают значительное влияние политических интересов на уровень антикоррупционного контроля и на механизм его осуществления [286, с. 257; 371, с. 40]. По их мнению, современные проблемы реализации такого механизма в российских регионах заключаются в недостаточном развитии низовых институций и, как следствие, в неэффективной деятельности базовых институтов, призванных пресекать коррупционные проявления [205, с. 137; 322, с. 41; 398, с. 29].

Тем самым в институциональном плане также прослеживается «кинематическая» зависимость между ключевыми звеньями исследуемого механизма. В частности, при несовершенстве отношений, направленных на предупреждение коррупции среди рядовых граждан («бытовая» коррупция), аналогичные недостатки проявляются в деятельности более высоких институтов власти («деловая» и «политическая» коррупция).

Во многом указанная взаимосвязь детерминирована акцентом в работе региональных органов власти не на превенцию коррупционного поведения, а на реакцию, вызванную свершившимся коррупционным фактом. Это означает, что приоритет остаётся за правоохранительной (уголовно-правовой) направленностью, чем за контрольными механизмами.

Отмеченный дискурс прослеживается на примере такой общерегиональной проблемы, как дефицит финансов при реализации механизма

антикоррупционного контроля. Он представляет собой комплексный фактор, который вызван совокупностью объективных и субъективных обстоятельств [284, с. 66; 401, с. 45].

Следует признать, что в условиях межбюджетных отношений, сложившихся в Российской Федерации, региональные бюджеты изначально функционируют в режиме существенных ограничений. Поэтому инициатива в формировании антикоррупционных стратегий, определяющих вектор противодействия рассматриваемому негативному явлению, всегда остаётся прерогативой федерального центра.

Именно федеральные институты решают, какой объём финансирования будет задействован в региональном сегменте борьбы с коррупцией, поскольку им принадлежит право уголовного преследования нарушителей. Напротив, субъекты федерации, создавая и поддерживая собственные институты антикоррупционного контроля, вынуждены выделять на их нужды минимальное финансирование. На фоне частых кризисных явлений, наблюдаемых в российской экономике за последнее десятилетие, бюджетные расходы на предупреждение коррупции подвергаются максимальному сокращению наравне с расходами на образование и культуру.

Одновременно с указанным подходом необходимо отметить диссиметрию бюджетных расходов применительно к отдельно взятым региональным бюджетам.

Так, в Республике Татарстан объём бюджетного финансирования деятельности по противодействию коррупции за пятилетний период (с 2015 по 2020 гг.) составил лишь 30,7 млн. р. [46] В 2019 г. данная республиканская программа была продлена до 2023 г., а её финансирование увеличено на 200 тыс. р. в ежегодном исчислении [609]. В результате расходы республиканского бюджета за весь программируемый период (7 лет) составили примерно 59 млн. р.

В то же время при обращении к структурированию данных бюджетных средств можно обнаружить, что в Республике Татарстан эти расходы направлены преимущественно информационно-просветительные меры:

- проведение конкурсов среди экспертов и молодёжи;
- выпуск и трансляция телепередач;
- разработка контента для радио;
- работа в социальных сетях и на официальных сайтах профильных ведомств;
- проведение социальных опросов и их аналитика и т.п.

Большой пласт мероприятий, образующих облик механизма антикоррупционного контроля, не снабжён программным финансированием.

Отмеченные факты позволяют сделать вывод о том, что целенаправленного финансирования механизма реализации антикоррупционного контроля в Республике Татарстан нет. Вместо этого данная деятельность обеспечивается ресурсами в общем порядке финансирования государственных и муниципальных структур. Кроме того, бюджет Татарстана в последний пятилетний цикл практически не получает целевых средств из федерального бюджета на борьбу с коррупцией.

Для сравнения в Республике Дагестан общий объём финансирования антикоррупционной программы из регионального бюджета составляет 22 млн. 710 тыс. р. [42] Данная сумма ранжирована на 6 лет, начиная с 2018 г. и заканчивая 2024 г. Примечательно, что мероприятия направлены не только на информационно-просветительские задачи, но и на осуществление непосредственного антикоррупционного контроля в форме проверок и верификации сведений. Результатом реализации указанной республиканской программы стал тот факт, что бюджет Дагестана начал получать + 20% доходов, которые ранее находились в коррупционном обороте [606].

Вместе с тем отмеченные достижения Республики Дагестан нельзя детерминировать исключительно внедрением новой антикоррупционной стратегии. Прежде всего, смена руководства данного российского региона повлекла интенсификацию деятельности федеральных правоохранительных служб, которые начали уголовные преследования большого количества высокопоставленных должностных лиц этой северокавказской республики. Тем

не менее, столь жёсткая позиция федерального центра по отношению к коррупции в Дагестане не снизила затраты регионального бюджета.

В общем рейтинге субъектов Российской Федерации, составляемом ежегодно как государственными ведомствами, так и независимыми аналитическими центрами, Республика Дагестан, как и Республика Татарстан входит в десятку российских регионов с высоким уровнем коррупции (Таблица 4.1).

Таблица 4.1 - Рейтинг регионов России по уровню коррупции в 2020 году.

Самые коррумпированные регионы по числу выявленных случаев взяточничества в России	Рейтинг
г. Москва	1
Республика Татарстан	2
Ставропольский край	3
Московская область	4
Республика Башкортостан	5
Краснодарский край	6
Челябинская область	7
Ростовская область	8
Республика Дагестан	9
Пермский край	10

Источник: составлена автором по данным Генеральной прокуратуры РФ, 2021 год.

Кроме этого, оба приведённых субъекта федерации различны в части своей инвестиционной привлекательности и по характеру формирования бюджетных доходов (Дагестан преимущественно дотационный регион).

Однако общим для приведённых в пример субъектов федерации является незначительность собственных бюджетных расходов на осуществление антикоррупционной деятельности. Причём из них лишь малая часть ориентирована на осуществление антикоррупционного контроля, т.е. превентивных мер.

В этой связи следует отметить, что подобная финансовая «картина» сложилась в результате той антикоррупционной политики, которая проводится федеральным центром. Поскольку большая часть полномочий и институтов сконцентрированы на федеральном уровне, то и бюджет Российской Федерации

берёт на себя обременительную функцию по финансированию мер в области противодействия коррупции.

Впрочем, ресурсная составляющая в современном механизме антикоррупционного контроля, реализуемом в субъектах Российской Федерации, представлена не только дефицитом финансов. Из неё вытекает такая проблема, как наполнение институтов противодействия коррупции высококвалифицированными кадрами.

В неоинституционализме основу повторяющегося поведения составляют не только нормы и правила, но и сами акторы [723, р. 8; 740, р. 203]. Люди, как атомарная часть любого контрольного механизма, должны обладать определёнными компетенциями в данной области, что неизбежно вынуждает обращаться к анализу их интересов и предпочтений, в том числе влияющих на выполнение профессиональных задач [777, р. 18; 797, р. 238].

Исследователи едины во мнении, что подготовка публичных служащих на уровне субъектов федерации имеет разнонаправленный характер [209, с. 164; 211, с. 71; 301, с. 5]. Несмотря на установление обязательного профессионального обучения во всех российских регионах и на расширение антикоррупционных образовательных программ, их качество между собой значительно различается.

Как отмечают отдельные авторы, зачастую обучение в области противодействия коррупции носит формальный характер и ограничивается историческими и правовыми аспектами [293, с. 142; 503, с. 82]. Тем самым знания о технике предупреждения коррупционного поведения и об институциональном влиянии на него остаются за границами официальных образовательных курсов [502, с. 13; 512, с. 946].

В связи с указанным недостатком ряд российских регионов вынуждены пользоваться зарубежными образовательными платформами, направляя своих должностных лиц и работников публичной сферы в учебных целях в иностранные государства.

Например, Республика Татарстан ежегодно отправляет в США, в страны ЕС и в ряд азиатских государств (Сингапур, КНР и др.) как рядовых публичных

служащих, так и глав региональных органов власти. В 2018 г. специальное обучение в Стэнфордском университете (США) прошли 20 республиканских должностных лиц. Регулярно заграничными образовательными программами пользуется даже Президент Татарстана Рустам Минниханов, обычно сопровождая группу публичных служащих. В 2019 г. на указанное направление в республиканском бюджете было выделено 28 млн. р. [673]

Вместе с тем специфика зарубежного обучения сопряжена с общеметодологическими подходами к предупреждению коррупции. Применительно к региональной публичной службе, как правило, антикоррупционные курсы, разрабатываемые в ряде иностранных государств, посвящены повышению инвестиционной привлекательности территорий и эффективности государственного менеджмента. Это означает, что они направлены на изучение формы, а не содержания тех отношений, которые нуждаются в модернизации.

Затрагивая российский опыт антикоррупционного обучения публичных служащих, следует отметить его преимущественно юридический характер, в рамках которого слушатели получают знания по действующему законодательству в области декларирования доходов и имущества, по урегулированию конфликта интересов и межведомственному взаимодействию. В условиях, когда правовые нормы на федеральном и региональном уровнях меняются ежегодно, сформировать целостное и статичное представление об антикоррупционном образовании не представляется возможным.

Помимо этого, кадровой проблемой можно признать равный подход в обучении публичных служащих общего профиля и сотрудников антикоррупционных институциональных звеньев. Очевидно, что для последних требуются более глубокие образовательные программы, предполагающие получение знаний о технике и инструментах выявления коррупционных фактов, о средствах анализа «теневой» экономики и о механизмах разоблачения коррупционного поведения должностных лиц. Подобный вариант обучения

отчасти сложился по линии правоохранительных институтов, находящихся в ведении федерального центра.

Вместе с тем в Республике Татарстан с 2011 г. действует специальная просветительская программа, направленная на антикоррупционное обучение представителей общественного контроля. Республиканский бюджет выделяет на эти средства значительно меньшие суммы, однако подобная практика сложилась далеко не во всех субъектах федерации. Координационным центром по реализации таких мероприятий является Общественная палата Татарстана. Учитывая межрегиональное взаимодействие по этой линии, аналогичные общественные структуры из других российских регионов активно перенимают опыт внедрения образовательных проектов.

Стоит признать, что в зарубежных исследованиях, посвящённых неоинституциональным тенденциям в антикоррупционном контроле, отмечается такой не свойственный российским регионам фактор, как обезличивание механизмов его реализации [737; 770; 773]. В частности, это выражается в постепенном ограничении и в последующем исключении роли человека (должностного лица) в проверке сведений, направленных на предупреждение коррупции.

Выработанные в ряде иностранных государств алгоритмы межсетевое взаимодействия позволяют объективизировать принимаемые решения. Если не удастся снизить т.н. «человеческий фактор» в полном объёме, то компьютеризация механизма верификации данных и мгновенного распространения информации по разным центрам борьбы с коррупцией во многом повышают эффективность антикоррупционного контроля.

В этой плоскости примечателен опыт сотрудничества Республики Татарстан с Сингапуром. С 2009 г. более 300 должностных лиц из Татарстана прошли обучение в Колледже государственной службы Сингапура [649]. Помимо строго целевых образовательных курсов, направленных на модернизацию общественных пространств, республиканские публичные служащие осваивали там антикоррупционные стратегии. При этом к подобной практике почти сразу стали

подключаться руководящие лица из сфер, в которых высок уровень коррупционных рисков (главные врачи медицинских учреждений, директора школ, представители вузов и др.).

Собственно, информационно-коммуникативным технологиям, применяемым в области государственного управления, представители Татарстана начали обучаться в Сингапуре сравнительно недавно – в 2019 г. Курсы объёмом в 45 часов обошлись республиканскому бюджету в 9,14 млн. р., не считая сопутствующих расходов. После прохождения данного образовательного проекта каждый чиновник согласно протоколу, принятому в Республике Татарстан, должен составить отчёт и подготовить проект предложений, направленных на усовершенствование управленческих практик, в том числе в антикоррупционной плоскости.

Отчасти результатом подобного формирования и развития профессиональных компетенций на региональном уровне стало признание со стороны министра экономики Татарстана И. Абдулганиева в том, что только цифровизация позволит забыть про проблемы коррупции и теневой экономики [602]. Акцент при этом был сделан именно на налоговое администрирование, сопряжённое с открытостью экономических процессов не только на уровне хозяйствующих субъектов, но и граждан, в том числе занимающих государственные и муниципальные должности.

Стоит отметить, что сделанные И. Абдулганиевым заявления построены на отдельных программах, реализуемых в Республике Татарстан. Например, с 2018 г. постепенно внедряются меры, сформулированные в комплексе республиканских проектов. Одним из них является проект «Цифровое государственное управление», на осуществление которого из бюджета Татарстана ежегодно (с 2019 г.) планируется выделять более 488 млн. р. [664].

Компьютеризация ряда процессов, связанных с администрированием наиболее коррупционных сфер (ЖКХ, строительство, медицина), направлена, главным образом, на создание и обеспечение работы единой сетевой платформы. Последняя призвана аккумулировать статистические данные, подведомственные

республиканским учреждениям, и минимизировать контакты между получателями государственных и муниципальных услуг с непосредственными исполнителями (с публичными служащими).

Несмотря на прогрессивность запланированных и отчасти уже реализуемых мер, в указанном республиканском проекте содержится основной дефект, который вытекает из институциональных особенностей антикоррупционного контроля в Татарстане. Недостаток связан с попыткой республиканских властей сконцентрировать все необходимые сведения в едином центре.

Подобная практика, с одной стороны, позволит высшим должностным лицам Республики Татарстан лично контролировать процессы сбора и обработки информации. С другой стороны, наличие некоего центрального звена выражается в элементе усмотрения, что неизбежно скажется на объективности антикоррупционного контроля. Такой вариант персонального доступа ограниченного круга лиц к сведениям, потенциально содержащим признаки коррупции, вынуждает либо надеяться на их полную бескорыстность и честность, либо на распределение центров ответственности между несколькими институтами (что является более предпочтительным с точки зрения неоинституционального подхода).

Решение указанной проблемы неизбежно скажется на таком дефекте, как ошибки в формировании компетенций. Вместе с тем, по мнению ряда специалистов, в условиях развития законодательства и организационных основ антикоррупционного контроля обеспечить статичность получаемых знаний не получается [172, с. 97; 420, с. 115; 501, с. 31]. В связи с этим антикоррупционное обучение должно быть непрерывным и гибким, что предполагает его адаптацию под меняющиеся правила и практики. Исходя из этого с целью решения этой проблемы нами были разработаны и апробированы учебные и учебно-методические пособия и дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки для подготовки специалистов различного уровня к антикоррупционной деятельности, перечень представлен в таблице 4.2 (Таблица 4.2).

Таблица 4.2 – Учебно-методическое обеспечение подготовки специалистов к антикоррупционной деятельности для обеспечения экономической безопасности.

Учебные пособия	Учебно-методические пособия	Дополнительные программы профессиональной переподготовки
1. «Основы антикоррупционного права» – 2013г.	7. «Основы антикоррупционного права» – 2013г.	11. Программа повышения квалификации «Основы противодействия коррупции» – 2016г.
2. «Прокурорский надзор» – 2014г.	8. «Основы антикоррупционного права» – 2015г.	12. Программа профессиональной переподготовки «Юриспруденция» с углубленным изучением основ противодействия коррупции – 2016г.
3. «Основы антикоррупционного права» – 2015г.	9. По введению и изучению дисциплины «Актуальные направления противодействия коррупции» – 2016г.	13. Программа профессиональной переподготовки «Правовые основы противодействия коррупции в системе экономической безопасности субъектов Российской Федерации» – 2019г.
4. По обеспечению реализации программы повышения квалификации «Основы противодействия коррупции» – 2016г.	10. По реализации программы профессиональной переподготовки «Юриспруденция» с углубленным изучением основ противодействия коррупции – 2016г.	14. Программа повышения квалификации «Основы противодействия коррупции в системе экономической безопасности субъектов Российской Федерации» – 2020г.
5. «По организации и осуществлению общественного контроля на территории Республики Татарстан» – 2018г.		15. Программа повышения квалификации «Управление государственными и муниципальными закупками» – 2021г.
6. «Основы противодействия коррупции»: настольная книга руководителя – 2019г.		

Источник: подготовлена автором.

Собственно, организационная составляющая в качестве проблемы реализации механизма антикоррупционного контроля считается классическим фактором, который исследуют многие авторы [76; 93; 460].

Однако в аспекте современных российских регионов она постепенно утрачивает свою актуальность.

Так, политика, проводимая федеральным центром по отношению к субъектам федерации в области антикоррупционного контроля, достигла своих

ключевых целей. Прежде всего, в каждом регионе созданы и функционируют институты предупреждения коррупции. Несмотря на диспропорцию, которая сложилась между правоохранительными и превентивными мерами, стоит признать, что их введение и развитие (хоть и медленное) – это значительно лучший результат, чем полное отсутствие какой-либо институциональной базы.

Ещё одним достижением следует признать активность субъектов Российской Федерации по институциональному дизайну антикоррупционного контроля. Последний заключается в попытке распределить полномочия по проведению соответствующих проверок между различными органами и общественными структурами, создавая тем самым многослойный вариант предупреждения коррупции.

Эффективность практического воплощения такой организационной составляющей представляется разной в соотношении одних субъектов федерации с другими. Однако необходимо признать, что рассматриваемая проблема перестала быть общерегиональной.

Например, в Липецкой области, которая в последнее пятилетие относится к категории регионов с низким уровнем коррупции, организационная основа антикоррупционного контроля представлена совокупностью различных структур, включая негосударственные организации. Относительно последних в данном субъекте федерации даже принят специальный закон, направленный на установление стандартов взаимодействия между некоммерческими организациями и органами региональной власти [16]. Как известно, возведение в законную форму ключевых антикоррупционных правил – первая ступень обеспечения прозрачности механизма реализации соответствующего контроля.

На фоне организационной структуры антикоррупционного контроля в Липецкой области складывается распределённая система государственных институтов. Координационные функции возложены на специальное Управление областной Администрации по вопросам противодействия коррупции, контроля и проверки исполнения [52].

Однако, помимо задач по аккумулярованию сведений из разных источников, никакими властно-распорядительными полномочиями данный орган не наделён. Кроме того, его нельзя считать единственным центром обобщения информации, поскольку смежные функции в Липецкой области осуществляют органы прокуратуры, юстиции и межведомственные общественные советы.

Ограниченными следует признать полномочия главы Администрации Липецкой области, поскольку они направлены лишь на обеспечение реализации антикоррупционного контроля, а не на его формирование. Напротив, разработкой принципов и мер предупреждения коррупции занимается областное законодательное собрание [20].

Поэтому в большей степени нормы и правила, способствующие эффективному механизму антикоррупционного контроля, возведены в ранг закона, а не подзаконного акта.

В зарубежных источниках по неоинституциональным тенденциям антикоррупционного контроля подчёркивается, что чем меньше возможностей по трансформации правил имеется у органов исполнительной власти, тем статичнее будут требования соответствующих законов [734, p. 255; 745, p. 48; 748, p. 84]. Наоборот, если превенция коррупции остаётся на усмотрение единого исполнительно-распорядительного звена, которому поднадзорны (формально и фактически) другие институты, то эффективность антикоррупционного контроля прогнозируемо снижается [739, p. 92; 761, p. 764; 778, p. 157].

Отсюда обнажается такая патология в реализации механизма антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации, как преобладание неформальных практик. Отчасти подобное становится возможным в силу дефектов экономико-правового регулирования [307; 381; 499].

Однако в неоинституционализме сложился подход, который предлагает выявлять конкретные экономические интересы в степени контролируемости тех или иных отношений, фактически влияющих на эффективность предупреждения коррупции [707; 798].

Институциональная основа антикоррупционного контроля в классическом представлении Д. Норта выражается в нормах и правилах, сформированных в результате сложившихся экономических отношений и в повторяющемся экономическом поведении [89, с. 54]. Тем самым неoinституционалисты указывают, что даже в таких правилах могут содержаться заранее заложенные дефекты, которые позволяют проявляться коррупционным интересам [747; 793; 799].

Кроме того, формирование прочной нормативной базы вовсе не обязательно скажется в положительном ключе на состоянии региональной коррупции. Мировой экономической науке известны прецеденты, когда даже центральные государственные органы не в состоянии контролировать коррупционный оборот в силу институциональной отсталости [703, p. 201; 732, p. 32; 768, p. 854].

Отсюда можно сделать вывод, что неверно сформулированные нормы, а равно правила, не отвечающие реальной картине коррупционных практик, представляют собой главный дефект в механизме осуществления антикоррупционного контроля. Чрезмерная зарегулированность таких мер в российских регионах, чаще всего, приводит к формализации всей деятельности по противодействию коррупции. Наиболее наглядно это проявляется на примере декларирования публичными служащими своих доходов.

Так, в Новосибирской области, как и во многих других субъектах Российской Федерации, регулярно всплывают информационные скандалы с попыткой лишения мандатов или полномочий не только региональных, но и муниципальных чиновников и депутатов за неверно оформленные декларации о доходах [656].

При этом обществу понятна ситуация с очевидно намеренным сокрытием кем-либо из государственных служащих своего имущества и полученных ценностей. Однако дело доходит, как правило, до разницы в несколько тысяч рублей, полученных должностным лицом на легальной основе (от оказания образовательных услуг, авторские вознаграждения, проценты по банковским вкладам и т.п.).

В силу незначительности сумм, относительно которых возникают претензии со стороны институтов антикоррупционного контроля, административные и общественные ресурсы тратятся не на выявление истинных негативных коррупционных последствий, а на устранение малозначительных факторов среди рядовых государственных и муниципальных служащих, которые занимаются подработкой.

Примечательно, что в подобных условиях центральные органы по противодействию коррупции нередко занимают противоречивое положение:

- при обнаружении общественностью коррупционных фактов в отношении высокопоставленных должностных лиц и бизнесменов данные институты бездействуют, оправдывая это тем, что у них отсутствуют возможности проведения всеобъемлющих проверок;
- касательно низовых государственных и муниципальных структур могут выявляться малозначительные доходы, которые становятся предметом тщательных разбирательств и последующих жёстких санкций.

Указанная диссиметрия имеет строго институциональный характер, вызванный зависимостью лиц, осуществляющих антикоррупционный контроль, от высших властных структур в субъектах федерации. Тем самым обнаруживается проблема достижения объективности и независимости механизма антикоррупционного контроля.

Отчасти данный недостаток периодически получает своё разрешение в виде разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Так, к настоящему моменту это выразилось в концентрации репрессивных полномочий в руках федеральных институтов. Постреакционные меры по противодействию коррупции реализуются преимущественно правоохранительными органами, которые всецело подчиняются федеральной власти.

Вместе с тем в отдельных субъектах Российской Федерации (преимущественно в национальных республиках и в регионах Дальнего Востока) данная проблема осложнена сильным влиянием региональных элит на действия и решения антикоррупционных институтов в связи с этим нами предложены пути

реализации антикоррупционного контроля по предоставлению государственных услуг (Рисунок 4.1).

Рисунок 4.1 - Предлагаемые автором пути реализации антикоррупционного контроля по предоставлению государственных услуг. Источник: разработан автором.

В указанном ракурсе можно согласиться с позициями ряда учёных, констатирующих исключительно политические детерминанты в бездействии институтов антикоррупционного контроля [138; 464]. Вместе с тем практика борьбы, например, с бывшим и действующим руководящим аппаратом Республики Дагестан продемонстрировала планомерную стратегию федерального центра в насаждении формальных институциональных звеньев и в наделении их более широкими полномочиями.

Вдобавок ко всему, региональный коррупционный капитал постепенно утрачивает каналы связи с традиционными способами своей легализации. Прежде

всего, это выразилось в значительном сокращении теневого рынка т.н. «обналичивания» банковских средств. Как продолжение данной политики, активизировалась надзорная работа в финансовом секторе субъектов федерации.

Так, с 2014 г. практически по всем российским регионам прокатилась волна банковских дефолтов, отчасти спровоцированная более жёсткой позицией Центрального Банка России: отзыв лицензии у «Татфондбанка» (Татарстан), «Сибэкономбанка» (г. Москва), банков «Рубин» и «Хасавюртовский» (Дагестан) и мн. др.

Аналогичным образом зарубежные банковские институты стали активнее реагировать на региональные коррупционные потоки, поступающие в заграничные финансовые системы. Например, в 2017 г. комплексным штрафам подвергся известный Deutsche Bank: за осуществление в 2012-2015 гг. «зеркальных» операций в своём российском подразделении он был оштрафован штатом Нью-Йорк на 425 млн. \$, а национальным регулятором Великобритании на 203 млн. \$. Из выведенных с территории Российской Федерации 10 млрд. \$ примерно 41% пришёлся на региональные теневые экономические схемы (Рисунок 4.2) [594].

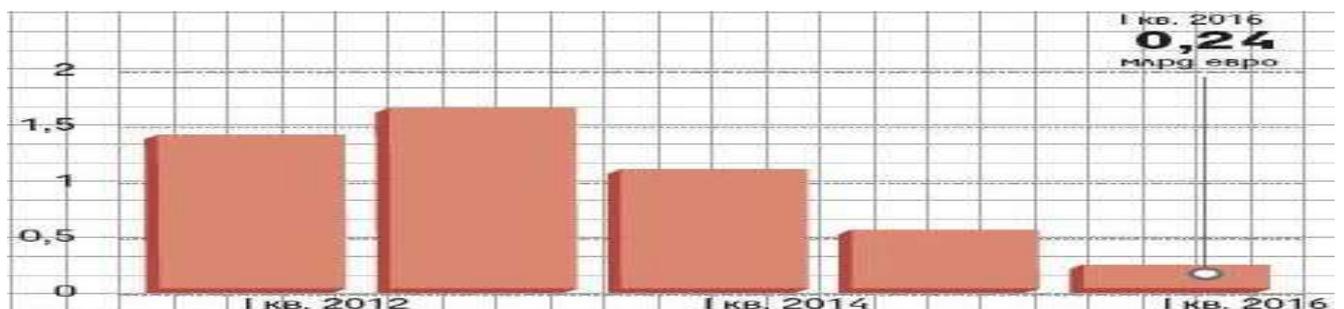

Рисунок 4.2 - Как падали доходы Deutsche Bank.

Источник: Deutsche Bank: <https://investfunds.ru/news/17475/> [626].

Таким образом, каждое звено в механизме реализации антикоррупционного контроля в российских регионах находится в стадии своей институционализации. Результатом этих процессов должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Прозрачность и эффективность её функционирования могут

обеспечиваться постепенным отказом от практики персональных проверок и исключением возможности элит (политических, административных и экономических) влиять на содержание антикоррупционных сведений.

Общерегionalные проблемы, препятствующие или тормозящие институционализацию антикоррупционного контроля, соприкасаются с недостатками, которые носят сугубо локальный характер, т.е. свойственны определённому субъекту Российской Федерации.

Поэтому разработка направлений совершенствования механизма его реализации условно может представлять собой комплекс мер, разделяемых по критерию распространённости тех или иных дефектов среди российских регионов.

В силу указанной особенности предлагается разграничивать механизмы воздействия на проблемы антикоррупционного контроля по трём блокам:

- 1) общерегиональные меры, необходимые для каждого субъекта федерации в целях преодоления институциональных дефектов;
- 2) межрегиональные меры, направленные на снижение недостатков, присущих нескольким регионам в силу схожести управленческих практик, административных и экономических культур;
- 3) специальные меры, предназначенные для отдельно взятого субъекта Российской Федерации, в котором наблюдаются особые проблемы реализации антикоррупционного контроля.

Рассмотрим подробнее каждый из названных блоков для обоснования выдвинутых гипотез при помощи иллюстрации примеров из региональной антикоррупционной практики.

Меры, которые будут способствовать решению общерегиональных проблем осуществления антикоррупционного контроля, в настоящее время формируются на федеральном уровне. Это одновременно можно рассматривать и в качестве положительной динамики в развитии превентивных действий против коррупции, и как негативный сценарий, препятствующий воплощению большинства антикоррупционных стратегий.

В специальной литературе нередко говорится о том, что крен в сторону силового воздействия на коррупционный оборот характерен для азиатского типа антикоррупционной борьбы [752; 794].

Он заключается в предоставлении правоохрнительным органам широких полномочий в области проверок экономической активности не только граждан, но и юридических лиц [694; 754]. Это называется постреакционным противодействием коррупции, которое далеко не всегда позволяет эффективно бороться с нарушителями и, как правило, носит точечный (избирательный) характер [693; 780].

Позитивная тенденция в отмеченном направлении выражается в увеличении возможностей (прежде всего, технико-информационного характера). Должностные лица из правоохрнительных структур владеют тактиками установления исчерпывающего круга коррупционных сделок, выявления объёма коррупционного оборота, близкого к реальным цифрам теневой экономики, а также анализа сложных организационно-экономических схем по выводу коррупционного капитала из региона или придания ему легального статуса. Тем самым в рамках уголовного преследования нарушителей и их пособников обнажается скрытая система коррупционных отношений.

Негативные последствия концентрации подобных полномочий только в правоохрнительной плоскости заключаются в нивелировании роли институтов антикоррупционного контроля практически во всех субъектах федерации.

Анализ финансовых показателей в рамках бюджетных расходов российских регионов и программирование специальных стратегий предупреждения коррупции подтверждает тезис о том, что контрольные мероприятия не представляют приоритет в антикоррупционной деятельности.

Во многом подобная ситуация проявляется в отсутствии в региональных бюджетах такого направления расходов, как противодействие коррупции. Они завуалированы в мероприятиях, финансируемых в порядке осуществления общей деятельности различными государственными органами и организациями, среди функций которых значится борьба с коррупцией (Рисунок 4.3).

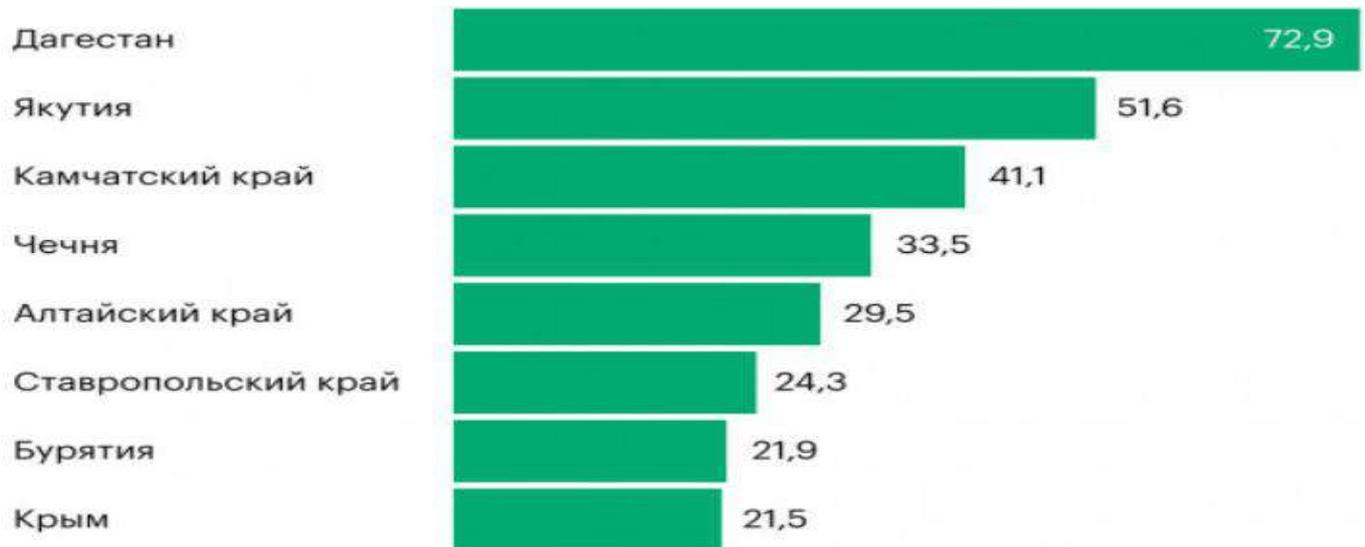

Рисунок 4.3 - Дотации федерального бюджета России на 2021 год: Инфографика.
Список регионов, в млрд. рублей.

Источник: Минфин, материалы Счётной палаты РФ [672].

Кроме того, специальные программные меры в тексте бюджетов субъектов Российской Федерации вообще не раскрываются. Этой задачей занимаются органы исполнительной власти и общественные институты, действующие при определённых звеньях государственного и муниципального управления. В силу неравномерных тенденций в области образования бюджетного дефицита и профицита в межрегиональном измерении до сих пор не сложилось прозрачного гарантийного механизма финансирования антикоррупционного контроля (Рисунок 4.4).

Рисунок 4.4 - Соотношение дефицита и профицита региональных бюджетов в 2021 году.

Источник: материалы консолидированного бюджета РФ в 2021г.

Вместе с тем сравнение программных финансовых показателей в тех российских регионах, в которых консолидированные бюджеты часто отмечаются позитивной динамикой (ростом доходной части), демонстрирует, что в них расходы на меры контрольного характера не только не увеличиваются, но и снижаются.

Например, в Липецкой области с 2013 г. в региональной антикоррупционной программе на ежегодные мероприятия были заложены расходы в размере 1 млн. 800 тыс. р. Однако уже в 2014 г. эти программные меры были частично свёрнуты, а с 2018 г. целевого финансирования механизма реализации антикоррупционного контроля в Липецкой области практически не прослеживается, несмотря на высокие позиции данного субъекта федерации в общем рейтинге противодействия коррупции в российских регионах (Таблица 4.3).

Таблица 4.3 - Рейтинг регионов по приросту и снижению доходов консолидированных бюджетов за 2012-2018 гг.

Регион	Реальный прирост ННД КБ за 2012-2018 гг.	Рейтинг +/-
Республика Саха (Якутия)	40.7	1
Ленинградская область	37.4	2
Сахалинская область	31.2	3
Республика Ингушетия	24.2	4
Волгоградская область	21.5	5
Республика Хакасия	21.5	5
Камчатский край	20.5	6
Республика Дагестан	20.1	7
Республика Адыгея	19.9	8
Липецкая область	19.7	9
Российская Федерация	9.4	10
Псковская область	-6.8	-1
Хабаровская область	-7.3	-2
Пермский край	-7.4	-3
Кировская область	-7.6	-4
Ивановская область	-7.6	-4
Омская область	-9.6	-5
Курганская область	-10.1	-6
Республика Калмыкия	-11.2	-7
Новгородская область	-13.7	-8
Чукотский автономный округ	-14.6	-9

Источник: Составлен автором по материалам расчетов рейтингового агентства «Эксперт РА», по данным Минфина РФ, Росстата РФ.

Примечание показатели приведены к ценам 2012 года с помощью индекса-дефлятора ВВП. Возможно получение иных результатов в случае использования региональных индексов-дефляторов. На текущий момент информация об индексах-дефляторах ВРП российских регионов за 2017-й и 2018-й отсутствует.

В другом субъекте Российской Федерации – Владимирской области – в общей структуре бюджетных расходов меры по антикоррупционному контролю заложены в направлении «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность».

Программного финансирования механизма регионального антикоррупционного контроля с 2014 г. тоже нет. Примечательно, что за 2019 г. по данным Следственного комитета РФ, коррупционный ущерб Владимирской области составил 120 млн. р. [607]. Однако в сравнительном измерении за последние годы коррупционная поражённость этого региона снизилась на 30%. Это означает, что противодействие коррупции вернулось в общий порядок бюджетирования и не представляет приоритета в политике приведённого в пример субъекта федерации (Таблица 4.4).

Таблица 4.4 - Функциональная структура расходов областного бюджета Владимирской области 2020 – 2022 годы, млн. рублей.

Наименование расходов	2012 г.	2020 г.	2022 г.
Образование	16122.1	16280.3	15484.6
Здравоохранение	11451.5	13725.9	11070.9
Социальная политика	14568.1	14524.8	14666.5
Культура	1574.3	1562.2	1554
Физическая культура и спорт	657.8	823.5	908.1
СМИ	23.3	24.4	23.3
Национальная экономика	9938.9	9530.2	9525
Жилищно-коммунальное хозяйство	2392.4	2284.5	3308.9
Охрана окружающей среды	123.5	129.9	123.5
Общегосударственные вопросы	1858.3	1705.3	1698.7
Национальная оборона	20.2	19.7	21.5
Национальная безопасность	240.3	253.5	240.1
Обслуживание гос. и муницип. долга	35.6	34.1	37.1
Межбюджетные трансферы	3953.8	4526.9	3635.7
Условно утверждаемые расходы	1490.8	0	2719
Итого расходов	65425.2	64450.9	64926.9

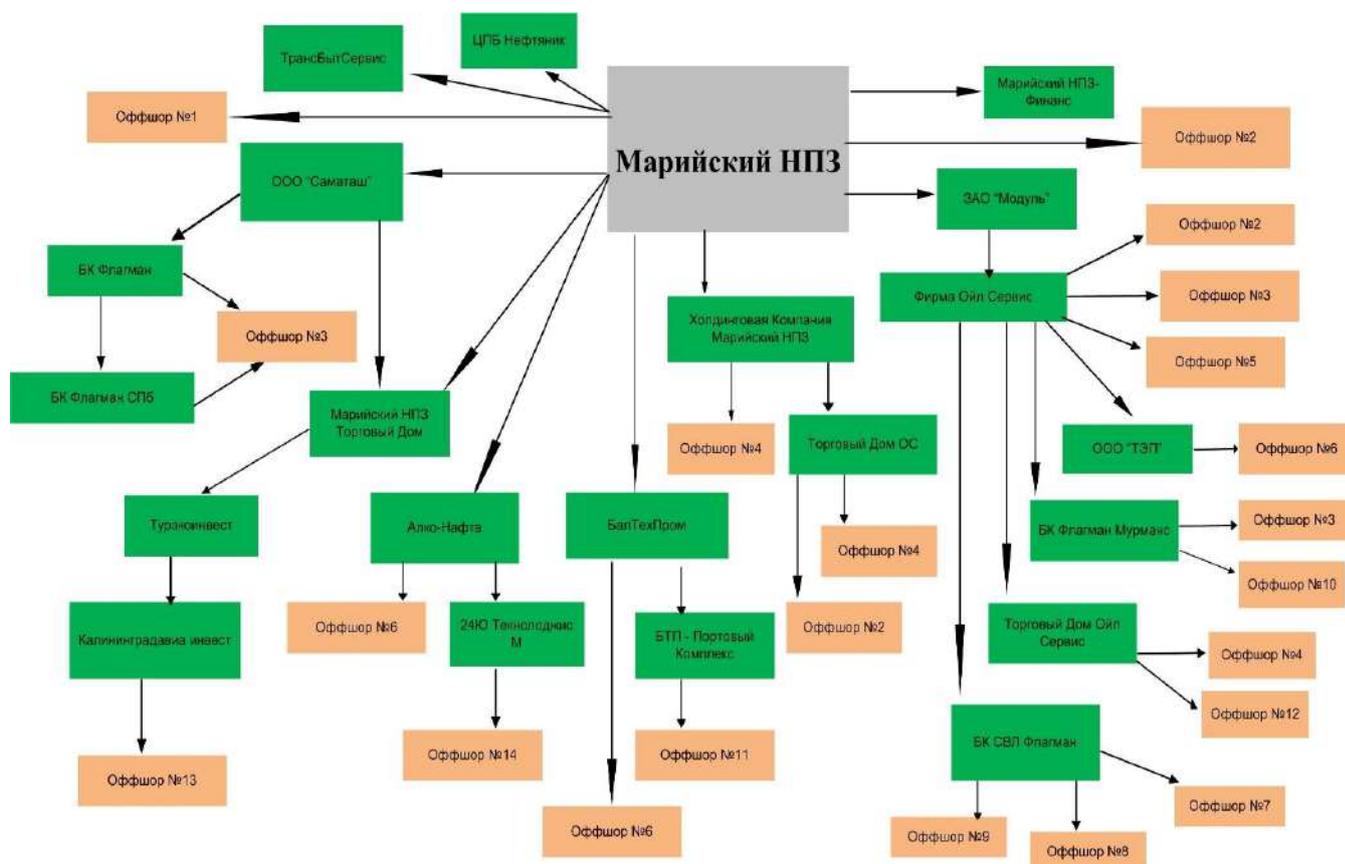
Источник: составлена автором по материалам Правительства Владимирской области [615].

На федеральном уровне, наоборот, прослеживается активный интерес в развитии превентивных технологий в области выявления и пресечения коррупции. При этом сложившаяся система межбюджетных отношений не позволяет получать достаточную финансовую помощь всем субъектам Российской Федерации. В результате бюджетное обеспечение региональных

механизмов антикоррупционного контроля приобрело адресный характер, что выражается в федеральной информационной повестке.

Практически каждый год всплывают коррупционные скандалы, связанные со вполне определённым субъектом федерации, в котором уголовному преследованию подвергаются как высшие должностные лица (губернаторы, региональные министры, главы стратегических предприятий), так и представители рядовой бюрократии, участвующие в разветвлённой коррупционной сети.

Например, в 2017 г. за многочисленные коррупционные факты был задержан глава Республики Марий Эл Леонид Маркелов. За этим обстоятельством сразу последовала цепь уголовных дел в отношении других представителей региональной административной элиты (Рисунок 4.5):

Оффшоры: №1 - Barossa Limited; №2 - Barossa Wine Market Limited; №3 - Rawnsberg Limited; №4 - ECKERSLEY INVESTMENTS LIMITED; №5 - Strathpine Enterprises Limited; №6 - ARMLEY INVESTMENTS LIMITED; №7 - SNRG Logistic Limited; №8 - Solvalub Trading Limited; №9 - Dinger Marine Services Limited; №10 - Kinerase Overseas Limited; №11 - Zaretens Vent; №12 - ECKERSLEY INV. LIMITED (Timor); №13 - Ronan Holdings Limited; №14 - Technology Inc.

Рисунок 4.5 - Схема вывода средств из Марийского НПЗ в офшоры.
Источник: журнал «Регионы России» [628].

- задержана министр сельского хозяйства и продовольствия И. Долгушева (за подделку документов и махинации с бюджетными субсидиями);
- министр спорта С. Киверин (коммерческий подкуп и мошенничество в области трудоустройства в подведомственных учреждениях);
- министр государственного имущества Н. Хайруллова (за получение взятки);
- министр финансов Г. Габдул-Бариева (сокрытие данных о бюджетных долгах);
- а также несколько заместителей министров и руководство столичным муниципалитетом.

2015 год был отмечен коррупционными скандалами в двух субъектах федерации – Республике Коми и Сахалинской области.

Так, в Коми под арест попал губернатор В. Гайзер. Вслед за ним уголовное преследование по коррупционным фактам осуществлялось в отношении:

- заместителя губернатора А. Чернова;
- заместителя председателя республиканского правительства К. Ромаданова;
- председателя Государственного Совета Коми И. Ковзеля;
- сенатора от Коми Е. Самойлова.

Помимо высокопоставленных должностных лиц фигурантами коррупционных дел стали представители региональной экономической элиты (11 человек, участвовавших в выводе коррупционных средств из республики и в их легализации).

Схожая картина в 2015 г. наблюдалась в Сахалинской области, где так же был задержан губернатор и высшие региональные управленцы, а 2018 г. отмечен масштабными задержаниями коррупционеров в Республике Дагестан.

Приведённые примеры иллюстрируют изнанку современного механизма финансирования антикоррупционной деятельности. В частности, во всех уголовных делах выявляются масштабные коррупционные схемы, существовавшие годами в отдельно взятом субъекте Российской Федерации. Лишь при помощи постреакционных действий пересекались очевидные факты

коррупции, которые могли быть легко установлены посредством мер антикоррупционного контроля. Поскольку его институты в приведённых российских регионах фактически бездействовали (отсутствовали), их финансирование снизило уровень институционализации этих отношений.

В аналогичном ключе не получили своего должного развития субвенционные механизмы обеспечения ресурсов антикоррупционного контроля. Субъекты федерации в сложившейся парадигме межбюджетных отношений не имеют широких возможностей повлиять на предоставление им достаточных финансов из федерального бюджета. Между тем каждый российский регион обладает правом получения специализированных адресных бюджетных средств, которые обладают строго целевым назначением. В финансовой науке они получили наименование «субвенция» [360; 391; 516].

Представляется, что федеральный центр способен сформировать программу помощи региональным институтам антикоррупционного контроля, в рамках которой бюджеты субъектов Российской Федерации будут получать субвенции на решение определённых задач по модернизации мониторинга в области предупреждения коррупции. Такой вариант не нарушает сложившееся доминирование федеральных указаний в области антикоррупционных стратегий.

Более того, использование целевой финансовой помощи позволит уравновесить институциональные тенденции по реализации контрольных мероприятий. Учитывая тот факт, что большинство из них сопряжены с налоговым и банковским администрированием, а также с расширением информационно-сетевых технологий, направленных на верификацию сведений, субвенционное финансирование будет способствовать позитивной динамике в смежных институтах региональной и федеральной экономической безопасности.

Выставление региональной административной элиты в качестве организованного преступного сообщества бросает тень на общенациональный механизм осуществления антикоррупционного контроля. В условиях, когда практикой стало уголовное преследование большинства должностных лиц из

состава руководства субъектом Российской Федерации, невозможно сформировать целостную систему институтов предупреждения коррупции.

Результатом такого вектора инволюции стала персональная определённость в проведении антикоррупционных проверок, которая приобрела институциональный облик. Сегодня во всех российских регионах подобные проверки проводятся в условиях двухмерных ограничений: с одной стороны, они могут инициироваться лишь уполномоченным субъектом (как правило, высшими должностными лицами), а, с другой стороны, их объектом становятся сведения о далеко не всех потенциальных нарушителях.

За постсоветский период регионального управления отмеченная проблема развивалась в общерегиональном масштабе. Поэтому её постепенное разрешение могло достигаться исключительно федеральными мерами, т.е. без учёта специфики региональной экономики. Если в 1990-е гг. выработать и достичь целевые показатели было невозможно, то с 2000-х гг. данный процесс стал постепенно внедряться в региональную управленческую практику.

4.2. Перспективы развития механизма реализации антикоррупционного контроля как условия обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации

К настоящему моменту исследователи констатируют, что механизмы антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации развиты в разной степени своего измерения [699; 774]. Это связано с целым комплексом факторов, к числу которых относится влияние правоохранительных институтов на региональную управленческую элиту и возможность сохранения институциональных связей с экономическими акторами при смене высших должностных лиц.

Как пример проявления подобной закономерности может быть приведена Республика Башкортостан. Длительный период управления данным субъектом федерации М.Г. Рахимовым (1993-2010 гг.) не сопровождался яркими

коррупционными скандалами. Причиной этому, по мнению специалистов, стала зависимость федеральных правоохранительных органов, работающих в Башкортостане, от региональной власти [160, с. 426; 315, с. 83].

В качестве иллюстрации коррупционной ситуации в этой республике служит известный скандал с вхождением шведской компании «ИКЕА» на региональный рынок Башкортостана. Договорившись с властями о строительстве крупного торгового центра и о налаживании логистических каналов, представители шведского концерна более 7 лет не могли начать строительный проект, хотя приобрели соответствующий земельный участок.

Известная как компания с «нулевой» терпимостью к коррупции, «ИКЕА» отказалась участвовать в различных сомнительных предложениях, исходивших от региональных чиновников. В результате лишь в 2011 г. не без проблем открылся первый торговый центр данного концерна в Уфе. Бюджет Башкортостана недополучил из-за коррупционного сдерживания этого проекта многие миллионы рублей, а рынок труда – сотни рабочих мест.

Однако по мере изменения политики со стороны федерального центра в пользу расширения постреакционных полномочий институтов противодействия коррупции парадигма управления, сложившаяся в Башкортостане, нивелировалась. Её итогом к 2008 г. стали не уголовные дела на высших должностных лиц республики, а разоблачительные репортажи на федеральных телеканалах, которые обнажали коррупционные нарушения сына главы Башкортостана – У. Рахимова.

Лишь на этом информационном фоне М.Г. Рахимов в 2010 г. добровольно покинул губернаторский пост, а У. Рахимов скрылся от российского следствия в Австрии. Последняя в 2015 г. отказала Российской Федерации в выдаче беглого фигуранта коррупционных дел из-за политических мотивов, несмотря на очевидную коррупционную составляющую в деятельности сына бывшего главы Башкортостана.

Если аналогичные полномочия, которые имеются у правоохранительных органов, появятся у институтов антикоррупционного контроля с должной

информационной обеспеченностью результатов проверок, то механизм превентивной борьбы с коррупцией в российских регионах станет значительно прозрачнее и эффективнее. Смещение вектора его развития в такую сторону позволит снизить случаи, когда целое руководство субъекта федерации одновременно объявляется организованным преступным сообществом, подрывавшим региональную экономическую безопасность на протяжении нескольких лет и даже десятилетий.

Вместе с трансформацией федеральной стратегии противодействия коррупции к концу 2000-х гг. обнажились проблемы, свойственные не всем субъектам Российской Федерации, а их отдельным группам. Если на протяжении 2009-2014 гг. в федеральных рейтингах выделялись преимущественно южные регионы страны, то с 2015 г. консолидация субъектов федерации по коррупционной поражённости стала выглядеть несколько иначе.

Так, в качестве объединяющего критерия исследователи называют экономическую состоятельность российских регионов [346; 476]. Этот тезис не лишён логики в той части, что крупные экономические центры аккумулируют вокруг себя значительные ресурсы (от финансовых до человеческих).

Тем самым в дотационных субъектах Российской Федерации коррупция развита условно меньше, чем в экономически сильных регионах (Сахалинская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Москва, Санкт-Петербург, Московская области, Ханты-Мансийский автономный округ и др.).

Вместе с тем подобные выводы построены лишь на некоторых статистических измерениях, проводимых среди субъектов федерации. При этом за основу берётся не критерий коррупционной поражённости, а количество раскрытых коррупционных нарушений за 1 год. Порочность указанных статистических данных детерминирована не только численностью населения того или иного региона, занимающего «высокие» позиции в распространении коррупции, но и объёмами коррупционного оборота. Последний в субъектах

федерации, объединённых меньшим количеством выявленных коррупционных фактов, не подлежит никакому сопоставлению (Рисунок 4.6).

Рисунок 4.6. - Рейтинг российских регионов по экономическому развитию. Источник: Министерство экономического развития РФ [661].

Кроме того, статистика выявляемых коррупционных преступлений свидетельствует не только о числе коррупционных фактов, но и о работе правоохранительных органов. На примере Республики Дагестан (2017-2018 гг.) и Республики Коми (2015-2016 гг.) подобная статистическая погрешность стала очевидной. Если количество уголовных дел по коррупции ниже, это не всегда сопряжено с эффективным антикоррупционным регулированием в определённом регионе.

Схожий вывод может проследиваться при сравнительном анализе коррупционных показателей между странами. Например, в США ежегодно выявляется большой процент коррупционных правонарушений [Приложение С]. В 2019 г. по рейтингу Transparency International США заняли 23 место, что ухудшило показатели за прошлые годы [600]. Однако подобные изменения

свидетельствуют не только о возросшем объеме коррупции в государстве, но и об эффективной работе антикоррупционных институтов по выявлению и привлечению к ответственности виновных лиц.

Многие исследователи сходятся во мнении, что коррупция в республиках Северного Кавказа обладает совокупностью общих признаков, которые позволяют рассматривать эти регионы как территории, нуждающиеся в отдельной группе мер развития антикоррупционного контроля [316, с. 123; 373, с. 119]. При этом отмечается, что аналогичные меры в других российских регионах могут оказаться контрпродуктивными [131; 325].

Так, среди северокавказской специфики называется «коррупционная конкуренция», когда вместо одного центра принятия решений существует сразу несколько [184; 347]. Это может проявляться в высокой влиятельности как высшего руководства региона (губернатора, спикера парламента, премьер-министра), так и второстепенных (в административном плане) должностных лиц: главы городов, сенаторы, руководители подразделений органов исполнительной власти и т.п.

Кроме того, специалисты приводят северокавказские республики как образец высокой гражданской активности в противодействии коррупции [117; 506]. В частности, коррупционное давление способно вывести местное население (особенно молодое поколение) на стихийные акции протеста, нередко сопровождающиеся самоуправством, когда при бездействии антикоррупционных институтов подобные функции реализуют сами граждане [177].

Согласно официальным данным, в общей массе по Северо-Кавказскому федеральному округу (включая Ставропольский край) коррупционный ущерб только за 2019 г. составил 2,8 млрд. рублей [631]. Из этой суммы удалось возместить по судебным постановлениям лишь 42%.

Одновременно с типичными факторами, препятствующими борьбе с межрегиональной коррупцией на Северном Кавказе, федеральные власти называют такие угрозы экономической безопасности, как террористическая и экстремистская активность [190, с. 70; 262, с. 49]. Именно этим оправдывается

постепенное (порой не всегда своевременное) противодействие коррупции в данных регионах.

Вместе с тем проблема реализации механизма антикоррупционного контроля в указанной группе субъектов Российской Федерации сопряжена с дефектами институционализации.

Так, лишь в Дагестане и Карачаево-Черкесской Республике институциональная система предупреждения коррупции, в целом, выстраивается по принципам, которые свойственны остальным российским регионам. Тем самым в остальных северокавказских республиках прослеживаются специфические черты антикоррупционного контроля. Это означает, что проблемы реализации его механизма должны решаться не межрегиональными мерами, а применительно к отдельно взятому региону.

Не вполне состоятельным на современном этапе развития предупредительных мер в области коррупции можно признать т.н. «менталитет» населения Северного Кавказа. Примечательно, что в зарубежной литературе этот термин расценивается как ненаучное обоснование ряда явлений и процессов, включая коррупционный оборот [592; 734; 769]. В российских источниках уравнивание поведенческих психотипов среди большой массы людей по-прежнему выступает одной из превалирующих тенденций [150; 165; 274].

Ненаучная основа выделения «особого» менталитета во многих обществах заключается в понимании этой категории как неизменного культурного восприятия тех или иных ценностей социальной общностью. Такое раскрытие менталитета заложил антрополог Леви-Брюль ещё в начале XX в. [750; 751]. Противники данной теории отмечают, что и сознание отдельно взятого человека, и массовые психологические процессы не статичны, подвергаясь совокупности внутренних и внешних факторов [106; 505].

В аспекте особого «коррупционного» менталитета жителей определённых регионов следует отметить, что в условиях информационной открытости механизмов противодействия коррупции и препятствий, создаваемых коррупционным поведением, восприятие этого негативного явления также

меняется с течением времени. В противовес данной тенденции следует отметить такую психологическую особенность, что при благоприятных условиях большой процент людей, занимающихся публичным управлением, способны и желают совершать коррупционные действия.

Поэтому многие учёные, анализирующие неоинституциональные аспекты антикоррупционного контроля, настаивают на необходимости ограничения и последующего исключения факторов, способствующих росту коррупции в отдельно взятой локации [741; 763].

Одновременно с этим некоторые сходства между регионами Северного Кавказа в коррупционной плоскости позволяют внедрить в их системы контроля те мероприятия, которые с низкой эффективностью развиваются в других субъектах федерации. Прежде всего, речь идёт о распределённом перекрёстном аккумулировании информации, необходимой для антикоррупционного мониторинга. Если сама коррупция не сосредоточена в руках единого центра принятия решений, то и её превенция возможна силами нескольких управленческих звеньев, вступающих между собой в конкурентные отношения.

Немаловажными в реализации указанной антикоррупционной стратегии следует признать экономические интересы региона в подавлении и минимизации коррупционных проявлений. Мало того, что решение проблем коррупционным путём должно стать в субъектах Российской Федерации неудобным, требуется устойчивый авторитет контрольных институтов. Именно данная сторона проблемы может иметь актуальность в республиках Северного Кавказа, где региональная власть традиционно пользуется уважением и престижем в этнонациональных традициях.

Кроме того, высокая гражданская активность в вопросах, связанных с социальной справедливостью, с произволом бюрократии и игнорированием массовых проблем, позволяет сделать вывод о необходимости более интенсивного развития на Северном Кавказе общественного антикоррупционного контроля. Исследователи отмечают, что к настоящему моменту социальная

составляющая противодействия региональной коррупции носит, чаще всего, стихийный, взрывной характер [302, с. 36; 365, с. 136; 463, с. 21].

Тем самым в качестве перспективы дальнейшего развития необходима плановая институционализация общественных механизмов антикоррупционного контроля, причём не вертикальными средствами воздействия (созданием институтов усилиями региональных властей), а горизонтальными. Если сама коррупция в северокавказских регионах носит конкурентный характер, то и институты противодействия ей так же должны функционировать в условно конкурентной среде. Последнее означает, что вместо одного центра принятия и реализации решений требуется распределённая система антикоррупционного контроля.

Вмешательство федерального центра в борьбу с системной региональной коррупцией можно признать крайней формой противодействия, оказывающего определённый воспитательный эффект относительно других звеньев государственного и муниципального управления. Однако аналогичный элемент властного влияния на развитие низовых институциональных основ антикоррупционного контроля может минимизировать проблему на исключительно локальном уровне.

В этой связи необходимо привести пример реализации антикоррупционного контроля в Республике Чечня. Как подчёркивает глава этого субъекта федерации Р. Кадыров, зачастую коррупционеры лишаются всего своего имущества, которое в дальнейшем используется на нужды строительства и поддержания объектов социальной инфраструктуры [625]. При этом контрольные функции осуществляет лично руководитель Чечни в комиссионном порядке со специально созданным для данной деятельности отделом. В его состав входят представители правоохранительных органов (преимущественно в области борьбы с организованной преступностью).

Однако параллельно сформировалась прокурорская вертикаль в механизме реализации антикоррупционного контроля в Чеченской Республике. Несмотря на тесное взаимодействие между аппаратом главы региона и правоохранительными

органами, черты распределённой системы сбора и анализа информации постепенно проявляются на примере Чечни. Нередко несоответствия между полученными результатами становятся предметом журналистских расследований и опубликования сведений о коррупционных фактах. В последнем случае руководство республики всегда реагирует на подобные информационные поводы, запуская собственный механизм противодействия коррупции (при этом не всегда соответствующий федеральным требованиям).

Вместе с тем общественная активность в рассматриваемом субъекте Российской Федерации не считается равнозначной другим северокавказским регионам. В этой плоскости гражданские формы превенции коррупции тесно переплетены с государственными, что не позволяет в полной мере говорить об институционализации общественного антикоррупционного контроля.

Отмеченное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что искусственная поддержка гражданской активности в данном направлении не представляет приоритет для региональной власти. Поэтому в Республике Чечня институциональный вектор общественного контроля очевидным образом развивается собственным путём, не характерным для большинства российских регионов.

Открытость и прозрачность региональных механизмов антикоррупционного контроля являются объективными показателями его институционализации. Если сравнивать субъекты федерации по информационному сопровождению деятельности институтов противодействия коррупции, то обнажается другая проблема, требующая своего скорейшего разрешения в целом ряде российских регионов.

Так, по критерию наполнения официальных сетевых ресурсов, принадлежащих субъектам Российской Федерации, можно типологизировать региональные антикоррупционные институты на три группы:

- 1) обладающие высокой информационной открытостью мер противодействия коррупции:

- актуальный контент, представленный как в виде официальных отчётов, так и адаптированных материалов, адресованных рядовым гражданам и специалистам;

- регулярные публикации социологических и эконометрических данных;
- частые онлайн-трансляции и пресс-релизы с заседаний антикоррупционных органов;

- публичная финансовая отчётность;

2) имеющие дефекты в информационной открытости антикоррупционного контроля:

- устаревшие материалы;
- нерегулярные публикации;
- попытка сокрытия достоверных статистических данных официальными отчётами, перегруженными сложной технической информацией либо не апеллирующие реальными цифрами;

- закрытые заседания органов и общественных организаций, задействованных в противодействии коррупции;

3) информационно закрытые механизмы:

- без наличия специализированного сетевого ресурса;
- фрагментарное опубликование на разрозненных сайтах отдельных официальных сведений;

- архаичные методы доведения информации до общественности в виде формальных выступлений некоторых должностных лиц.

Примером последней группы субъектов федерации служит Санкт-Петербург, у которого есть специальный сетевой ресурс, предназначенный для информирования граждан о ходе реализации антикоррупционной стратегии [648]. Однако особенностью данного сайта является публикация лишь ограниченного в содержательном плане контента: сведения о том, что было проведено очередное заседание (без конкретизации обсуждаемых вопросов), и нормативно-справочная документация, не имеющая актуальных социологических и эконометрических материалов.

Для сравнения сайт, принадлежащий Республике Татарстан, изобилует новой информацией о ходе осуществления программных и административных мер противодействия коррупции, регулярно публикуются аналитические данные из различных источников относительно социальных опросов и динамики изменения массовых настроений об антикоррупционной превенции. Помимо этого, ключевые республиканские институты проводят открытые заседания с возможностью дистанционного доступа любого интересующегося гражданина.

Если сопоставить официальные ежегодные отчёты, публикуемые комиссиями по противодействию коррупции этих двух субъектов федерации, то обнаруживается очевидная разница в объёме и в информационной содержательности.

Так, годовой отчёта Комиссии по координации работы по противодействию коррупции Санкт-Петербурга представлен в объёме меньше одной страницы с общими фразами, которые имеются в предыдущих отчётных материалах. Напротив, результаты одного лишь антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2020 г. опубликованы на 35 страницах [605] с приложением большого числа аналитических данных (Рисунок 4.7).

Рисунок 4.10 - Сведения о расследованных должностных преступлениях коррупционной направленности в РТ в 2020 г., ед.

Источник: Комитет Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу [646].

Информационная открытость представляет собой критерий, которые влияет не только на прозрачность работы антикоррупционных институтов для населения.

Этот показатель влияет на другое условие экономической безопасности региона – инвестиционную привлекательность.

Продолжая сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Республики Татарстан, можно выявить, что в федеральном рейтинге субъектов Российской Федерации они занимают разное положение. В частности, Татарстан находится на второй позиции (после Москвы), а Петербург опустился на 5 строчку [659], несмотря на то, что ранее имел более высокий рейтинг по инвестициям. Примечательно, что одним из методических показателей, влияющих на расположение субъекта федерации в шкале инвестиционного климата, служит информационное обеспечение антикоррупционных институтов и репрезентативность публикуемых ими материалов (Рисунок 4.8).

Рисунок 4.8 - Количество служащих (граждан, ранее замещавших должности служащих), в отношении которых комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов были рассмотрены материалы в 2020 г., чел.

Источник: Комитет Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу [646].

Таким образом, к настоящему моменту в субъектах Российской Федерации сложились фундаментальные институциональные основы антикоррупционного контроля. Однако в каждом регионе присутствует комплекс собственных специфических факторов, тормозящих или развивающих механизм реализации контрольных мероприятий, предупреждающих коррупцию (Таблица 4.5).

Таблица 4.5 - Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата.

	2018	2019	Динамика
Москва	2	1	▲ 1
Республика Татарстан	3	2	▲ 1
Тюменская область	1	3	▼ -2
Калужская область	13	4	▲ 9
Санкт-Петербург	4	5	▼ -1
Тульская область	5	6	▼ -1
Московская область	10	7	▲ 3
Белгородская область	11	8	▲ 3
Ленинградская область	12	9	▲ 3
Ульяновская область	9	10	▼ -1
Чувашская Республика	8	11	▼ -3
Тамбовская область	16	12	▲ 4
Кранодарский край	6	13	▼ -7
Новгородская область		14	▬ 0
Воронежская область	7	15	▼ -8
Республика Башкортостан		16	▬ 0
ХМАО - Югра	14	17	▼ -3
Ярославская область	17	18	▼ -1
Новосибирская область	19	19	▬ 0
Смоленская область		20	▬ 0

Источник: материалы национального рейтинга состояния инвестиционного климата 2019 г. – URL: <https://urtmag.ru/public/509/> [638].

Как и отдельно взятые страны, субъекты федерации стали завидным образом отличаться друг от друга не только социально-экономическими показателями, но и уровнем коррупционной поражённости, и эффективностью работы институтов антикоррупционного контроля. В силу этого и при сохранении курса федеральной политики в области противодействия коррупции требуется адресный подход к решению проблем, препятствующих развитию в регионах

институтов контроля. В целях их преодоления меры, способствующие минимизации негативных последствий таких явлений, должны формулироваться применительно к отдельно взятому субъекту Российской Федерации с оценкой угроз его экономической безопасности. В связи с этим нами разработана модель предупреждения коррупции, для развития системы антикоррупционного контроля (Рисунок 4.9).

Рисунок 4.9 - Разработанная автором модель развития антикоррупционного контроля для обеспечения экономической безопасности.

Источник: разработан автором.

При том комплексе недостатков, которые сопровождают процесс институционализации в российских регионах антикоррупционного контроля, необходимо признать его развитие по европейскому сценарию. Достижения в

виде декларирования имущественного статуса, отчётности, проверки по единым реестрам и кадастрам – во многом являются требованиями международного характера, добровольно возложенными государством на себя в ходе выстраивания внешнеэкономических отношений.

Далеко не все элементы европейской модели превентивного воздействия на коррупцию получили своё воплощение в субъектах Российской Федерации, однако с каждым годом данная имплементация становится более очевидной. Например, постепенное открытие информационных ресурсов и постоянный мониторинг статистических измерений можно признать следствием такого подхода.

В силу этого в экономической науке строятся прогнозы о векторе дальнейшего совершенствования антикоррупционного контроля и о применимости тех или иных мер в российских реалиях. Условно такие перспективы, выстраиваемые учёными на базе сложившихся механизмов противодействия коррупции, можно разделить на три группы по степени оптимизации и модернизации контрольных мероприятий:

- развитие антикоррупционного контроля в умеренных темпах институционализации, при которых действующие региональные программы будут планомерно трансформироваться с учётом потребностей социума и бизнеса [99; 244; 514];

- консервация институтов антикоррупционного контроля с целью укрепления достигнутых результатов и формализации проверочных мер [292; 309];

- институционализация антикоррупционного контроля под нужды информационного общества, при которой запрос на владение достаточными экономическими данными потребует инновационных механизмов предупреждения коррупции [176; 366].

Объединяющим знаменателем указанных трёх направлений научной мысли служит отношение институтов к роли экономических интересов в борьбе с коррупцией.

Так, в первом подходе агрегированный интерес общества и экономических кругов региона способен предопределять внедрение новых антикоррупционных инструментов лишь при условии, что потенциальный результат будет иметь заранее спрогнозированную эффективность. В такой плоскости контроль за коррупционным поведением выражается в классической формуле Пола Самуэльсона об абсолютной экономической эффективности [95]. В концентрированном виде она выглядит следующим образом (Формула 4.1):

$$СКД = ПКД \div СКО, \text{ где [4.1]}$$

СКД – совокупный коррупционный доход, выражающаяся в выгодах, получаемых лицом за счёт систематических коррупционных действий (операций);

ПКД – прирост коррупционного дохода, в который включается потенциальная доходность коррупционных сделок;

СКО – совокупный коррупционный объём, выражающийся в «эмоционально-психологических» издержках самого нарушителя, в том числе в виде разницы между решением проблемы законным способом и при помощи теневых экономических операций.

В анализируемом первом векторе развития антикоррупционного контроля не имеет значения потенциальный ПКП, поэтому трата ресурсов на его установление признаётся малоэффективной [726]. Вместо такого варианта в механизме превентивного воздействия требуется увеличить показатель СКО, который в результате нивелирует КЭ и повышает значение антикоррупционных мер [688].

Однако в указанном подходе ставка должна делаться не на превенцию, а на реакцию официальной власти и общества на тот или иной коррупционный факт, образующий в совокупности систему коррупционного оборота. Усиливая потенциальные штрафные санкции и расходы должностного лица за коррупционное участие, предполагается, что сам человек будет бояться и отказываться от собственной коррупционной практики [735]. При этом до конца

не понятно, почему такая модель предупреждения коррупции до сих пор не получила своего воплощения в современных системах регионального управления.

Например, в Ульяновской области действует трёхлетняя программа противодействия коррупции, на реализацию которой региональный бюджет должен субсидировать 28 млн. 400 тыс. р. [44] При этом фрагментация расходов на контрольные мероприятия показывает, что далеко не все из них сопровождаются экономической эффективностью:

- ежегодное проведение конкурса на выявление лучшего эксперта в области антикоррупционных исследований – 3 млн. р.;
- журналистские конкурсы по антикоррупционной тематике – 1,5 млн. р.;
- антикоррупционные обучающие семинары для региональных и муниципальных должностных лиц, а также для участников общественного контроля – 1,5 млн. р.;
- тематические методические семинары для руководящего состава органов управления – 1,5 млн. р.;
- разработка и внедрение специализированного антикоррупционного мобильного приложения – 4 млн. р.;
- областные гранты некоммерческим неправительственным организациям на антикоррупционные проекты – 6 млн.;
- премиальные выплаты на гражданские антикоррупционные проекты – 3 млн.;
- организация международного дня борьбы с коррупцией – 1,9 млн.;
- региональные тематические научно-практические конференции – 6 млн.

Из перечисленных направлений антикоррупционному контролю – основному звену противодействия коррупции на региональном уровне – специальное финансирование выделено лишь на разработку мобильного приложения. Все остальные мероприятия в Ульяновской области имеют информационно-просветительский характер либо ориентированы на активизацию общественных инициатив в предупреждении коррупции.

При этом в отчёте за 2019 г. отмечается, что в результате одних только антикоррупционных проверок в Ульяновской области был выявлен коррупционный ущерб в размере 87 млн. р., а экономия бюджетных расходов по итогам внедрения контрольных мер составила 117,2 млн. р. [668].

Вместе с тем годом ранее, в 2018, по данным областного управления МВД потери от коррупции составили 1 млрд. р. в совокупном размере от 86 выявленных коррупционных преступлений [630]. Стоит учитывать, что это только раскрытые и доведённые до суда факты коррупции, которые пришлось на разные временные периоды.

Указанное расхождение в суммах между постреакционными (1 млрд. р.) и превентивными (87 млн. р.) мерами борьбы с коррупцией в Ульяновской области демонстрирует несостоятельность первого варианта развития антикоррупционного контроля в российских регионах на ближайшую перспективу. Это наглядно прослеживается в эконометрических исследованиях, проводимых правоохранительными органами субъектов федерации (Рисунок 4.10).

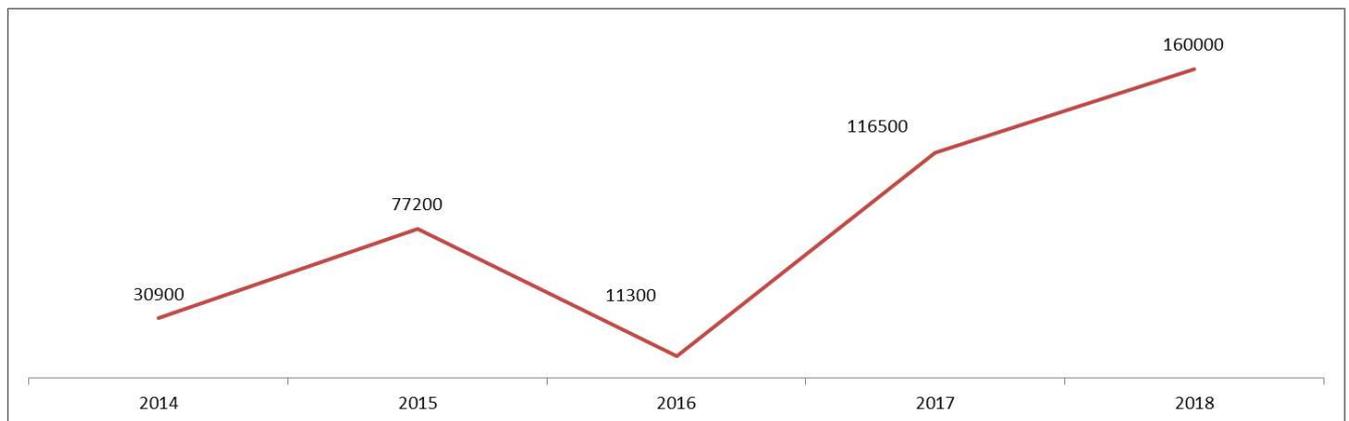

Рисунок 4.10 - Средний размер взятки в Костромской области, руб. (По данным прокуратуры, УМВД и Следственного управления по Костромской области).
 Источник: в Костроме силовики подвели итоги борьбы со взятками за год. – Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2018/12/11/izzhit-korruptsiyu-nevozmozhno-v-kostrome-siloviki-podveli-itogi-borby-so-vzyatkami-za-god>. [610].

Сохранение силового воздействия на нарушителей является трендом последнего десятилетия, что незначительно снижает уровень коррупционного оборота в субъектах Российской Федерации. Увеличение издержек

потенциального коррупционера за счёт перспективы разоблачения и наступления экономических (и иных) санкций влияет лишь на увеличение суммы коррупционной прибыли.

Второй подход, построенный на консервации имеющихся механизмов антикоррупционного контроля, направлен на борьбу с ПКП (приростом коррупционной прибыли). Если данный показатель находится в динамике применительно к отдельно взятому лицу или группе должностных лиц, то контрольные мероприятия рано или поздно выявляют соответствующие экономические интересы [682; 762; 796].

В условных вариациях коррупционная эффективность должна быть равна сумме эффективности тех действий, которые предпринимаются институтами противодействия коррупции. Наглядно это выражается в следующей формуле (Формула 4.2):

$$OP \leq СКД, \text{ где [4.2]}$$

ОР – окупаемость расходов на антикоррупционный контроль (и за счёт публичной власти, и за счёт корпоративных субъектов, и при помощи ресурсов отдельно взятых частных лиц);

СКД – совокупный коррупционный доход, демонстрирующий завершенность решений управленческих задач нелегальными средствами.

Сказанное должно означать, что затраты на предупреждение коррупционных проявлений не могут превышать потенциальную коррупционную прибыль. Отчасти такой подход уже реализуется в ряде субъектов федерации за тем лишь исключением, что возвращённые в легальные финансовые системы средства не гарантируют дальнейшее развитие антикоррупционных превентивных мер, т.е. не носят целевой характер.

Например, в 2020 г. представители следственных управлений Краснодарского края сообщили, что в бюджет региона был возвращён 1 миллиард рублей, которые участвовали в коррупционном обороте [636]. В то же время в

данном субъекте федерации отсутствует специальная антикоррупционная программа, которая с 2015 г. «растворилась» в стратегических мероприятиях в области безопасности населения, что фактически не сопровождается субвенциональным финансированием.

Напротив, возвращение в бюджет Республики Дагестан 20% от общих доходов за счёт противодействия коррупции позволило данному региону увеличить программное финансирование антикоррупционного контроля (лишь на 3,6 млн. р. в год, из которых половина направляется на администрирование программы).

Консервация достигнутого уровня антикоррупционного контроля рассматривается как наиболее вероятный сценарий развития российских регионов на ближайшие годы. Это сопряжено с сохранением влияния правоохранительного сегмента борьбы с коррупцией, в том числе наделением его институтов основными контрольно-надзорными полномочиями в противовес существующим организационным формам антикоррупционного контроля.

Избирательность проверок, проводимых административными и общественными институтами антикоррупционного контроля, служит надёжным инструментом защиты экономических интересов в региональном масштабе. Подобная практика установилась в тех субъектах федерации, в которых, как правило, сложился удельный уровень социально-экономических показателей и отсутствует специальное финансирование контрольных мероприятий, направленных на выявление и сдерживание коррупции (Таблица 4.1).

Таблица 4.1 - Предлагаемая автором типологизация институтов антикоррупционного контроля.

Критерии антикоррупционного контроля	Высокая	Дефектная	Закрываая
Субъекты	Руководители, добросовестно занимающиеся антикоррупционным контролем	Руководители, не добросовестно занимающиеся антикоррупционным контролем	Руководители, совершающие не правомерные действия
Объекты	Публичность	Закрытость	Незаконность
Фрагментарность	Совместное функционирование с органами власти	Самостоятельное функционирование	Автономное функционирование

Источник: составлена автором.

Фактором, способствующим сохранению таких интересов, во многом переплетённых с теневой экономической активностью, служит олигополизация региональных рынков, а также сращивание экономической элиты с политико-административной.

Тем самым из-за отсутствия естественной конкуренции даже на уровне среднего бизнеса легальные экономические интересы подавляются коррупционными.

В концентрированном виде расчёт таких интересов происходит по следующим формулам (Формулы 4.3 – 4.5):

$$ЛД \geq КД, [4.3]$$

$$ЭИ = ЛД - КД, [4.4]$$

$$КИ = КД - ЛД, \text{ где } [4.5]$$

ЛД – легальный доход, получаемый при нормальной экономической активности, осуществляемой в соответствии с институциональными условиями;

КД – коррупционный доход, извлекаемый из способов, противоречащих или граничащих с нарушением законодательства, но направленных на поддержание экономической активности;

ЭИ – экономический интерес, ориентирующийся на риски и объём потенциальных затрат;

КИ – коррупционный интерес, складывающийся из разницы легального и коррупционного дохода, который потенциально может извлечь участник коррупционного оборота.

Нивелирование отмеченной модели консервативного механизма реализации антикоррупционного контроля является вопросом времени, т.е. сопряжено с трансформацией сложившихся в регионе интересов.

В эконометрическом виде данный процесс можно охарактеризовать следующей формулой (Формула 4.6):

$$ЭЭ = (ЭПИ - ЛР) \times КО, \text{ где [4.6]}$$

ЭЭ – экономическая эффективность от использования мер антикоррупционного контроля;

ЭПИ – «эмоционально-психологические» издержки, в том числе в виде затрат нарушителей на осуществление коррупционной операции;

ЛР – легальные расходы, необходимые для совершения операции без коррупционной составляющей;

КО – коррупционный оборот, представляющий совокупность коррупционных сделок за определённый период времени (один финансовый год, месяц, декаду, трёхлетний период и т.п.).

В представленном варианте увеличение ЭЭ может происходить исключительно за счёт снижения ЛР, что доступно управленческим институтам субъекта Российской Федерации в рамках регламентирующей и административной плоскостей. Между тем повышение ЭЭ способно происходить за счёт снижения показателя КО при помощи постреакционных (неконтрольных) мер. Однако в последнем варианте увеличивается нагрузка на финансирование правоохранительных мероприятий и повышается риск невозмещения коррупционного ущерба.

Таким образом, каждый субъект федерации может рассчитать выгоду от консервации или от модернизации собственной институциональной системы антикоррупционного контроля. В обобщённом виде это предлагается сделать по следующей формуле (Формула 4.7):

$$COP = \Phi PP + \sum BKC \times KY, \text{ где [4.7]}$$

COP - совокупно ожидаемые расходы (прежде всего, бюджета, в некоторых случаях – потенциальных внебюджетных источников) на осуществление контрольных мероприятий (сложившихся и новых);

ФРР – фактические расходы региона на используемые мероприятия антикоррупционного контроля;

ВКС – вероятность наступления коррупционных ситуаций, как в макроэкономическом масштабе субъекта федерации, так и в отдельном сегменте региональной экономики;

КУ – коррупционный ущерб от каждого нарушения.

Однако установление лишь простой разницы между законными и коррупционными экономическими интересами недостаточно. Воплощение такой трансформации (или консервации) обеспечивается исключительно институциональным путём, т.е. при помощи укрепления сложившихся институтов противодействия коррупции, включая антикоррупционный контроль. Возведение повторяющегося экономического поведения в нормы и правила позволяет сделать систему регионального управления (в отличие от федеральной) более гибкой на начальном этапе, а в последующем – при фиксации наиболее оптимальной модели для сложившихся экономических интересов – в целях сохранения достигнутых императивов.

Примером воплощения приведённого механизма консервации антикоррупционного контроля служит Курганская область. Так, за период 2014-2018 гг. в этом регионе действовала антикоррупционная программа с совокупным объёмом финансирования мероприятий в размере 13,5 млн. р. [48]. На аналогичный четырёхлетний период 2019-2023 гг. в новой областной программе заложено уже 27,4 млн. р. [43] При этом, сравнивая обе стратегии противодействия коррупции в Курганской области, можно выявить совпадение основных мер и методов, а также умеренное планирование показателей, ожидаемых от реализации программных задач.

При этом в Курганской области значительно не меняются индикаторы реализуемых антикоррупционных проверок. Например, в 2015 г. за коррупционные нарушения в области декларирования доходов и имущества были привлечены к ответственности 2 государственных служащих, а в 2019 г. лишь 1

[623]. В обоих приведённых временных диапазонах проверки проводились по 30-40 случаям.

Акцент на постреакционный характер противодействия коррупции выражается в умеренном росте (на 7-14%) выявленных коррупционных нарушений в Курганской области. Среди них эпизодически прослеживаются уголовные дела в отношении высших должностных лиц региона: вице-губернаторы, руководитель регионального управления ФСИН и др.

Проанализированная программная консервация антикоррупционного контроля в Курганской области коррелирует с социологическими измерениями. И в 2018, и в 2019 гг. 35% респондентов отмечают неизменный уровень коррупции в регионе, а свыше 40% затрудняются делать оценку мерам антикоррупционного воздействия. Указанные цифры упираются в 44% недоверия региональным институтам управления в части борьбы с коррупционными проявлениями [624].

Следует констатировать, что консервация механизмов антикоррупционного контроля неизбежно сохраняет уровень коррупции в регионе либо незначительным образом влияет на её снижение. При этом экономические интересы, детерминирующие такую ситуацию, не безграничны, если федеральный центр проводит точечную противокоррупционную кампанию, направленную на минимизацию бюджетных хищений. Однако такое столкновение экономических интересов – федеральных и региональных – приводит к урезанию дотаций, что не улучшает институциональную основу антикоррупционного контроля в определённом субъекте федерации.

В силу отмеченных отрицательных значений в экономической науке последних пяти лет набирает популярность третий подход, апеллирующий к потребностям информационного общества [680; 736; 767]. Он построен на том, что оба показателя – ПКП и СКО – могут наполняться любым содержанием: и чрезмерно завышенным, и демпинговым значением. Главное в таком ракурсе – это прозрачность и открытость действий коррупционеров, невозможность быстрого сокрытия ими или их подельниками следов коррупционной активности [677; 680].

Во многом данный подход построен на опыте отдельных азиатских государств, внедривших электронные технологии в дистанцирование потенциальных участников коррупционного рынка (Сингапур, Япония, Южная Корея). Его ключевой основой служат два принципа:

1) исключение человеческого фактора из процесса антикоррупционного контроля, когда обработкой больших информационных баз занимается специальный обезличенный алгоритм, а не должностные лица;

2) создание и поддержание в актуальном состоянии специализированных реестров и кадастров, в которых фиксируется экономическая активность потенциальных субъектов коррупционного рынка.

В субъектах Российской Федерации подобные механизмы сбора и верификации сведений, необходимых для антикоррупционного анализа, к настоящему времени отсутствуют. Однако предпосылки для его активизации уже сложились в некоторых регионах, где институциональная среда превентивного противодействия коррупции выглядит наилучшим образом (Республика Татарстан, Липецкая, Калужская и Московская области и др.).

Прежде всего, в указанных субъектах федерации сложились умеренные методические основы осуществления контрольных мероприятий, которые во многом достигнуты за счёт внедрения положительного опыта зарубежных стран, сотрудничающих в образовательной и экономической плоскостях с данными регионами. Примечательно, что федеральный центр не препятствует этим внешнеэкономическим контактам, а иногда использует соответствующие региональные элиты для решения межгосударственных задач, в том числе в области антикоррупционного контроля.

Вместе с тем имеющиеся методические приёмы осуществления ключевых контрольных мероприятий недостаточно полно задействованы в региональной управленческой практике. Так, антикоррупционные проверки по-прежнему проводятся адресно, а не повсеместно, носят избирательный характер за счёт концентрации полномочий вокруг отдельных властных институтов либо в силу недостаточности кадровых ресурсов.

Перспективы разрешения поднятых проблем, препятствующих развитию регионального механизма антикоррупционного контроля в условиях информационного общества, выглядят вполне осязаемыми. Требуется институционализация сложившихся методов путём достижения формальными правилами определённой планки в управленческой практике. Тем самым планомерная работа с кадрами и их технологизация станут первым этапом в обезличивании превентивного воздействия на коррупцию.

В частности, минимизация исключительного участия должностных лиц в проверке соответствующих сведений сегодня может быть осуществлена за счёт усиления гражданского контроля. Имеющиеся в субъектах федерации общественные институты, функционирующие при определённых органах власти, должны быть организационно отделены от них. Это означает, что финансирование деятельности подобных структур по-прежнему будет происходить за счёт региональных бюджетов, но напрямую, а не по усмотрению административных инстанций, при которых они существуют.

Кроме того, обеспечение прозрачности отбора кандидатов и экспертной группы в общественные институты антикоррупционного контроля позволит если не снять полностью, то значительно ослабить неформальные связи между представителями регионального управления и гражданами, занимающимися верификацией сведений в области противодействия коррупции.

Примечательно, что далеко не каждый общественный актор, участвующий в антикоррупционном контроле, занимается своей деятельностью с экономическими интересами. Поэтому минимальное финансирование, которое сегодня сложилось в отношении институтов предупреждения коррупции, будет гармоничным для некоммерческих структур.

Главным условием расширения их полномочий служит отсутствие влияния других интересов, прежде всего, иностранных государств и бизнес-кругов. Тем самым спонсорство должно быть исключено из вариантов обеспечения общественных институтов антикоррупционного контроля надлежащими ресурсами за счёт гарантийных обязательств бюджетов субъектов Российской

Федерации. Одновременно с этим требуется обеспечить рациональную и открытую фрагментацию бюджетных расходов, которые формируются на региональном уровне преимущественно административным путём, в рамках которого процветает теневой лоббизм и логроллинг.

Как видно, упомянутые виды отношений нуждаются в обеспечении соответствующими правилами, имеющими институциональное значение. Это потребует от субъектов федерации принятия целого комплекса нормативно-правовых актов, модернизирующих не только инструментарий антикоррупционного контроля, но и модели взаимодействия субъектов власти с бизнесом. В противном случае сохранится практика активного федерального вмешательства в сдерживании экономических интересов, сопряжённых с коррупционным оборотом.

Предполагается, что с течением времени и под влиянием дальнейших экономических факторов (локального и внешнего характера) проведение антикоррупционных проверок приобретёт разнообразные формы взамен сложившихся однотипных мер, заключающихся в соблюдении сроков подачи информации и невозможности её верификации. Последнее предполагает значительное расширение субъектного состава в институтах антикоррупционного контроля до тех пределов, пока не будет исключён вертикальный характер структурирования полномочий и их распределение (или принудительно прекращение) со стороны одного органа власти (должностного лица).

Принципы информационного общества затрагивают не только усиление государственно-общественного и государственно-частного партнёрства для внедрения альтернативного варианта независимого антикоррупционного контроля. Они сдерживаются рамками экономической безопасности, в которой значение имеет ресурсная база.

Так, к настоящему моменту обнажена проблема обременительности неэффективных инструментов регионального антикоррупционного контроля. Преобладание документарных проверок, попытки сокрытия информации в рамках официальных государственных и муниципальных реестров и кадастров во многом

осложняют возможности институтов противодействия коррупции. Это наглядно прослеживается в работе постреакционных органов (правоохранительных и парламентских контрольно-надзорных ведомств), когда при обнаружении систематической коррупции требуется несколько лет для верификации данных (сбора и анализа доказательств).

Проблема информационной недостаточности детерминирована в субъектах Российской Федерации слабым влиянием альтернативных источников получения информации, которые в социальном плане получают поддержку активного населения, но зачастую игнорируются официальными властными структурами. Во многом эта проявляется в скандальных журналистских расследованиях, получающих широкий общественный резонанс в социальных сетях и в отдельных случаях, вынуждающих население определённого региона выходить на несанкционированные акции протеста.

Как известно, при бездействии институтов управления, включая институты противодействия коррупции, иные социальные акторы будут стремиться реализовать собственные интересы альтернативными (полулегальными и нелегальными) средствами, что дестабилизирует обстановку в отдельном взятом субъекте федерации. Непрозрачность принятия решений и, главным образом, невозможность отслеживания хода его исполнения с перекрёстной оценкой результатов (эффективности) наносит значительный ущерб региональной экономической безопасности. Поэтому увеличение источников аккумуляции и распространения фактов об управленческой практике гарантирует постепенное раскрытие экономических интересов, а, значит, и коррупционных действий, которые их сопровождают.

Информационная открытость предопределяет в субъектах Российской Федерации рассредоточение центров ответственности. Последние должны диверсифицировать антикоррупционный контроль при помощи сокращения влияния неформальных правил.

Выводы по Главе IV

1. Проблемы ресурсного обеспечения механизмов антикоррупционного контроля в субъектах федерации сложились в результате федерального вмешательства в экономические интересы региональных акторов, не желающих или препятствующих прозрачности принятия и реализации управленческих решений в условиях кризисных явлений в национальной экономике. Поскольку большая часть полномочий и институтов сконцентрированы на федеральном уровне, то и бюджет Российской Федерации берёт на себя обременительную функцию по финансированию мер в области противодействия коррупции. Это предопределяет кадровую проблему в виде равного подхода в обучении публичных служащих общего профиля и сотрудников антикоррупционных институциональных звеньев, поскольку для последних требуются более глубокие образовательные программы, предполагающие формирование у них знаний о технике и инструментах выявления коррупционных фактов, о средствах анализа «теневой» экономики и о механизмах разоблачения коррупционного поведения должностных лиц. Поэтому частичное воплощение подобного вектора в правоохранительной системе требуется распространить на институты превентивного противодействия коррупции. Исходя из этого нами были разработаны и апробированы учебные и учебно-методические пособия и дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки для подготовки специалистов различного уровня.

2. Обезличивание механизмов антикоррупционного контроля выражается в постепенном ограничении и в последующем исключении роли человека (должностного лица) в проверке сведений, направленных на предупреждение коррупции. Выработанные в ряде зарубежных экономических систем алгоритмы межсетевого взаимодействия позволяют объективизировать принимаемые решения. Компьютеризация механизма верификации данных, которая способствует мгновенному распространению информации по разным центрам

борьбы с коррупцией, неизбежным образом сказывается на эффективности антикоррупционного контроля в виде предупреждения ущерба региональной экономике. При сложившейся системе управления субъектами Российской Федерации отмеченная модернизация позволит контролировать процессы сбора и обработки информации со стороны высших институтов власти. Однако подобный вариант с наличием центрального звена всегда оставляет элемент усмотрения, что неизбежно скажется на объективности антикоррупционного контроля. Такой вариант персонального доступа ограниченного круга лиц к сведениям, потенциально содержащим признаки коррупции, вынуждает либо обеспечить их бескорыстность и честность, либо распределить центры ответственности между несколькими институтами.

3. Преодоление проблем развития антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации упирается в преобладание неформальных практик управления. Это потребует выявлять конкретные экономические интересы в степени контролируемости тех или иных сегментов региональной экономики, фактически влияющих на эффективность предупреждения коррупции. Отчасти данный механизм по установлению коррупционных рисков внедряется в отдельные субъекты федерации, но носит декоративный характер из-за отсутствия полноценной институциональной основы. Тем самым неверно сформулированные нормы, а равно правила, не отвечающие реальной картине коррупционных практик, представляют собой главный дефект в механизме осуществления антикоррупционного контроля. Чрезмерная зарегулированность таких мер в российских регионах, чаще всего, приводит к формализации всей деятельности по противодействию коррупции. Наиболее наглядно это проявляется на примере декларирования публичными служащими своих доходов. Указанная диссиметрия имеет строго институциональный характер, вызванный зависимостью лиц, осуществляющих антикоррупционный контроль, от высших властных структур в субъектах федерации.

4. Проблема достижения объективности и независимости механизма антикоррупционного контроля периодически получает своё разрешение в виде

разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Поэтому каждое звено в механизме реализации антикоррупционного контроля в российских регионах находится в стадии своей институционализации. Результатом этих процессов должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Прозрачность и эффективность её функционирования могут обеспечиваться постепенным отказом от практики персональных проверок и исключением возможности элит (политических, административных и экономических) влиять на содержание антикоррупционных сведений. Отчасти данный недостаток периодически получает своё разрешение в виде разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Так, к настоящему моменту это выразилось в концентрации репрессивных полномочий в руках федеральных институтов. Постреакционные меры по противодействию коррупции реализуются преимущественно правоохранными органами, которые всецело подчиняются федеральной власти. Вместе с тем в отдельных субъектах Российской Федерации (преимущественно в национальных республиках и в регионах Дальнего Востока) данная проблема осложнена сильным влиянием региональных элит на действия и решения антикоррупционных институтов в связи с этим нами предложены пути реализации антикоррупционного контроля по предоставлению государственных услуг.

5. Негативные последствия концентрации полномочий по противодействию коррупции только в правоохранительной плоскости заключаются в нивелировании роли институтов антикоррупционного контроля практически во всех субъектах федерации. Анализ финансовых показателей в рамках бюджетных расходов российских регионов и программирование специальных стратегий предупреждения коррупции подтверждает тезис о том, что контрольные мероприятия не представляют приоритет в антикоррупционной деятельности. Нередко это выливается в раскрытие масштабных коррупционных схем, существовавших годами в отдельно взятом субъекте Российской Федерации.

Лишь при помощи постреакционных действий пересекаются очевидные факты коррупции, которые могли быть предупреждены посредством мер антикоррупционного контроля. Поскольку его институты в большинстве российских регионах фактически бездействуют или отсутствуют, их финансирование снижает уровень институционализации этих отношений. Если аналогичные полномочия, которые имеются у правоохранительных органов, появятся у институтов антикоррупционного контроля с должной информационной обеспеченностью результатов проверок, то механизм превентивной борьбы с коррупцией в российских регионах станет значительно прозрачнее и эффективнее. Смещение вектора его развития в такую сторону позволит снизить случаи, когда целое руководство субъекта федерации одновременно объявляется организованным преступным сообществом, подрывавшим региональную экономическую безопасность на протяжении нескольких лет и даже десятилетий.

6. Федеральный центр способен сформировать программу помощи региональным институтам антикоррупционного контроля, в рамках которой бюджеты субъектов Российской Федерации будут получать субвенции на решение определённых задач по модернизации мониторинга в области предупреждения коррупции. Такой вариант не нарушает сложившееся доминирование федеральных указаний в области антикоррупционных стратегий. Использование целевой финансовой помощи позволит уравновесить институциональные тенденции по реализации контрольных мероприятий. Учитывая тот факт, что большинство из них сопряжены с налоговым и банковским администрированием, а также с расширением информационно-сетевых технологий, направленных на верификацию сведений, субвенционное финансирование будет способствовать позитивной динамике в смежных институтах региональной и федеральной экономической безопасности.

7. Результатом инволюции антикоррупционного контроля стала персональная определённость в проведении соответствующих проверок, которая

приобрела негативный институциональный облик. Сегодня во всех российских регионах подобные меры реализуются в условиях двухмерных ограничений:

- они могут инициироваться лишь уполномоченным субъектом (как правило, высшими должностными лицами);
- их объектом становятся сведения о далеко не всех потенциальных нарушителях.

8. Межрегиональные меры совершенствования антикоррупционного контроля позволяют использовать некоторые сходства отдельных субъектов Российской Федерации в коррупционной плоскости с целью внедрения инноваций в их системы контроля. Тем самым инструменты, которые с низкой эффективностью развиваются в других регионах, могут продемонстрировать свою состоятельность в группе субъектов федерации, в которых сложился одинаковый коррупционный оборот. Это выражается во внедрении распределённого перекрёстного аккумулирования информации, необходимой для антикоррупционного мониторинга. Если сама коррупция не сосредоточена в руках единого центра принятия решений, то и её превенция возможна силами нескольких управленческих звеньев, вступающих между собой в конкурентные отношения.

9. Модернизация механизмов антикоррупционного контроля должна учитывать экономические интересы региона в подавлении и минимизации коррупционных проявлений. Если решение проблем коррупционным путём должно стать в субъектах Российской Федерации неудобным, то повышение авторитета контрольных институтов может обеспечиваться лишь в некоторых региональных экономиках. На этом фоне перспективы общественных механизмов антикоррупционного контроля заключаются не в вертикальных средствах воздействия (созданием институтов усилиями региональных властей), а горизонтальными способами. Если сама коррупция в экономическом измерении носит конкурентный характер, то и институты противодействия ей так же должны функционировать в условно конкурентной среде. Последнее означает, что вместо одного центра принятия и реализации решений требуется распределённая система

антикоррупционного контроля. В целях их преодоления меры, способствующие минимизации негативных последствий таких явлений, должны формулироваться применительно к отдельно взятому субъекту Российской Федерации с оценкой угроз его экономической безопасности. В связи с этим нами разработана модель предупреждения коррупции, для развития системы антикоррупционного контроля.

10. Предлагается типологизировать региональные антикоррупционные институты по критерию информационной открытости, сопровождающей противодействие коррупции. Если субъект федерации обладает высокой информационной открытостью мер противодействия коррупции, то в нём присутствует практика актуализации контента, представленного как в виде официальных отчётов, так и адаптированных материалов, адресованных рядовым гражданам и специалистам; проводятся регулярные публикации социологических и эконометрических данных; частые онлайн-трансляции и пресс-релизы с заседаний антикоррупционных органов; публичная финансовая отчётность. Если в регионе присутствуют дефекты информационной открытости антикоррупционного контроля, то этот процесс сопровождается устаревшими материалами на официальных сетевых ресурсах, нерегулярными публикациями, попытками сокрытия достоверных статистических данных официальными отчётами, перегруженными сложной технической информацией либо не апеллирующих реальными цифрами, закрытыми заседаниями органов и общественных организаций, задействованных в противодействии коррупции. Напротив, в информационно закрытых механизмах регионального антикоррупционного контроля не функционирует специализированный сетевой ресурс, имеется фрагментарное опубликование сведений на разрозненных сайтах на фоне архаичных методов доведения информации до общественности в виде формальных выступлений некоторых должностных лиц. Информационная открытость представляет собой критерий, который влияет не только на прозрачность работы антикоррупционных институтов для населения, но и на

другое условие экономической безопасности региона – инвестиционную привлекательность.

11. Следует признать, что в современности в субъектах Российской Федерации сложились фундаментальные институциональные основы антикоррупционного контроля, сопровождающиеся комплексом собственных специфических факторов, тормозящих или развивающих механизм реализации контрольных мероприятий, предупреждающих коррупцию. Это влияет на отличия регионов между собой не только социально-экономическими показателями, но и уровнем коррупционной поражённости, а также эффективностью работы институтов антикоррупционного контроля. В силу этого и при сохранении курса федеральной политики в области противодействия коррупции требуется адресный подход к решению проблем, препятствующих развитию в регионах институтов контроля. В целях их преодоления меры, способствующие минимизации негативных последствий таких явлений, должны формулировать применительно к отдельно взятому субъекту Российской Федерации с оценкой угроз его экономической безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленной целью и системными задачами диссертационного исследования были получены следующие научные результаты и сделаны выводы:

1. Установлено, что антикоррупционный контроль является собирательным понятием. В силу этого он может приобретать различные формы, которые зависят от конкретных случаев, объединяемых по объектным и субъектным параметрам. Примечательно, что в таком виде контроль может иметь как превентивный характер, так посткоррупционные черты. Последнее актуально при длительном злоупотреблении кем-либо публичными полномочиями, образовании системы коррупционных сделок либо в рамках сложившихся экономических традиций в регионах, что дало основание выделить основные подходы в исследовании коррупции, уточнить понятие «экономическая коррупция».

2. Влияние региональной коррупции на экономические потери методологически обосновано сложившейся классификацией коррупционных форм, исходя из этого сформулирована общая концепция антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Выделение отдельных типов коррупции сопровождается исследованием специфики экономических секторов, как правило, в них образуются собственные коррупционные проявления. В свою очередь, такой подход требует изучения институциональных условий, способствующих или препятствующих воплощению экономических интересов, позволяющих сохранять коррупцию в определённом объёме. Тем самым меры антикоррупционного контроля должны учитывать данные особенности, что дало основание сформулировать понятие «антикоррупционного контроля» и «превенция коррупционных проявлений».

3. Восприятие антикоррупционного контроля строится на выделении эффективности его реализации. Так, значение приобретает не признание результатов проверки определёнными публичными акторами, а возможность институтов гражданского общества воздействовать на данный процесс. Выявлены две категории факторов сопровождающие антикоррупционный контроль:

- условия, повышающие эффективность реализуемых мер (статичная институциональная основа, исключение личных интересов, широта полномочий контролирующих инстанций, прозрачный механизм проведения проверок, публичная отчётность и информационная открытость и т.п.);

- условия, снижающие эффективность контроля (безинициативность органов государственного и местного управления, скрытые институционализированные коррупционные формы, затратность процедур, непризнание выявленных негативных результатов, дефицит кадров и др.), что позволило разработать алгоритм действий субъектов антикоррупционного контроля при выявлении коррупционных действий. Именно независимый характер антикоррупционного контроля предопределяет способность регионов к ограждению экономической безопасности как от коррупционного оборота, так и от противодействия ему.

4. В результате приведённая дихотомия факторов была скорректирована с учётом того, что антикоррупционный контроль строится на базе аксиологических представлений, которые раскрывают превентивные меры через призму экономических интересов. Проблема низкой эффективности антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации заключается в отсутствии конкретизированных экономических интересов. Это проявляется в дублировании институтов противодействия коррупции, наделении их смежными полномочиями (нередко конкурирующими друг с другом), в повторении региональным законодательством тех же норм, которые сложились на федеральном уровне в части антикоррупционной деятельности. Также существенным препятствием служит искусственное ограничение форм антикоррупционного (государственного, гражданского, общественного) контроля. Зачастую субъекты федерации создают

собственные неправительственные институты, специализирующиеся на борьбе с коррупцией. В то же время эффективность деятельности таких институциональных структур с каждым годом стремительно снижается из-за их формального отношения к коррупционным случаям. Кроме того, результаты антикоррупционного контроля т.н. «независимых» акторов либо игнорируются, либо нивелируются.

5. Институциональная среда регионального антикоррупционного контроля в Российской Федерации представлена тремя категориями:

- недостатки в планировании, вызванные излишне гибким механизмом формирования территориальных антикоррупционных стратегий и совпадением объекта и субъекта контроля;
- недостатки воплощения на фоне неконкретизированных условий, направленных на обеспечение независимости, прозрачности и публичности;
- ситуативная (оппортунистичная) система определения эффективности мер, реализующих антикоррупционный контроль, вследствие фрагментарности оценки результатов и отсутствия комплексных экспертных методик.

6. В отличие от других национальных экономических систем субъекты Российской Федерации акцентируют антикоррупционный контроль преимущественно на публичные структуры, включая компании, работающие в сфере государственных и муниципальных финансов. Однако предупреждение коррупции строится на более широком восприятии коррупционного оборота, в котором задействованы представители всех форм собственности и с разным объёмом экономической активности. Если регион считает деловую коррупцию объектом своей антикоррупционной политики, он обязан выработать действенный механизм контроля в отношении всех рыночных акторов. Отмеченные особенности показывают, что формирование антикоррупционного контроля нельзя приравнивать к механизму формирования антикоррупционного мониторинга в связи с несовпадением терминологического смысла данных понятий. Между ними имеется ряд общих элементов, как: способы, приёмы, технологии, субъектный и объектный состав, ресурсная база, порядок

оформления, наличие специальных полномочий и т.п. Результатом этих процессов, должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Таким образом, определены основополагающие направления и предложена модель развития антикоррупционного контроля в экономической сфере российского общества в целях повышения эффективности противодействия коррупции в сфере экономической безопасности.

7. Дефекты формирования и реализации антикоррупционного контроля наблюдаются не только в российской региональной практике, но и в других государствах, чей позитивный опыт рекомендуется заимствовать в отечественную экономику, зарубежные страны могут быть поделены на четыре блока: государства с высоким уровнем институционализации антикоррупционного контроля; государства с умеренной институционализацией антикоррупционного контроля; государства со средними темпами институционализированности антикоррупционного контроля; государства с недостаточным уровнем институционализации антикоррупционного контроля. Российская Федерация обладает признаками третьего блока институционализации антикоррупционного контроля. При этом в рамках проанализированного опыта зарубежных национальных экономик по организации антикоррупционного контроля следует констатировать, что далеко не все инструменты противодействия коррупции, применяемые в зарубежной практике, классифицированные в ходе исследования, могут быть применены, как в регионах, так и в целом в системе экономической безопасности Российской Федерации. Таким образом, на основе проведенного анализа зарубежного опыта противодействия коррупции, предложены инструменты противодействия коррупции, при использовании которых открытие реестров и кадастров, наблюдаемое в странах из первого и второго блока институционализированности антикоррупционного контроля, допустимо осуществить на уровне субъектов Российской Федерации.

8. Установлено, что разграничение антикоррупционного контроля на виды в зависимости от его предмета не позволяет выявить типологические особенности,

равно как разделение средств противодействия коррупции по частным и публичным сферам. Вследствие этого субъекты Российской Федерации используют общий набор инструментов для предупреждения коррупционных проявлений. Критерий, выделяющий определённые методы антикоррупционного контроля, должен исключать его формы, поскольку значение приобретают приёмы и способы получения необходимой информации и её обработки. При этом влияние методов на типологизацию контроля на общий и специальный в современной управленческой практике российских регионов не обнаружено. Тем самым антикоррупционный контроль может формироваться и осуществляться одинаковым набором методов, но с акцентом на определённые средства и приёмы в зависимости от прогнозируемой эффективности деятельности по предупреждению коррупции.

9. Поскольку в ходе исследования были обнаружены специфические черты методик выявления экономических интересов в противодействии коррупции, предлагается классифицировать не только методы антикоррупционного контроля, но также его региональные стратегии и программы. Последние, в свою очередь, подразделяются в зависимости от преобладания того или иного механизма предупреждения коррупции (компенсационных, реструктуризационных, процедурных и др.). При этом большинство субъектов Российской Федерации стремятся заложить в антикоррупционные программы равнозначный подход к основным методам превентивного воздействия на коррупцию, что на современном этапе государственного управления нельзя считать эффективным подходом. Исходя из этого нами был предложен организационно-управленческий механизм реализации антикоррупционного контроля.

10. Выявлено, что в рамках действующих региональных программ не содержится механизма определения субъектности для общественных структур, занимающихся антикоррупционным контролем. Прямого контакта региональной власти с независимыми институтами гражданского общества, по существу, не установлено. Это проявляется в сложной системе признания со стороны субъекта федерации кого-либо в качестве лица, уполномоченного заниматься

общественным антикоррупционным контролем. В результате большинство потенциальных участников данной деятельности остаются без доступа к подобным полномочиям.

11. Классификация антикоррупционного контроля на внутренний и внешний зависит не только от организационного статуса участников данного процесса, но и от их интересов в достижении результатов по установлению коррупционных проявлений. Тем самым очерчивается круг независимых антикоррупционных проверок. Если контроль инициирован или проводится лицом, имеющим прямой либо косвенный экономический интерес в сокрытии коррупционных фактов, его следует признать организационной патологией.

12. Анализ институциональной основы регионального антикоррупционного контроля подтвердил, что в современной управленческой практике парламентский антикоррупционный контроль сведён к политическому уровню. Он является лишь способом формирования норм и условий для противодействия коррупции, а не институтом по осуществлению превентивных мер. Законодательные собрания субъектов Российской Федерации ограничиваются двумя имеющимися полномочиями: заслушивают на своих плановых заседаниях представителей различных органов власти и направляют определённые запросы для получения аналитической информации. В обоих случаях региональные парламенты используют полученные сведения в своей правотворческой деятельности, но не занимаются контролем тех сфер, в которых наблюдаются коррупционные факты. Это подтверждает попытку сформировать распределённую систему противодействия коррупции, что отчасти должно объективизировать антикоррупционный контроль и сделать его более независимым от региональных элит в связи с этим нами была разработана развёрнутая система формализации антикоррупционного контроля.

13. Институты антикоррупционного контроля являются разрозненной системой органов и организаций, которые призваны сформировать и реализовать превентивные меры противодействия коррупции. При этом в Российской Федерации данная система приобрела такие институциональные формы, которые

привели к диспропорции административных полномочий. Последнее выражается в дефиците исполнительского звена, которое фактически представлено посткоррупционными реакциями правоохранительных органов и усечёнными превентивными возможностями иных органов и организаций, включая формализацию и бюрократизацию государственно-общественного партнёрства. Кроме того, преобладание правоохранительного сегмента влечёт разделение институтов антикоррупционного контроля на формальные и неформальные. В связи с этим нами предложена развернутая организационно-управленческая структура региональных советов по противодействию коррупции.

14. Представляется, что реализация антикоррупционного контроля лишь в форме документарных проверок носит архаичный характер. В условиях, когда основная отчётность приобрела электронный оборот, а все подконтрольные органы и организации обладают доступом к сети Интернет и к специализированным государственным сетям, необходим переход к следующему этапу развития противодействия коррупции. В качестве такового выступает активизация антикоррупционного контроля и его разнообразных форм.

15. Многие мероприятия, образующие определённый механизм антикоррупционного контроля в субъекте Российской Федерации, обладают детализированным характером. Их направления сформулированы в региональных программах и в планах по противодействию коррупции весьма абстрактно либо носят «лозунговый» подтекст. В связи с этим был предложен механизм реализации антикоррупционного контроля, который позволит реализовать превентивную работу в области борьбы с коррупцией, а не будет сводиться лишь к формальному обучению публичных служащих и к периодической сдаче ими отчётности о своём имущественном статусе. Значение приобретёт проверка предоставленной информации и развитие альтернативных способов сбора и анализа подобных сведений, в том числе по выявлению экономических интересов. Если субъекты антикоррупционного контроля будут использовать в качестве источников получения информационных ресурсов лишь официальные базы данных, это неизбежно приводит к снижению эффективности проверок.

16. Меры антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации во многом выработаны на федеральном уровне (указами Президента РФ). Они составляют обязательный минимум, который должен реализовываться институтами противодействия коррупции на региональном уровне. Вместе с тем значение приобретают не сами меры, а их содержательная сторона. Поэтому следует признать целесообразным расширение институционального дизайна в области антикоррупционного контроля на управленческом уровне. Необходима трансформация проверки расходов и доходов публичных служащих как в сторону увеличения объектов, подконтрольных специальным органам, так и расширения субъектов, входящих в круг общения должностного лица и осуществляющих имущественные операции в крупных размерах.

17. За основу антикоррупционных проверок взят формальный подход. Он может считаться состоятельным, если правосознание самих публичных служащих находится на достаточном уровне, вызывающим доверие у институтов противодействия коррупции и у общества. Однако в субъектах Российской Федерации сложилось прямо противоположное отношение граждан к антикоррупционным мерам, включая превентивный контроль. Практика проведения социологических опросов по заказу региональных властей распространена во всех субъектах Российской Федерации, но их результаты публикуются лишь некоторыми регионами. Многие институты антикоррупционного контроля ограничиваются лишь стандартными годовыми отчётами о реализации мер по противодействию коррупции и выявленными коррупционными фактами, в том числе при помощи контрольных механизмов. Однако статистика, выражающая отношение населения к эффективности таких мер, существует лишь в неофициальных источниках.

18. В силу проанализированных цифр важен не тот показатель, который рассчитывается по конкретному году или за иной определённый период. Значимость имеют несколько показателей в их совокупности между собой и между контрольными временными периодами. Тем самым динамика или статика

вычислений является единственным эффективным инструментом в установлении эффективности превентивных методов противодействия коррупции.

19. Преодоление архаичных методов антикоррупционного контроля видится в значительной технологизации процессов. Фактический доступ региональных властей к реестрам и кадастрам, фиксирующим динамику имущественного положения публичных служащих и иных лиц, чья деятельность подвержена повышенному коррупционному риску, позволяет в довольно сжатые сроки внедрить независимую компьютерную обработку сведений в собственную практику. Для этого необходимо изменение не только методики расчёта показателей, позволяющих сформировать экономический облик региональной коррупции, но и трансформировать деятельность институтов противодействия коррупции. Компьютеризация процессов сбора и анализа информации об элементарных показателях экономического интереса публичных служащих (доходов, имущества, расходов) должна сопровождаться исключением субъективных факторов (анализ количества жалоб, дисциплинарных мер, медийная активность и др.). Однако вмешательство человеческого фактора остаётся доминирующим в современных институтах антикоррупционного контроля субъектов Российской Федерации. Такая система методов представляется архаичной в условиях, когда государство нацелено на максимальную информатизацию своей деятельности и на вестернизацию позитивного опыта противодействия коррупции. Для этого нами предложен мониторинг экономической безопасности на основе методов антикоррупционного контроля.

20. Барьеры в определении индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля вызваны не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчёта. Выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и в осуществлении предпринимательской деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике. При этом значение

имеет коррупционный стаж, понимаемый в качестве периода времени, когда должностное лицо не подвергалось соответствующим проверкам. Последние связаны не с общими показателями (декларирование доходов, расходов, имущества), а со специальными мерами антикоррупционного контроля, когда уполномоченный институт целенаправленно занимается верификацией данных в отношении конкретного публичного служащего при наличии подозрений в его коррупционной деятельности. Чем выше этот период времени, тем менее эффективен антикоррупционный контроль.

21. Немаловажным является оказание содействия альтернативным источникам верификации сведений, необходимых для расчётов антикоррупционных показателей в аспекте региональной и межрегиональной экономической безопасности. При этом расхождение в цифрах внутри формируемой субъектами федерации статистики нуждается в обеспечении прозрачности механизма их установления, т.е. подлежит максимальной открытости за счёт привлечения к этим процессам общественных акторов и исключения влияния экономических интересов. В частности, вместо показателей, приходящихся только на количество выявленных граждан, участвующих на стороне взяткодателя, необходимо использовать индикаторы, показывающие количество должностных лиц, получающих коррупционную прибыль. Использовать для этого общую численность публичных служащих нецелесообразно. Следует отметить, что в некоторых субъектах Российской Федерации уже применяется предложенная методика вычислений коррупционного оборота. При этом в качестве доминирующих индикаторов антикоррупционного контроля нами выделены: коррупционная маржинальность, коэффициент пораженности и коррупционная волатильность и т.д. Кроме того, необходимо учитывать и предлагаемый в работе показатель - «эмоционально-психологические» издержки должностного лица, получающего взятку - который определяется нами как мера (предел) риска должностного лица при совершении коррупционного проявления связанного с неотвратимостью наступления

наказания. Данный показатель определяется экспертным путем на основе ежегодного социально-экономического мониторинга по регионам РФ.

22. В большем значении требует своего внедрения методика выявления экономических интересов и связей между участниками коррупционной деятельности с одновременным пресечением потенциальных конфликтов интересов. В этой связи, необходимо провести комплексную оценку и разработать собственную методику рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям «антикоррупционного мониторинга», под которым нами понимается инструмент измерения коррупционных проявлений в экономической сфере, их причин, основанных на наблюдении и анализе коррупции.

23. Исходя из определенного в работе понятия «рейтинг эффективности» в исследовании разработана и апробирована методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга представляет собой универсальное руководство по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции, условий для ее проявления, мер по противодействию коррупции и реализации антикоррупционной политики, в том числе их социальной диагностики, и может быть применена, по-нашему мнению, в целях оценки эффективности антикоррупционного контроля во всех субъектах Российской Федерации.

24. Проблемы ресурсного обеспечения механизмов антикоррупционного контроля в субъектах федерации сложились в результате федерального вмешательства в экономические интересы региональных акторов, не желающих или препятствующих прозрачности принятия и реализации управленческих решений в условиях кризисных явлений в национальной экономике. Поскольку большая часть полномочий и институтов сконцентрированы на федеральном уровне, то и бюджет Российской Федерации берёт на себя обременительную функцию по финансированию мер в области противодействия коррупции. Это предопределяет кадровую проблему в виде равного подхода в обучении

публичных служащих общего профиля и сотрудников антикоррупционных институциональных звеньев, поскольку для последних требуются более глубокие образовательные программы, предполагающие формирование у них знаний о технике и инструментах выявления коррупционных фактов, о средствах анализа «теневой» экономики и о механизмах разоблачения коррупционного поведения должностных лиц. Поэтому частичное воплощение подобного вектора в правоохранительной системе требуется распространить на институты превентивного противодействия коррупции. Исходя из этого нами были разработаны и апробированы учебные и учебно-методические пособия и дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки для подготовки специалистов различного уровня.

25. Обезличивание механизмов антикоррупционного контроля выражается в постепенном ограничении и в последующем исключении роли человека (должностного лица) в проверке сведений, направленных на предупреждение коррупции. Выработанные в ряде зарубежных экономических систем алгоритмы межсетевого взаимодействия позволяют объективизировать принимаемые решения. Компьютеризация механизма верификации данных, которая способствует мгновенному распространению информации по разным центрам борьбы с коррупцией, неизбежным образом сказывается на эффективности антикоррупционного контроля в виде предупреждения ущерба региональной экономике. При сложившейся системе управления субъектами Российской Федерации отмеченная модернизация позволит контролировать процессы сбора и обработки информации со стороны высших институтов власти. Однако подобный вариант с наличием центрального звена всегда оставляет элемент усмотрения, что неизбежно скажется на объективности антикоррупционного контроля. Такой вариант персонального доступа ограниченного круга лиц к сведениям, потенциально содержащим признаки коррупции, вынуждает либо обеспечить их бескорыстность и честность, либо распределить центры ответственности между несколькими институтами.

26. Преодоление проблем развития антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации упирается в преобладание неформальных практик управления. Это потребует выявлять конкретные экономические интересы в степени контролируемости тех или иных сегментов региональной экономики, фактически влияющих на эффективность предупреждения коррупции. Отчасти данный механизм по установлению коррупционных рисков внедряется в отдельные субъекты федерации, но носит декоративный характер из-за отсутствия полноценной институциональной основы. Тем самым неверно сформулированные нормы, а равно правила, не отвечающие реальной картине коррупционных практик, представляют собой главный дефект в механизме осуществления антикоррупционного контроля. Чрезмерная зарегулированность таких мер в российских регионах, чаще всего, приводит к формализации всей деятельности по противодействию коррупции. Наиболее наглядно это проявляется на примере декларирования публичными служащими своих доходов. Указанная диссиметрия имеет строго институциональный характер, вызванный зависимостью лиц, осуществляющих антикоррупционный контроль, от высших властных структур в субъектах федерации.

27. Проблема достижения объективности и независимости механизма антикоррупционного контроля периодически получает своё разрешение в виде разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Поэтому каждое звено в механизме реализации антикоррупционного контроля в российских регионах находится в стадии своей институционализации. Результатом этих процессов должна стать целостная система предупреждения коррупции, распределённая по уровням государственного и муниципального управления. Прозрачность и эффективность её функционирования могут обеспечиваться постепенным отказом от практики персональных проверок и исключением возможности элит (политических, административных и экономических) влиять на содержание антикоррупционных сведений. Отчасти данный недостаток периодически получает своё разрешение в виде разделения полномочий между федеральным центром и регионами. Так, к настоящему

моменту это выразилось в концентрации репрессивных полномочий в руках федеральных институтов. Постреакционные меры по противодействию коррупции реализуются преимущественно правоохранительными органами, которые всецело подчиняются федеральной власти. Вместе с тем в отдельных субъектах Российской Федерации (преимущественно в национальных республиках и в регионах Дальнего Востока) данная проблема осложнена сильным влиянием региональных элит на действия и решения антикоррупционных институтов в связи с этим нами предложены пути реализации антикоррупционного контроля по предоставлению государственных услуг.

28. Негативные последствия концентрации полномочий по противодействию коррупции только в правоохранительной плоскости заключаются в нивелировании роли институтов антикоррупционного контроля практически во всех субъектах федерации. Анализ финансовых показателей в рамках бюджетных расходов российских регионов и программирование специальных стратегий предупреждения коррупции подтверждает тезис о том, что контрольные мероприятия не представляют приоритет в антикоррупционной деятельности. Нередко это выливается в раскрытие масштабных коррупционных схем, существовавших годами в отдельно взятом субъекте Российской Федерации. Лишь при помощи постреакционных действий пересекаются очевидные факты коррупции, которые могли быть предупреждены посредством мер антикоррупционного контроля. Поскольку его институты в большинстве российских регионах фактически бездействуют или отсутствуют, их финансирование снижает уровень институционализации этих отношений. Если аналогичные полномочия, которые имеются у правоохранительных органов, появятся у институтов антикоррупционного контроля с должной информационной обеспеченностью результатов проверок, то механизм превентивной борьбы с коррупцией в российских регионах станет значительно прозрачнее и эффективнее. Смещение вектора его развития в такую сторону позволит снизить случаи, когда целое руководство субъекта федерации

одномоментно объявляется организованным преступным сообществом, подрывавшим региональную экономическую безопасность на протяжении нескольких лет и даже десятилетий.

29. Федеральный центр способен сформировать программу помощи региональным институтам антикоррупционного контроля, в рамках которой бюджеты субъектов Российской Федерации будут получать субвенции на решение определённых задач по модернизации мониторинга в области предупреждения коррупции. Такой вариант не нарушает сложившееся доминирование федеральных указаний в области антикоррупционных стратегий. Использование целевой финансовой помощи позволит уравновесить институциональные тенденции по реализации контрольных мероприятий. Учитывая тот факт, что большинство из них сопряжены с налоговым и банковским администрированием, а также с расширением информационно-сетевых технологий, направленных на верификацию сведений, субвенционное финансирование будет способствовать позитивной динамике в смежных институтах региональной и федеральной экономической безопасности.

30. Результатом инволюции антикоррупционного контроля стала персональная определённость в проведении соответствующих проверок, которая приобрела негативный институциональный облик. Сегодня во всех российских регионах подобные меры реализуются в условиях двухмерных ограничений:

- они могут инициироваться лишь уполномоченным субъектом (как правило, высшими должностными лицами);
- их объектом становятся сведения о далеко не всех потенциальных нарушителях.

8. Межрегиональные меры совершенствования антикоррупционного контроля позволяют использовать некоторые сходства отдельных субъектов Российской Федерации в коррупционной плоскости с целью внедрения инноваций в их системы контроля. Тем самым инструменты, которые с низкой эффективностью развиваются в других регионах, могут продемонстрировать свою состоятельность в группе субъектов федерации, в которых сложился одинаковый

коррупционный оборот. Это выражается во внедрении распределённого перекрёстного аккумулирования информации, необходимой для антикоррупционного мониторинга. Если сама коррупция не сосредоточена в руках единого центра принятия решений, то и её превенция возможна силами нескольких управленческих звеньев, вступающих между собой в конкурентные отношения.

31. Модернизация механизмов антикоррупционного контроля должна учитывать экономические интересы региона в подавлении и минимизации коррупционных проявлений. Если решение проблем коррупционным путём должно стать в субъектах Российской Федерации неудобным, то повышение авторитета контрольных институтов может обеспечиваться лишь в некоторых региональных экономиках. На этом фоне перспективы общественных механизмов антикоррупционного контроля заключаются не в вертикальных средствах воздействия (созданием институтов усилиями региональных властей), а горизонтальными способами. Если сама коррупция в экономическом измерении носит конкурентный характер, то и институты противодействия ей так же должны функционировать в условно конкурентной среде. Последнее означает, что вместо одного центра принятия и реализации решений требуется распределённая система антикоррупционного контроля. В целях их преодоления меры, способствующие минимизации негативных последствий таких явлений, должны формулироваться применительно к отдельно взятому субъекту Российской Федерации с оценкой угроз его экономической безопасности. В связи с этим нами разработана модель предупреждения коррупции, для развития системы антикоррупционного контроля.

32. Предлагается типологизировать региональные антикоррупционные институты по критерию информационной открытости, сопровождающей противодействие коррупции. Если субъект федерации обладает высокой информационной открытостью мер противодействия коррупции, то в нём присутствует практика актуализации контента, представленного как в виде официальных отчётов, так и адаптированных материалов, адресованных рядовым

гражданам и специалистам; проводятся регулярные публикации социологических и эконометрических данных; частые онлайн-трансляции и пресс-релизы с заседаний антикоррупционных органов; публичная финансовая отчётность. Если в регионе присутствуют дефекты информационной открытости антикоррупционного контроля, то этот процесс сопровождается устаревшими материалами на официальных сетевых ресурсах, нерегулярными публикациями, попытками сокрытия достоверных статистических данных официальными отчётами, перегруженными сложной технической информацией либо не апеллирующих реальными цифрами, закрытыми заседаниями органов и общественных организаций, задействованных в противодействии коррупции. Напротив, в информационно закрытых механизмах регионального антикоррупционного контроля не функционирует специализированный сетевой ресурс, имеется фрагментарное опубликование сведений на разрозненных сайтах на фоне архаичных методов доведения информации до общественности в виде формальных выступлений некоторых должностных лиц. Информационная открытость представляет собой критерий, который влияет не только на прозрачность работы антикоррупционных институтов для населения, но и на другое условие экономической безопасности региона – инвестиционную привлекательность.

33. Следует признать, что в современности в субъектах Российской Федерации сложились фундаментальные институциональные основы антикоррупционного контроля, сопровождающиеся комплексом собственных специфических факторов, тормозящих или развивающих механизм реализации контрольных мероприятий, предупреждающих коррупцию. Это влияет на отличия регионов между собой не только социально-экономическими показателями, но и уровнем коррупционной поражённости, а также эффективностью работы институтов антикоррупционного контроля. В силу этого и при сохранении курса федеральной политики в области противодействия коррупции требуется адресный подход к решению проблем, препятствующих развитию в регионах институтов контроля. В целях их преодоления меры, способствующие минимизации

негативных последствий таких явлений, должны формулировать применительно к отдельно взятому субъекту Российской Федерации с оценкой угроз его экономической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные документы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. - ст. 2954; 2019. - № 31. - ст. 4467. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 1. - ст. 15; 2018. - № 53 (часть I). - ст. 8462. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства РФ. – 2009. - N 29. - ст. 3609; 2018. - N 42 (часть II). - ст. 6376. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - № 52 (ч. 1). - ст. 6228; 2019. - № 6. - ст. 463. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.
5. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 15. - ст. 1269; 2018. - № 11. - ст. 1591. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.
6. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 № 215 (ред. от 26.02.2019) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. - № 21. - ст. 2981;

2019. - № 9. - ст. 824. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.

7. Указ Президента Российской Федерации от 03.12.2013 № 878 (ред. от 14.06.2018) «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 49 (часть VII). - ст. 6399; 2018. - № 25. - ст. 3646. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.

8. Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2011 № 248 (ред. от 24.10.2018) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 10. - ст. 1334; 2018. - № 44. - ст. 6707. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства РФ. – 2010. - N 10. - ст. 1084; 2017. - N 29. - ст. 4374. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – Текст: электронный.

10. Закон Санкт-Петербурга от 19.03.2018 № 128-27 (ред. от 27.12.2019) "О проверке достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых Губернатору Санкт-Петербурга гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности в Санкт-Петербурге, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности в Санкт-Петербурге, должность главы местной администрации по контракту" // Опубликован на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга. - Режим доступа: <http://www.gov.spb.ru>. – Текст: электронный.

11. Закон Магаданской области от 03.06.2016 № 2042-ОЗ (ред. от 25.04.2019) «О парламентском контроле в Магаданской области» // Приложение к газете «Магаданская правда». - N 43(20902). - 07.06.2016; официальный интернет-

портал правовой информации. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.04.2019. – Текст: электронный.

12. Закон Республики Татарстан от 12.01.2016 № 2-ЗРТ «О парламентском контроле в Республике Татарстан» // Республика Татарстан. – № 5. - 16.01.2016. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

13. Закон Липецкой области от 15.12.2015 N 476-ОЗ (ред. от 02.10.2019) "О правовом регулировании некоторых вопросов по профилактике коррупционных правонарушений в Липецкой области" // Липецкая газета. - N 248. - 25.12.2015; N 196. - 09.10.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

14. Закон Нижегородской области от 22.09.2015 № 127-З (ред. от 31.08.2016) «Об общественном контроле в Нижегородской области» // Нижегородские новости. - № 144 (5707). - 08.12.2015; № 110(5826). - 28.10.2016. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

15. Закон г. Москвы от 17.12.2014 N 64 (ред. от 29.11.2017) "О мерах по противодействию коррупции в городе Москве" // Ведомости Московской городской Думы. – 2015. - N 1. - ст. 387; 2017. - N 11. - ст. 209. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

16. Закон Липецкой области от 09.12.2010 N 451-ОЗ (ред. от 18.06.2014) "О взаимодействии органов государственной власти Липецкой области с некоммерческими организациями" // Липецкая газета. - N 239. - 15.12.2010; N 122. - 25.06.2014. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

17. Закон Красноярского края от 07.07.2009 N 8-3610 (ред. от 18.04.2019) "О противодействии коррупции в Красноярском крае" // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. - N 37(333). - 27.07.2009; опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации

Красноярского края. - Режим доступа: <http://www.zakon.krskstate.ru>. – Текст: электронный.

18. Закон Республики Дагестан от 07.04.2009 N 21 (ред. от 11.06.2019) "О противодействии коррупции в Республике Дагестан" // Собрание законодательства Республики Дагестан. - 15.04.2009. - N 7. - ст. 275; Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан. - Режим доступа: <http://pravo.e-dag.ru>, 11.06.2019. – Текст: электронный.

19. Закон Челябинской области от 29.01.2009 N 353-ЗО (ред. от 05.03.2019) "О противодействии коррупции в Челябинской области" // Южноуральская панорама. - N 24. - 13.02.2009; официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 05.03.2019, N 7400201903050008. – Текст: электронный.

20. Закон Липецкой области от 07.10.2008 N 193-ОЗ (ред. от 02.10.2019) "О предупреждении коррупции в Липецкой области" // Липецкая газета. - N 202. - 17.10.2008; N 196. - 09.10.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

21. Закон Забайкальского края от 25.07.2008 N 18-33К (ред. от 26.04.2019) "О противодействии коррупции в Забайкальском крае" // Забайкальский рабочий. - N 140. - 04.08.2008; официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.04.2019. – Текст: электронный.

22. Закон Псковской области от 17.07.2008 N 784-оз (ред. от 14.12.2018) "О противодействии коррупции в органах государственной власти Псковской области и органах местного самоуправления" // Псковская правда. - N 188-189. - 24.07.2008; N 51. - 21.12.2018. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

23. Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ (ред. от 12.06.2014) «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2006. - N 5. - ст. 1464; 2014. -

№ 6 (II часть). - ст. 573. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

24. Закон Республики Татарстан от 07.06.2004 № 37-ЗРТ (ред. от 14.06.2019) «О Счетной палате Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2011. - № 10. - ст. 1207; Республика Татарстан. - № 87. - 21.06.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

25. Закон Республики Марий Эл от 07.12.2001 № 45-З (ред. от 22.02.2019) «О Государственном Собрании Республики Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2002. - № 1. - ст. 4; официальный интернет-портал Республики Марий Эл. - Режим доступа: МарийЭл. РФ, 22.02.2019. – Текст: электронный.

26. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.01.2019 № 10 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в государственных учреждениях Краснодарского края и организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед исполнительными органами государственной власти Краснодарского края, а также за реализацией в этих учреждениях и организациях мер по профилактике коррупционных правонарушений» // Кубанские новости. - № 30. - 04.03.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

27. Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) от 18.09.2018 № 767-РГ (ред. от 24.12.2018) «О Плане противодействия коррупции в Республике Саха (Якутия) на 2018 - 2020 годы» // В данном виде документ опубликован не был, размещён в справочно-правовой системе «Консультант Плюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

28. Указ Губернатора Архангельской области от 17.09.2018 № 87-у (ред. от 06.06.2019) «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Архангельской области на 2018 - 2020 годы» // Официальный интернет-портал

правовой информации. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.09.2018. – Текст: электронный.

29. Постановление Губернатора Московской области от 16.10.2015 № 444-ПГ (ред. от 22.01.2019) «Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Московской области» // Информационный вестник Правительства Московской области. - № 1. - 29.01.2016; № 9. - 19.06.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

30. Указ Главы Республики Марий Эл от 15.10.2015 № 287 (ред. от 31.10.2018) «Об утверждении Положения об управлении Главы Республики Марий Эл по профилактике коррупционных и иных правонарушений» // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. - Режим доступа: Марий эл. РФ, 19.10.2015. – Текст: электронный.

31. Указ Президента Республики Татарстан от 13.10.2015 № УП-987 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Татарстан "Об утверждении Положения об Управлении Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2015. – № 79. - ст. 2733. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

32. Указ Президента Республики Татарстан от 19.03.2015 № УП-298 «О внесении изменений в состав Комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности Республики Татарстан и состав Совета при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. - 10.04.2015. - № 27-28. - ст. 0964. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

33. Указ Президента Республики Татарстан от 20.08.2014 № УП-797 (ред. от 13.10.2015) "О мерах по совершенствованию деятельности в сфере реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. - 12.09.2014. - № 68. - ст. 2054. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

34. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 24.07.2013 № 788 (ред. от 14.10.2019) "Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных учреждений Краснодарского края, и лицами, замещающими эти должности" // Опубликовано на официальном сайте администрации Краснодарского края. - Режим доступа: <http://admkrain.krasnodar.ru> (дата обращения 15.02.2020). – Текст: электронный.

35. Указ Губернатора Смоленской области от 07.06.2013 № 38 "О мерах по реализации отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 02.04.2013 № 309 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" // Смоленская газета. - № 22. - 19.06.2013. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

36. Указ Президента Республики Татарстан от 21.02.2011 № УП-71 (ред. от 18.10.2013) «О Совете при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2011. - N 1-2 (II часть). - ст. 121. (утратил силу). - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

37. Указ Президента Республики Татарстан от 31.01.2011 № УП-37 (ред. от 02.12.2017) «Об утверждении Положения об Управлении Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики» // Сборник

постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. - 23.03.2011. - № 12. - ст. 0372. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

38. Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30.09.2008 № 789-р (ред. от 20.08.2018) «О мерах по противодействию коррупции в Краснодарском крае» (вместе с "Планом противодействия коррупции в Краснодарском крае") // Кубанские новости. - № 176. - 16.10.2008; официальный сайт администрации Краснодарского края. - Режим доступа: <http://admkrain.krasnodar.ru>, 20.08.2018. – Текст: электронный.

39. Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 "О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Республика Татарстан. - NN 74-75. - 14.04.2005. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

40. Указ Президента Республики Татарстан от 13.09.1999 № УП-719 (ред. от 19.03.2019) «Об образовании Совета Безопасности Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – № 184. - 14.09.1999; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2019. - № 26. - ст. 0652. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

41. Постановление правительства Тульской области от 31.01.2019 № 37 (ред. от 01.07.2019) «Об утверждении Положения о министерстве по контролю и профилактике коррупционных нарушений в Тульской области» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации. - Режим доступа: <http://npatula.ru>, 01.02.2019. – Текст: электронный.

42. Постановление Правительства Республики Дагестан от 29.12.2018 N 206 (ред. от 19.12.2019) "Об утверждении государственной программы Республики Дагестан "О противодействии коррупции в Республике Дагестан" // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан. - Режим доступа: <http://pravo.e-dag.ru>, 09.01.2019. – Текст: электронный.

43. Постановление Правительства Курганской области от 24.12.2018 N 432 "О государственной программе Курганской области "Противодействие коррупции в Курганской области" // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2020. – Текст: электронный.

44. Постановление Правительства Ульяновской области от 20.12.2018 N 665-П (ред. от 29.11.2019) "Об утверждении областной программы "Противодействие коррупции в Ульяновской области" на 2019 - 2021 годы" // Ульяновская правда. - N 98 (24172). - 30.12.2018; Ульяновская правда. - N 97(24269). - 17.12.2019. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

45. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 29.06.2016 № 307 (ред. от 28.09.2018) «О Программе противодействия коррупционным проявлениям в Республике Марий Эл на 2016 - 2020 годы» // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. - Режим доступа: Марийэл. РФ, 01.10.2018. – Текст: электронный.

46. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 1 июня 2020 г. N 451 "О внесении изменений в постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 N 512 "Об утверждении государственной программы "Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015-2022 годы". Режим доступа: https://gosalcogol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2400687.pdf. – Текст: электронный.

47. Постановление Правительства Свердловской области от 21.10.2013 № 1276-ПП (ред. от 16.07.2019) «Об утверждении государственной программы Свердловской области "Развитие кадровой политики в системе государственного и муниципального управления Свердловской области и противодействие коррупции в Свердловской области до 2024 года» // Собрание законодательства Свердловской области. – 2013. - № 10-6 (2013). - ст. 1986; официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov66.ru>, 17.07.2019. – Текст: электронный.

48. Постановление Правительства Курганской области от 14.10.2013 N 486 "О государственной Программе Курганской области "Противодействие коррупции в Курганской области" на 2014 - 2018 годы" // «Новый мир» - Документы. - выпуск N 88. - 15.11.2013. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). - Текст: электронный.

49. Постановление Правительства Забайкальского края от 19.04.2013 № 140 (ред. от 24.10.2014) "Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных учреждений Забайкальского края, и лицами, замещающими эти должности" // Первоначальный текст документа опубликован в издании "Азия-Экспресс". - № 19. - 08.05.2013. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

50. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 16.03.2010 № 62 (ред. от 25.06.2019) «О Межведомственной комиссии при Правительстве Республики Марий Эл по профилактике правонарушений» // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (под паролем). – Текст: электронный.

51. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.12.2009 N 883 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан". – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

52. Постановление администрации Липецкой области от 30.10.2009 N 370 (ред. от 19.06.2015) "О регулярном антикоррупционном мониторинге" // Приложение к газете "Липецкая газета". - N 237. - 11.12.2009. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

53. Постановление Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 N 685 (ред. от 18.07.2018) "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области" // Правовая среда. - N 100(1086). - 08.10.2009. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

54. Приказ Минэкономки Республики Татарстан от 04.07.2019 № 334 "Об утверждении Перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан в Министерстве экономики Республики Татарстан, замещение которых связано с коррупционными рисками, при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей" // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. Режим доступа: <http://pravo.tatarstan.ru>, 22.07.2019. – Текст: электронный.

55. Приказ Минсельхозпрода Республики Татарстан от 20.05.2019 N 108/2-пр "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан" - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

56. Приказ Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан от 15.04.2019 N 17 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан" - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

57. Приказ Министерства образования и науки Республики Марий Эл от 13.03.2012 № 404 "Об утверждении перечня должностей в Министерстве образования и науки Республики Марий Эл, в наибольшей степени подверженных

рisku коррупции" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (под паролем). – Текст: электронный.

58. Постановление Главы муниципального образования "Агрызский муниципальный район" от 05.02.2019 № 8 "Об утверждении Перечня должностей муниципальной службы Агрызского муниципального района Республики Татарстан, замещение которых связано с коррупционными рисками" // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. Режим доступа: <http://pravo.tatarstan.ru>, 14.02.2019. – Текст: электронный.

59. Постановление администрации Приволжского муниципального района от 24.02.2016 N 108-п (ред. от 11.02.2019) "О реализации положений антикоррупционного законодательства" // Вестник Совета и администрации Приволжского муниципального района. - 29.02.2016. - N 8. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (под паролем). – Текст: электронный.

60. Постановление администрации муниципального образования "Городское поселение Звенигово" от 12.08.2010 N 165 "Об утверждении Перечня должностей муниципальной службы муниципального образования "Городское поселение Звенигово", замещение которых связано с коррупционными рисками" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (под паролем) – Текст: электронный.

61. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 N 47(7)) // Документ официально не опубликован. Размещён в справочно-правовой системе «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi> (под паролем). – Текст: электронный.

Книги:

62. Анищенко, В.Н. Институциональные основы мониторинга экономической безопасности. Монография / В.Н. Анищенко, Р.В. Илюхина. -

Москва: Акад. экономической безопасности МВД России, 2008. - 123 с. – Текст: непосредственный.

63. Аюпов, А.А. Методологические основы экономической безопасности государства в сфере противодействия коррупции / А.А. Аюпов, С.Л. Алексеев. - Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2019. – 112 с. – Текст: непосредственный.

64. Балабанов, М. Промышленность России в начале XX века / М. Балабанов // Общественное движение в России в начале XX века: в 2 т. - Т. 1. - СПб.: Товарищество "Общественная Польза", 1909. – С. 39-87. – Текст: непосредственный.

65. Батыгин, Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии/ Г.С. Батыгин. - Москва: Наука, 1986. - 272 с. – Текст: непосредственный.

66. Белоусов, В.М. Национальная и региональная безопасность России: экономический аспект (в контексте черноморско-каспийского региона) / В.М. Белоусов. Монография / науч. ред. А.В. Сериков. - Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. – 128 с. – Текст: непосредственный.

67. Бикеев, И.И. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов. - Казань: Издательство "Познание", 2019. - Том 3. - 240 с. – Текст: непосредственный.

68. Богатилов, А.А. Методологические экономические основы антикоррупционных воздействий на рынке слияний и поглощений. Реципрокность рейдерства и коррупции / А. А. Богатилов. - Москва: Экон-Информ, 2011. - 242 с. – Текст: непосредственный.

69. Борисов, Н.М. Методы контроля и управления в системах менеджмента качества / Н.М. Борисов, Л.А. Сашина. - Москва: Академия стандартизации, метрологии и сертификации, 2004. - 187 с. – Текст: непосредственный.

70. Веблен, Т. Теория праздного класса. Пер. с английского / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с. – Текст: непосредственный.

71. Глаголев, С.Н. Коррупция в экономике России / С.Н. Глаголев, Ю.А. Дорошенко, В.В. Моисеев. Монография. - Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2014. - 308 с. – Текст: непосредственный.

72. Горбунова, В.В. Глава 2. Государственно-общественное партнёрство как перспективное направления повышения качества социальных услуг // В книге: Экономика, социум, человек: проблемы и перспективы развития в условиях социальных изменений / коллектив авторов: С.Н. Барейко, В.В. Горбунова, Н.А. Журавлева. Монография. - Смоленск, 2017. - С. 45-65. – Текст: непосредственный.

73. Дахов, И.Г. Противодействие коррупции в экономике и управлении народным хозяйством / И.Г. Дахов. - Москва: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2011. – 180 с. – Текст: непосредственный.

74. Дахов, И.Г. Противодействие коррупции в системе управления народным хозяйством / И.Г. Дахов, А.А. Семенова. - Москва: Русайнс, 2015. - 156 с. – Текст: непосредственный.

75. Жигун, Л.А. Менеджмент: современные основы организации контроля на предприятии / Л.А. Жигун. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. - 469 с. – Текст: непосредственный.

76. Землина, О.М. Антикоррупционные ограничения на государственной и муниципальной службе и меры по предупреждению коррупции в сфере государственного и муниципального управления: научно-справочное пособие / О.М. Землина, В.В. Козлов, Р.А. Колесов, С.Н. Максимов. - Москва: Московский психолого-социальный университет, 2012. - 256 с. – Текст: непосредственный.

77. Кабанов, П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования / П.А. Кабанов. - Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. - 181 с. – Текст: непосредственный.

78. Карабущенко, П.Л. Теневая экономика и современные элиты / П.Л. Карабущенко, Н.Е. Гаврилина, А.В. Титов. - Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2017. - 216 с. – Текст: непосредственный.

79. Каранина, Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности). Монография / Е.В. Каранина. - Киров: Вятский государственный университет, 2016. - 240 с. – Текст: непосредственный.

80. Ковалевский, М.М. Экономический строй России / М.М. Ковалевский. - СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1900. – 146 с. – Текст: непосредственный.

81. Корнеева, Т.А. Управленческий контроль в системе функций современного менеджмента / Т.А. Корнеева. Монография. - Москва: Спутник+, 2004. - 208 с. – Текст: непосредственный.

82. Кролли, О.А. Основные направления совершенствования обращения средств производства в народном хозяйстве СССР / О.А. Кролли. - Ленинград: Ленинградский финансово-экономический институт, 1982. - 69 с. – Текст: непосредственный.

83. Куракин, А.В. Правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации (Теорет. - адм. аспекты): монография / А.В. Куракин. - Москва: Щит-М, 2004. - 307 с. – Текст: непосредственный.

84. Лемешев, М.Я. Комплексные программы в планировании народного хозяйства / М.Я. Лемешев, А.И. Панченко. - Москва: Экономика, 1973. - 167 с. – Текст: непосредственный.

85. Логинова, Е.В. Глава 3. Интернет как инструмент ограничения коррупции. В книге: Актуальные проблемы противодействия коррупции / Е.В. Логинова, под научной редакцией Ю.И. Миронова. - Волгоград, 2013. С. 81-92. – Текст: непосредственный.

86. Малаховская, М.В. Экономическая безопасность: государство, регион, предприятие / М.В. Малаховская. Монография. – Димитровград:

Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал НИЯУ МИФИ, 2017. – 143 с. – Текст: непосредственный.

87. Муллахметов, Х.Ш. Контроль-менеджмент / Х.Ш. Муллахметов. - Москва: Экономика, 2013. - 302 с. – Текст: непосредственный.

88. Нестеренко, А.И. Экономика и институциональная теория / А.И. Нестеренко. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 416 с. – Текст: непосредственный.

89. Норт, Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (Institutions, Institutional Change and Economic Performance, 1990) / Д.С. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с. – Текст: непосредственный.

90. Пешехонов, А.В. Экономическая политика самодержавия (Централизация экономической власти) / А.В. Пешехонов. - СПб.: ред. журн. "Рус. богатство", 1906. – 74 с. – Текст: непосредственный.

91. Региональная социально-экономическая политика: основные направления и механизмы реализации. Коллективная монография / Под научной редакцией Р.Н. Авербуха. - Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. - 147 с. – Текст: непосредственный.

92. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – М.: Стат. сб. / Росстат, 2019. – 766 с. – Текст: непосредственный.

93. Рубанцова, Т.А. Теоретические аспекты коррупции: проблемы противодействия и предупреждения / Т.А. Рубанцова. - Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2019. - 100 с. – Текст: непосредственный.

94. Рукина, И.М. Коррупция и справедливость в современной экономике / И.М. Рукина, Д.С. Петросян. - Москва: Русайнс, 2017. – 166 с. – Текст: непосредственный.

95. Самуэльсон, П.Э. Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия / П.Э. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. — М.: ТЕИС, 2006. — С. 391—409. – Текст: непосредственный.

96. Саушкин, Ю.Г. Экономическая география и народное хозяйство / Ю.Г. Саушкин. - Москва: Знание, 1962. – 48 с. – Текст: непосредственный.

97. Селиванов, А.И. Мониторинг экономической безопасности России: полимодельный подход к методическому обеспечению / А.И. Селиванов, В.Г. Старовойтов, Д.В. Трошин. - Москва: Научные технологии, 2019. - 294 с. – Текст: непосредственный.

98. Сигов, В.И. Теоретические основы регионально-отраслевого управления социалистической экономикой / В.И. Сигов. Монография. - Ленинград: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 1989. - 144 с. – Текст: непосредственный.

99. Степанова, Е.Е. Теоретические и практические основы противодействия коррупции / Е.Е. Степанова. - Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2019. - 139 с. – Текст: непосредственный.

100. Хашева, З.М. Стратегии и инструменты управления устойчивым развитием региональных социально-экономических систем: монография / З. М. Хашева, А. С. Молчан. - Краснодар, 2014. - 297 с. – Текст: непосредственный.

101. Шишкин, М.И. Региональное управление в условиях перехода к рыночной экономике / М.И. Шишкин. - Свердловск: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1991. – 195 с. – Текст: непосредственный.

Статьи:

102. Абдулаев, А.Х. Особенности исторической эволюции государственных институтов в сфере противодействия коррупции в России / А.Х. Абдулаев. – Текст: непосредственный // Вопросы политологии. - 2017. - № 3 (27). - С. 25-34.

103. Абрамов, Р.А. Роль антикоррупционного мониторинга в повышении качестве образовательной деятельности высших учебных заведений / Р.А. Абрамов, М.С. Соколов. – Текст: непосредственный // Плехановский научный бюллетень. - 2017. - № 1 (11). - С. 6-11.

104. Абызов, Р.М. Общественный контроль за реализацией антикоррупционной политики / Р.М. Абызов, Е.Р. Шестопалова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2016. - № 14-1. - С. 3-6.

105. Авдецкий, А.Г. Об эффективности противодействия коррупции на уровне региональных элит / А.Г. Авдецкий. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 1 (80). - С. 137-141.

106. Агабегова, З.Ф. Опровержение доминирующей роли менталитета в коррупции / З.Ф. Агабегова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Социально-гуманитарные исследования и технологии. Материалы международной научно-практической конференции. НИЦ «Поволжская научная корпорация». - 2017. - С. 104-106.

107. Агеева, О.В. Контроль за реализацией антикоррупционной политики на муниципальном уровне / О.В. Агеева. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2010. - № 4 (16). - С. 9-12.

108. Азарская, М.А. Обеспечение экономической безопасности через систему государственного финансового контроля / М.А. Азарская. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2016. - № 6-2 (36). - С. 230-236.

109. Азарская, М.А. Риски экономической безопасности и методы их оценки / М.А. Азарская. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2016. - № 6-2 (36). - С. 237-247.

110. Аксенова, А.В. Противодействие коррупции в России: репрессия или превенция / А.В. Аксенова. – Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - № 4. - С. 187-190.

111. Алекаева, К.И. Выявление коррупциогенных факторов в процессе антикоррупционной экспертизы / К.И. Алекаева. – Текст: непосредственный // Инновационная наука. - 2016. - № 12-2. - С. 138-142.

112. Алексеева, М.В. Организационно-правовые основы антикоррупционного мониторинга в системе таможенных органов Российской Федерации / М.В. Алексеева. – Текст: непосредственный // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - 2016. - № 2 (23). - С. 48-53.

113. Алышова, А.Е. Проведение антикоррупционного мониторинга / А.Е. Алышова, Д.С. Парамонова. – Текст: непосредственный // Новая наука: От идеи к результату. - 2016. - № 12-3. - С. 180-181.

114. Аммосва, А.К. Организационные патологии в строении организации как «дисфункция» / А.К. Аммосва. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 4-1 (13). - С. 366-367.

115. Андрюхина, О.В. Неправительственные организации как субъект противодействия коррупции. Обязанность хозяйствующих субъектов разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции (антикоррупционный комплаенс) / О.В. Андрюхина. – Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство. - 2014. - № 9 (50). - С. 586-588.

116. Андрющенко, А.Н. Влияние коррупции на мировую экономику / А.Н. Андрющенко. – Текст: непосредственный // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. - 2015. - № 3. - С. 4-6.

117. Аркаева, Ф.А. Современные проблемы и перспективы развития экономики Северного Кавказа / Ф.А. Аркаева, М.И. Цогоева. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной экономики. - 2019. - № 6-2. - С. 627-634.

118. Артемьев, Е.В. Ограничения в проведении независимой антикоррупционной экспертизы правовых актов / Е.В. Артемьев. – Текст: непосредственный // Гражданин и право. - 2015. - № 1. - С. 70-73.

119. Архипов, Б.А. Плюрализм философских подходов к анализу общества как симптом проблемы метода / Б.А. Архипов. – Текст: непосредственный // Омский научный вестник. - 2015. - № 3 (139). - С. 67-69.

120. Астафьева, Е.М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика / Е.М. Астафьева. – Текст: непосредственный // Азия и Африка сегодня. - 2016. - № 1 (702). - С. 52-59.

121. Афаунов, А.З. Методические проблемы эмпирического анализа отношения молодежи к коррупции в современном российском обществе / А.З. Афаунов. – Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 10. - С. 13-16.

122. Ахметова, Н.А. Международный опыт противодействия коррупции / Н.А. Ахметова. – Текст: непосредственный // Власть. - 2009. - № 12. - С. 72-74.

123. Аюпов, А.А. К вопросу о дефинициях понятия «бюджетный риск» / А.А. Аюпов, М.В. Казаковцева. – Текст: непосредственный // Казанский экономический вестник. - 2015. - № 1 (15). - С. 69-74.

124. Аюпов, А.А. К вопросу об оценке неэффективных бюджетных расходов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / А.А. Аюпов, М.В. Казаковцева. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики современной России. - 2016. - № 3. - С. 126-131.

125. Аюпов, А.А. Особенности пресечения коррупции и рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) / А.А. Аюпов, О.С. Баранов. – Текст: непосредственный // В сборнике: Вестник научных трудов "Юристъ". По материалам заседания I Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции. Под ред. И.Ш. Мухаметзянова, С.Л. Алексеева, Р.Н. Шайдуллина. - 2017. - С. 65-69.

126. Багмет, А.М. Противодействие Следственным комитетом Российской Федерации коррупции в государственных органах / А.М. Багмет. – Текст: непосредственный // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. - 2018. - № 4 (22). - С. 21-24.

127. Бадрутдинов, М.С. Взаимодействие в Республике Татарстан органов государственной власти и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества по вопросам реализации антикоррупционной политики и осуществления финансового контроля / М.С. Бадрутдинов, С.Ф. Рахимов. – Текст:

непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2013. - № 3 (27). - С. 227-234.

128. Баженова, О.И. Об эффективности антикоррупционного механизма контроля имущественного положения должностных лиц / О.И. Баженова. – Текст: непосредственный // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 12. - С. 37-46.

129. Бакалдина, Е.С. Использование правовых методов противодействия коррупции в системе государственного управления РФ / Е.С. Бакалдина, В.И. Биджиев. – Текст: непосредственный // Научный прогресс. - 2016. - № 1 (1). - С. 55-56.

130. Барсукова, С.Ю. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров / С.Ю. Барсукова, А.В. Леденева. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2014. - № 2. - С. 118-132.

131. Батчаева, А.А. Социокультурный фактор в совершенствовании антикоррупционной политики на Северном Кавказе: акценты и перспективы / А.А. Батчаева. – Текст: непосредственный // Общественные науки. - 2017. - № 3. - С. 354-362.

132. Баумик, С.К. Сложность контроля над коррупцией в условиях политической демократии / С.К. Баумик. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 4 (36). - С. 26-35.

133. Белокрылов, К.А. Моделирование экономики коррупции: теоретические подходы / К.А. Белокрылов. – Текст: непосредственный // Journal of Economic Regulation. - 2015. - Т. 6. - № 4. - С. 147-153.

134. Белокрылова, О.С. Экономические риски системы государственных и муниципальных закупок / О.С. Белокрылова, Е.Ф. Гуцелюк. – Текст: непосредственный // Journal of Economic Regulation. - 2015. - Т. 6. - № 4. - С. 154-161.

135. Белоусов, А.А. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах / А.А. Белоусов. – Текст: непосредственный // Вестник

Кыргызско-Российского славянского университета. - 2019. - Т. 19. - № 3. - С. 95-97.

136. Белоцеркович, Д.В. Антикоррупционный контроль в сфере незаконного осуществления предпринимательской деятельности должностными лицами / Д.В. Белоцеркович, Е.В. Тен. – Текст: непосредственный // В сборнике: World science: problems and innovations. - Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции: в 3 частях. - 2018. - С. 228-230.

137. Белянова, Е.В. Воздействие коррупции на развитие бизнеса: эмпирическая оценка / Е.В. Белянова, С.А. Николаенко. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2013. - № 9. - С. 91-105.

138. Березуцкий, А.А. Неформальные аспекты институционализации российской политической элиты / А.А. Березуцкий. – Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. - 2017. - № 5 (101). - С. 171-177.

139. Беркович, М.И. Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект / М.И. Беркович, Л.Н. Духанина, А.А. Максименко, И.Э. Надуткина. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2019. - Т. 12. - № 2. - С. 161-178.

140. Бикеев, И.И. Проблемы отграничения взятки от подарка / И.И. Бикеев. – Текст: непосредственный // В сборнике: Диалектика противодействия коррупции. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Института экономики, управления и права. - 2012. - С. 9-14.

141. Бикеев, И.И. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // Бизнес. Образование. Право. - 2010. - № 3 (13). - С. 178-188.

142. Бикеев, И.И. О систематизации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации в современных условиях / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 4. - С. 36-41.

143. Бикеев, И.И. Коррупция как негативное социальное явление / И.И. Бикеев, А.И. Шакиров. – Текст: непосредственный // Научный прогресс. - 2017. - № 2 (3). - С. 15-16.

144. Бирюков, А.А. Рационализм как методологическая основа сравнительного анализа институциональной и неоклассической экономических теорий / А.А. Бирюков. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2014. - № 4. - С. 190-195.

145. Бобошко, В.И. Взаимодействие малого бизнеса и органов государственной власти по обеспечению экономической безопасности / В.И. Бобошко. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2014. - № 6-1 (23). - С. 52-57.

146. Бобошко, В.И. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел / В.И. Бобошко. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2016. - № 6-1 (36). - С. 183-185.

147. Бобошко, В.И. Разработка комплексных методов борьбы с коррупцией как элемент системы обеспечения экономической безопасности предприятий малого и среднего бизнеса на региональном уровне / В.И. Бобошко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 12. - С. 257-259.

148. Бобошко, Н.М. Система мероприятий противодействия коррупции как фактор обеспечения экономической безопасности малого предпринимательства Московского региона / Н.М. Бобошко, К.Ю. Скрынникова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2019. - № 5-3 (53). - С. 72-78.

149. Боброва, Г.Е. Опросы населения как способ изучения общественного мнения по вопросам противодействия коррупции / Г.Е. Боброва. – Текст: непосредственный // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. - 2016. - № 8-2. - С. 27-31.

150. Борзых, Д.К. Коррупция в ментальности народов, населяющих Россию / Д.К. Борзых. – Текст: непосредственный // Ростовский научный журнал. - 2017. - № 12. - С. 59-66.

151. Борщ, Л.М. Основы развития институциональных теорий: системы рыночных отношений / Л.М. Борщ, С.В. Герасимова. – Текст: непосредственный // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. - 2016. - № 4 (37). - С. 140-146.

152. Буга, А.В. Особенности существующих подходов и методов в оценке деловой репутации фирмы / А.В. Буга, Т.В. Данилова, А.А. Зарецкий. – Текст: непосредственный // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). - 2019. - № 7 (9). - С. 78-84.

153. Булатов, А.Н. Отраслевые риски возникновения коррупционных схем / А.Н. Булатов. – Текст: непосредственный // Научная перспектива. - 2010. - № 11. - С. 12-13.

154. Бурмистров, А.С. Антикоррупционная деятельность: проблемы теории и практики / А.С. Бурмистров. – Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. - 2013. - № 1 (97). - С. 140-144.

155. Бурмистров, А.С. Разнообразие предмета антикоррупционного контроля в законодательстве субъектов Российской Федерации / А.С. Бурмистров. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2013. - № 7 (62). - С. 137-140.

156. Буров, В.Ю. Теоретические аспекты исследования коррупции и ее взаимосвязь с теневой экономикой / В.Ю. Буров. – Текст: непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. - 2014. - № 2. - С. 5-11.

157. Бутова, Т.В. Особенности противодействия коррупции в системе государственной службы в Великобритании / Т.В. Бутова, Ю.И. Петрова. – Текст: непосредственный // Евразийский союз ученых. - 2015. - № 2-1 (11). - С. 33-34.

158. Быстрова, А.С. Коррупция в институционализации российской элиты / А.С. Быстрова, А.В. Дука. – Текст: непосредственный // Финансы и бизнес. - 2006. - № 1. - С. 57-67.

159. Важенина, И. Деловая репутация как нематериальное конкурентное преимущество компании / И. Важенина, С. Важенин, В. Ющук. – Текст: непосредственный // Проблемы теории и практики управления. - 2018. - №. 12. - С. 107-115.

160. Валиахметов, Ф.Ф. Проблема борьбы с коррупцией в Республике Башкортостан / Ф.Ф. Валиахметов. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 4-6 (13). - С. 426-427.

161. Ванеев, О.Н. К проблеме антикоррупционного мониторинга деятельности органов местного самоуправления / О.Н. Ванеев. – Текст: непосредственный // Право и образование. - 2011. - № 11. - С. 121-127.

162. Васильева, В.М. Теория коррупционных рынков / В.М. Васильева, А.Н. Воробьев. – Текст: непосредственный // Политическая наука. - 2015. - № 2. - С. 232-252.

163. Васильева, Е.Г. Показатели распространённости коррупции: методические аспекты проблемы / Е.Г. Васильева. – Текст: непосредственный // Культура. Духовность. Общество. - 2014. - № 10. - С. 88-91.

164. Вафин, Э.Я. Меры предупреждения коррупционных проявлений в отделении ПФР по Республике Татарстан / Э.Я. Вафин. – Текст: непосредственный // Economics. - 2018. - № 1 (33). - С. 27-29.

165. Везломцев, В.Е. К вопросу о взаимосвязи менталитета и коррупции / В.Е. Везломцев, Е.М. Роман. – Текст: непосредственный // The Newman in Foreign Policy. - 2019. - № 50 (94). - С. 14-17.

166. Ветров, П.В. Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов / П.В. Ветров. – Текст: непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. - 2015. - Т. 10. - № 12. - С. 110-115.

167. Винникова, Р.В. Механизмы мониторинга реализации антикоррупционных конвенций ООН, ГРЕКО и ОЭСР / Р.В. Винникова. – Текст: непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. - 2017. - № 3 (14). - С. 16-20.

168. Власов, В.А. Некоторые теоретические и практические аспекты противодействия коррупции в социальной сфере на уровне субъекта Российской Федерации и на муниципальном уровне / В.А. Власов, Е.Е. Болдарева, А.Ю. Левияйнен. – Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. - 2019. - № 8 (176). - С. 24-26.

169. Волкова, А.В. Совершенствование антикоррупционной политики: возможности и пределы сетевого политического управления / А.В. Волкова, Т.А. Кулакова. – Текст: непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 40-56.

170. Волошин, П.В. Исторические аспекты и опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией и ее использование в деятельности правоохранительных органов / П.В. Волошин, Е.Е. Каймульдинов. – Текст: непосредственный // Вестник ЮГУ. - 2015. - № S4 (39). - С. 335-340.

171. Воробьев, А.В. Коррупция: понятие, сущность, тенденции и меры противодействия / А.В. Воробьев. – Текст: непосредственный // Балтийский экономический журнал. - 2011. - № 2 (6). - С. 166-172.

172. Воронцов, С.А. Об организации антикоррупционного образования и проблемах. Снижающих эффективность данной работы / С.А. Воронцов. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2020. - № 2 (117). - С. 95-98.

173. Воротилкина, И.М. Реструктуризация как инструмент региональной экономической политики / И.М. Воротилкина, М.В. Радченко. – Текст: непосредственный // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. - 2010. - № 3-4. - С. 196-200.

174. Восканян, Р.О. Противодействие коррупции в сфере госзакупок: европейский опыт и российская практика / Р.О. Восканян, В.Ю. Дроздов. – Текст: непосредственный // Вестник Сургутского государственного университета. - 2020. - № 4. - С. 28-33.

175. Вылегжанина, Е.В. Оценка деловой репутации организации / Е.В. Вылегжанина, М.А. Шерстобитова. – Текст: непосредственный //

Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 2-2. - С. 69-72.

176. Габдрахманова, Н.Т. Анализ нейросетевой модели международных индексов коррупции и хрупкости государств / Н.Т. Габдрахманова, К.П. Курылев, Д.А. Химич. – Текст: непосредственный // Вопросы национальных и федеративных отношений. - 2020. - Т. 10. - № 3 (60). - С. 563-573.

177. Гаджиев, С.Н. Особенности коррупции в правоохранительных органах республик Северного Кавказа / С.Н. Гаджиев. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные вопросы противодействия коррупции в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Международному дню борьбы с коррупцией. - 2018. - С. 30-36.

178. Гамукин, В.В. Меры по контролю над бюджетными рисками / В.В. Гамукин. – Текст: непосредственный // Проблемы учета и финансов. 2015. № 1 (17). С. 50-55.

179. Гельвановский, М.И. Государственная ценовая политика как фактор экономической безопасности в системе мер по стимулированию экономического роста / М.И. Гельвановский, И.А. Колпакова, М.Ю. Лев, С.А. Биляк. – Текст: непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2015. - № 6. - С. 91-98.

180. Герасина, Ю.А. Институт государственно-общественно-частного партнёрства как организационно-управленческая и инновационно-инвестиционная основа функционирования и развития экономики / Ю.А. Герасина. – Текст: непосредственный // Экономические системы. - 2017. - Т. 10. - № 3 (38). - С. 27-29.

181. Глотов, Д.С. Методологические основы разработки и реализации государственной программы по противодействию коррупции на уровне субъекта Российской Федерации / Д.С. Глотов, А.Н. Соломахин. – Текст: непосредственный // Регион: государственное и муниципальное управление. - 2019. - № 2 (18). - С. 5.

182. Гогиев, А.А. Влияние коррупции на уровень инфляции: мировые тенденции / А.А. Гогиев. – Текст: непосредственный // В сборнике: Финансы: теория и практика. Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции студентов и магистрантов. - 2018. - С. 10-15.

183. Годунов, И.В. Противодействие коррупции как ключевое звено преобразования экономики / И.В. Годунов, И.К. Ларионов. – Текст: непосредственный // Экономические системы. - 2016. - № 4. - С. 2-3.

184. Голованова, С.В. Оценка взаимного влияния коррупции и конкуренции / С.В. Голованова, А.И. Мелешкина. – Текст: непосредственный // Экономическая политика. - 2016. - Т. 11. - № 6. - С. 100-121.

185. Голубева, Т.Г. Мониторинг коррупционных рисков и угроз как инструмент реализации государственной антикоррупционной политики в Российской Федерации / Т.Г. Голубева, Т.А. Шебзухова. – Текст: непосредственный // Современная наука и инновации. - 2018. - № 1 (21). - С. 141-144.

186. Гонтова, А.С. Основные показатели и социальная практика измерения бытовой коррупции / А.С. Гонтова, Т.В. Игнатова, Л.А. Пашин. – Текст: непосредственный // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. - 2019. - № 2 (17). - С. 11-20.

187. Гончаренко, Г.С. Пределы распространения коррупции / Г.С. Гончаренко. – Текст: непосредственный // Российский следователь. - 2015. - № 22. - С. 34-37.

188. Горшенков, А.Г. Антикоррупционный мониторинг в сфере массовой коммуникации / А.Г. Горшенков. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2009. - № 4 (12). - С. 42-44.

189. Готыжева, Ф.В. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России / Ф.В. Готыжева. – Текст: непосредственный // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». - 2018. - № 4. - С. 420-425.

190. Грачев, С.И. Коррупция как фактор существования терроризма / С.И. Грачев, А.С. Морозова. – Текст: непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2015. - № 1 (19). - С. 68-71.

191. Гречанюк, Р.В. Использование международного опыта для создания специально уполномоченного субъекта в сфере противодействия коррупции / Р.В. Гречанюк. – Текст: непосредственный // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - 2014. - № 7. - С. 159-165.

192. Грешнева, Е.О. К вопросу оценки эффективности осуществления антикоррупционной политики в регионе / Е.О. Грешнева. – Текст: непосредственный // Новая наука: От идеи к результату. - 2016. - № 10-1. - С. 50-53.

193. Григорьев, Л. Типология коррупции: релевантные меры и группы противодействия / Л. Григорьев, М. Овчинников. – Текст: непосредственный // Экономическая политика. - 2008. - № 5. - С. 50-66.

194. Григорян, Д.К. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход / Д.К. Григорян, А.А. Крицкая, И.В. Киселев. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2018. - № 2 (93). - С. 140-145.

195. Гурьева, М.А. Основные подходы к типологизации регионов / М.А. Гурьева, И.С. Симарова. – Текст: непосредственный // Перспективы науки. - 2017. - № 9 (96). - С. 33-50.

196. Гущина, Н.А. Независимость судей и проблемы коррупции в судах / Н.А. Гущина. – Текст: непосредственный // Современное право. - 2015. - № 11. - С. 82-88.

197. Данилова, И.В. Оценивание экономической политики субъекта РФ в системе мер повышения качества государственного управления: теоретические и методические аспекты / И.В. Данилова, А.С. Годовых. – Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство. - 2015. - № 4-1 (57). - С. 170-174.

198. Дарчиева, З.И. Влияние уровня жизни населения на состояние коррупции в регионе / З.И. Дарчиева, А.Б. Мамсуров. – Текст: непосредственный // В сборнике: Управление, экономика и образование: проблемы, исследования, результаты. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Под редакцией Б.Н. Герасимова. - 2019. - С. 54-59.

199. Дворецкий, М.Ю. Противодействие коррупции в контексте оптимизации ответственности: федеральный и региональный уровни национального законодательства / М.Ю. Дворецкий, В.Ю. Стромов, И.Г. Никишин. – Текст: непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - № 12 (46). - С. 365-372.

200. Дегтярев, А. Институциональный анализ деловой коррупции в России / А. Дегтярев, Р. Маликов. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2005. - № 10. - С. 103-118.

201. Дегтярев, С.В. К вопросу о региональном антикоррупционном мониторинге / С.В. Дегтярев. – Текст: непосредственный // В сборнике: Векторы развития современной России. Материалы Пятой Межвузовской научно-практической конференции в 2-х частях. Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Московский филиал; Ответственный редактор А.В. Герасимов. - Москва, 2010. - С. 151-156.

202. Дейнека, О.С. Сравнительный анализ отношения к коррупции чиновников и предпринимателей / О.С. Дейнека. – Текст: непосредственный // ФЭС: Финансы. Экономика. - 2007. - № 3. - С. 30-34.

203. Диденко, А.Н. Борьба с коррупцией как способ наполнения бюджета / А.Н. Диденко. – Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. - 2018. - № 36-4. - С. 24-36.

204. Дмитриев, Д.А. К вопросу о расширении пределов антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры Российской Федерации / Д.А. Дмитриев. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2012. - № 4 (24). - С. 15-19.

205. Добренъков, В.И. Модернизация институтов – основной фактор преодоления коррупции в современной России / В.И. Добренъков, Н.Р. Исправникова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. - 2011. - № 2. - С. 129-151.

206. Дорофеев, И.Н. Стратегические аспекты противодействия коррупции: опыт зарубежных стран и российские перспективы / И.Н. Дорофеев, Ю.В. Латов. – Текст: непосредственный // Труды Академии управления МВД России. - 2011. - № 1 (17). - С. 90-95.

207. Дроздова, Е.А. Что можно имплементировать в законодательство Российской Федерации? Положительный опыт противодействия коррупции в Королевстве Дания / Е.А. Дроздова, С.Н. Лосева. – Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 2. - С. 116-118.

208. Дронов, Р.В. Коррупция в системе управления национальной экономикой / Р.В. Дронов. – Текст: непосредственный // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. - 2009. - № 4 (81). - С. 17-22.

209. Дубовиченко, С.В. Проблемы антикоррупционного образования / С.В. Дубовиченко, В.П. Карлов. – Текст: непосредственный // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. - 2019. - Т. 1. - № 3. С. - 163-170.

210. Дудко, И.Г. Доктринальные и законодательные проблемы парламентского контроля в субъектах Российской Федерации / И.Г. Дудко. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки и образование. - 2012. - № 2 (10). - С. 128а-132.

211. Думанская, Е.П. Дополнительное профессиональное образование государственных и муниципальных служащих и его связь с экономическим развитием территории / Е.П. Думанская, А.В. Федотов. – Текст: непосредственный // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. - 2018. - № 34. - С. 65-76.

212. Дьякова, Е.Г. Общественные советы при органах исполнительной власти субъектов федерации: как выполняется функция общественного контроля /

Е.Г. Дьякова. – Текст: непосредственный // Дискурс-Пи. - 2016. - № 2 (23). - С. 28-33.

213. Езерская, А.И. Институт контрольной власти в современной России как средство борьбы с коррупцией / А.И. Езерская. – Текст: непосредственный // Известия ЮФУ. Технические науки. - 2012. - № 8 (133). - С. 242-248.

214. Елисеева, И.И. Возможные подходы к измерению объёма коррупционного рынка / И.И. Елисеева, А.Н. Щирина. – Текст: непосредственный // Вопросы статистики. - 2009. - № 6. - С. 23-31.

215. Елисеева, С.Н. Современный этап реализации антикоррупционной политики в России / С.Н. Елисеева. – Текст: непосредственный // Власть. - 2014. - № 1. - С. 32-34.

216. Ермолаев, Д.В. Уровень коррупционной пораженности регионов Центрального Федерального округа / Д.В. Ермолаев. – Текст: непосредственный // Регионология. - 2011. - № 4 (77). - С. 61-64.

217. Ефремов, А.А. О методике мониторинга внедрения и результативности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов / А.А. Ефремов. – Текст: непосредственный // В сборнике: Государственное управление: в поисках результативности. - Москва, 2016. - С. 189-211.

218. Железницких, А.К. Методы социологических исследований: особенности применения (на примере массового/анкетного опроса) / А.К. Железницких. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 2-2 (11). - С. 70-76.

219. Журавлева, Т.Л. Лабораторные эксперименты как метод изучения коррупции: обзор исследований / Т.Л. Журавлева, С.В. Сухов. – Текст: непосредственный // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2016. - Т. 20. - № 2. - С. 243-267.

220. Забиров, Н.Х. О проблемах взаимодействия власти и частного бизнеса для противодействия коррупции / Н.Х. Забиров. – Текст: непосредственный // Путеводитель предпринимателя. - 2013. - № 19. - С. 97-102.

221. Загарских, Т.А. Антикоррупционный аудит как форма контроля эффективности антикоррупционной деятельности / Т.А. Загарских, Л.П. Домрачева. – Текст: непосредственный // Вестник Московского финансово-юридического университета. - 2018. - № 1. - С. 80-97.

222. Загарских, Т.А. Методические подходы к проведению антикоррупционного аудита / Т.А. Загарских, Л.П. Домрачева. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки и образования. Материалы XVII международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 570-578.

223. Зайцевский, И.В. Модель взаимосвязи динамических показателей экономической безопасности крупных городов / И.В. Зайцевский, Р.В. Беспмятнов. – Текст: непосредственный // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. - 2017. - Т. 16. - № 1. - С. 87-95.

224. Замалетдинов, И.И. Анализ инструментов компенсационной политики как механизма корпоративного управления / И.И. Замалетдинов. – Текст: непосредственный // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. - 2011. - № 28. - С. 257-262.

225. Зеленов, М.Ф. Меры по обеспечению контроля за склонением госслужащих к совершению коррупционных правонарушений / М.Ф. Зеленов. – Текст: непосредственный // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 2 (23). С. 134-140.

226. Зелепукин, Р.В. Механизмы повышения эффективности проверки сведений о доходах и расходах государственных служащих / Р.В. Зелепукин. – Текст: непосредственный // В сборнике: Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества. - 2016. - С. 131-132.

227. Земцова, Л.Н. К вопросу о содержании банковской тайны / Л.Н. Земцова, А.С. Земцов. – Текст: непосредственный // Новая наука: Современное состояние и пути развития. - 2017. - № 1-2. - С. 197-201.

228. Злыднев, М.И. Эволюция стандартов деловой репутации и их применение в госзакупках / М.И. Злыднев, А.В. Гарин, Ю.Е. Гарина, Ю.М.

Ниязова. – Текст: непосредственный // Экономические и гуманитарные науки. - 2020. - № 1 (336). - С. 84-92.

229. Зольникова, Е.В. Внутренний контроль как элемент антикоррупционной политики организации / Е.В. Зольникова, М.В. Петровская. – Текст: непосредственный // В сборнике: Проблемы внедрения международных стандартов аудита и учета, практика их применения в странах СНГ. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Нур-Султан, 2019. - С. 176-181.

230. Иванова, А.А. Антикоррупционная безопасность как стратегическая цель политики противодействия коррупции и объект мониторингового контроля / А.А. Иванова. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 74-79.

231. Иванова, А.А. Программирование противодействия коррупции (региональный аспект) / А.А. Иванова. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2012. - № 4 (20). - С. 64-68.

232. Иванова, В.Г. Антикоррупционный мониторинг как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: понятие, содержание и значение / В.Г. Иванова. – Текст: непосредственный // ВВ: Административное право и практика администрирования. - 2016. - № 1. - С. 48-76.

233. Иванцова, В.В. Роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции / В.В. Иванцова. – Текст: непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. - 2019. - Т. 1. - № 8. - С. 297-302.

234. Изюрьев, С.А. COMPLIANCE-регулирование как эффективный механизм предупреждения коррупции / С.А. Изюрьев, П.В. Путилина. – Текст: непосредственный // В сборнике: VOX JURIS (Глас права). - Санкт-Петербург, 2017. - С. 88-93.

235. Илий, С.К. Правовые средства предупреждения коррупции в Российской Федерации / С.К. Илий. – Текст: непосредственный // Проблемы

укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - 2014. - № 7. - С. 63-72.

236. Ильин, В.И. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики в Российской Федерации / В.И. Ильин, А.Д. Чернов. – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. - 2014. - № 1 (31). - С. 80-84.

237. Ильяков, А.Д. Рассмотрение анонимных обращений как мера противодействия коррупции / А.Д. Ильяков. – Текст: непосредственный // Закон и право. - 2014. - № 2. - С. 116-120.

238. Исянбаев, М.Н. Региональная социально-экономическая политика в современных условиях: сущность, принципы и механизмы реализации / М.Н. Исянбаев. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: научно-практический журнал. - 2009. - № 1 (87). - С. 14-20.

239. Кабанов, П.А. Антикоррупционный мониторинг в муниципальном образовании: правовое регулирование, организация и проведение / П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // ВВ: Административное право и практика администрирования. - 2013. - № 6. - С. 44-53.

240. Кабанов, П.А. Организационно-правовые вопросы подготовки и осуществления антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации / П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // Административное и муниципальное право. - 2013. - № 7 (67). - С. 723-730.

241. Кабанов, П.А. Организация и осуществление ведомственного контроля за реализацией государственной политики противодействия коррупции в регионах Российской Федерации / П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // ВВ: Вопросы права и политики. - 2014. - № 6. - С. 130-145.

242. Кабанов, П.А. Основные задачи антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительно-правового исследования / П.А. Кабанов. – Текст: непосредственный // Мониторинг правоприменения. - 2013. - № 3. - С. 4-7.

243. Кабышев, С.В. Правовые меры противодействия коррупции: канадский опыт / С.В. Кабышев. – Текст: непосредственный // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2009. - № 2. - С. 87-90.

244. Кавицкая, И.Л. Взаимосвязь коррупции и инфляции в условиях неоднородности коррупции / И.Л. Кавицкая, И.Н. Сафонов. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2019. - № 2. - С. 81-96.

245. Казакова, Е.М. Особенности проведения антикоррупционных проверок в отношении лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации / Е.М. Казакова. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. - 2017. - № 11-1 (14). - С. 456-465.

246. Казачкова, З.М. Мониторинг региональных антикоррупционных программ в свете общенациональной антикоррупционной политики / З.М. Казачкова, В.А. Казачков. – Текст: непосредственный // Юридическая наука. - 2018. - № 3. - С. 58-65

247. Калинина, Н.М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения / Н.М. Калинина. – Текст: непосредственный // Сибирский торгово-экономический журнал. - 2010. - № 10. - С. 17-23.

248. Калякина, К.А. Проблемные вопросы применения антикоррупционных ограничений и запретов / К.А. Калякина. – Текст: непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. - 2016. - № 33. - С. 7-11.

249. Каменский, Е.Г. Коррупционные риски в структуре деструктивных факторов модернизации / Е.Г. Каменский. – Текст: непосредственный // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. - 2014. - № 4 (4). - С. 55-61.

250. Кандилов, В.П. Инструмент изучения «бытовой» и «деловой» коррупции в Республике Татарстан / В.П. Кандилов. – Текст: непосредственный // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2019. - № 4. - С. 5-9.

251. Кандилов, В.П. Практика осуществления антикоррупционного мониторинга в Республике Татарстан / В.П. Кандилов. – Текст: непосредственный // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2018. - № 2. - С. 38-42.

252. Каранина, Е.В. Актуальные проблемы противодействия коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок / Е.В. Каранина, К.Е. Картавых. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2016. - Т. 2. - № 8. - С. 207-211.

253. Каранина, Е.В. Коррупция как угроза экономической безопасности / Е.В. Каранина, Ю.В. Исупова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Проблемы социально-экономического развития новых экономических условиях: взгляд молодых исследователей. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции IV Уральского вернисажа науки и бизнеса. Под общей редакцией Е.П. Велихова. - 2017. - С. 341-346.

254. Каранина, Е.В. Антикоррупционная экспертиза как мера противодействия коррупции: региональный аспект / Н.А. Мельникова, Е.В. Каранина. – Текст: непосредственный // В сборнике: ОБЩЕСТВО. НАУКА. ИННОВАЦИИ (НПК-2017). Сборник статей. Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция. Вятский государственный университет. - 2017. - С. 4724-4729.

255. Каранина, Е.В. Угрозы и критерии экономической безопасности в сфере государственных закупок / Е.В. Каранина, К.Е. Картавых. – Текст: непосредственный // Advanced Science. - 2017. - № 2. - С. 63.

256. Каранина, Е.В. Оценка индикаторов экономической безопасности хозяйствующих субъектов: регионально-отраслевые аспекты / Е.В. Каранина, И.В. Мамурков. – Текст: непосредственный // Проблемы анализа риска. - 2019. - Т. 16. - № 1. - С. 24-41.

257. Каранина, Е.В. Диагностика индикаторов финансовой безопасности региона / Е.В. Каранина. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2019. - № 5-2 (53). - С. 127-133.

258. Каранина, Е.В. Факторы и масштабы теневой экономики: мировые тенденции и угрозы влияния на экономическую безопасность / Е.В. Каранина. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2019. - Т. 10. - № 1. - С. 69-82.

259. Каранина, Е.В. Основные понятия и категории экономической безопасности региона / Е.В. Каранина, М.С. Кызыуров. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2019. - Т. 2. - № 7. - С. 3-10.

260. Каранина, Е.В. Оценка рисков экономической безопасности на примере Кировской области / Е.В. Каранина, Т.В. Макарова. – Текст: непосредственный // Проблемы анализа риска. - 2018. - Т. 15. - № 5. - С. 6-15.

261. Каранина, Е.В. Предотвращение рисков теневой экономики и экономических преступлений как значимая составляющая экономической безопасности региона / Е.В. Каранина. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики современной России. - 2017. - № 4. - С. 122-128.

262. Каратаев, М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор российского терроризма / М.В. Каратаев. – Текст: непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2012. - Т. 8. - № 21 (162). - С. 43-52.

263. Каришина, И.Е. Повышение качества проверки сведений о расходах как средство предотвращения коррупции / И.Е. Каришина. – Текст: непосредственный // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. - 2016. - № 22. - С. 134-138.

264. Качалов, В.В. Общественная антикоррупционная экспертиза законодательства как элемент системы защиты прав граждан от коррупции / В.В. Качалов. – Текст: непосредственный // Безопасность бизнеса. - 2012. - № 3. - С. 2-3.

265. Кашурников, С.Н. Корреляционный анализ уровня восприятия коррупции с различными социально-экономическими показателями / С.Н.

Кашурников, Е.Д. Соловкина. – Текст: непосредственный // Современные научные исследования и инновации. - 2016. - № 10 (66). - С. 359-362.

266. Кеворкова, Ж.А. Роль внешнего аудита (контроля) Счётной Палаты в противодействии коррупции / Ж.А. Кеворкова, Б.Д. Музаева. – Текст: непосредственный // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. - 2019. - № 7. - С. 38-42.

267. Киршин, И.А. Эмпирический метод типологизации динамики национальных экономик / И.А. Киршин. – Текст: непосредственный // Вестник ТИСБИ. - 2017. - № 2. - С. 107-115.

268. Киселев, В.В. Обзор основных этапов развития науки теории механизмов и машин / В.В. Киселев. – Текст: непосредственный // NovaInfo.Ru. - 2020. - № 112. - С. 3-4.

269. Киселев, В.В. Коррупция как угроза экономической безопасности государства / В.В. Киселев, М.С. Зайцев, О.М. Вещеникина. – Текст: непосредственный // Экономика образования. - 2019. - № 3 (112). - С. 94-100.

270. Киселев, К.В. Государственная система противодействия коррупции: символические аспекты деятельности / К.В. Киселев. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Сборник научных трудов по итогам Второй Всероссийской научной конференции. Институт философии и права Уральского отделения РАН; Ответственный редактор В.Н. Руденко. - 2016. - С. 59-70.

271. Клочков, В.Г. Причины роста и меры по борьбе с коррупцией / В.Г. Клочков. – Текст: непосредственный // Безопасность бизнеса. - 2006. - № 2. - С. 33-38.

272. Козельская, Н.Л. Влияние коррупции на экономику. Понятие и сущность коррупции / Н.Л. Козельская. – Текст: непосредственный // Право и экономика. - 2011. - № 4. - С. 68-70.

273. Козлова, А.М. Внутренний контроль: из истории к современности / А.М. Козлова, И.В. Братко. – Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство. - 2019. - № 4 (105). - С. 80-82.

274. Козлова, Е.Б. Институциональная основа коррупции в России: отсутствие устойчивого антикоррупционного правового менталитета / Е.Б. Козлова. – Текст: непосредственный // Вестник Российской правовой академии. - 2019. - № 2. - С. 5-11.

275. Кокаревич, М.Н. Проблема истины в социогуманитарном познании / М.Н. Кокаревич. – Текст: непосредственный // Известия Томского политехнического университета. - 2014. - Т. 325. - № 6. - С. 54-60.

276. Колабаева, А.А. Внутренний контроль, финансовый контроль и внутренний финансовый контроль: аспекты толкования / А.А. Колабаева. – Текст: непосредственный // Наука и современность. - 2016. - № 47. - С. 134-139.

277. Колдаев, Д.Е. Основные направления деятельности профилактики противодействия коррупции в государственных корпорациях / Д.Е. Колдаев. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 12 (91). - С. 152-154.

278. Колесник, В.В. Деловая репутация и стили ведения бизнеса / В.В. Колесник, В.А. Абасова. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. - 2019. - № 3.14 (30). - С. 38-41.

279. Колесникова, Е.Н. Современные подходы к развитию форм и методов экономического контроля / Е.Н. Колесникова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Социально-экономические и правовые меры борьбы с правонарушениями. Материалы научно-практической конференции. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, Рязанский филиал. 2012. С. 35-43.

280. Колосова, С.В. Контрольные мероприятия: порядок проведения и реализации результатов / С.В. Колосова. – Текст: непосредственный // Финансовый вестник: Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. - 2018. - № 4. - С. 58-64.

281. Комарова, И.С. Объективные и субъективные причины развития коррупции в административно-хозяйственной деятельности государственных учреждений / И.С. Комарова. – Текст: непосредственный // Основы экономики, управления и права. - 2012. - № 6 (6). - С. 33-36.

282. Комиссаров, А.В. Институт конфликта интересов как механизм противодействия коррупции в войсках национальной гвардии Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) / А.В. Комиссаров, Н.Н. Миняйленко, Г.А. Могилевский. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 10 (113). - С. 75-77.

283. Комлева, В. Совпадение субъекта и объекта борьбы с коррупцией в России / В. Комлева. – Текст: непосредственный // Государственная служба. - 2015. - № 2 (94). - С. 81-83.

284. Кондратьева, Е.А. Теневые процессы, коррупция и государственные финансы / Е.А. Кондратьева. – Текст: непосредственный // Финансовый бизнес. - 2011. - № 3 (152). - С. 63-67.

285. Копачёв, В.П. Факторы реализации антикоррупционных программ (опыт зарубежных стран) / В.П. Копачёв. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 2. - С. 237-240.

286. Коробкова, Н.А. Институт коррупции и его влияние на бизнес: региональный аспект / Н.А. Коробкова, К.С. Андина. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 3-2 (12). - С. 255-260.

287. Королюк, Е.В. Границы рынка деловой коррупции в Краснодарском крае / Е.В. Королюк. – Текст: непосредственный // Новая наука: Стратегии и векторы развития. - 2016. - № 8. - С. 192-195.

288. Коротеева, О.В. Роль общественных институтов в противодействии коррупции в сфере образования / О.В. Коротеева. – Текст: непосредственный // Государственная служба. - 2013. - № 4 (84). - С. 66-68.

289. Корякин, В.М. Зона антикоррупционного контроля расширяется / В.М. Корякин. – Текст: непосредственный // Право в Вооруженных силах. - 2012. - № 10 (184). - С. 2-5.

290. Кос, Д. Роль ГРЕКО и ОЭСР в установлении наилучшей правовой практики по предупреждению коррупции в частном секторе экономики / Д. Кос. – Текст: непосредственный // Мониторинг правоприменения. - 2013. - № 2. - С. 27-32.

291. Костюченко, К.Р. Антикоррупционный мониторинг как современный элемент механизма противодействия коррупции / К.Р. Костюченко. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. - 2019. - № 1.9 (28). - С. 72-74.

292. Косьмин, А.Д. К вопросу о конструктивном резерве коррупции / А.Д. Косьмин, Е.А. Косьмина, Д.Н. Лопатин. – Текст: непосредственный // Экономические отношения. - 2020. - Т. 10. - № 1. - С. 149-160.

293. Котов, С.В. Антикоррупционная стратегия в системе послевузовского образования: опыт Германии и России / С.В. Котов, Н.С. Котова, А.В. Понеделков. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2018. - № 1 (92). - С. 140-145.

294. Кочесокова, З.Х. Актуальные вопросы предупреждения экономической преступности и борьбы с коррупцией / З.Х. Кочесокова. – Текст: непосредственный // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. - 2014. - № 1. - С. 135-138.

295. Кошкина, И.В. Антикоррупционный мониторинг – как превентивная мера противодействия коррупции / И.В. Кошкина. – Текст: непосредственный // Экономика, социология и право. - 2017. - № 1. - С. 88-90.

296. Краевский, В. О научном методе в философском познании / В. Краевский. – Текст: непосредственный // Философия науки. - 2004. - Т. 10. - № 1. - С. 118-127.

297. Крамаренко, А.А. Позитивное и негативное влияние коррупции на экономику в Украине / А.А. Крамаренко, О.В. Калмыков. – Текст: непосредственный // Крымский экономический вестник. - 2013. - Т. 1. - № 2 (03). - С. 198-201.

298. Красноусов, С.Д. Иностранное законодательство в сфере противодействия коррупции в частном секторе / С.Д. Красноусов. – Текст: непосредственный // Общество: политика, экономика, право. - 2019. - № 4 (69). - С. 69-72.

299. Кремянская, Е.А. Организация борьбы с коррупцией в зарубежных странах: опыт США и Великобритании / Е.А. Кремянская – Текст: непосредственный // Право и управление. XXI век. - 2013. - № 3 (28). - С. 24-31.

300. Кривцун, Л.А. Формирование институциональной структуры экономики и природа структурных сдвигов / Л.А. Кривцун – Текст: непосредственный // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. - Выпуск 89-1. - 2005. - С. 86-92.

301. Крицкая, А.А. Образование муниципальных служащих как важный элемент реализации государственной кадровой политики в современной России / А.А. Крицкая, Ю.О. Алейникова, Е.А. Гордеева. – Текст: непосредственный // Colloquium-journal. - 2019. - № 26-5 (50). - С. 5-6.

302. Кубанова, Л.В. Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности / Л.В. Кубанова, Е.А. Щербина. – Текст: непосредственный // Вестник Института социологии. - 2018. - Т. 9. - № 3 (26). - С. 31-41.

303. Кудрявцев, Д.И. Формирование системы поддержки деловой репутации / Д.И. Кудрявцев, Н.В. Андросенко, А.Ю. Янченко. – Текст: непосредственный // Экономика и управление. - 2019. - № 1 (159). - С. 16-25.

304. Кудряшов, В.В. Международно-правовые аспекты поиска и репатриации похищенных активов / В.В. Кудряшов. – Текст: непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2017. - № 6 (67). - С. 63-72.

305. Кузнецова, О.А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе / О.А. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - № 12 (128). - С. 533-535.

306. Кузнецова, П.Ю. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (российский опыт) / П.Ю. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. - 2015. - № 4. - С. 80-88.

307. Кузьмин, А.А. Институциональные аспекты проблемы борьбы с коррупцией в отечественной практике / А.А. Кузьмин. – Текст: непосредственный // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. - 2018. - № 3 (27). - С. 26-32.

308. Кулакова, М.Н. Предупреждение коррупционных преступлений уголовно-правовыми средствами (результаты прикладного исследования) / М.Н. Кулакова. – Текст: непосредственный // Бизнес. Образование. Право. - 2020. - № 1 (50). - С. 342-348.

309. Кулуева, Ф.Г. Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции / Ф.Г. Кулуева. – Текст: непосредственный // Наука, техника и образование. - 2020. - № 1 (65). - С. 71-75.

310. Купрещенко, Н.П. Теневая экономика и коррупция как угроза повышению качества жизни российских граждан / Н.П. Купрещенко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - № 6. - С. 244-247.

311. Купцова, А.А. Зарубежный опыт противодействия коррупции / А.А. Купцова, Д.Ю. Рютов. – Текст: непосредственный // Интерактивная наука. - 2017. - № 22. - С. 100-102.

312. Курушина, Е.В. Критерии, методы и процедуры типологизации регионов при управлении социально-экономическими процессами / Е.В. Курушина, И.В. Дружинина. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. - 2016. - № 5. - С. 48-50.

313. Кустов, Е.Ф. Матричный метод анализа влияния коррупции на экономику / Е.Ф. Кустов. – Текст: непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. - 2011. - № 31 (238). - С. 47-55.

314. Кухарева, О.А. Судебная реформа как средство укрепления независимости судебной системы и противодействия коррупции / О.А. Кухарева, В.И. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Цивилистика: право и процесс. - 2019. - № 2. - С. 77-82.

315. Кушубакова, Б.К. Коррупция как фактор криминализации экономики Республики Башкортостан / Б.К. Кушубакова, А.И. Сарваретдинов. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 81-84.

316. Кярамян, В.К. Экономические факторы коррупции на Северном Кавказе глазами молодёжи / В.К. Кярамян, Г.В. Воронцова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы экономических наук. - 2016. - № 50-1. - С. 121-125.

317. Лаврентьева, О.О. Административная проверка как способ противодействия коррупции в системе государственной службы / О.О. Лаврентьева. – Текст: непосредственный // Полицейская деятельность. - 2012. - № 3. - С. 16-19.

318. Лаврентьева, О.О. Антикоррупционный контроль в системе государственной службы / О.О. Лаврентьева. – Текст: непосредственный // Административное и муниципальное право. - 2012. - № 12 (60). - С. 35 - 43.

319. Лаврентьева, О.С. Контроль как способ противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации / О.С. Лаврентьева. – Текст: непосредственный // Образование и право. - 2012. - № 11 (39). - С. 25-34.

320. Латов, Ю.В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы / Ю.В. Латов. – Текст: непосредственный // Journal of Institutional Studies. - 2019. - Т. 11. - № 4. - С. 40-60.

321. Левакин, И.В. Полномочия внутренних систем антикоррупционного контроля государственных органов / И.В. Левакин. – Текст: непосредственный // Государственный аудит. Право. Экономика. - 2009. - № 4. - С. 32-35.

322. Левин, С.Н. Сетевые взаимодействия российского бизнеса: деловая коррупция и органический институт реальной модели институциональной организации российской экономики / С.Н. Левин, М.В. Курбатова. – Текст: непосредственный // Journal of Institutional Studies. - 2011. - Т. 3. - № 2. - С. 39-58.

323. Ледащев, С.В. Расширение круга вопросов в сфере противодействия коррупции, к решению которых могут привлекаться институты гражданского общества / С.В. Ледащев. – Текст: непосредственный // Ученые записки. - 2019. - № 1 (29). - С. 127-128.

324. Лещинская, О.Е. Актуальные вопросы предупреждения и профилактики коррупции (на примере города Холмска) / О.Е. Лещинская. – Текст: непосредственный // Право и правопорядок: приоритетные направления развития. – Хабаровск, 2019. – С. 174-179.

325. Липина, С.А. Республики Северного Кавказа: факторы и особенности регионального развития / С.А. Липина. – Текст: непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2008. - Т. 4. - № 11 (32). - С. 68-74.

326. Литовченко, Д.Ю. Институты борьбы с коррупцией и легализацией доходов, полученных преступным путем в Российской Федерации: проблемы и противоречия / Д.Ю. Литовченко. – Текст: непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2015. - № 9-6. - С. 101-105.

327. Лихенко, И.И. Причины развития коррупции и её влияние на экономику государства / И.И. Лихенко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. - 2016. - № 6. - С. 96-101.

328. Логинов, Д.А. Критерии рисков региональной экономики и концепция экономической безопасности региона / Д.А. Логинов. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2015. - Т. 3. - № 12. - С. 62-67.

329. Логинов, Д.А. Отражение аспектов безопасности в стратегическом планировании региона / Д.А. Логинов. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2017. - Т. 3. - № 8. - С. 123-128.

330. Логинов, Д.А. Пути обеспечения экономической безопасности российских регионов в условиях недостаточной экономической активности / Д.А. Логинов. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2017. - № 4 (40). - С. 266-271.

331. Логинов, Д.А. Угрозы экономической безопасности российских регионов и индикативный подход к их оценке / Д.А. Логинов. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2018. - Т. 4. - № 8. - С. 18-24.

332. Логинов, Д.А. Экономическая безопасность региона как социально-экономическое явление / Д.А. Логинов. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2015. - Т. 1. - № 12. - С. 16-21.

333. Лукьянченко, Н.Д. Типологизация как метод исследования социально-экономического развития территорий: маркетинговый аспект / Н.Д. Лукьянченко, Т.В. Ибрагимхалилова. – Текст: непосредственный // Вестник Института экономических исследований. - 2018. - № 2 (10). - С. 48-55.

334. Луценко, А.О. Проблема контроля вопросов в социологической анкете / А.О. Луценко, Ю.С. Синельникова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Традиционное, современное и переходное в условиях модернизации Российского общества. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 130-134.

335. Ляхова, М.В. Взаимодействие власти и бизнеса, проблемы коррупции / М.В. Ляхова. – Текст: непосредственный // Вестник науки. - 2019. - Т. 1. - № 6 (15). - С. 285-289.

336. Макаров, А.В. К вопросу о контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, как одном из условий противодействия коррупции / А.В. Макаров, В.А. Лютов. – Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. - 2014. - № 4. - С. 32-35.

337. Макаров, Э.И. Общественный контроль как институт гражданского общества: направления совершенствования противодействия коррупции / Э.И.

Макаров. – Текст: непосредственный // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. - 2015. - № 1. - С. 49-60.

338. Максимцев, И.А. К вопросу о влиянии коррупции на российскую экономику / И.А. Максимцев, Э.Х. Локшина, О.А. Бахрах, Л.Г. Демидова. – Текст: непосредственный // ФЭС: Финансы. Экономика. - 2015. - № 6. - С. 5-8.

339. Малышева, Т.В. Антикоррупционный мониторинг в Республике Татарстан / Т.В. Малышева. – Текст: непосредственный // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2012. - № 2. - С. 30-36.

340. Манукянц, А.Э. Методы распознавания меток при обработке анкетных листов социологических опросов / А.Э. Манукянц. – Текст: непосредственный // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. - 2017. - № 20. - С. 217-219.

341. Манушин, Д.В. Истинные причины мировых экономических кризисов и их воздействие на российскую экономику / Д.В. Манушин. – Текст: непосредственный // Финансы и кредит. - 2014. - № 42 (618). - С. 52-70.

342. Марголина, Ж.С. Формирование антикоррупционного поведения как основа предупреждения коррупции / Ж.С. Марголина. – Текст: непосредственный // Управление экономическими системами. - 2016. - № 1 (13). - С. 59-62.

343. Маркаданова, Ю.Ю. Понятие и признаки банковской тайны / Ю.Ю. Маркаданова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 2. - С. 86-89.

344. Мартынов, А.В. К вопросу о необходимости совершенствования государственного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.В. Мартынов, Т.К. Зарубицкая. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2019. - № 1. - С. 143-156.

345. Мартьянов, В.С. Двойные стандарты в определении коррупции как вызов общественному согласию / В.С. Мартьянов. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Сборник

трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. - 2019. - С. 24-51.

346. Махмудов, С.М. Институциональные факторы коррупции в российских регионах / С.М. Махмудов. – Текст: непосредственный // В сборнике: Российские регионы в фокусе перемен. Сборник докладов со специальных мероприятий XII Международной конференции. - 2018. - С. 122-124.

347. Мелешкина, А.И. Факторы, определяющие характер взаимосвязи коррупции и конкуренции: обзор эмпирических исследований / А.И. Мелешкина. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. - 2017. - № 6. - С. 81-96.

348. Мельник, М.В. Инновационные методы организации и проведения контрольных мероприятий / М.В. Мельник. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2017. - № 2 (38). - С. 85-92.

349. Мельник, М.В. Информационное обеспечение экономической безопасности и методы ее измерения / М.В. Мельник. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2014. - № 6 (24). - С. 7-17.

350. Миронова, О.А. Концепция экономической безопасности и ее развитие / О.А. Миронова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2016. - № 6-2 (36). - С. 266-269.

351. Миронова, О.А. О новой литературе по экономической безопасности / О.А. Миронова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2014. - № 6 (24). - С. 3-4.

352. Миронова, О.А. Экономическая безопасность: проблемы и пути ее обеспечения / О.А. Миронова. – Текст: непосредственный // Экономика. Налоги. Право. - 2015. - № 1. - С. 79-83.

353. Миронова, О.А. Развитие экономической безопасности как науки: проблемы и перспективы / О.А. Миронова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2019. - № 2 (50). - С. 332-338.

354. Миронова, О.А. Выявление и профилактика мошенничества и коррупционных рисков в органах государственной власти. Комплексная защита

бизнеса и предпринимательства / О.А. Миронова, Л.Н. Растамханова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2018. - № 2 (44). - С. 7-11.

355. Мирошниченко, Д.В. Пределы противодействия коррупции / Д.В. Мирошниченко. – Текст: непосредственный // В сборнике: Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого Николая Сергеевича Алексеева. Под редакцией А.И. Бастрькина. - 2014. - С. 103-107.

356. Михайлец, А.В. Индикаторы измерения коррупции и снижение её эффекта воздействия на экономику / А.В. Михайлец. – Текст: непосредственный // В сборнике: Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности (российский и зарубежный опыт). - Сборник тезисов докладов и статей III международной научно-практической конференции российских. - Ответственный редактор Р.А. Абрамов. - 2016. - С. 141-143.

357. Михайлов, В.И. Противодействие коррупции: на основе доверия и контроля / В.И. Михайлов. – Текст: непосредственный // Государственная служба. - 2010. - № 6 (68). - С. 30-32.

358. Михолап, Я.В. О совершенствовании механизма противодействия коррупции / Я.В. Михолап. – Текст: непосредственный // Альманах современной науки и образования. - 2015. - № 3 (93). - С. 76-79.

359. Могила, Н.А. Классификация рисков коррупционных действий в аудируемой коммерческой организации и действия аудитора в ответ на обнаруженные риски / Н.А. Могила, Е.А. Яковенко. – Текст: непосредственный // Аудиторские ведомости. - 2018. - № 3. - С. 15-22.

360. Моисеев, С.И. Исследование влияния региональных факторов на объём субвенций, необходимых для исполнения полномочий субъектов РФ / С.И. Моисеев, М. Полухин. – Текст: непосредственный // Регион: системы, экономика, управление. - 2009. - № 2 (5). - С. 93-97.

361. Молотков, Ю.И. Мониторинг как инструмент управления антикоррупционным процессом на уровне субъекта РФ и муниципального района / Ю.И. Молотков. – Текст: непосредственный // Развитие территорий. - 2016. - № 3-4 (6). - С. 41-45.

362. Морозов, В.А. Развитие теории в сфере управления посредством моделирования / В.А. Морозов. – Текст: непосредственный // Проблемы современной экономики (Новосибирск). - 2016. - № 35. - С. 91-108.

363. Мохоров, Д.А. Интеграция социально-философских знаний в практикоориентированные методы снижения коррупциогенных факторов / Д.А. Мохоров. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы науки и практики. - 2016. - № 2 (003). - С. 4-8.

364. Мохоров, Д.А. Специализированный антикоррупционный орган как элемент общественного контроля в системе управления вузом / Д.А. Мохоров. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 3 (118). - С. 257-258.

365. Мурзаев, Р.А. Социальные протесты в исламском поле Дагестана / Р.А. Мурзаев. – Текст: непосредственный // Власть. - 2014. - № 4. - С. 135-138.

366. Мухамадиева, Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение Е-коррупции / Д.Н. Мухамадиева. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского государственного экономического университета. - 2019. - № 1 (171). - С. 9-13.

367. Мухаметов, Д.А., Интернет-технологии против коррупции / Д.А. Мухаметов, О.И. Клевцов, А.И. Аблязова. – Текст: непосредственный // Аллея науки. - 2017. - № 7. - С. 587-591.

368. Мюллер, Е.В. Методические подходы к исследованию коррупции в организациях / Е.В. Мюллер. – Текст: непосредственный // Казанская наука. - 2014. - № 2. - С. 98-102.

369. Нагиева, А.Д. Коррупция как «корневая» проблема российской экономики / А.Д. Нагиева, Н.А. Могилевцева. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2016. - № 12-2 (31). - С. 390-394.

370. Намгалаури, А.Н. Анализ коррупционной пораженности субъектов Российской Федерации Центрального Федерального округа / А.Н. Намгалаури. – Текст: непосредственный // В сборнике: Современные инновации: фундаментальные и прикладные исследования. Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 32-35.

371. Наумов, Ю.Г. Институциональная коррупция в системе экономических институтов постсоветской России / Ю.Г. Наумов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 7. - С. 39-41.

372. Наумов, Ю.Г. Экономический аспект предупреждения коррупции / Ю.Г. Наумов. – Текст: непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. - 2007. - № 2 (3). - С. 198-201.

373. Небесский, В.Д. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в регионах Северо-Кавказского федерального округа / В.Д. Небесский. – Текст: непосредственный // Вестник АПК Ставрополя. - 2016. - № S3. - С. 114-123.

374. Никитина, Е.А. Последовательность осуществления контрольных мероприятий с учетом требований внутриведомственного контроля / Е.А. Никитина. – Текст: непосредственный // Вопросы экономических наук. - 2012. - № 4 (56). - С. 21-24.

375. Никифорова, Е.Н. Особенности проведения исследования документов с привлечением специалистов – сотрудников полиции подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции / Е.Н. Никифорова. – Текст: непосредственный // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. - 2015. - № 3. - С. 398-400.

376. Никулина, О.В. Обеспечение экономической безопасности инновационных процессов на основе реализации антикоррупционной политики России / О.В. Никулина, А.А. Тлимахова. – Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство. - 2015. - № 4-1 (57). - С. 337-343.

377. Нисневич, Ю.А. Участие граждан в упреждающем контроле коррупции / Ю.А. Нисневич. – Текст: непосредственный // *Общественные науки и современность*. - 2012. - № 3. - С. 69-78.

378. Новоселов, А.Л. Компенсационный механизм повышения эффективности регионального развития / А.Л. Новоселов, И.Ю. Новоселова, А.В. Желтенков. – Текст: непосредственный // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. - 2016. - № 3. - С. 84-93.

379. Носаненко, Г.Ю. Борьба с коррупцией: потенциал некоммерческих организаций (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) / Г.Ю. Носаненко, Е.Ю. Захарова. – Текст: непосредственный // *Историческая и социально-образовательная мысль*. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 111-116.

380. Окунева, Т.А. Коррупционные риски: сущность и значение / Т.А. Окунева. – Текст: непосредственный // *Новая наука: Проблемы и перспективы*. - 2017. - № 1-1. - С. 199-201.

381. Орлова, А.В. Роль социальных норм и корпоративной культуры в противодействии коррупции / А.В. Орлова. – Текст: непосредственный // *Актуальные проблемы экономики и права*. - 2017. - Т. 11. - № 4. - С. 23-34.

382. Осина, Д.М. Риск-ориентированный подход и его особенности при проведении налогового контроля в США / Д.М. Осина. – Текст: непосредственный // *Налоговед*. - 2019. - № 3. - С. 78-89.

383. Османов, Ж.Д. Особенности обеспечения экономической безопасности в зарубежных странах / Ж.Д. Османов, П.С. Моисеев. – Текст: непосредственный // *Социально-экономические явления и процессы*. - 2015. - Т. 10. - № 11. - С. 99-104.

384. Офицеров, П.Л. Рынок бытовой коррупции: структура и поведение участников / П.Л. Офицеров. – Текст: непосредственный // *Вестник университета*. - 2013. - № 13. - С. 239-242.

385. Павлов, С.Н. О некоторых вопросах организации и осуществления антикоррупционных проверок в отношении государственных гражданских и муниципальных служащих (на примере Ростовской области) / С.Н. Павлов. –

Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2019. - № 6 (109). - С. 106-114.

386. Павлов, С.Н. Правовые способы обеспечения самостоятельности органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений / С.Н. Павлов. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2019. - № 5 (108). - С. 88-95.

387. Павлушкин, А.В. Реализация механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации / А.В. Павлушкин. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. - 2013. - № 8 (200). - С. 66-79.

388. Папунина, Д.О. Антикоррупционные меры: зарубежный опыт / Д.О. Папунина. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 3 (258). - С. 133-136.

389. Патракеева, К.В. Коррупция в современной России (в частности, в государственных корпорациях) и способы борьбы с ней в трудовом законодательстве / К.В. Патракеева, Ф.О. Сулейманова. – Текст: непосредственный // Вопросы трудового права. - 2018. - № 5. - С. 10-16.

390. Паулов, П.А. Проблемы осуществления противодействия коррупции и эффективные механизмы по предупреждению коррупции в системе государственной гражданской службы / П.А. Паулов, В.А. Сотникова. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. - 2019. - № 2.9 (29). - С. 56-58.

391. Пешкова, Х.В. Исторические аспекты межбюджетных субвенций / Х.В. Пешкова. – Текст: непосредственный // Финансовое право. - 2008. - № 6. - С. 6-11.

392. Плехова, О.А. Роль коррупции в институционализации элиты в постсоветской России / О.А. Плехова. – Текст: непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. - 2013. - № 16. - С. 113-118.

393. Поздеев, В.Л. Основные направления обеспечения экономической безопасности государства / В.Л. Поздеев. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2016. - № 6-2 (36). - С. 270-276.

394. Поздеев, В.Л. Циклические индикаторы как предвестники угроз экономической безопасности / В.Л. Поздеев. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2018. - № 5 (47). - С. 299-302.

395. Поздеев, В.Л. Экономическая безопасность России в условиях цикличности развития / В.Л. Поздеев. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2019. - № 5-2 (53). - С. 237-243.

396. Поляков, Ю.А. О социальной природе коррумпированности и перерождения элиты / Ю.А. Поляков. – Текст: непосредственный // Новая и новейшая история. - 2009. - № 2. - С. 80-92.

397. Пономаренко, Н.А. Низкий уровень институционализации политической системы как фактор возникновения коррупции в структуре региональной политической элиты / Н.А. Пономаренко. – Текст: непосредственный // European Social Science Journal. - 2011. - № 6 (9). - С. 276-281.

398. Попов, М.Ю. Институты гражданского общества против коррупции / М.Ю. Попов. – Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2010. - № 2. - С. 24-31.

399. Расулов, Н.С. Формирование организационно-экономических механизмов интеграции в промышленной политике региона / Н.С. Расулов. – Текст: непосредственный // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). - 2016. - Т. 1. - № 4 (56). - С. 97-101.

400. Рахимов, Э.Х. Проблемные вопросы государственного контроля контрактной системы как детерминанты коррупции / Э.Х. Рахимов. – Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. - 2018. - № 4 (35). - С. 85-88.

401. Репникова, А.С. Коррупция в сфере государственных финансов / А.С. Репникова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Финансы: международный опыт и российские реалии Сборник научных трудов по материалам

международной очно-заочной научно-практической онлайн-конференции. - 2016. - С. 44-47.

402. Романова, В.В. К вопросу о методах совершенствования института борьбы с коррупцией в Российской Федерации / В.В. Романова. – Текст: непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. - 2008. - № S2. - С. 174-177.

403. Романова, О.А. Промышленная политика: эволюция механизма реализации / О.А. Романова. – Текст: непосредственный // Современная конкуренция. - 2008. - № 6 (12). - С. 32-44.

404. Рочева, Е.А. Гражданское общество как субъект общественного антикоррупционного контроля / Е.А. Рочева. – Текст: непосредственный // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. - 2013. - № 2 (34). - С. 50-54.

405. Рочева, Е.А. Комплаенс как новое направления в сфере противодействия коррупции / Е.А. Рочева. – Текст: непосредственный // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. - 2016. - № 1 (39). - С. 12-16.

406. Рубцов, В.Н. Мониторинг государственных закупок как механизм противодействия коррупции / В.Н. Рубцов. – Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. - 2017. - № 1 (26). - С. 143-145.

407. Рубцова, Н.В. Проявление коррупции при проведении государственного контроля за осуществлением предпринимательской деятельности хозяйствующими субъектами / Н.В. Рубцова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц. - Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Научный редактор Е. А. Дорожинская. - 2015. - С. 185-188.

408. Румянцева, Е.Е. Парадоксы современного этапа развития экономики России / Е.Е. Румянцева. – Текст: непосредственный // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. - 2018. - № 2. - С. 46-56.

409. Румянцева, Е.Е. Методология количественной оценки совокупного финансово-экономического ущерба от коррупции / Е.Е. Румянцева, С.В. Тер-Овсепян. – Текст: непосредственный // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. - 2015. - № 1. - С. 213-219.

410. Рыбасова, Е.А. Государственная конкурентная политика и административно-правовые меры её реализации / Е.А. Рыбасова. – Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2011. - № 13 (19). - С. 56-58.

411. Рютов, И.В. Развитие программ противодействия коррупции в коммерческих организациях в контексте эволюции антикоррупционного законодательства / И.В. Рютов. – Текст: непосредственный // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. - 2011. - № 5. - С. 77-89.

412. Сабитов, Р.А. Противодействие коррупции мерами финансового контроля / Р.А. Сабитов, Е.Ю. Сабитова. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. - 2017. - Т. 2. - № 3. - С. 61-67.

413. Савельева, А.А. Модернизация политической элиты как ключевая задача противодействия коррупции в РФ / А.А. Савельева, В.О. Ткачев, Т.Р. Хисамутдинов. – Текст: непосредственный // Новая наука: Проблемы и перспективы. - 2016. - № 6-3 (85). - С. 62-63.

414. Савченко, М.С. Проблемы развития парламентского контроля в субъектах Российской Федерации / М.С. Савченко, Л.Ю. Свистунова. – Текст: непосредственный // Современное общество и право. - 2016. - № 3 (24). - С. 80-85.

415. Сазин, С.Т. Деятельность Следственного комитета по борьбе с коррупцией как механизм защиты прав и свобод человека и гражданина / С.Т. Сазин. – Текст: непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2011. - № 1 (39). - С. 251-256.

416. Салехова, Т.В. Коррупция и её влияние на экономику России / Т.В. Салехова. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 2-4 (11). - С. 34-37.
417. Самсонова, С.Н. Коррупция: причины возникновения и методы борьбы с ней / С.Н. Самсонова. – Текст: непосредственный // Евразийский научный журнал. - 2017. - № 5. - С. 104-106.
418. Севрюгин, В.Е. Деловая коррупция как фактор, тормозящий развитие бизнеса в России / В.Е. Севрюгин. – Текст: непосредственный // Вестник Академии энциклопедических наук. - 2018. - № 1 (30). - С. 14-23.
419. Селдушева, О.В. Национальная стратегия противодействия коррупции как инструмент предупреждения взяточничества / О.В. Селдушева. – Текст: непосредственный // Научный поиск. - 2014. - № 3.2. - С. 15-21.
420. Семёнова, О.Н. Антикоррупционное образование: стандарты ООН и практика их реализации / О.Н. Семёнова, С.Н. Ушаков. – Текст: непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. - 2020. - № 1 (54). - С. 113-117.
421. Сердюков, В.Ю. Методы противодействия коррупции в информационном обществе / В.Ю. Сердюков. – Текст: непосредственный // Крымский Академический вестник. - 2017. - № 1. - С. 143-147.
422. Сигов, В.И. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей / В.И. Сигов, А.А. Песоцкий. – Текст: непосредственный // Экономика региона. - 2017. - Т. 13. - № 4. - С. 1236-1250.
423. Сидоренко, Э.Л. Новые криминологические параметры измерения коррупции в России / Э.Л. Сидоренко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - № 4. - С. 121-125.
424. Сидоренко, Э.Л. Полифакторный индекс коррупции в регионах РФ: методика оценки / Э.Л. Сидоренко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2016. - Т. 10. - № 3 (39). - С. 207-215.

425. Сидорин, А.С. Коррупция и теневая экономика / А.С. Сидорин, К.П. Воробьев, Н.С. Антипова. – Текст: непосредственный // Синергия Наук. - 2019. - № 33. - С. 266-270.

426. Скворцова, Е.А. Осуществление контроля в сфере обеспечения антикоррупционной безопасности России / Е.А. Скворцова. – Текст: непосредственный // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. - 2012. - № 2. - С. 134-142.

427. Сличенко, Д.А. Матричный метод анализа влияния коррупции на экономику / Д.А. Сличенко, А.С. Гацимова, Л.И. Уфимцева. – Текст: непосредственный // В сборнике: Российская наука: актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей IV Всероссийской заочной научно-практической конференции. - Самара, 2017. - С. 70-72.

428. Смирнов, Е.Н. Оффшорные схемы в современном международном движении капитала: особенности и механизмы противодействия / Е.Н. Смирнов. – Текст: непосредственный // Вестник евразийской науки. - 2018. - Т. 10. - № 5. - С. 45.

429. Смирнов, Ф.Ф. Влияние транспарентности государственного управления на распространение коррупции / Ф.Ф. Смирнов. – Текст: непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. - 2017. - № 1 (24). - С. 24-30.

430. Соколов, М.С. Теоретические и прикладные аспекты противодействия коррупции: российский и зарубежный опыт / М.С. Соколов. – Текст: непосредственный // Вопросы безопасности. - 2016. - № 1. - С. 15-26.

431. Соколова, О.С. К вопросу об индикаторах коррупции в системе государственной и муниципальной службы / О.С. Соколова. – Текст: непосредственный // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 12 (96). - С. 1287-1291.

432. Соколова, Э.Г. Коррупция: особенности восприятия население и методы противодействия / Э.Г. Соколова, Ю.И. Рягин. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. - 2016. - № 10. - С. 18-23.

433. Соловьева, Е.П. Контроль за расходами государственных служащих как инструмент противодействия в России / Е.П. Соловьева, Д.Л. Цыбаков. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 4-4 (13). - С. 993-996.

434. Ставцева, Т.И. Факторы деловой коррупции на основе методологии институциональной экономики / Т.И. Ставцева. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 11 (102). - С. 314-315.

435. Стаценко, В.Г. О некоторых проблемных вопросах применения норм международных договоров в области противодействия коррупции на национальном уровне / В.Г. Стаценко. – Текст: непосредственный // Университетский вестник. - 2015. - № 2 (16). - С. 26-31.

436. Суглобов А.Е. Понимание деятельности организации и ее окружения и оценка риска существенных искажений // Международный бухгалтерский учет. 2009. № 3 (123). С. 32-41.

437. Суглобов А.Е. Использование аудита в борьбе с коррупцией в социальной сфере // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 15 (144). С. 12-16.

438. Тарасов, И.Н. Динамика институционального развития антикоррупционной политики в регионах Приволжского федерального округа / И.Н. Тарасов. – Текст: непосредственный // Вестник Поволжской академии государственной службы. - 2012. - № 2 (31). - С. 23-28.

439. Терешкова, В.В. Сравнительный анализ успешных практик противодействия коррупции в сфере школьного образования в зарубежных странах / В.В. Терешкова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 1 (33). - С. 262-271.

440. Терещенко, Л.К. Достаточность информации как основание проверки соблюдения антикоррупционных требований / Л.К. Терещенко, А.М. Цирин. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. - 2015. - № 6 (222). - С. 115-120.

441. Тертышный, С.А. Институциональные особенности и масштабы коррупции в российской экономике / С.А. Тертышный. – Текст:

непосредственный // Современные аспекты экономики. - 2012. - № 3 (175). - С. 92-112.

442. Толкачев, В.В. Пути предупреждения и пресечения коррупции в системе муниципальной службы / В.В. Толкачев. – Текст: непосредственный // Безопасность бизнеса. - 2006. - № 2. - С. 18-21.

443. Трифонова, Ю.Е. Банковская тайна как препятствие международному автоматическому обмену налоговой и финансовой информацией / Ю.Е. Трифонова. – Текст: непосредственный // Вектор экономики. - 2018. - № 6 (24). - С. 51.

444. Трунцевский, Ю.В. Институт парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции / Ю.В. Трунцевский. – Текст: непосредственный // В сборнике: Актуальные проблемы современного российского права. Материалы IX Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 355-361.

445. Трунцевский, Ю.В. Методика оценки коррупционного риска в сфере частного бизнес (индекса риска делового взяточничества) / Ю.В. Трунцевский. – Текст: непосредственный // Безопасность бизнеса. - 2016. - № 5. - С. 33-40.

446. Трунцевский, Ю.В. Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля / Ю.В. Трунцевский. – Текст: непосредственный // В сборнике: Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Всероссийской научной конференции. - 2018. - С. 256-260.

447. Тулупова, С.В. Деловая репутация в современном предпринимательстве / С.В. Тулупова, Э.Н. Тужба. – Текст: непосредственный // Журнал социологических исследований. - 2020. - Т. 5. - № 1. - С. 19-23.

448. Тхабисимова, Л.А. Общественный контроль в институциональной системе антикоррупционной политики: от новой методологии к новым технологиям / Л.А. Тхабисимова, М.И. Цапко. – Текст: непосредственный // Современная наука и инновации. - 2017. - № 3 (19). - С. 270-272.

449. Уманцев, Ю.Н. Корпоративный контроль в системе экономических отношений / Ю.Н. Уманцев. – Текст: непосредственный // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. - 2013. - № 1 (4). - С. 48-54.

450. Усенко, Л.Н. Меры защиты внутреннего рынка как основа экономической безопасности России / Л.Н. Усенко. – Текст: непосредственный // Никоновские чтения. - 2003. - № 8. - С. 71-73.

451. Устиненко, Д.П. Внутренний контроль в области предупреждения и противодействия коррупции в российских компаниях / Д.П. Устиненко. – Текст: непосредственный // Управленческие науки в современном мире. - 2017. - Т. 1. - С. 560-563.

452. Фаворо, О. Внутренние и внешние рынки / О. Фаворо // Вопросы экономики. - 1997. - № 10. - С. 97.

453. Фазлиева, Л.К. Взаимодействие ОВД России и институтов гражданского общества в сфере правовой пропаганды о противодействии коррупции / Л.К. Фазлиева, К.А. Кириллова. – Текст: непосредственный // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2017. - № 2 (33). - С. 21-24.

454. Федоров, А.В. Национальный план противодействия коррупции и антикоррупционный мониторинг законодательства и правоприменения / А.В. Федоров. – Текст: непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2010. - № 1 (35). - С. 8-16.

455. Федотова, М.А. Усовершенствование механизма обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции в договорной работе с контрагентами / М.А. Федотова. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Экономика. - 2017. - № 37. - С. 43-51.

456. Фетисов, А.С. Структурная политика в российской экономике: принципы, приоритеты, механизм / А.С. Фетисов. – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. - 2003. - № S1. - С. 78-83.

457. Фещенко, П.Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества / П.Н. Фещенко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. - 2014. - № 1 (29). - С. 66-71.

458. Филатова, Т.В. Борьба с коррупцией: опыт зарубежных стран и возможность его применения в России / Т.В. Филатова, А.К. Зязина. – Текст: непосредственный // Вестник ГУУ. - 2013. - № 20. - С. 139-142.

459. Филоненко, Т.В. Применение законодательства о противодействии коррупции при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел / Т.В. Филоненко. – Текст: непосредственный // Законность. - 2014. - № 7 (957). - С. 48-51.

460. Фомина, В.В. Модели предупреждения коррупции в субъектах Российской Федерации и пути совершенствования деятельности органов государственного управления г. Москвы по противодействию коррупции / В.В. Фомина. – Текст: непосредственный // Матрица научного познания. - 2019. - № 2. - С. 98-115.

461. Фомина, М.В. Коррупция и теневая экономика с позиции институциональной теории / М.В. Фомина, В.В. Приходько. – Текст: непосредственный // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. - 2017. - № 6. - С. 135-140.

462. Францова, А.И. Теория машин и механизмов / А.И. Францова. – Текст: непосредственный // Вестник научных конференций. - 2019. - №6-2 (46). - С. 146-148.

463. Хайкин, С.Р. Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное (часть I) / С.Р. Хайкин, Н.П. Попов. – Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2012. - № 4 (110). - С. 14-28.

464. Халилов, Т.А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России /

Т.А. Халилов. – Текст: непосредственный // Власть. - 2016. - Т. 24. - № 9. - С. 113-116.

465. Халиуллина, Л.Г. Незаконное движение капиталов за рубеж в контексте противодействия коррупции в Российской Федерации / Л.Г. Халиуллина. – Текст: непосредственный // Вестник Российской нации. - 2017. - № 4 (56). - С. 137-146.

466. Халяпин, В.В. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах / В.В. Халяпин, Г.И. Шахворостов. – Текст: непосредственный // Регион: государственное и муниципальное управление. - 2015. - № 3 (3). - С. 8.

467. Ханафеев, Ф.Ф. Финансовая безопасность и её обеспечение в бюджетно-налоговой сфере / Ф.Ф. Ханафеев, А.В. Швецов. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2017. - № 2 (38). - С. 381-384.

468. Хвалынский, Д.С. О некоторых коррупциогенных факторах российской системы публичных закупок / Д.С. Хвалынский. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2014. - № 3-4 (12). - С. 58-61.

469. Хлонова, Н.В. Пределы антикоррупционных мер безопасности / Н.В. Хлонова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Взгляд молодежи на права человека в современном мире: основные проблемы и пути их решения. Материалы III Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Федеральное агентство по образованию, Сибирский федеральный ун-т; под. ред. Э. А. Павельевой. - Красноярск, 2009. - С. 524-531.

470. Хмельченко, Е.Г. Современные механизмы и инструменты противодействия коррупции на государственном и муниципальном уровнях / Е.Г. Хмельченко, А.Ю. Алексеев. – Текст: непосредственный // Вестник Университета (Государственный университет управления). - 2014. - № 7. - С. 89-94.

471. Ходукин, Д.В. Ротация как институт противодействия коррупции / Д.В. Ходукин. – Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. - 2018. - № 11. - С. 52-56.

472. Хорунжий, С.Н. Противодействие коррупции: исключительные полномочия органов внешнего государственного финансового контроля / С.Н. Хорунжий. – Текст: непосредственный // Вестник АКСОР. - 2016. - № 1 (37). - С. 115-119.

473. Хромов, Е.Н. Система методов контроля: эволюция подходов и трактование понятий / Е.Н. Хромов. – Текст: непосредственный // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. - 2016. - № 9 (91). - С. 10.

474. Цалиев, А.М. О роли и месте судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции / А.М. Цалиев. – Текст: непосредственный // Российский судья. - 2017. - № 2. - С. 54-57.

475. Цирин, А.М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы / А.М. Цирин. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. - 2016. - № 12 (240). - С. 106-115.

476. Цыренжапова, Е.В. Коррупция в дотационных регионах (на примере Республики Бурятия) / Е.В. Цыренжапова. – Текст: непосредственный // Вестник науки. - 2019. - Т. 1. - № 7 (15). - С. 85-90.

477. Чеботарь, А.Ю. Практические аспекты применения антикоррупционного общественного контроля: проблемы и пути решения / А.Ю. Чеботарь. – Текст: непосредственный // Вестник исполнительного производства. - 2018. - № 2. - С. 85-97.

478. Чернова, В.В. Коррупция как угроза социально-экономического развития регионов России: ретроспективный анализ / В.В. Чернова, Н.А. Муравьева. – Текст: непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. - 2017. - Т. 12. - № 6. - С. 373-381.

479. Чернова, О.А. К проблеме реализации антикоррупционного контроля / О.А. Чернова, А.А. Здоровцева, Е.В. Тен. – Текст: непосредственный // Успехи современной науки. - 2017. - Т. 6. - № 4. - С. 27-30.

480. Черткова, С.С. Коррупция как основная угроза для экономической безопасности бизнеса в России / С.С. Черткова, Н.С. Сахчинская. – Текст:

непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Экономика. - 2017. - № 2 (20). - С. 19-24.

481. Чиж, Ф.В. Контроль в системе государственной службы как средство противодействия коррупции / Ф.В. Чиж, В.Р. Тлемешок. – Текст: непосредственный // Вестник ИМСИТ. - 2016. - № 4 (68). - С. 56-58.

482. Чиркова, Е.Е. Региональные особенности распространения коррупции в мире / Е.Е. Чиркова. – Текст: непосредственный // Россия и современный мир. - 2004. - № 3 (44). - С. 29-45.

483. Чудиновских, М.В. Организация контроля за расходами чиновников: нормативная база и правоприменительная практика / М.В. Чудиновских. – Текст: непосредственный // Вопросы управления. - 2019. - № 2 (38). - С. 254-262.

484. Шагиахметова, Л.О. Статистические показатели коррупции в Российской Федерации / Л.О. Шагиахметова. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. - 2018. - № 11.6 (26). - С. 87-88.

485. Шакель, Н.В. Обоснованность введения некоторых запретов и ограничений для государственных служащих / Н.В. Шакель. – Текст: непосредственный // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - 2012. - № 5. - С. 180-188.

486. Шапкина, Е.А. Государственно-общественное партнёрство / Е.А. Шапкина. – Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. - 2014. - № 4. - С. 6-10.

487. Швецов, А.В. Конституционно-правовые аспекты борьбы с коррупцией / А.В. Швецов. – Текст: непосредственный // Марийский юридический вестник. - 2015. - № 2 (13). - С. 67-71.

488. Швецов, А.В. Международные аспекты борьбы с коррупцией / А.В. Швецов. – Текст: непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. - 2015. - Т. 1. - № 4 (4). - С. 108-111.

489. Шевердяев, С.Н. Проблемы противодействия муниципальной коррупции, затрагивающей предпринимателей / С.Н. Шевердяев. – Текст: непосредственный // Право и экономика. - 2017. - № 10 (356). - С. 5-14.

490. Шедий, М.В. Антикоррупционное образование кадров как фактор повышения эффективности государственной политики противодействия коррупции / М.В. Шедий. – Текст: непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. - 2014. - № 2-1 (12). - С. 150-154.

491. Шедий, М.В. Методы научного анализа коррупционных отношений / М.В. Шедий. – Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. - 2018. - № 2 (110). - С. 15-23.

492. Шедий, М.В. Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции / М.В. Шедий. – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. - 2014. - № 2 (32). - С. 123-130.

493. Шедий, М.В. Технологии активизации антикоррупционного потенциала российского общества / М.В. Шедий. – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - Т. 12. - № 3. - С. 173-182.

494. Шедий, М.В. Коррупция и российское общество: аномия или норма? / М.В. Шедий, Е.Н. Малик. – Текст: непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2019. - Т. 9. - № 2 (31). - С. 145-155.

495. Шедий, М.В. Социальное партнёрство институтов гражданского общества и органов власти в сфере противодействия коррупции / М.В. Шедий, Е.Н. Малик. – Текст: непосредственный // Социальная политика и социальное партнерство. - 2018. - № 11. - С. 33-39.

496. Шенгелия, И. Антикоррупционные риски российского бизнеса / И. Шенгелия. – Текст: непосредственный // Нефть, газ и право. - 2014. - № 1 (115). - С. 47-51.

497. Шитов, А.М. Диагностика как инструмент для развития теории машин и механизмов / А.М. Шитов, И.М. Кондратьев. – Текст: непосредственный // Фундаментальные основы механики. - 2019. - № 4. - С. 126-131.

498. Шитова, Е.П. Факторы успешного противодействия коррупции в органах государственной власти: мировой опыт / Е.П. Шитова. – Текст: непосредственный // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. - 2018. - № 2 (24). - С. 20-29.

499. Шиян, О.В. Антропологический подход в междисциплинарном изучении феномена коррупции / О.В. Шиян. – Текст: непосредственный // Современные исследования социальных проблем. - 2019. - Т. 11. - № 3. - С. 85-101.

500. Шкиотов, С.В. Статистическая оценка влияния микро- и макроэкономических факторов на уровень коррупции в российской экономике / С.В. Шкиотов, М.И. Маркин. – Текст: непосредственный // Теоретическая экономика. - 2019. - № 2 (50). - С. 78-88.

501. Шорохов, В.Е. Актуальные вопросы антикоррупционного образования и культуры / В.Е. Шорохов. – Текст: непосредственный // Культура: управление, экономика, право. - 2019. - № 2. - С. 29-34.

502. Шорохов, В.Е. Мировые практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества / В.Е. Шорохов. – Текст: непосредственный // Гражданское общество в России и за рубежом. - 2019. - № 3. - С. 11-14.

503. Шорохов, В.Е. О роли антикоррупционного образования и воспитания в формировании антикриминальной личности / В.Е. Шорохов. – Текст: непосредственный // Правда и Закон. - 2018. - № 2 (4). - С. 81-83.

504. Шорохов, Ю.И. Стяжательство и коррупция как атрибуты российской экономики / Ю.И. Шорохов. – Текст: непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. - 2016. - № 1. - С. 27-32.

505. Шпалтаков, В.П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время / В.П. Шпалтаков. – Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. - 2016. - № 3. - С. 83-92.

506. Шуваев, Д.И. Гражданское общество и обеспечение стабильности в государстве: взаимосвязь и взаимовлияние (на примере Северо-Кавказского федерального округа) / Д.И. Шуваев. – Текст: непосредственный // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - № 3 (80). - С. 16-18.

507. Шумилова, О.Е. Коррупционный рынок Тульского региона: состояние и специфика / О.Е. Шумилова. – Текст: непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2008. - № 2. - С. 113-123.

508. Щедрин, Н.В. О принципе «соразмерности (пропорциональности) антикоррупционных ограничений публичному статусу» / Н.В. Щедрин. – Текст: непосредственный // Вопросы правоведения. - 2013. - № 1 (17). - С. 295-301.

509. Щинова, Р.А. Меры по противодействию коррупционным преступлениям: международный опыт / Р.А. Щинова, Ю.В. Мальшакова. – Текст: непосредственный // В сборнике: Общество. Наука. Инновации (НПК-2018). Сборник статей XVIII Всероссийская научно-практическая конференция: в 3 томах. - Вятский государственный университет. - 2018. - С. 1464-1472.

510. Щинова, Р.А. Проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации / Р.А. Щинова. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2019. - № 5-3 (53). - С. 206-212.

511. Юденко, М.Н. Институциональный аспект предпринимательства в свете экономических теорий / М.Н. Юденко. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. - 2009. - № 4. - С. 5-12.

512. Юдина, А.Ю. К вопросу о необходимости развития антикоррупционного образования в России / А.Ю. Юдина. – Текст: непосредственный // Теория и практика современной науки. - 2017. - № 12 (30). - С. 944-949.

513. Юзефович, Н.Г. Социологический опрос как метод когнитивной социолингвистики: отражение реальности или её искажение? / Н.Г. Юзефович. –

Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. - 2019. - № 37. - С. 931-936.

514. Юсифзаде, Д.Н. Современные методы противодействия коррупции / Д.Н. Юсифзаде, А.И. Бережная, Ю.В. Яцышина. – Текст: непосредственный // Colloquium-journal. - 2020. - № 5-8 (57). - С. 49-50.

515. Юсупов, М.Р. О роли и участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции и организованной преступности в сфере экономики / М.Р. Юсупов. – Текст: непосредственный // Право и безопасность. - 2010. - Т. 34. - № 1. - С. 86-87.

516. Юшков, А.О. Роль субвенций в российской системе бюджетного федерализма / А.О. Юшков, Н.Ю. Одинг, Л.И. Савулькин. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2016. - № 10. - С. 49-64.

517. Яковлева, Л.Я. Коррупционная составляющая: инструменты ее выявления в деятельности по обеспечению экономической безопасности субъектов бизнеса / Л.Я. Яковлева. – Текст: непосредственный // Сибирская финансовая школа. - 2018. - № 4 (129). - С. 3-11.

518. Яковлева, Л.Я. Проблемы учетно-контрольного обеспечения экономической безопасности организаций в сфере противодействия мошенничеству и коррупции / Л.Я. Яковлева. – Текст: непосредственный // Инновационное развитие экономики. - 2018. - № 5 (47). - С. 334-338.

519. Янкин, Г.Н. Государственный финансовый контроль как инструмент в борьбе с коррупционными правонарушениями / Г.Н. Янкин. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С. 208-212.

520. Янкин, Г.Н. Об антикоррупционном контроле над государственными закупками / Г.Н. Янкин. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 9 (124). - С. 339-343.

521. Яшина, Д.А. Патологии в организационных структурах управления / Д.А. Яшина. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. - 2017. - № 12 (43). - С. 1367-1369.

Диссертации:

522. Абубакиров, Р.М. Институциональное регулирование антикоррупционной деятельности хозяйствующих субъектов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Р.М. Абубакиров. - Москва, 2014. - 242 с. – Текст: непосредственный.

523. Агарков, Г.А. Минимизация негативного воздействия теневой экономики на социально-экономическое развитие региона. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Г.А. Агарков. - Екатеринбург, 2008. – 428 с. – Текст: непосредственный.

524. Азовский, С.Ю. Формирование организационно-экономического механизма противодействия коррупции как фактора обеспечения экономической безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / С.Ю. Азовский. - Москва, 2009. - 224 с. – Текст: непосредственный.

525. Александрова, И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / И.А. Александрова. - Нижний Новгород, 2016. - 727 с. – Текст: непосредственный.

526. Альпидовская, М.Л. Эволюция института бюрократии в социально-экономической системе. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / М.Л. Альпидовская. - Москва, 2009. - 392 с. – Текст: непосредственный.

527. Антропова, Т.Г. Институционализация системы экономической безопасности современного российского государства. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Т.Г. Антропова. - Казань, 2010. - 368 с. – Текст: непосредственный.

528. Артемьев, А.Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / А.Б. Артемьев. - Москва, 2014. – 443 с. – Текст: непосредственный.

529. Астафьев, В.А. Коррупция как особая форма экономических отношений в обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / В.А. Астафьев. - Тамбов, 2010. – 152 с. – Текст: непосредственный.

530. Белоусова, Н.Ю. Государственность как доминанта противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Н.Ю. Белоусова. - Тамбов, 2008. –193 с. – Текст: непосредственный.

531. Болдырев, Ю.Ю. Методологические основы внешнего государственного финансового контроля. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ю.Ю. Болдырев. - Москва, 2007. - 148 с. – Текст: непосредственный.

532. Борисов, О.А. Коррупция как угроза экономической безопасности России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / О.А. Борисов. - Санкт-Петербург, 2009. - 170 с. – Текст: непосредственный.

533. Боровицкий, И.А. Разработка стратегии и концептуальных положений реструктуризации в инвестиционной политике организаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / И.А. Боровицкий. - Москва, 2006. - 179 с. – Текст: непосредственный.

534. Боталова, Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях системной трансформации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Д.Б. Боталова. - Санкт-Петербург, 2011. - 237 с. – Текст: непосредственный.

535. Ворожейкина, Т.М. Мониторинг и прогнозирование продовольственной безопасности Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Т.М. Ворожейкина. - Москва, 2013. - 323 с. – Текст: непосредственный.

536. Воронин, П.М. Анализ и оценка экономической безопасности региона. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / П.М. Воронин. - Нижний Новгород, 2001. - 159 с. – Текст: непосредственный.

537. Гевелинг, Л.В. Клептократия, социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики (борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Л.В. Гевелинг. - Москва, 2001. - 591 с. – Текст: непосредственный.

538. Глазунов, В.А. Методологические проблемы развития технических наук (на материале теории механизмов и машин). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / В.А. Глазунов. - Иваново, 1999. - 139 с. – Текст: непосредственный.

539. Димов, В.А. Эволюция институтов и модернизация российской экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / В.А. Димов. - Санкт-Петербург, 2009. - 285 с. – Текст: непосредственный.

540. Долматов, И.В. Формирование региональной системы обеспечения экономической безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / И.В. Долматов. - Москва, 2006. - 151 с. – Текст: непосредственный.

541. Доценко, И.А. Возможности применения в России зарубежных и международных антикоррупционных механизмов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / И.А. Доценко. - Москва, 2011. – 146 с. – Текст: непосредственный.

542. Дронов, Р.В. Механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Р.В. Дронов. - Санкт-Петербург, 2010. – 323 с. – Текст: непосредственный.

543. Екимова, Н.А. Формирование региональной политики реструктуризации государственного сектора экономики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Н.А. Екимова. - Москва, 2006. - 173 с. – Текст: непосредственный.

544. Ефимов, Г.В. Политический процесс в Республике Сингапур в период перехода от авторитаризма к демократии: общее и особенное. Диссертация на

соискание ученой степени кандидата политических наук / Г.В. Ефимов. - Владивосток, 2010. - 182 с. – Текст: непосредственный.

545. Жужома, М.Ю. Экономический механизм противодействия коррупции как угрозе финансовой безопасности Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.Ю. Жужома. - Москва, 2008. - 151 с. – Текст: непосредственный.

546. Зубков, В.А. Формирование и развитие системы финансового мониторинга в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / В.А. Зубков. - Санкт-Петербург, 2010. - 453 с. – Текст: непосредственный.

547. Канапухин, П.А. Закономерность экономических интересов и механизмы их реализации в экономике России. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / П.А. Канапухин. - Воронеж, 2008. – 409 с. – Текст: непосредственный.

548. Квитчук, М.А. Методы мониторинга масштабов теневой экономики как угрозы экономической безопасности государства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.А. Квитчук. - Санкт-Петербург, 2009. - 125 с. – Текст: непосредственный.

549. Клещина, М.Г. Влияние социально-экономического развития регионов на экономическую безопасность России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.Г. Клещина. - Москва, 2001. - 172 с. – Текст: непосредственный.

550. Копачёв, В.П. Антикоррупционная политика в современной России: субъекты, стратегии, механизмы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / В.П. Копачёв. - Краснодар, 2012. - 227 с. – Текст: непосредственный.

551. Кормишкин, Е.Д. Методологические основы исследования экономической безопасности региона. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Е.Д. Кормишкин. - Москва, 2003. - 299 с. – Текст: непосредственный.

552. Корнеева, Т.А. Корпоративный контроль в системе менеджмента. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Т.А. Корнеева. - Самара, 2006. - 351 с. – Текст: непосредственный.

553. Купрещенко, Н.П. Противодействие теневой экономике в системе обеспечения экономической безопасности России (теоретико-методологический подход). Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Н.П. Купрещенко. - Москва, 2008. – 368 с. – Текст: непосредственный.

554. Лавров, И.В. Развитие нормативной теории институтов экономики благосостояния. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / И.В. Лавров. - Челябинск, 2014. - 408 с. – Текст: непосредственный.

555. Латов, Ю.В. Социальные функции теневой экономики в институциональном развитии постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Ю.В. Латов. - Тюмень, 2008. – 405 с. – Текст: непосредственный.

556. Листопад, М.Е. Экономическая безопасность России: концептуальные основы функционирования и развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / М.Е. Листопад. - Санкт-Петербург, 2011. - 380 с. – Текст: непосредственный.

557. Лолаева, А.С. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А.С. Лолаева. - Москва, 2014. - 245 с. – Текст: непосредственный.

558. Макаров, В.В. Коррупция как угроза экономической безопасности России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / В.В. Макаров. - Москва, 2008. – 173 с. – Текст: непосредственный.

559. Меринов, А.Ю. Внутренний контроль в системе корпоративного управления (на примере предприятий сотовой связи). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / А.Ю. Меринов. - Москва, 2009. - 168 с. – Текст: непосредственный.

560. Мику, А.А. Методические основы мониторинга факторов, определяющих возникновение угроз экономической безопасности Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / А.А. Мику. - Санкт-Петербург, 2009. - 164 с. – Текст: непосредственный.

561. Милованов, А.Ф. Методологические аспекты формирования механизма мониторинга экономической безопасности региона. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора экономических наук / А.Ф. Милованов. - Нижний Новгород, 2017. - 31 с. – Текст: непосредственный.

562. Митяков, Е.С. Развитие методологии и инструментов мониторинга экономической безопасности регионов России. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Е.С. Митяков. - Йошкар-Ола, 2019. - 360 с. – Текст: непосредственный.

563. Морозова, Н.О. Социально-экономический анализ коррупции в регионе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Н.О. Морозова. Астрахань, 2007. – 121 с. – Текст: непосредственный.

564. Наумов, Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Ю.Г. Наумов. - Москва, 2014. - 326 с. – Текст: непосредственный.

565. Немашкалова, К.Г. Формирование институционально-экономических оснований и мер государственной социальной политики в современных условиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / К.Г. Немашкалова. - Ростов-на-Дону, 2013. - 218 с. – Текст: непосредственный.

566. Нуштаев, И.В. Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / И.В. Нуштаев. - Тамбов, 2012. - 149 с. – Текст: непосредственный.

567. Овчаров, А.С. Коррупция в системе теневых экономических отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / А.С. Овчаров. - Волгоград, 2003. – 182 с. – Текст: непосредственный.

568. Олексиенко, Ю.Г. Методы контроля исполнения проектов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ю.Г. Олексиенко. - Москва, 2005. - 134 с. – Текст: непосредственный.

569. Орехов, С.А. Организационно-управленческий механизм борьбы с коррупцией как условие обеспечения экономической безопасности страны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / С.А. Орехов. - Москва, 2005. – 187 с. – Текст: непосредственный.

570. Савельев, О.В. Использование мер торговой политики в интересах отечественных производителей и экспортеров (на примере рынка продукции чёрной металлургии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / О.В. Савельев. - Москва, 2011. - 206 с. – Текст: непосредственный.

571. Сельянов, К.С. Формирование системы мониторинга экономической безопасности Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / К.С. Сельянов. - Москва, 2006. - 153 с. – Текст: непосредственный.

572. Сизов, Ю.И. Экономическая безопасность региона и её ориентация на эффективность и конкурентоспособность бизнеса. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Ю.И. Сизов. - Москва, 2005. – 327 с. – Текст: непосредственный.

573. Смирнов, Н.В. Методы оценки коррупции и антикоррупционной политики в регионах России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Н.В. Смирнов. - Москва, 2010. - 205 с. – Текст: непосредственный.

574. Совик, Л.Е. Бизнес-мониторинг деятельности промышленной организации: концепция, методология, моделирование процессов. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Л.Е. Совик. - Курск, 2013. - 442 с. – Текст: непосредственный.

575. Степичева, О.А. Развитие механизмов регулирования теневой экономики в России. Диссертация на соискание ученой степени доктора

экономических наук / О.А. Степичева. - Тамбов, 2008. - 297 с. – Текст: непосредственный.

576. Страхов, С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / С.В. Страхов. - Москва, 2007. - 144 с. – Текст: непосредственный.

577. Судьбина, Н.А. Совершенствование механизма противодействия коррупции как угрозе экономической безопасности России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Н.А. Судьбина. - Москва, 2012. - 153 с. – Текст: непосредственный.

578. Тарасов, М.Е. Государственное воздействие на теневую экономику. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / М.Е. Тарасов. - Москва, 2001. - 360 с. – Текст: непосредственный.

579. Тер-Овсепян, С.В. Совершенствование методов оценки финансовых последствий коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / С.В. Тер-Овсепян. - Москва, 2015. – 162 с. – Текст: непосредственный.

580. Тимошкин, А.В. Корпоративный комплаенс-контроль как инструмент экономической безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / А.В. Тимошкин. - Москва, 2010. - 203 с. – Текст: непосредственный.

581. Федосова, С.П. Экономическая безопасность Российской Федерации в условиях глобализации экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / С.П. Федосова. - Санкт-Петербург, 2006. - 311 с. – Текст: непосредственный.

582. Федотова, Г.В. Развитие методологии программно-целевого планирования экономических процессов на основе институционализации обратных связей в управлении. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Г.В. Федотова. - Курск, 2015. - 392 с. – Текст: непосредственный.

583. Феофилова, Т.Ю. Экономическая безопасность в обеспечении развития социально-экономической системы региона: теория и методология. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Т.Ю. Феофилова. - Санкт-Петербург, 2015. - 397 с. – Текст: непосредственный.

584. Церенов, С.В. Противодействие коррупции на российском финансовом рынке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / С.В. Церенов. - Москва, 2008. – 166 с. – Текст: непосредственный.

585. Чапиковский, Д.В. Экономическая безопасность региона (приоритеты и механизм инвестиционной поддержки). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Д.В. Чапиковский. - Ростов-на-Дону, 2006. - 193 с. – Текст: непосредственный.

586. Чашин, В.К. Формирование системы мониторинга в сфере продовольственной безопасности региона: на примере Урала. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / В.К. Чашин. - Екатеринбург, 2004. - 374 с. – Текст: непосредственный.

587. Чернецова, Н.С. Экономическая природа и эволюция системы экономических интересов. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Н.С. Чернецова. - Москва, 2003. – 411 с. – Текст: непосредственный.

588. Шишкарёв, С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / С.Н. Шишкарёв. - Москва, 2010. - 401 с. – Текст: непосредственный.

589. Шустова, Е.С. Социально-экономические императивы безопасности в системе индикаторов регионального развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Е.С. Шустова. - Ростов-на-Дону, 2006. – 179 с. – Текст: непосредственный.

590. Юхачев, С.П. Коррупция как экономические отношения социума. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / С.П. Юхачев. - Тамбов, 2010. - 291 с. – Текст: непосредственный.

591. Яковлев, М.В. Индикаторы экономического влияния и принципы экономической безопасности северных регионов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.В. Яковлев. - Апатиты, 1998. - 131 с. – Текст: непосредственный.

Электронные источники:

592. Brown C. D. Mentality and Fundamentality. Dissertation Ph. D – 2019. Режим доступа: https://academicworks.cuny.edu/gc_etds/3299/ (доступ – под паролем), дата обращения – 28.05.2020. – Текст: электронный.

593. Central Anti-Corruption Bureau. Режим доступа: <https://cba.gov.pl/en/about-the-cba/what-we-do/5,What-we-do.html> Доступ - свободный (дата обращения – 26.07.2019). – Текст: электронный.

594. Deutsche Bank оштрафовали на \$628 млн за зеркальные сделки с российскими акциями. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/01/31/675596-deutsche-bank-oshtrafovali> (доступ – свободный), дата обращения – 20.05.2020. – Текст: электронный.

595. Developing trends in combating corruption, money laundering and recovering criminal assets in Europe. Режим доступа: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/developing-trends-in-combating-corruption-money-laundering-and-recovering-criminal-assets-in-europe/id2458503/> Доступ - свободный (дата обращения – 23.07.2019). – Текст: электронный.

596. Kabanov P., Hairutdinova L. Anticorruption enlightenment in the Russian Federation: practice of organization and prospects of development // Available at SSRN 3319700. – 2019. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3319700> (доступ – под паролем), дата обращения – 31.03.2020. – Текст: электронный.

597. Money Laundering Reporting Office Switzerland (MROS). Режим доступа:

<https://www.fedpol.admin.ch/fedpol/en/home/kriminalitaet/geldwaescherei.html>

Доступ - свободный (дата обращения – 23.07.2019). – Текст: электронный.

598. Private security companies: A status report. Режим доступа: <https://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home/aktuell/news/2005/2005-12-050.html> Доступ - свободный (дата обращения – 23.07.2019). – Текст: электронный.

599. The New York Times опубликовала статью о мэре Якутска // Сетевое издание "Якутия.Инфо". Режим доступа: <http://www.yakutia.info/article/190709> Доступ - свободный (дата обращения – 31.08.2019). – Текст: электронный.

600. Transparency International сообщила о рекордном уровне коррупции в США. Режим доступа: <https://ria.ru/20200123/1563782247.html> (доступ – свободный), дата обращения – 25.05.2020. – Текст: электронный.

601. Visit of the representatives of the Senate of the Czech Republic in the CBA. Режим доступа: <https://cba.gov.pl/en/news/452,Visit-of-the-representatives-of-the-Senate-of-the-Czech-Republic-in-the-CBA.html> Доступ - свободный (дата обращения – 26.07.2019). – Текст: электронный.

602. Абдуганиев про эпоху цифровизации: «Мы забудем про коррупцию и теневую экономику!». – Режим доступа: <https://kam.business-gazeta.ru/article/373991> (доступ - свободный), дата обращения – 16.05.2020. – Текст: электронный.

603. Анализ результатов социологического исследования для оценки уровня коррупции в Республике Марий Эл (в рамках реализации подпункта «в» пункта 9 Национального плана противодействия коррупции на 2016 -2017 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. N 147). – Режим доступа: <http://mari-el.gov.ru/publicservice/DocLib17/170309-1.pdf> Доступ - свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

604. Антикоррупционный мониторинг Республики Татарстан за 2017 год. – Режим доступа: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/rezultati-antikorrupsionnogo-monitoringa-za-2016.htm> Доступ - свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

605. Антикоррупционный мониторинг Республики Татарстан за 2020 г. – Режим доступа: https://anticorruption.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2852870.pdf (доступ – свободный), дата обращения – 01.12.2021. – Текст: электронный.

606. Бюджет Дагестана на 2018 год принят с профицитом. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4827330> (доступ – открытый), дата обращения – 10.05.2020. – Текст: электронный.

607. В 2019 году владимирские коррупционеры нанесли ущерб на 120 млн рублей. – Режим доступа: <https://provladimir.ru/2019/12/10/v-2019-godu-vladimirskie-korruptcionery-nanesli-ushherb-na-120-mln-rublej/> (доступ – свободный), дата обращения – 27.05.2020. – Текст: электронный.

608. В Татарстане подсчитали годовой ущерб от коррупции: 800 млн рублей // Опубликовано на сайте Московский комсомолец. – Режим доступа: <https://kazan.mk.ru/economics/2019/04/05/v-tatarstane-podschitali-godovoy-ushherb-ot-korruptcii-800-mln-rublej.html> (доступ – свободный), дата обращения – 21.03.2020. – Текст: электронный.

609. В Татарстане увеличили бюджет антикоррупционной программы 2019 года на 200 тыс. рублей. – Режим доступа: <https://www.tatarinform.ru/news/politics/16-09-2019/v-tatarstane-velichili-byudzh-et-antikorrupcionnoy-programmy-2019-goda-na-200-tys-rublej-5502149> (доступ – свободный), дата обращения – 01.05.2020. – Текст: электронный.

610. В Костроме силовики подвели итоги борьбы со взятками за год. – Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2018/12/11/izzhit-korruptsiyu-nevozmozhno-v-kostrome-siloviki-podveli-itogi-borby-so-vzyatkami-za-god>. – Текст: электронный.

611. Вольфганг Дик, Андрей Гурков. Коррупция в Германии: успехи в борьбе с неистребимым злом. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/1ASeH> Доступ – свободный (дата обращения – 25.07.2019). – Текст: электронный.

612. ВЭФ поднял Россию на пять пунктов в рейтинге конкурентоспособности. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/economics/27/09/2017/59ca76149a79478465ff7926> Доступ - свободный (дата обращения - 04.07.2019). – Текст: электронный.

613. Главу Коми обвиняют в создании ОПГ. – Режим доступа: <https://www.komi.kp.ru/daily/26435.7/3306382/>. – Текст: электронный.

614. ГРЕКО призывает Швейцарию отменить платежи судей политпартиям для переизбрания. – Режим доступа: http://www.rapsinews.ru/international_news/20190613/300452561.html Доступ - свободный (дата обращения – 25.07.2019). – Текст: электронный.

615. Данные УФК по Владимирской области о структурировании бюджетных расходов. – Режим доступа: <https://vladimir.roskazna.ru/dokumenty/kassovoe-obslyuzhivanie/byudzhetny-subektov-rf-mestnye-byudzhetny/>. – Текст: электронный.

616. Доклад о восприятии уровня коррупции в Краснодарском крае в 2019 году // Размещён на официальном сайте Администрации Краснодарского края. – Режим доступа: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276/> (доступ – свободный), дата обращения – 10.03.2020. – Текст: электронный.

617. Доклад о деятельности в области противодействия коррупции в Республике Марий Эл в 2018 году // Опубликован на официальном сайте государственной гражданской службы Республики Марий Эл. – Режим доступа: http://mari-el.gov.ru/publicservice/Pages/info_anticorrupt.aspx Доступ – свободный. Дата обращения – 22.08.2019. – Текст: электронный.

618. Доклад о деятельности в области противодействия коррупции на территории Хабаровского края за 2018 год. – Режим доступа: <https://khabkrai.ru/governor/governor-comission-and-council/commissions/147284> Доступ - свободный (дата обращения – 22.07.2019). – Текст: электронный.

619. Доклад о реализации мер по противодействию коррупции в Амурской области в 2018 году. – Режим доступа: <https://www.amurobl.ru/pages/antikorrupciya/doklady-otchety-statisticheskaya-informatsiya/doklad-o-realizatsii-mer-po-protivodeystviyu-korrupcii-v-2018-godu/> Доступ - свободный (дата обращения – 22.07.2019). – Текст: электронный.

620. За коррупцию взялся «Бизнес-барометр». – Режим доступа: <https://rbtoday.ru/v-fokuse/za-korruptciju-vzjalsja-biznes-barometr/> Доступ – свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

621. Изучение мнений населения и предпринимателей Республики Татарстан о коррупции. – Режим доступа: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/research.htm> Доступ – свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

622. Индекс восприятия коррупции за 2018 г. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vostryatiya-korruptsii-2018-28-balloov-iz-100-i-138-mesto.html>. – Текст: электронный.

623. Информация о реализации постановления Правительства Курганской области от 24 декабря 2018 года № 432 «О государственной программе Курганской области «Противодействие коррупции в Курганской области» за 2019 год. – Режим доступа: https://kurganobl.ru/sites/default/files/imceFiles/user-03/Informaciya_o_realizacii_postanovleniya_Pravitelstva_Kurganskoj_oblasti_ot_24_dekabrya_2018_goda_no_432_O_gosudarstvennoj_programme_Kurganskoj_oblasti_Protivodeystvie_korruptcii_v_Kurganskoj_oblasti_za_2019_god.pdf (доступ – свободный), дата обращения – 11.06.2020. – Текст: электронный.

624. Итоги социологического исследования по проблеме коррупции в Курганской области за 2019 г. – Режим доступа: <https://kikonline.ru/2020/03/04/ni-dat-ni-vzjat-itogi-socissledovaniya-po-probleme-korruptcii-v-kurganskoj-oblasti/> (доступ – свободный), дата обращения – 11.06.2020. – Текст: электронный.

625. Кадыров рассказал о чеченском методе борьбы с коррупционерами. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/06/28/kadurov/> (доступ – свободный), дата обращения – 01.06.2020. – Текст: электронный.

626. Как падали доходы Deutsche Bank. – Режим доступа: <https://investfunds.ru/news/17475/>. – Текст: электронный.

627. Китайский инвестор довел вице-преьера Чувашии до СИЗО. – Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/29655865.html> (доступ – свободный), дата обращения – 08.04.2020. – Текст: электронный.

628. Конфликт Маркелова с журналом «Регионы России». – Режим доступа: <https://mariuver.com/2014/04/01/markel-grozit/amp/>. – Текст: электронный.

629. Координационное совещание руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по выполнению мероприятий Национального плана противодействия коррупции. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/to-note/infographics/1303424/>. – Текст: электронный.

630. Коррупционеры в Ульяновской области нанесли ущерб 1 миллиард рублей. – Режим доступа: https://mk-ul.ru/social/2018/12/08/korruptsiya-v-ulyanovskoy-oblasti-nanesla-ushherb-1-milliard-rublej.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (доступ – свободный), дата обращения – 11.06.2020. – Текст: электронный.

631. Коррупционеры за год нанесли ущерб Северному Кавказу на 2,8 млрд. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2869758.html> (доступ – свободный), дата обращения – 28.05.2020. – Текст: электронный.

632. Коррупционный Татарстан: взяточники вернули бюджету полмиллиарда. – Режим доступа: <https://vpn.business-online.ru/article/146827> (доступ – свободный), дата обращения – 02.04.2020. – Текст: электронный.

633. Коррупция в Марий Эл подрастает. – Режим доступа: <https://ch.versia.ru/korruptsiya-v-marij-yel-rastet-ponemnogu> Доступ – свободный (дата обращения – 25.08.2019). – Текст: электронный.

634. Коррупция пускает корни вверх: взятки и мошенничество казанских чиновников. – Режим доступа: <https://inkazan.ru/cards/10-10-2019/korruptsiya-puskaet-korni-vverh-vzyatki-i-moshennichestvo-kazanskih-chinovnikov> (доступ – свободный), дата обращения – 02.04.2020. – Текст: электронный.

635. Краткий аналитический отчет по теме: «Оценка эффективности государственной политики в сфере безопасности и противодействия коррупции в Красноярском крае». – Режим доступа: www.krskstate.ru/dat/bin/art/19918_kratkij_po_korruptcii_i_narkomanii_2015.docx Доступ - свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

636. На Кубани почти миллиард рублей был возвращен в бюджет. – Режим доступа: <https://u-f.ru/news/economics/u25019/2020/02/15/294502> (доступ – свободный), дата обращения – 10.06.2020). – Текст: электронный.

637. Назван средний размер взятки в России. – Режим доступа: <https://www.kanord.ru/nazvan-srednii-razmer-vzyatki-v-rossii-lidiruyut-podmoskove-i-sahalin.html> (доступ - свободный), дата обращения – 01.04.2020). – Текст: электронный.

638. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата 2019 г. – Режим доступа: <https://urtmag.ru/public/509/>. – Текст: электронный.

639. Основные результаты работы органов прокуратуры Ярославской области за 2018 год // Опубликовано на официальном сайте Прокуратуры Ярославской области. – Режим доступа: <http://yarprok.ru/statistika.htm> (доступ – свободный), дата обращения – 16.03.2020. – Текст: электронный.

640. Отчет о деятельности в области противодействия коррупции в Чувашской Республике за 2019 год // Опубликовано на официальном портале органов власти Чувашской Республики. – Режим доступа: <http://www.cap.ru/action/activity/g-s/q47/dokladi-otcheti-i-inaya-informaciya-po-voprosam-pr/2019-god/2019-g-otchet> (доступ – свободный), дата обращения – 08.04.2020. – Текст: электронный.

641. Отчёт о деятельности ГУРБ Московской области за 2019 г. – Режим доступа: <https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/meropriyatiya-po-profilaktike-korrupcionnyh-i-otchety-protokoly2>. – Текст: электронный.

642. Отчёт о деятельности Счётной палаты Республики Татарстан за 2019 г. – Режим доступа: http://sprt.tatar/files/otch_sprt_2019_rus.pdf. – Текст: электронный.

643. Отчёт о научно-исследовательской работе по контракту от 06.09.2013 г. № 29-МЮ/2013 на тему «Проведение исследования коррупции в Мурманской области социологическими методами в рамках регионального антикоррупционного мониторинга». – Режим доступа: <https://minjust.gov->

murman.ru/files/otchet_korruptsiya_2013.pdf Доступ - свободный (дата обращения – 04.07.2019). – Текст: электронный.

644. Отчёт о реализации в Ярославской области государственной политики по противодействию коррупции в 2018 году // Опубликовано на официальном сайте Управления по противодействию коррупции Ярославской области. – Режим доступа: <https://www.yarregion.ru/depts/ubb/tmpPages/activities.aspx> (доступ – свободный), дата обращения – 16.03.2020. – Текст: электронный.

645. Отчет об итогах реализации программы противодействия коррупционным проявлениям в Республике Марий Эл на 2016-2020 годы (за 2018 год), опубликован на официальном сайте государственной гражданской службы Марий Эл. – Режим доступа: <http://mari-el.gov.ru/publicservice/DocLib16/190201-2.doc> Доступ - свободный (дата обращения – 08.07.2019). – Текст: электронный.

646. Отчёт опубликован на официальном сайте Комитета Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу. – Режим доступа: https://anticorruption.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2852870.pdf Доступ - свободный (дата обращения – 01.12.2021). – Текст: электронный.

647. Отчет по результатам проведения социологического исследования для оценки уровня коррупции в Сахалинской области в 2019 году // размещён на официальном сайте Сахалинской области. – Режим доступа: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=121> (доступ – свободный), дата обращения – 10.03.2020. – Текст: электронный.

648. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <https://www.gov.spb.ru/gov/protivodejstvie-korruptcii/info-materialy/> (доступ – свободный), дата обращения – 01.06.2020. – Текст: электронный.

649. Очередной отряд чиновников из Татарстана едет в Сингапур за 11 миллионов. – Режим доступа: <http://www.evening-kazan.ru/articles/okupitsya-ocherednoy-otryad-chinovnikov-iz-tatarstana-edet-v-singapur-za-11-millionov.html> (доступ – свободный), дата обращения – 15.05.2020. – Текст: электронный.

650. Перегнали Европу: россияне променяли наличные на «пластик». – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/10/03/12726973.shtml> (доступ – свободный), дата обращения – 10.03.2020. – Текст: электронный.

651. По данным аппарата полномочного представителя президента РФ в Приволжском федеральном округе. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/121231-tatarstan-ustupil-liderstvo-po-korrupcii-bashkirii> Доступ - свободный (дата обращения – 22.07.2019). – Текст: электронный.

652. По данным Дальневосточного центра политических исследований за 2017 г. – Режим доступа: <https://asn24.ru/news/politics/48927/> Доступ - свободный (дата обращения – 22.07.2019). – Текст: электронный.

653. По данным медиа-холдинга «Регионы России». – Режим доступа: <https://www.gosrf.ru/news/13021/> Доступ - свободный (дата обращения – 22.07.2019). – Текст: электронный.

654. Показатели финансирования программ Республики Татарстан по осуществлению антикоррупционного контроля. – Режим доступа: <https://minjust.tatarstan.ru/rus/file/pub/>. – Текст: электронный.

655. Правоохранители пресекли 26 фактов получения взяток. – Режим доступа: <https://pravdapfo.ru/news/95040-v-chuvashii-na-5-vygoslo-chislo> (доступ – свободный), дата обращения – 08.04.2020. – Текст: электронный.

656. Прокуратура обвинила депутатов в коррупции — правительство заявило, что увольнять их не за что. – Режим доступа: <https://ngs.ru/more/65567461/> (доступ – свободный), дата обращения – 20.05.2020. – Текст: электронный.

657. Прокуратурой республики Марий Эл обобщено состояние коррупционной преступности в регионе. – Режим доступа: <https://proc.gov12.ru/news-corrupt/item/6303-o-sostoyanii-korrupcionnoy-prstupnosti-v-mariy-el.html> Доступ – свободный (дата обращения – 25.08.2019). – Текст: электронный.

658. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. – Режим доступа: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (доступ – свободный), дата обращения – 15.03.2020. – Текст: электронный.

659. Результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. – Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/rating/ (доступ – свободный), дата обращения – 02.06.2020. – Текст: электронный.

660. Результаты социологического исследования по оценке уровня коррупции в Республике Марий Эл в 2018 году. – Режим доступа: <http://mari-el.gov.ru/publicservice/DocLib17/190201.doc> Доступ - свободный (дата обращения – 20.07.2019). – Текст: электронный.

661. Рейтинг российских регионов по экономическому развитию. – Режим доступа: <https://fn-volga.ru/news/view/id/76758> – Текст: электронный.

662. Рейтинг стран по уровню коррупции, составленный Transparency International за 2016, 2017 и 2018 г. – Режим доступа: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2019/01/CPI2018.pdf> Доступ - свободный (дата обращения – 23.07.2019). – Текст: электронный.

663. Рейтинг субъектов Российской Федерации по осуществлению контрольно-надзорной деятельности. – Режим доступа: <http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/dknrd/2017170201>. – Текст: электронный.

664. Республиканский проект «Цифровое государственное управление». – Режим доступа: https://digital.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1960994.pdf (доступ – свободный), дата обращения – 20.05.2020. – Текст: электронный.

665. Родня с криминальным наклоном. – Режим доступа: <https://ch.versia.ru/pri-poluchenii-vzyatki-zaderzhana-rodnaya-sestra-ministra-finansov-chuvashii-svetlany-enilinoj> (доступ – свободный), дата обращения – 08.04.2020. – Текст: электронный.

666. Сводная инфографика по уровню коррупции субъектов федерации ДФО, Дальневосточный центр политических исследований. – Режим доступа: <https://amurmedia.ru/news/645204/> – Текст: электронный.

667. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2018 г.» // Опубликованы на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> Доступ – свободный. Дата обращения – 22.08.2019. – Текст: электронный.

668. Сводный доклад о результатах участия в 2019 году государственных органов Ульяновской области в проведении единой государственной политики в области противодействия коррупции. – Режим доступа: <http://anticorrupt.ulgov.ru/wp-content/uploads/reports/2019.pdf> (доступ – свободный), дата обращения – 11.06.2020. – Текст: электронный.

669. Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2018 году размещен на сайте Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан (<http://anticorruption.tatarstan.ru>). – Режим доступа: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/reports/2018.htm> Доступ – свободный (дата обращения – 08.07.2019). – Текст: электронный.

670. Сколько денег хранят за границей богатые россияне. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-46036319> (доступ – свободный), дата обращения – 10.03.2020. – Текст: электронный.

671. Сколько Россия теряет из-за коррупции (аналитическая заметка 2018). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/41381361-skolko-rossiya-teryaet-iz-za-korrupsiy/> Доступ – свободный (дата обращения – 07.07.2019). – Текст: электронный.

672. Сокращение бюджетных дотаций российским регионам к 2024 году. – Режим доступа: https://obrmos.ru/go/go_vys/Articles/go_vys_sokr_b.html – Текст: электронный.

673. Татарстан потратит из бюджета 28 млн рублей на обучение госслужащих. – Режим доступа: <https://tat.versia.ru/tatarstan-potratit-iz-byudzheta->

28-mln-rublej-na-obuchenie-gossluzhashhix (доступ - свободный), дата обращения – 14.05.2020. – Текст: электронный.

674. Ущерб от коррупционных преступлений в РТ составил 800 млн рублей. – Режим доступа: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5ca7575e9a7947137dca509c> (доступ – свободный), дата обращения – 02.04.2020. – Текст: электронный.

675. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года по данным Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar (доступ – свободный), дата обращения – 21.03.2020. – Текст: электронный.

676. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года по данным Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (доступ – свободный), дата обращения – 21.03.2020. – Текст: электронный.

Источники на иностранном языке:

677. Addo, A. IT and Government Corruption in Developing Countries: A Literature Review and Reframing / A. Addo // International Conference on Social Implications of Computers in Developing Countries. – Springer, Cham, 2019. – pp. 402-413.

678. Ades, A. Rents, competition, and corruption / A. Ades, R. Di Tella // American economic review. – 1999. – Vol. 89. – №. 4. – pp. 982-993.

679. Alt, J.E. Enforcement and public corruption: evidence from US states / J.E. Alt, D.D. Lassen // University of Copenhagen Department of Economics EPRU Working Paper. – 2010. – №. 2010-08.

680. Ameen, A.A. Information systems strategies to reduce financial corruption / A.A. Ameen, K. Ahmad // Leadership, Innovation and Entrepreneurship as Driving Forces of the Global Economy. – Springer, Cham, 2017. – pp. 731-740.

681. Andersen, T.B. E-Government as an anti-corruption strategy / T.B. Andersen // Information Economics and Policy. – 2009. – Vol. 21. – №. 3. – pp. 201-210.

682. Andvig, J.C. The economics of corruption: A survey / J.C. Andvig // *Studi economici*. – 1991. – Vol. 43. – №. 1. – pp. 57-94.
683. Anechiarico, F. Visions of corruption control and the evolution of American public administration / F. Anechiarico, J.B. Jacobs // *Public administration review*. – 1994. – Vol. 54. – №. 5. – P. 465.
684. Armantier, O. A controlled field experiment on corruption / O. Armantier, A. Boly // *European Economic Review*. – 2011. – Vol. 55. – №. 8. – pp. 1072-1082.
685. Ashforth, B.E. et al. Re-viewing organizational corruption / B.E. Ashforth // *Academy of Management review*. – 2008. – Vol. 33. – №. 3. – pp. 670-684.
686. Ata, A.Y. Determinants of economic corruption: a cross-country data analysis / A.Y. Ata, M.A. Arvas // *International Journal of Business and Social Science*. – 2011. – Vol. 2. – №. 13. – pp. 161-169.
687. Athanasouli, D. Corruption and management practices: Firm level evidence / D. Athanasouli, A. Goujard // *Journal of Comparative Economics*. – 2015. – Vol. 43. – №. 4. – pp. 1014-1034.
688. Azam, J.P. The effect of fiscal policy and corruption control mechanisms on firm growth and social welfare: Theory and evidence / J.P. Azam, B. Gauthier, J. Goyette // *Cahier de recherche no IEA*. – 2004. – Vol. 4. – p. 10.
689. Badalau, N. Corruption and Decentralization in Local Public Administration / N. Badalau // *Valahian Journal of Economic Studies*. – 2012. – Vol. 3. – №. 1. – p. 97.
690. Becker, G.S. If you want to cut corruption, cut government / G.S. Becker // *Business Week*. – 1995. – Vol. 3454. – p. 26.
691. Becker, G.S. To root out corruption, boot out big government / G.S. Becker // *Business Week*. – 1994. – Vol. 31. – №. 1. – p. 18.
692. Becker, G.S. Want to squelch corruption? Try passing out raises / G.S. Becker // *Business Week*. – 1997. – Vol. 3.
693. Beyerle, S. Civil resistance and the corruption-violence nexus / S. Beyerle // *J. Soc. & Soc. Welfare*. – 2011. – Vol. 38. – p. 53.

694. Branco, M.C. Liability of foreignness and anti-corruption reporting in an emerging market: The case of Turkish listed companies / M.C. Branco, C. Delgado, D. Turker // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 232. – pp. 118-126.
695. Bujko, M. How institutions shape land deals: The role of corruption / M. Bujko et al. // *Homo Oeconomicus*. – 2016. – Vol. 33. – №. 3. – pp. 205-217.
696. Burke, T.F. The concept of corruption in campaign finance law / T.F. Burke // *Const. Comment.* – 1997. – Vol. 14. – p. 127.
697. Cable, V. What is International Economic Security? / V. Cable // *International Affairs*. - 1995. - Vol. 71, No. 2. - pp. 312-317.
698. Campbell, L. Corruption in Commercial Enterprise: Law, Theory and Practice / L. Campbell, N. Lord (ed.). – Routledge, 2018. 294 p.
699. Cheloukhine, S. Character, Areas, and Level of Corruption in Russia / S. Cheloukhine // *Policing in Russia*. – Springer, Cham, 2017. – pp. 1-6.
700. Collins, J.D. Why firms engage in corruption: A top management perspective / J.D. Collins, K. Uhlenbruck, P. Rodriguez // *Journal of Business Ethics*. – 2009. – Vol. 87. – №. 1. – pp. 89-108.
701. Darling, C. The duty to disclose: Implications for corruption in commercial enterprise / C. Darling // *Corruption in Commercial Enterprise*. – Routledge, 2018. – pp. 199-214.
702. De Sousa, L. Anti-corruption agencies: between empowerment and irrelevance / L. De Sousa // *Crime, law and social change*. – 2010. – Vol. 53. – №. 1. – pp. 5-22.
703. De Waal, T. Fighting a culture of corruption in Ukraine / T. De Waal // *Carnegie Europe*. – 2016. – Vol. 18. – p. 201.
704. Deflem, M. Corruption, law, and justice: A conceptual clarification / M. Deflem // *Journal of Criminal Justice*. – 1995. – Vol. 23. – №. 3. – pp. 243-258.
705. M.dela Rama, M. Future directions for research into corruption and anticorruption practice / M. dela Rama, C. Rowley // *The Changing Face of Corruption in the Asia Pacific*. – Elsevier, 2017. – pp. 369-377.

706. Dincer, O. Does corruption slow down innovation? Evidence from a cointegrated panel of US states / O. Dincer // *European Journal of Political Economy*. – 2019. – Vol. 56. – pp. 1-10.

707. Dixit, A. Anti-corruption institutions: Some history and theory / A. Dixit // *Institutions, Governance and the Control of Corruption*. – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – pp. 15-49.

708. Doig, A. Good government and sustainable anti - corruption strategies: A role for independent anti - corruption agencies? / A. Doig // *Public Administration and Development*. – 1995. – Vol. 15. – №. 2. – pp. 151-165.

709. Doig, A. Corruption and anti-corruption strategies: Issues and case studies from developing countries / A. Doig, S. Riley // *Corruption and integrity improvement initiatives in developing countries*. – 1998. – Vol. 45. – p. 62.

710. Dong, B. Corruption and political interest: empirical evidence at the micro level / B. Dong, B. Torgler // *Journal of Interdisciplinary Economics*. – 2009. – Vol. 21. – №. 3. – pp. 295-325.

711. Dreher, A. The economic costs of corruption: A survey and new evidence / A. Dreher, T. Herzfeld // Available at SSRN 734184. – 2005. [Электронный ресурс] <https://ssrn.com/abstract=734184> (доступ – под паролем), дата обращения – 01.04.2020.

712. Dreher, A. Corruption and the shadow economy: an empirical analysis / A. Dreher, F. Schneider // *Public Choice*. – 2010. – Vol. 144. – №. 1-2. – pp. 215-238.

713. Ehrlich, I. Bureaucratic corruption and endogenous economic growth / I. Ehrlich, F.T. Lui // *Journal of Political Economy*. – 1999. – Vol. 107. – №. S6. – pp. 270-293.

714. Eriotis, N.P. Profit margin and capital structure: an empirical relationship / N.P. Eriotis, Z. Frangouli, Z. Ventoura-Neokosmides // *Journal of Applied Business Research (JABR)*. – 2002. – Vol. 18. – №. 2.

715. Ertimi, B.E. The impact of corruption on some aspects of the economy / B.E. Ertimi, M.A. Saeh // *International Journal of Economics and Finance*. – 2013. – Vol. 5. – №. 8. – pp. 1-8.

716. Fisman, R. Decentralization and corruption: Evidence from US federal transfer programs / R. Fisman, R. Gatti // *Public Choice*. – 2002. – Vol. 113. – №. 1-2. – pp. 25-35.

717. Fredriksson, P.G. Bureaucratic corruption, environmental policy and inbound US FDI: theory and evidence / P.G. Fredriksson, J.A. List, D.L. Millimet // *Journal of public Economics*. – 2003. – Vol. 87. – №. 7-8. – pp. 1407-1430.

718. Gardberg, N.A. Corruption and corporate reputation: The paradox of buffering and suffering / N.A. Gardberg, V. Sampath, N. Rahman // *Academy of Management proceedings*. – Academy of Management, 2012. – Vol. 2012. – №. 1. – pp. 1-1.

719. Garner, R. Socio-economic security and insecurity in socialist and capitalist political economies: a survey study of two European cities / R. Garner, L. Garner // *Science and Society*. - 1991. - Vol. 55. - pp. 5-25.

720. Gebel, A.C. Human nature and morality in the anti - corruption discourse of transparency international / A.C. Gebel // *Public Administration and Development*. – 2012. – Vol. 32. – №. 1. – pp. 109-128.

721. Génaux, M. Social sciences and the evolving concept of corruption / M. Génaux // *Crime, law and social change*. – 2004. – Vol. 42. – №. 1. – pp. 13-24.

722. Granlund, M. Management control and controllership in new economy firms—a life cycle perspective / M. Granlund, J. Taipaleenmäki // *Management Accounting Research*. – 2005. – Vol. 16. – №. 1. – pp. 21-57.

723. Gruchy, A.G. Neoinstitutionalism and the Economics of Dissent / A.G. Gruchy // *Journal of Economic Issues*. – 1969. – Vol. 3. – №. 1. – pp. 3-17.

724. Hager, W. Perceptions of Economic Security / W. Hager // *Gesau F.A.M.* - Op. cit., 2001. - 218 p.

725. Hansen, H.K. Managing corruption risks / H.K. Hansen // *Review of International Political Economy*. – 2011. – Vol. 18. – №. 2. – pp. 251-275.

726. Haque, N.U. Do government wage cuts close budget deficits? Costs of corruption / N.U. Haque, R. Sahay // Staff Papers. – 1996. – Vol. 43. – №. 4. – pp. 754-778.
727. Harrison-Cudjoe, S. Quiet corruption: anti-corruption's Trojan horse / S. Harrison-Cudjoe // Journal of Advocacy, Research and Education. - 2018. - № 5 (2). - pp. 76-80.
728. Heilbrunn, J.R. Anti-corruption commissions: Panacea or real medicine to fight corruption / J.R. Heilbrunn // World Bank Institute. – 2004. – p. 2.
729. Hindess, B. Good government and corruption / B. Hindess et al. // Corruption and anti-corruption. – 2001. – pp. 1-10.
730. Hodgson, G.M. The economics of corruption and the corruption of economics: an institutionalist perspective / G.M. Hodgson, S. Jiang // Journal of Economic Issues. - 2007. - Vol. 41. - № 4. - pp. 1043-1061.
731. Hodgson, G.M. What are institution? / G.M. Hodgson // Journal of economic issues. - 2006. - vol. XI. - №1. - p. 2.
732. Hoffmann, L.K. Collective action on corruption in Nigeria: A social norms approach to connecting society and institutions / L.K. Hoffmann, R.N. Patel. – London: Chatham House, 2017. – pp. 1-53.
733. Hsieh, D.A. Margin regulation and stock market volatility / D.A. Hsieh, M.H. Miller // The Journal of Finance. – 1990. – Vol. 45. – №. 1. – pp. 3-29.
734. Huntington, S.P. Modernization and corruption / S.P. Huntington // Political corruption: Concepts and contexts. – 2002. – pp. 253-263.
735. Jacobs, J.B. Dilemmas of corruption control / J.B. Jacobs // Persp. on Crime & Just. – 1998. – Vol. 3. – p. 73.
736. Jha, C.K. Does social media reduce corruption? / C.K. Jha, S. Sarangi // Information Economics and Policy. – 2017. – Vol. 39. – pp. 60-71.
737. Jha, C. Individualism and Corruption: A Cross - Country Analysis / C. Jha, B. Panda // Economic Papers: A journal of applied economics and policy. – 2017. – Vol. 36. – №. 1. – pp. 60-74.

738. Jiang Yong. Economic Security: Redressing Imbalance / Yong Jiang // China Security. - 2008. - Vol. 3, No 2. - pp. 66-85.

739. Johnston, M. Fighting systemic corruption: Social foundations for institutional reform / M. Johnston // The European Journal of Development Research. – 1998. – Vol. 10. – №. 1. – pp. 85-104.

740. Junker, L.J. Theoretical foundations of neo-institutionalism / L.J. Junker // The American Journal of Economics and Sociology. – 1968. – Vol. 27. – №. 2. – pp. 197-213.

741. Kaufmann, D. Research on corruption: Critical empirical issues / D. Kaufmann // Economics of corruption. – Springer, Boston, MA, 1998. – pp. 129-176.

742. Kaufmann, D. Response to ‘What do the worldwide governance indicators measure?’ / D. Kaufmann, A. Kraay, M. Mastruzzi // The European Journal of Development Research. – 2010. – Vol. 22. – №. 1. – pp. 55-58.

743. Kaufmann, D. The Worldwide Governance indicators project: answering the critics / Daniel Kaufmann, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi. - Washington: World bank, World bank institute, Global programs and development research group, Growth and macroeconomics team, 2007. –33 p.

744. Kaufmann, D. The worldwide governance indicators: methodology and analytical issues / D. Kaufmann, A. Kraay, M. Mastruzzi // Hague Journal on the Rule of Law. – 2011. – Vol. 3. – №. 2. – pp. 220-246.

745. Kim, S. An institutional analysis of an e-government system for anti-corruption: The case of OPEN / S. Kim, H.J. Kim, H. Lee // Government Information Quarterly. – 2009. – Vol. 26. – №. 1. – pp. 42-50.

746. Koch, H. How a Low-Margin Business Cocreated Analytics Value through an Innovation Partnership / H. Koch et al. // MIS Quarterly Executive. – 2019. – Vol. 18. – №. 3.

747. Kubbe, I. Corruption and Norms: Why Informal Rules Matter / I. Kubbe, A. Engelbert (ed.). – Springer, 2017. - 370 p.

748. Lambsdorff, J.G. The new institutional economics of corruption / J.G. Lambsdorff, M. Taube, M. Schramm. – Routledge, 2004. – Vol. 64. - 272 p.

749. Larson, A. US policy on corruption / A. Larson // *Corruption and the global economy*. – 1997. – pp. 237-241.
750. Leenhardt, M. Les Carnets de Lucien Lévy-Bruhl / M. Leenhardt // *Cahiers Internationaux de Sociologie*. – 1949. – Vol. 6. – pp. 28-42.
751. Lévy-Bruhl, L. L'âme primitive / L. Lévy-Bruhl et al. – F. Alcan, 1927.
752. Locatelli, G. Corruption in public projects and megaprojects: There is an elephant in the room! / G. Locatelli et al. // *International Journal of Project Management*. – 2017. – Vol. 35. – №. 3. – pp. 252-268.
753. Losman, D. Economic Security. A National Security Folly? / D. Losman // *Policy Analysis*. - 2001. - No. 409. - pp. 1 – 12.
754. Low, C.K. Corporate Criminal Liability and Section 17A of the Malaysian Anti-Corruption Commission Act / C.K. Low, T.Y. Low // *Singapore Academy of Law Journal*. – 2020. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3526595 (доступ – под паролем), дата обращения – 21.05.2020.
755. Luciani, J. The Economic Content of Security / J. Luciani // *Journal of Public Policy*. - 1988. - Vol. 8, No. 2. - pp. 151-173.
756. Lui, F.T. A dynamic model of corruption deterrence / F.T. Lui // *Journal of public Economics*. – 1986. – Vol. 31. – №. 2. – pp. 215-236.
757. Lui, F.T. The Economic of Corruption and the 1989 Crisis in China / F.T. Lui // *China, the Crisis of 1989: origins and implicatons*. – 1990.
758. Lui, F.T. Three aspects of corruption / F.T. Lui // *Contemporary Economic Policy*. – 1996. – Vol. 14. – №. 3. – pp. 26-29.
759. Manion, M. Correction to “corruption by design” / M. Manion // *Journal of Law, Economics, and Organization*. - 1998. - Vol. 14. - № 1. - pp. 180.
760. Meagher, P. Anti - corruption agencies: Rhetoric Versus reality / P. Meagher // *The Journal of Policy Reform*. – 2005. – Vol. 8. – №. 1. – pp. 69-103.
761. Misangyi, V.F. Ending corruption: The interplay among institutional logics, resources, and institutional entrepreneurs / V.F. Misangyi, G.R. Weaver, H. Elms // *Academy of Management Review*. – 2008. – Vol. 33. – №. 3. – pp. 750-770.

762. Mo, P.H. Corruption and economic growth / P.H. Mo // *Journal of comparative economics*. – 2001. – Vol. 29. – №. 1. – pp. 66-79.

763. Mocan, N. What determines corruption? International evidence from microdata / N. Mocan // *Economic Inquiry*. – 2008. – Vol. 46. – №. 4. – pp. 493-510.

764. Morita, M. Strategic management cycle: The underlying process building aligned linkage among operations practices / M. Morita, E.J. Flynn, S. Ochiai // *International Journal of Production Economics*. – 2011. – Vol. 133. – №. 2. – pp. 530-540.

765. Mukherjee, D. Corruption in International Business: Does Economic Globalization Help? / D. Mukherjee // *Global Business Review*. – 2018. – Vol. 19. – №. 3. – pp. 623-634.

766. Mungiu-Pippidi, A. Measuring control of corruption by a new index of public integrity / A. Mungiu-Pippidi, R. Dadašov // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 2016. – Vol. 22. – №. 3. – pp. 415-438.

767. Nam, T. Examining the anti-corruption effect of e-government and the moderating effect of national culture: A cross-country study / T. Nam // *Government Information Quarterly*. – 2018. – Vol. 35. – №. 2. – pp. 273-282.

768. Nasuti, P. Administrative Cohesion and Anti-Corruption Reforms in Georgia and Ukraine / P. Nasuti // *Europe-Asia Studies*. – 2016. – Vol. 68. – №. 5. – pp. 847-867.

769. Neeman, Z. Corruption and openness / Z. Neeman, M.D. Paserman, A. Simhon // *The BE Journal of Economic Analysis & Policy*. – 2008. – Vol. 8. – №. 1.

770. Neupane, A. Application of e-government principles in anti-corruption framework / A. Neupane et al. // *Digital Governance and E-Government Principles Applied to Public Procurement*. – IGI Global, 2017. – pp. 56-74.

771. North, D. Institutions / D. North // *Journal of Economic Perspectives*. – 1991. – № 1. – p. 97.

772. Offe, C. Political corruption: Conceptual and practical issues / C. Offe // *Building a trustworthy state in post-socialist transition*. – Palgrave Macmillan, New York, 2004. – pp. 77-99.

773. Owusu, E.K. Thematic overview of corruption in infrastructure procurement process / E.K. Owusu, A.P.C. Chan, A. Darko // *Journal of Infrastructure Systems*. – 2019. – Vol. 25. – №. 2. – pp. 25-29.

774. Pavroz, A. Corruption-oriented model of governance in contemporary Russia / A. Pavroz // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2017. – Vol. 50. – №. 2. – pp. 145-155.

775. Rendtorff, J.D. The concept of corruption: Moral and political perspectives / J.D. Rendtorff // *Organizational immunity to corruption: Building theoretical and research foundations*. – 2010. – p. 111.

776. Reuleaux, F. The kinematics of machinery: outlines of a theory of machines / F. Reuleaux. – Courier Corporation, 2013. - 640 p.

777. Röbbken, H. Organizations and Institutional Environments: Neo-Institutionalism / H. Röbbken // *Inside the “Knowledge Factory”*. – Deutscher Universitätsverlag, Wiesbaden, 2004. – pp. 9-26.

778. Rojas, M. Corruption and Weak Institutions / M. Rojas // *Well-Being in Latin America*. – Springer, Cham, 2020. – pp. 155-164.

779. Rose-Ackerman, S. Corruption and development / S. Rose-Ackerman // *Annual World Bank conference on development economics 1997*. – Washington DC: World Bank, 1998. – pp. 35-57.

780. Rose–Ackerman, S. Corruption and government / S. Rose-Ackerman // *International peacekeeping*. – 2008. – Vol. 15. – №. 3. – pp. 328-343.

781. Rose-Ackerman, S. Corruption in International Business. The Obligations of Multinational Firms / S. Rose-Ackerman // *zfwu Zeitschrift für Wirtschafts-und Unternehmensethik*. – 2018. – Vol. 19. – №. 1. – pp. 6-24.

782. Rose-Ackerman, S. Corruption: A study in political economy / S. Rose-Ackerman. – Academic Press, 2013. 258 p.

783. Rose-Ackerman, S. Democracy and ‘grand’corruption / S. Rose-Ackerman // *International social science journal*. – 1996. – Vol. 48. – №. 149. – pp. 365-380.

784. Rose-Ackerman, S. The economics of corruption / S. Rose-Ackerman // *Journal of public economics*. – 1975. – Vol. 4. – №. 2. – pp. 187-203.

785. Rose-Ackerman, S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process / S. Rose-Ackerman // *European Journal of Sociology* / *Archives Européennes de Sociologie*. – 2001. – Vol. 42. – №. 3. – pp. 526-570.

786. Rubasundram, G.A. Corruption and Good Governance / G.A. Rubasundram, R. Rasiah // *Journal of Southeast Asian Economies*. – 2019. – Vol. 36. – №. 1. – pp. 57-70.

787. Sapountzaki, K. Disconnected policies and actors and the missing role of spatial planning throughout the risk management cycle / K. Sapountzaki et al. // *Natural Hazards*. – 2011. – Vol. 59. – №. 3. – pp. 1445-1474.

788. Schultz, T.W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities / T.W. Schultz. In: *Human Resources / Fiftieth Anniversary Colloquium*. VI. N. Y / 1975.

789. Sekkat, K. Civil Society and the Specific Role of ICT / K. Sekkat // *Is Corruption Curable?* – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – pp. 299-309.

790. Shalabi, Y. Corruption and Economic Growth / Y. Shalabi. – Mälardalen University 2019. - 48p.

791. Shen, C. Corruption, democracy, economic freedom, and state strength: A cross-national analysis / C. Shen, J.B. Williamson // *International Journal of Comparative Sociology*. – 2005. – Vol. 46. – №. 4. – pp. 327-345.

792. Sinha, A. Algorithms on machines / A. Sinha // *Proceedings of 6th WSEAS International Conference on Robotics, Control and Manufacturing Technology (ROCOM'06)*. – 2006. – pp. 16-18.

793. Slager, R. The discursive construction of corruption risk / R. Slager // *Journal of Management Inquiry*. – 2017. – Vol. 26. – №. 4. – pp. 366-382.

794. Søreide, T. Corruption in state administration / T. Søreide, S. Rose-Ackerman // *Research handbook on corporate crime and financial misdealing*. – Edward Elgar Publishing, 2018. pp. 195–218.

795. Stückelberger, C. Continue Fighting Corruption / C. Stückelberger // *Impulse*. – 2003. – Vol. 2. – №. 03. – p. 1.

796. Swaleheen, M. Economic growth with endogenous corruption: an empirical study / M. Swaleheen // *Public Choice*. – 2011. – Vol. 146. – №. 1-2. – pp. 23-41.

797. Terpstra, T. Neo-institutionalism in ancient economic history: the road ahead / T. Terpstra // *A Research Agenda for New Institutional Economics*. – Edward Elgar Publishing, 2018. - pp. 233-240.

798. Thompson, D.F. Theories of institutional corruption / D.F. Thompson // *Annual Review of Political Science*. – 2018. – Vol. 21. – pp. 495-513.

799. Uberti, L.J. Can institutional reforms reduce corruption? Economic theory and patron–client politics in developing countries / L.J. Uberti // *Development and Change*. – 2016. – Vol. 47. – №. 2. – pp. 317-345.

800. Vivchar, O.I. Management system interpreting financial and economic security business in economic process / O.I. Vivchar // *IEJME: Mathematics Education*. - 2016. - Vol. 11. - № 4. - pp. 947-959.

801. Welsch, H. Corruption, growth, and the environment: a cross-country analysis / H. Welsch // *Environment and Development Economics*. - 2004. - Vol. 9. - № 5. - pp. 663-693.

802. Werlin, H.H. The concept of secondary corruption / H.H. Werlin // *International review of administrative sciences*. – 2000. – Vol. 66. – №. 1. – pp. 181-185.

803. Zagaris, B. Transnational Corruption and Transparency / B. Zagaris, A. Psilakis // *IELR*. – 2019. – Vol. 35. – p. 245.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
Московская ул., д. 55, г. Казань, 420021

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИКЪТИСАД МИНИСТРЛЫГЫ
Маскау ур., 55 йорт, Казан шәһәре, 420021

Телефон: (843) 524-91-11, 524-91-21, факс/фак: (843) 524-91-22, e-mail: me.rt@tatar.ru, http://mert.tatarstan.ru

01-18/693 № 14.03.2022
На № _____ от _____

В объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.239.03

СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ

Во исполнение Указа Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 №УП-148 «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами» осуществляется мониторинг эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер (далее – Антикоррупционный мониторинг).

Министерством экономики Республики Татарстан для проведения Антикоррупционного мониторинга в первом полугодии 2021 года были использованы материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации» – ключевые индикаторы и методика рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления регионов по показателям антикоррупционного мониторинга.

Данные индикаторы и методика будут в дальнейшем использоваться для проведения ежегодного Антикоррупционного мониторинга в Республике Татарстан.

Заместитель министра

А.Р. Шамсиев

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

МИНИСТЕРСТВО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ул. Федосеевская, дом 36, г. Казань, 420014

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
АВЫЛ ХУЖАЛЫГЫ
ҺӘМ АЗЫК-ТӨЛЕК
МИНИСТРЛЫГЫ

Федосеевская ур., 36 йорт, Казан ш., 420014

Тел.: (843) 221 76 00, факс: (843) 221 76 79, agro@tatar.ru, www.agro.tatar.ru

15.03 2022 № 05/2-01
На № _____ от _____

В объединенный совет по защите
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук Д 999.239.03

Справка о внедрении

Сельское хозяйство Республики Татарстан все пореформенные годы было в приоритете по его бюджетной поддержке. И в настоящее время на его развитие выделяется порядка 16 млрд. рублей. Бюджетополучателями являются почти 60 тысяч субъектов хозяйственной деятельности, что актуализирует необходимость контроля, в том числе и антикоррупционного, за их эффективным использованием.

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации», методика мониторинга с 2021 года применяется для определения рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности территориальных управлений Министерства, органов местного самоуправления муниципальных районов, что положительно сказывается на деятельности всего Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан.

Заместитель министра

Хабибов

Р.Р. Хабипов

ПРИЛОЖЕНИЕ В. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – МИНИСТЕРСТВО СПОРТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

МИНИСТЕРСТВО СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ул.Петербургская, д.12,
г.Казань, 420107

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СПОРТ МИНИСТРЛЫГЫ

Петербургская урамы, 12 нче йорт,
Казан шәһәре, 420107

Тел.: (843) 222-81-01, факс: (843) 222-81-79. E-mail: minsport@tatar.ru, http://minsport.tatarstan.ru

31.03.2022 № 531-ДВ
На № _____ от _____

В объединенный совет по защите
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук
Д 999.239.03.

Справка о внедрении

Министерством спорта Республики Татарстан согласно Календарному плану спортивных мероприятий и физкультурных мероприятий Республики Татарстан и Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на территории республики ежегодно проводятся более 600 физкультурно-спортивных мероприятий различного уровня. Министерство обеспечивает организацию и финансирование указанных спортивных мероприятий, а также командирование спортсменов для участия в различных спортивных мероприятиях в другие регионы и страны. Учитывая изложенное, актуальным является вопрос контроля за эффективным использованием финансовых средств.

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономика, бухгалтерского учета и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации», методика мониторинга с 2021 года применяется для определения рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности структурных подразделений Министерства, органов местного самоуправления муниципальных районов, что положительно сказывается на деятельности всего Министерства спорта Республики Татарстан.

И.о. заместителя министра

Д.В.Дорогов

**ПРИЛОЖЕНИЕ Г. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – МОО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ»**

Межрегиональная общественная организация
«Национальный Комитет Общественного Контроля»
Interregional Non-Governmental Organization National Public Control Committee
Москва, 123007, 2-й Хорошевский проезд, дом 9, корп.1. Тел. 8(985)669-34-99; makokok2013@mail.ru

На № 7-102 от 28.03 2022 г.

В объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.239.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева», ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»

СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ

МОО «НКОК» более 10 лет принимает активное участие в различных сферах деятельности общества, достиг реальных результатов в обеспечении антикоррупционного общественного контроля, противодействию коррупции, а также в оказании регулярного содействия государственным органам по реализации государственных программ.

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алек-

сеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации» используются в работе МОО «НКОК» по противодействию коррупции, осуществлению общественного контроля над деятельностью государственных и муниципальных органов, а также в поддержке государственных органов, органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции, содействию в обеспечении общественной безопасности в русле Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом России 20 ноября 2013 г. (пункт 16 Концепции).

С уважением,

**Председатель правления МОО
«Национальный комитет общественного
контроля», Председатель РОО «Московский
антикоррупционный комитет»**

М.Р. Юсупов

ПРИЛОЖЕНИЕ Д. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – ТРО «АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»**

Татарстанское региональное отделение

Улица К.Насыри, дом 28, город Казань,
420021, а/я 373, телефон: (843) 203-57-97,
E-mail: ajurrt@mail.ru
ИНН/КПП 1655067311/165501001

**«РОССИЯ ЮРИСТЛАРЫ
АССОЦИАЦИЯСЕ» ГОМУМ РОССИЯ
ИЖТИМАГЫЙ ОЕШИМАСЫ**

Татарстан төбәк бүлеге

К.Насыри урамы, 28 нче йорт, Казан шәһәре,
420021, а/я 373, телефон: (843) 203-57-97,
E-mail: ajurrt@mail.ru
ИНН/КПП 1655067311/165501001

15.03.2022 г. исх. № 14/1

В объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.239.03

СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации», применяются в практической деятельности Татарстанского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», а именно, используются критерии классификации и организационно-управленческие основы реализации антикоррупционного контроля, а также принимаются во внимание перспективы его развития.

Председатель Исполнительного комитета
Татарстанского регионального отделения
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»

Т.Г. Какохо

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

**СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Региональная общественная организация «Союз общественных деятелей Республики Татарстан»
ОГРН 1131600004546 ИНН 1657115754 КПП 165701001

Юр. адрес: 420132, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Чуйкова, 43, корп. 2, 36, тел.: 8 (843) 200 07 07

р/сч № 40703810200070026543 в АКБ «Энергобанк» (ПАО), г. Казань, корр. счет № 30101810300000000770, БИК 049205770

Исх. № 63-22 от «30» марта 2022 г.

**В объединенный совет по защите
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук
Д 999.293.03.**

Справка о внедрении

Союз общественных деятелей Республики Татарстан объединяет руководителей патриотических, спортивных и молодежных организаций, известных ученых и преподавателей, именитых спортсменов и тренеров, популярных артистов и актёров, ветеранов и участников боевых действий, представителей бизнеса и политики, благотворителей и меценатов, экспертов в различных сферах жизнедеятельности, представителей религиозных конфессий и других общественников.

В целях реализации миссии, целей и задач, закрепленных в уставе, Союз осуществляет правозащитную деятельность, уделяет большое внимание проблемам здравоохранения и охраны здоровья граждан, пристально следит за благополучием, детей и населения в целом, проводит ряд международных, всероссийских и региональных мероприятий. Учитывая вышесказанное, актуальным является вопрос контроля за эффективным использованием финансовых средств и материальной базы.

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учета и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации», методика мониторинга с 2021 года применяется для определения рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности структурных подразделений Союза и входящих в состав Союза общественных объединений, что положительно сказывается на работе и общественно-полезной деятельности Союза общественных деятелей Республики Татарстан в целом.

Председатель совета

т. +7 (843) 290-39-90

А. А. Даренков

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – ФГБОУ ДПО «ТАТАРСКИЙ ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ АГРОБИЗНЕСА»

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение дополнительного профессионального образо-
вания
«ТАТАРСКИЙ ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАД-
РОВ АГРОБИЗНЕСА»
ФГБОУ ДПО ТИПКА
ул. Оренбургский тракт, д.8, г.Казань, 420059
Телефон: (843) 277-51-86
Email: tipkia@mail.ru

РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯ СЕНЕЦ АВЫЛ
ХУЖАЛЫГЫ МИНИСТРЛЫГЫ
Өстәмә һөнәри белем бирү федераль дәүләт
бюджет учреждениесе
«ТАТАРСТАННЫҢ АГРОБИЗНЕС
БУЕНЧА КАДРЛАРНЫ ЯҢАДАН ХӨЗЕРЛӘУ
ИНСТИТУТЫ»
ФГБОУ ДПО ТИПКА
Оренбург тракты ур. 8 йорт, Казан ш., 420059
Телефон: (843) 277-51-86
Email: tipkia@mail.ru

16 марта 2022 г. № 01-07/402

В объединенный совет по защите
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук Д 999.239.03

СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ

Материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации» используются в образовательном процессе ФГБОУ ДПО «ТИПКА»: дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, учебные и учебно-методические пособия, для проведения лекционных и практических занятий, стажировок слушателей по основным образовательным программам по подготовке квалифицированных кадров в области экономической безопасности.

В соответствии с государственным заданием Министерства сельского хозяйства Российской Федерации за 2021-2022 годы по вышеуказанным программам прошли обучение 145 руководителей и специалистов, занимающихся противодействием коррупции и осуществлением управленческого контроля.

И.о. ректора

А.Р. Нигматзянов

**ПРИЛОЖЕНИЕ И. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – ГКУ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР» МИНИСТЕРСТВА ТРУДА,
ЗАНЯТОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

МИНИСТЕРСТВО ТРУДА, ЗАНЯТОСТИ И
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**Государственное казенное
учреждение «Республиканский
ресурсный центр Министерства
труда, занятости и социальной
защиты Республики Татарстан»**

Волгоградская ул., д. 47, г. Казань, 420044
ОКПО 98348427, ОГРН 1171690064358
ИНН/КПП 1657238273-165701001

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ХЕЗМӘТ,
ХАЛЫКНЫ ЭШ БЕЛӘН ТӘЭМИН ИТҮ ҺӘМ
СОЦИАЛЬ ЯКЛАУ МИНИСТРЛЫГЫ

**«Татарстан Республикасы Хезмәт,
халыкны эш белән тәэмин итү һәм
социаль яклау министрлыгының
республика ресурс үзәге»
дәүләт казна учреждениесе**

Волгоград ур., 47 нче йорт, Казан шәһәре., 420044
ОКПО 98348427, ОГРН 1171690064358
ИНН/КПП 1657238273-165701001

Тел.: 8(843) 522-87-71, факс: 522-87-80. E-mail: rrc.kzn@tatar.ru

31.03.2022г № 05-30/61
на № _____ от _____

В объединенный совет по
защите диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук Д 999.239.03

Справка о внедрении

Государственное казенное учреждение «Республиканский ресурсный центр Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан» использует материалы докторской диссертации кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры экономики, бухгалтерского учета и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеева Сергея Львовича, на тему «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации» в образовательном процессе в целях реализации системных мер в сфере антикоррупционной политики Республики Татарстан, в соответствии с национальным планом противодействия коррупции, в рамках дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Противодействие коррупционным проявлениям».

С 2021 года по вышеназванной программе прошли обучение 42 человека из числа руководителей и специалистов учреждений социального обслуживания, подведомственных Министерству труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан.

Директор

Горшунова

М.В. Горшунова

Ю.В. Тургенева
8(843) 567 57 77

ПРИЛОЖЕНИЕ К. СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ – АНО ВО «АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»**

Достоевского ул, д.10, г. Казань, Республика Татарстан, 420012
Тел., факс (843) 2362139
ИНН/КПП 1658207292/165501001
e-mail: aso-ksui@mail.ru
info@aso-ksui.ru

10.03 2022 № 09-33/35
На № _____

В объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.239.03

СПРАВКА О ВНЕДРЕНИИ

Материалы докторской диссертации на тему: «Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации» подготовленную кандидатом педагогических наук, доцентом, профессором кафедры Экономики, бухгалтерского учёта и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» Алексеевым Сергеем Львовичем используются в учебном процессе АНО ВО «Академия социального образования», а именно, учебные и учебно-методические пособия, для проведения лекционных и практических занятий, практической подготовке по основным профессиональным образовательным программам, уровень образования: высшее образование - Бакалавриат и высшее образование - Магистратура, а также в системе дополнительного профессионального образования по переподготовке кадров в сфере противодействия коррупции.

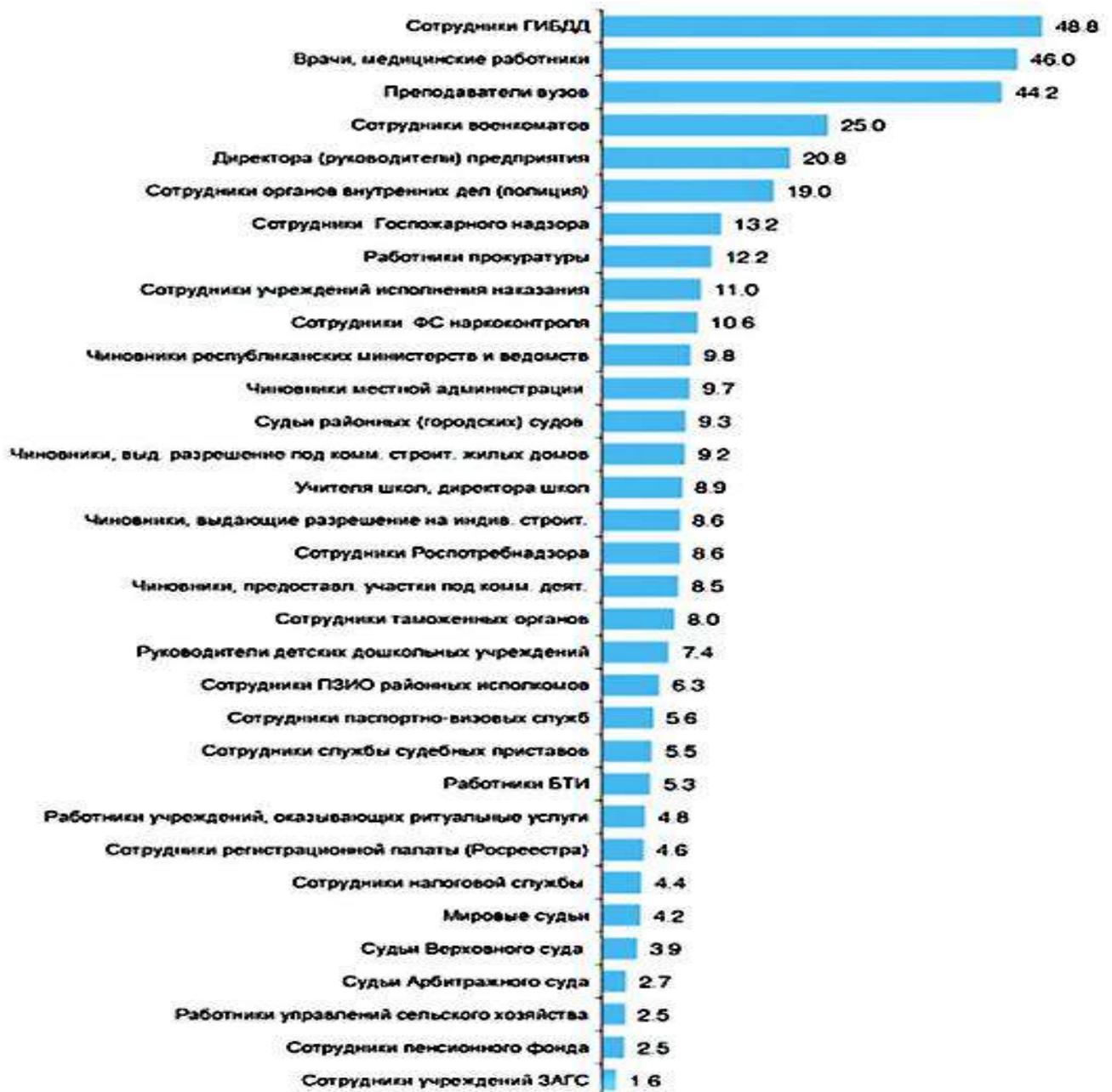
Справка дана для предоставления по месту требования.

Ректор

Н.Т. Дмитриева

**ПРИЛОЖЕНИЕ Л – РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН О КОРРУПЦИИ
(в процентах)**

Источник: Социологический опрос «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан» в 2020 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ М – СИСТЕМА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
«РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ РТ НА 2015-2020 ГОДЫ»**
(утв. Постановлением Кабинета Министров
Республики Татарстан от 19.07.2014 № 512)

ЦЕЛЬ ПРОГРАММЫ

Выявление и устранение причин коррупции (профилактика коррупции), создание условий, препятствующих коррупции, формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупции.

**НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОГРАММЫ ПРЕДУСМОТРЕНО
49,441 МЛН РУБЛЕЙ**

ОБЪЕМ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПО ГОДАМ:

2015	1,44 млн. руб.	2019	1,44 млн. руб.
2016	4,783 млн. руб.	2020	4,783 млн. руб.
2017	18,18 млн. руб.	2021	18,18 млн. руб.
2018	5,982 млн. руб.		

СТРУКТУРА ПРОГРАММЫ:

10 ЗАДАЧ | 113 МЕРОПРИЯТИЙ | 47 ИНДИКАТОРОВ

СИСТЕМА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛНЕНИЯ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА – на телеканале ТВН выпущено 9 телепередач антикоррупционной направленности, в СМИ опубликовано более 4200 материалов на тему коррупции

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ – по специализированным антикоррупционным программам прошли обучение 40 государственных и 51 муниципальный служащих

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА – проведена экспертиза 1914 проектов НПА и 15114 проектов МНПА, коррупциогенные факторы выявлены и устранены в 27 проектах, поступило более 100 заключений от независимых экспертов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ, ОБЩЕСТВЕННОСТИ К УЧАСТИЮ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ – проведены более 50 антикоррупционных акций, конкурсов, квизов, встреч, круглых столов, семинаров в детских лагерях и образовательных организациях республики. Организованы обучающие курсы для представителей общественных советов при органах государственной власти и местного самоуправления по вопросам противодействия коррупции

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – проведен опрос более 3100 респондентов во всех муниципальных районах и городских округах республики, по итогам которого подготовлен информационно-аналитический материал «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан в 2018 году»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Закон РТ «О профилактике коррупции в РТ»
(от 14.05.2004 № 34-ЗРТ)

Закон РТ «О государственной гражданской службе РТ»
(от 14.01.2003 № 3-ЗРТ)

Закон РТ «Об органах РТ о муниципальной службе»
(от 23.06.2013 № 28-ЗРТ)

Указ Президента РТ «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в РТ»
(от 13.10.2015 № 175-УК)

Указ Президента РТ «Об утверждении Положения об Управлении Президента РТ по вопросам антикоррупционной политики»
(от 21.01.2011 № 105-УП)

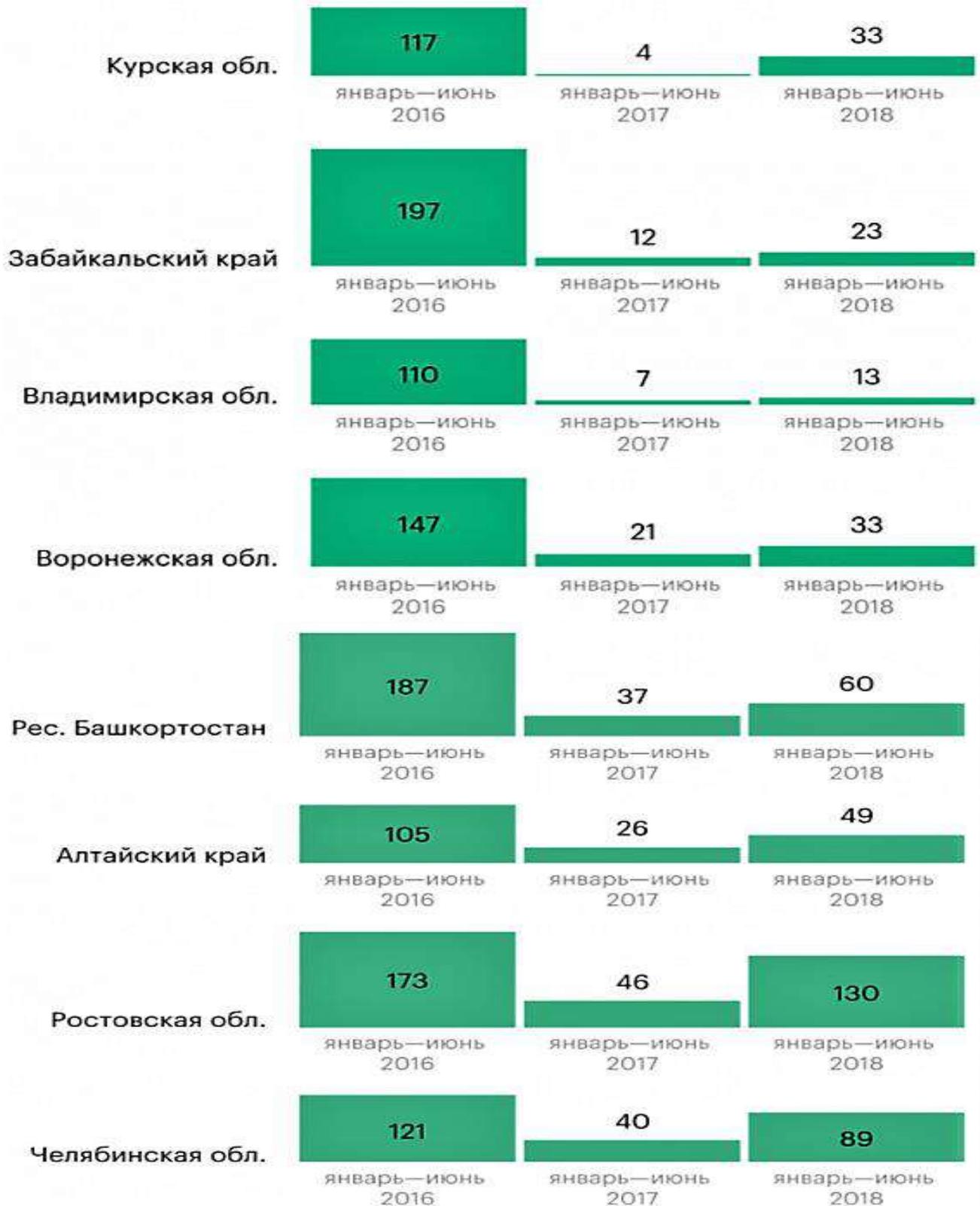
Указ Президента РТ «О комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих РТ и урегулированию конфликта интересов»
(от 25.08.2018 № 175-УП)

Указ Президента РТ «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих РТ»
(от 23.03.2015 № 175-УК)

Постановление Кабинета Министров РТ «Об утверждении государственной программы «Реализация антикоррупционной политики РТ на 2015-2021 годы»»
(от 19.07.2014 № 512)

Постановление Кабинета Министров РТ «Об утверждении Единой рабочей и редакционной и информационно-разделов официального сайта исполнительных органов государственной власти РТ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по вопросам противодействия коррупции»
(от 04.04.2013 № 22)

ПРИЛОЖЕНИЕ Н – РЕГИОНЫ С САМЫМИ СИЛЬНЫМИ ПЕРЕПАДАМИ КОЛИЧЕСТВА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Снижение количества преступлений в 2017 году и рост в 2018 году более чем на 50%.

Источник: Генпрокуратура. РБК, 2018 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ О – РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА О КОРРУПЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ

Сталкивались ли Вы с коррупцией?

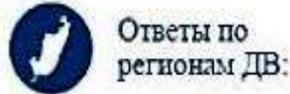
Да, сталкивался лично

Да, сталкивался, но не лично

Нет, не сталкивался

2
региона
"Повышенный уровень проникновения коррупции"

Приморский край

Да, сталкивался лично **38,7%**
Да, сталкивался, но не лично **59,6%**
Нет, не сталкивался **1,7%**

Сахалинская область

Да, сталкивался лично **31,1%**
Да, сталкивался, но не лично **67,1%**
Нет, не сталкивался **1,8%**

4
региона
"Средний уровень проникновения коррупции"

Хабаровский край

Да, сталкивался лично **36,2%**
Да, сталкивался, но не лично **59,1%**
Нет, не сталкивался **4,7%**

Амурская область

Да, сталкивался лично **34,1%**
Да, сталкивался, но не лично **58,1%**
Нет, не сталкивался **7,8%**

Камчатский край

Да, сталкивался лично **34,2%**
Да, сталкивался, но не лично **56,8%**
Нет, не сталкивался **9,0%**

Республика Саха (Якутия)

Да, сталкивался лично **36,6%**
Да, сталкивался, но не лично **54,7%**
Нет, не сталкивался **8,7%**

3
региона
"Пониженный уровень проникновения коррупции"

Чукотский авт. округ

Да, сталкивался лично **25,4%**
Да, сталкивался, но не лично **48,6%**
Нет, не сталкивался **26,0%**

Еврейская авт. область

Да, сталкивался лично **30,0%**
Да, сталкивался, но не лично **53,4%**
Нет, не сталкивался **16,6%**

Магаданская область

Да, сталкивался лично **27,0%**
Да, сталкивался, но не лично **49,6%**
Нет, не сталкивался **23,4%**

*В исследовании приняли участие 8 252 респондентов из 9 субъектов Дальнего Востока.

Источник: ООО ЦСИ «Чёрный клуб» 2018 г.

**ПРИЛОЖЕНИЕ П – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО
МОНИТОРИНГА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЗА I ПОЛУГОДИЕ 2021 г.**

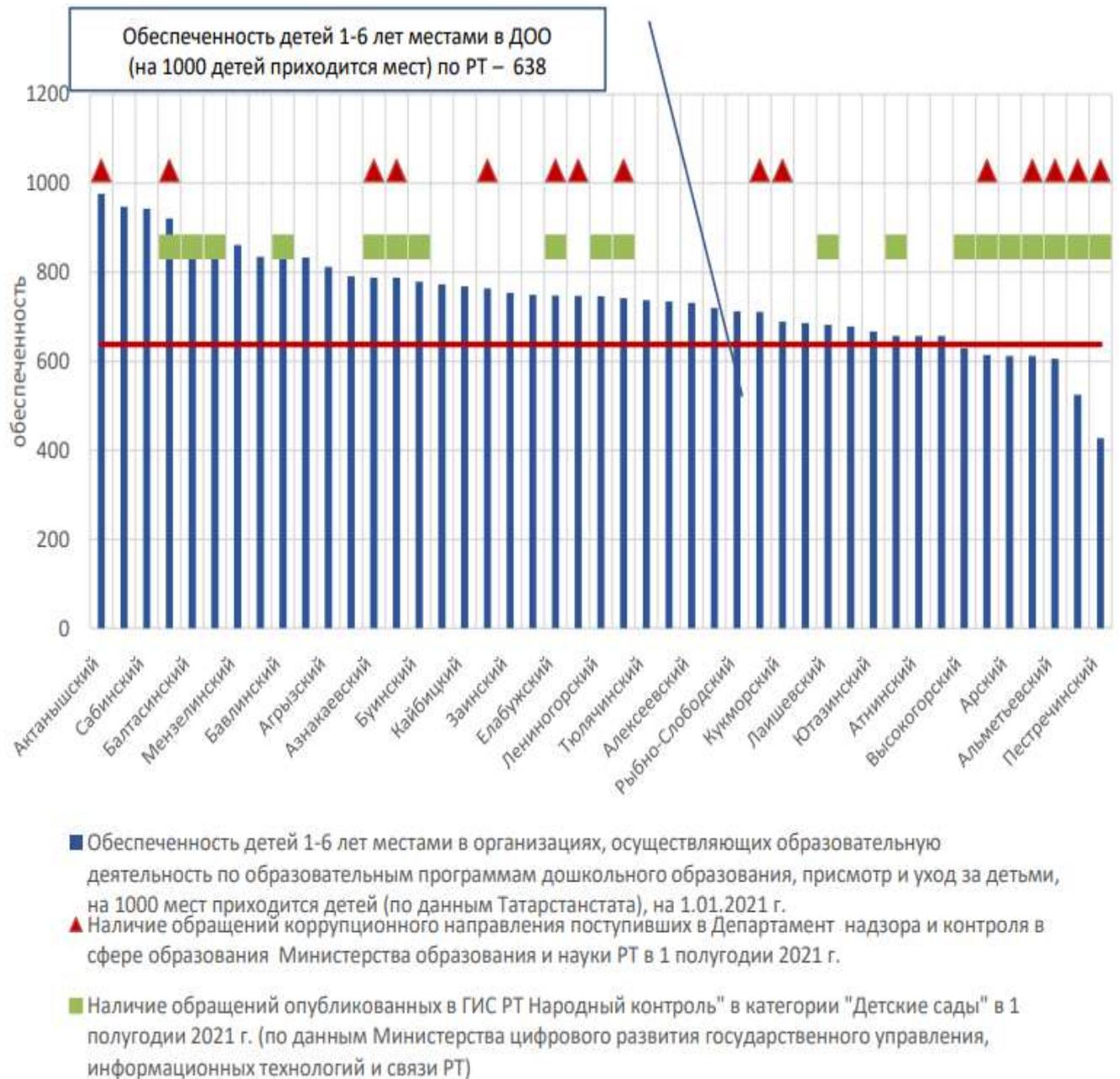
**Число обращений граждан, поступивших в Департамент надзора и контроля
в сфере образования Министерства образования и науки РТ разрезе
муниципальных образований в 1 полугодии 2021 г.**

Муниципальные образования	Общее количество обращений, ед.	Доля обращений коррупционной направленности, %
Агрызский	3	0
Азнакаевский	4	25,0
Актанышский	8	25,0
Алькеевский	1	0
Альметьевский	12	16,7
Арский	2	0
Атнинский	3	0
Бавлинский	2	0
Бугульминский	7	28,6
Верхнеуслонский	3	0
Высокогорский	2	0
г.Набережные Челны	64	14,1
Дрожжановский	1	0
Елабужский	9	11,1
Зеленодольский	16	6,3
Кайбицкий	2	0
Камско-Устьинский	1	0
Кукморский	4	50,0
Лаишевский	6	0
Лениногорский	4	0
Мамадышский	1	100,0
Мензелинский	2	0
Нижнекамский	20	10,0
Нурлатский	2	50,0
Пестрчинский	13	15,4
Рыбно-Слободский	3	0
Сабинский	1	0
Спасский	9	100,0
Черемшанский	1	0
Чистопольский	7	57,1
г. Казань	214	22,9
по Республике Татарстан	51	5,9
по Российской Федерации	4	25,0

Примечание: В Государственную информационную систему Республики Татарстан «Народный контроль» в раздел «Детские сады» за 6 месяцев 2021 года от граждан республики поступило 211 обращений по проблемам различного характера (опубликовано 119 обращений).

Источник: составлена автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РТ в 1 полугодии 2021 года.

Обеспеченность детей 1-6 лет местами в дошкольных образовательных организациях, (на 1000 детей приходится мест) и активность граждан

Примечание: В Государственную информационную систему Республики Татарстан «Народный контроль» в раздел «Детские сады» за 6 месяцев 2021 года от граждан республики поступило 211 обращений по проблемам различного характера (опубликовано 119 обращений). По Республике Татарстан обеспеченность детей 1-6 лет местами в дошкольных образовательных организациях (на 1000 детей приходится мест) на 1 января 2021 года составила 638 мест на 1000 детей. В 7 муниципальных районах этот показатель ниже республиканского значения. Среди муниципальных образований в зону риска попадают районы, где отмечается низкая обеспеченность местами в дошкольных образовательных организациях (на 1000 детей приходится мест) и отмечается наличие обращений в ГИС РТ «Народный контроль» в категории «Детские сады» и Департамент надзора и контроля в сфере образования Министерства образования и науки Республики Татарстан.

Источник: составлен автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РТ на 1 полугодие 2021 года.

Новые категории в сфере здравоохранения и медицины в 1 полугодии 2021 года в ГИС РТ «Народный контроль»

Тематика	Количество обращений, ед. ³	
	поступивших	опубликованных
COVID-2019: предотвращение распространения коронавирусной инфекции	119	112
Доступность записи на прием к врачу	95	57
Доброжелательность и компетентность среднего, младшего медицинского и технического персонала	28	20
Оказание медицинской помощи (прием врача)	32	20
Длительное ожидание приема врача	14	10
Работа скорой медицинской помощи	9	9
Кадровый дефицит медицинских специалистов	10	8
Отсутствие льготных лекарственных препаратов в аптеках и аптечных пунктах	11	8
Прикрепление к медицинской организации	11	6
Содержание и комфортность здания учреждения здравоохранения	13	11
Строительство и ремонт здания медицинского учреждения	6	6

Примечание: В 1 полугодии 2021 году ТФОМС РТ и страховыми медицинскими организациями, осуществляющими деятельность в сфере обязательного медицинского страхования на территории Республики Татарстан, рассмотрено 286 обращений, из которых 215 обращений – обоснованные. Обращения поступили на сотрудников медицинских учреждений 23 муниципальных образований, из них в 11 муниципальных образованиях все поступившие обращения получили статус обоснованные.

Источник: составлена автором по данным Министерства цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи РТ в 1 полугодии 2021 года.

Статистические данные по обращениям граждан с жалобами на медицинские организации, поступившие в ТФОМС РТ и страховые медицинские организации, осуществляющие деятельность в сфере обязательного медицинского страхования на территории Республики Татарстан в 1 полугодии 2021 г., ед.

Медицинские организации (центральные районные больницы, городские больницы, городские поликлиники) в разрезе муниципальных образований	Все жалобы, рассмотренные за отчетный период		
	Количество поступивших жалоб, всего	из них обоснованных	в том числе на взимание денежных средств за оказанную медицинскую помощь, предусмотренную базовой и территориальной программами ОМС
г. Казань	114	74	4
Азнакаевский	1	1	0
Альметьевский	11	8	0
Балтасинский	3	3	0
Бугульминский	13	12	0
Верхнеуслонский	1	1	0
Высокогорский	1	1	0
г. Набережные Челны	67	53	0
Елабужский	4	3	0
Заинский	10	10	0
Зеленодольский	11	7	0
Кукморский	1	1	0
Лаишевский	2	2	0
Лениногорский	7	6	0
Менделеевский	2	0	0
Нижнекамский	12	10	0
Нурлатский	16	15	0
Пестречинский	1	1	0
Рыбно-Слободский	1	1	0
Сабинский	1	1	0
Сармановский	1	0	0
Тукаевский	1	1	0
Чистопольский	5	4	0

Примечание: По факту взимания денежных средств за оказанную медицинскую помощь, предусмотренную базовой и территориальной программами ОМС рассмотрено 4 обращения, которые поступили на сотрудников медицинских учреждений г. Казани. В зону риска попадают муниципальные образования, где зафиксированы значительное число обращений в ГИС РТ «Народный контроль» и случаи обоснованных обращений граждан с жалобами на медицинские организации в ТФОМС РТ и страховые медицинские организации, осуществляющие деятельность в сфере обязательного медицинского страхования.

Источник: составлена автором по данным ТФОМС РТ в 1 полугодии 2021 года.

Количество обращений, поступивших в Государственную жилищную инспекцию РТ в январе-июле 2021 г., ед.

Муниципальные районы с центром - городом республиканского подчинения и городские округа		Муниципальные районы, имеющие городское и сельское население		Муниципальные районы, имеющие только сельское население	
Азнакаевское	22	Агрызское	6	Актанышское	6
Альметьевское	748	Аксубаевское	1	Алькеевское	5
Бавлинское	15	Алексеевское	11	Атнинское	0
Бугульминское	369	Апастовское	8	Верхнеуслонское	23
Буинское	15	Арское	2	Высокогорское	102
Елабужское	90	Балтасинское	1	Дрожжановское	0
Заинское	94	Камско-Устьинское	15	Кайбицкое	0
Зеленодольское	603	Кукморское	9	Муслумовское	3
г.Казань	7 263	Лаишевское	75	Новошешминское	0
Лениногорское	62	Мамадышское	15	Пестречинское	95
г.Набережные Челны	945	Менделеевское	23	Тукаевское	33
Нижнекамское	763	Мензелинское	5	Тюлячинское	0
Нурлатское	29	Рыбно-Слободское	1	Черемшанское	1
Чистопольское	53	Сабинское	2		
		Сармановское	2		
		Спасское	13		
		Тетюшское	5		
		Ютазинское	5		

Примечание: Система ГИС РТ «Народный контроль» категория «коммунальные услуги» по числу опубликованных обращений в 1 полугодии 2021 года находится на третьем месте: поступило 2660 обращений (опубликовано 2629 обращений). Наибольшее число опубликованных обращений приходится на г. Казань.

Источник: составлена автором по данным ЕГСО «Отчеты ведомств» информационного портала «Открытый Татарстан» в 1 полугодии 2021 года.

Число обращений граждан в ГИС РТ «Народный контроль» в категории «коррупция» в разрезе муниципальных образований РТ и по сферам в 1 полугодии 2021 г., ед.

Категории	Количество обращений	
	поступивших	опубликованных
Всего	34	20
Коррупция в сфере жилищно-коммунального хозяйства	8	5
Коррупция в сфере благоустройства территорий	4	3
Коррупция в сфере дошкольного образования	3	3
Коррупция в сфере транспорта и дорожного хозяйства	2	3
Коррупция в сфере сделок с землей	3	2
Коррупция в сфере государственных закупок	1	1
Коррупция в сфере здравоохранения	1	1
Коррупция в сфере предпринимательства	3	1
Коррупция в сфере промышленности	1	1
Коррупция в социальной сфере	6	0
Коррупция в сфере капитального ремонта	1	0
Коррупция в сфере торговли	1	0

Примечание: В категорию «коррупция» сообщения поступили от жителей 14 муниципальных образований. Сообщают о проблемах коррупционного характера, чаще других жители г. Казани. Обращения жителей Альметьевского, Буинского, Зеленодольского, Нижнекамского и Тетюшского муниципальных образований в категорию «опубликовано» не перешли.

Источник: составлена автором по данным Министерства цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи РТ в 1 полугодии 2021 года.

Количество выявленных нарушений закона муниципальной службы в РТ в 1 полугодии 2019-2021 гг., ед.

Примечание: В 1 полугодии 2021 года по данным Прокуратуры Республики Татарстан выявлено 982 нарушения законодательства о муниципальной службе в Республике Татарстан, что ниже значений аналогичных периодов прошлых лет.

Источник: составлен автором по данным Прокуратуры РТ в 1 полугодии 2021 года.

**ПРИЛОЖЕНИЕ Р – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО
МОНИТОРИНГА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЗА I ПОЛУГОДИЕ 2021 г.**

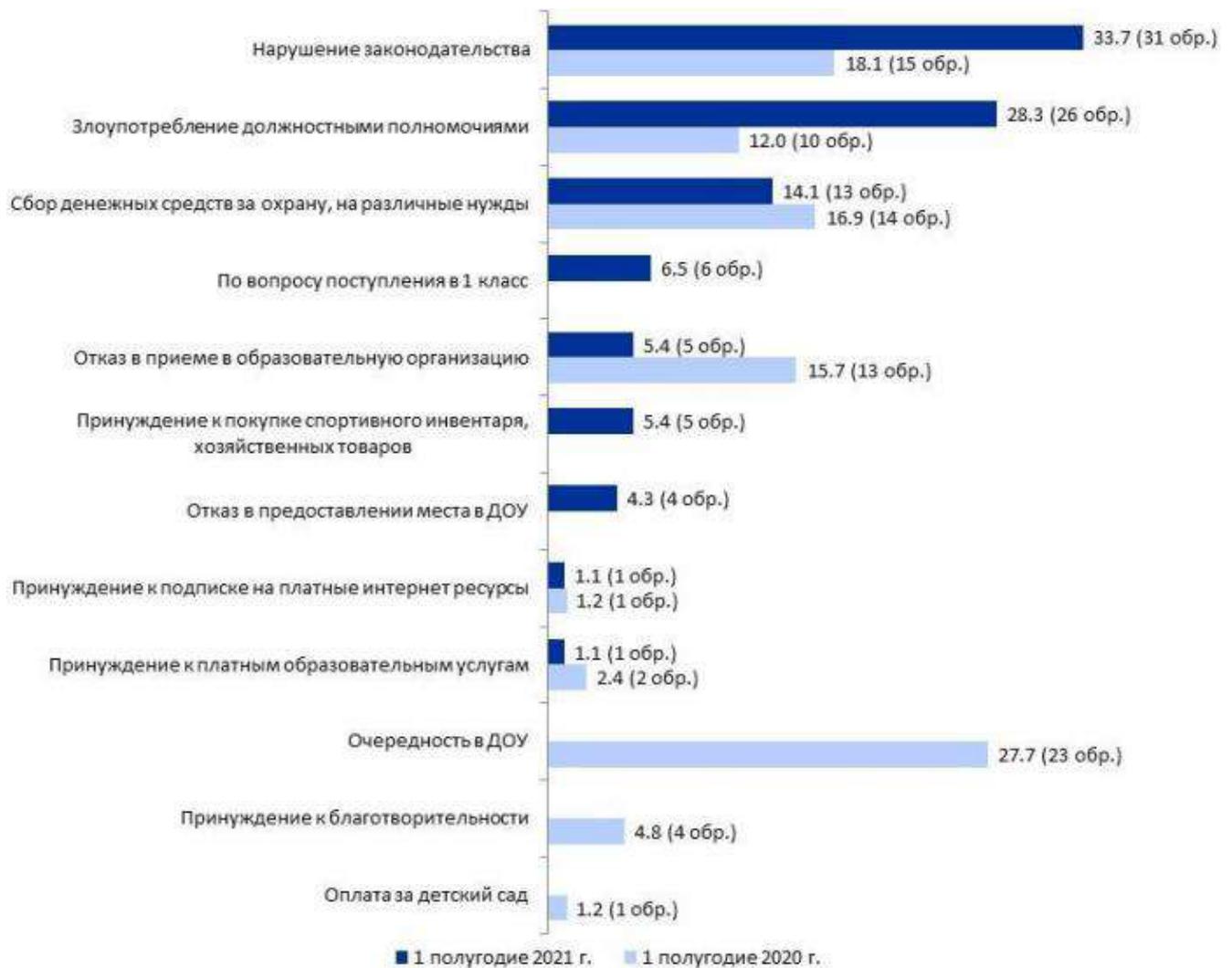
**Количество обращений граждан, поступивших в Департамент надзора и
контроля в сфере образования Министерства образования и науки РТ., ед.**

Тематика	Количество обращений	
	1 полугодие 2020 г.	1 полугодие 2021 г.
Всего	340	482
Жалоба на руководителей и работников образовательных организаций	42	122
Коррупционные обращения	83	92
Разъяснение законодательства	38	81
Нарушение законодательства	62	71
Нарушение прав несовершеннолетних	-	35
Иное	51	30
Конфликтные ситуации	7	14
Получение травмы несовершеннолетними	-	11
По вопросу поступления в 1 класс	-	11
Об оказании содействия в открытии образовательных организаций	-	5
Отсутствие свободных мест в ДОУ	-	5
Жестокое обращение с несовершеннолетними	6	2
О несогласии с порядком предоставления места в ДОУ	-	2
Отказ в приеме в образовательную организацию	-	1
Качество образования	2	-
Требование прокуратуры о выделении специалиста	9	-
Организация дистанционного обучения	27	-
О выделении бесплатного питания в условиях пандемии	4	-
О разрешении очного образования (частные образовательные учреждения)	9	-

Примечание: В общем числе обращений на долю обращений коррупционного характера приходится 19% или 92 обращения (в 1 полугодии 2021 года 24,4% или 83 обращений).

Источник: составлен автором по данным Департамента надзора и контроля в сфере образования Министерства образования и науки Республики Татарстан за 1 полугодие 2021 г.

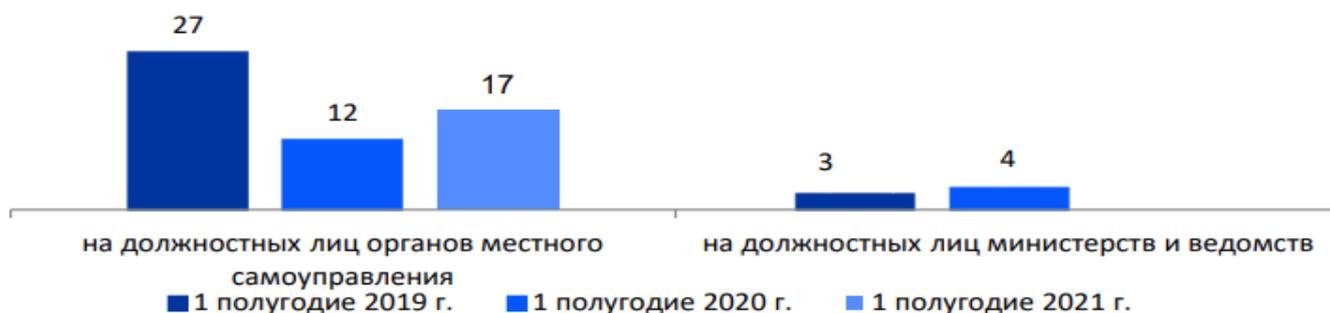
Структура обращений граждан коррупционного характера, поступивших в Департамент надзора и контроля в сфере образования Министерства образования и науки РТ в 1 полугодии 2020-2021 гг., %

Примечание: Обращения в Департамент надзора и контроля в сфере образования Министерства образования и науки Республики Татарстан поступили от жителей 31 района. Чаще всего обращались жители городов Казань и Набережные Челны. Жалобы коррупционного характера поступили от представителей 15 муниципальных образований.

Источник: составлен автором по данным Департамента надзора и контроля в сфере образования Министерства образования и науки Республики Татарстан за 1 полугодие 2021 г.

Число обращений граждан, содержащих сведения о фактах коррупционного проявления со стороны государственных и муниципальных служащих в 1 полугодии 2019-2021 гг., ед.

Муниципальные образования	1 полугодие 2019 г.	1 полугодие 2020 г.	1 полугодие 2021 г.
Аксубаевский	-	-	+
Алексеевский	-	+	+
Алькеевский	-	+	+
Альметьевский	+	-	+
Апастовский	-	-	+
Верхнеуслонский	-	-	+
г. Казань	+	+	+
г. Набережные Челны	+	-	+
Зеленодольский	-	-	+
Менделеевский	-	-	+
Сармановский	-	-	+
Актанышский	-	+	-
Буинский	-	+	-
Высокогорский	+	-	-
Дрожжановский	-	+	-
Елабужский	+	-	-
Камско-Устьинский	-	+	-
Кукморский	-	+	-
Лаишевский	+	-	-
Нижнекамский	+	-	-
Нурлатский	+	-	-
Пестречинский	+	-	-
Тетюшский	+	-	-
Чистопольский	+	+	-

Примечание: В 1 полугодии 2021 года в Управление Президента Республики Татарстана по работе с обращениями граждан поступило 17 обращений граждан, содержащих сведения о фактах коррупционных проявлений на должностных лиц органов местного самоуправления муниципальных образований.

В 1 полугодии 2021 года жители 11 муниципальных образований направили обращения, содержащие сведения о фактах коррупционного проявления со стороны муниципальных служащих. На должностных лиц г. Набережные Челны поступило 4 обращения, содержащих сведения коррупционного характера. Кроме того, по два обращения поступило на должностных лиц Аксубаевского, Альметьевского, Зеленодольского муниципальных образований. Имеются единичные случаи обращений, содержащих сведения о фактах коррупционного проявления со стороны служащих Алексеевского, Алькеевского, Апастовского, Верхнеуслонского, Менделеевского, Сармановского муниципальных образований и г. Казани.

Источник: составлен автором по данным Аппарата Президента РТ за 1 полугодие 2021 г.

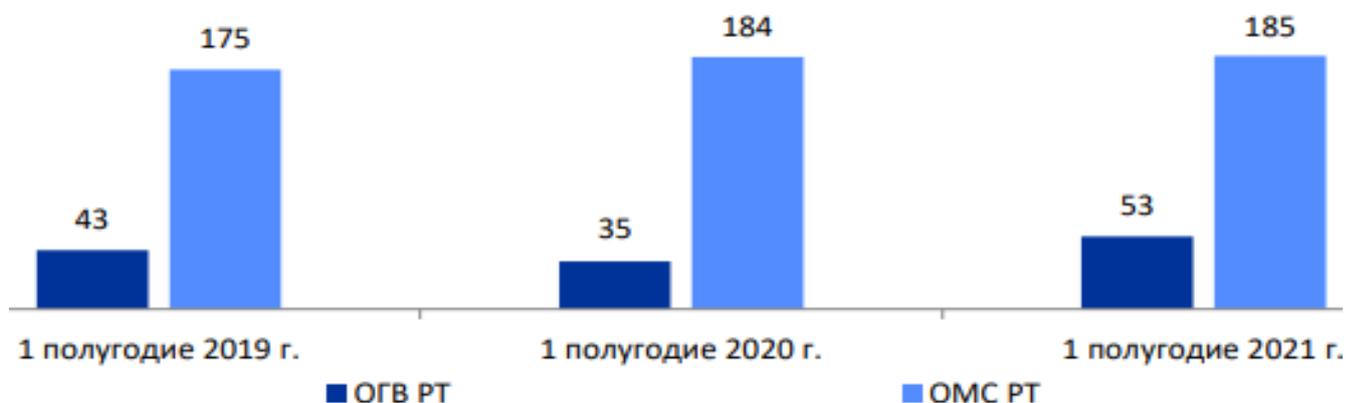
Количество муниципальных служащих РТ, прошедших обучение по темам профилактики коррупции на базе К(П)ФУ и число выявленных нарушений законодательства о муниципальной службе

Муниципальные образования	Количество выявленных нарушений законодательства о муниципальной службе, ед.		Количество муниципальных служащих РТ, прошедших повышение квалификации, ед.		
	I полугодие 2020 г.	I полугодие 2021 г.	всего	из них по темам, где содержатся часы по профилактике коррупции	из них по темам профилактики коррупции
по данным Прокуратуры РТ			по данным Департамента государственной службы и кадров при Президенте РТ		
Республика Татарстан	1093	982	1 299	715	60
Агрызский	44	24	29	8	1
Азнакаевский	80	26	29	18	2
Аксубаевский	21	0	33	23	-
Актанышский	57	58	9	7	-
Алексеевский	20	2	8	4	1
Алькеевский	23	21	18	12	2
Альметьевский	36	88	45	33	-
Апастовский	45	93	22	10	-
Арский	18	23	27	16	1
Атнинский	12	12	9	6	1
Бавлинский	13	28	26	12	2
Балтасинский	0	18	20	12	2
Бугульминский	18	28	19	11	2
Буинский	32	0	26	19	-
Верхнеуслонский	24	35	22	19	1
Высокогорский	24	4	29	20	1
г.Казань	1	0	273	99	4
г.Набережные Челны	2	11	82	36	12
Дрожжановский	20	57	18	12	-
Елабужский	17	38	10	6	-
Занский	40	34	25	20	-
Зеленодольский	23	0	28	16	-
Кайбицкий	45	10	23	17	2
Камско-Устьинский	51	31	12	7	2
Кукморский	30	93	18	12	2
Лаишевский	50	0	28	13	2
Лениногорский	25	0	25	16	1
Мамадышский	36	28	17	9	1
Менделеевский	14	14	16	8	1
Мензелинский	20	19	14	10	-
Муслимовский	38	19	8	4	1
Нижнекамский	5	0	45	16	-
Новошешминский	16	26	10	6	1
Нурлатский	26	5	11	5	-
Пестрчинский	4	0	27	21	2
Рыбно-Слободский	1	1	19	10	2
Сабинский	20	1	24	16	-
Сармановский	0	0	13	5	1
Спасский	9	3	15	5	-
Тетюшский	21	0	20	6	7
Тукаевский	0	8	19	10	2
Тюлячинский	13	41	67	62	-
Черемшанский	19	0	16	9	-
Чистопольский	31	23	23	14	1
Ютазинский	49	60	22	15	-

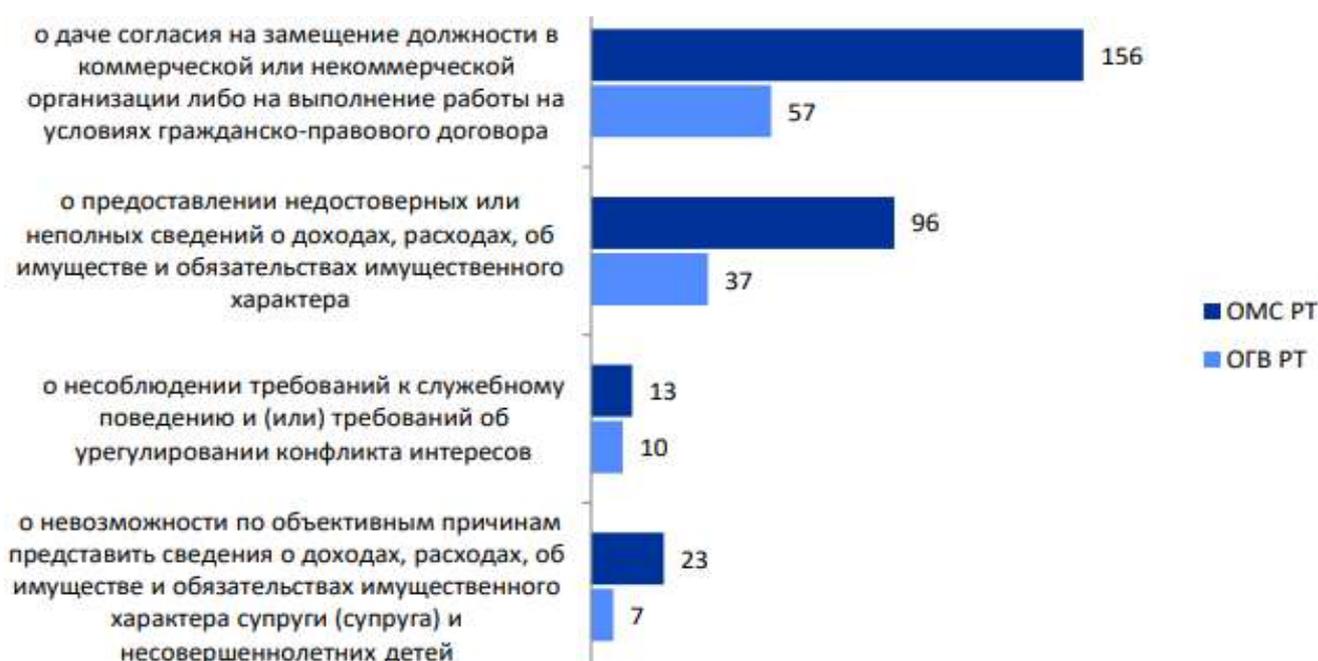
Примечание: по данным Департамента государственной службы и кадров при Президенте Республики Татарстан в отчетном периоде прошли обучение 2022 государственных и муниципальных служащих, из них 965 человек по темам, где содержатся часы по профилактике коррупции, 80 человек по темам профилактики коррупции.

Источник: составлен автором по данным Департамента государственной службы и кадров при Президенте РТ за 1 полугодие 2021 г.

Количество заседаний комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов в 1 полугодии 2019-2021 гг., ед.

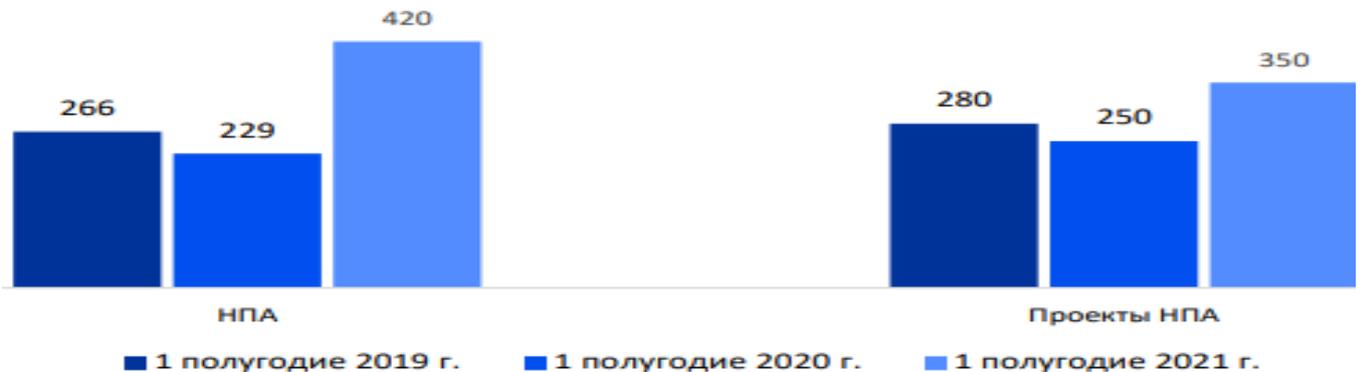
Количество служащих (граждан, ранее замещавших должности служащих), в отношении которых комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов рассмотрены материалы в 1 полугодии 2021 г., чел.

Примечание: сотрудниками кадровых служб проанализированы сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера 2681 государственного гражданского служащего, 7229 муниципальных служащих. В ОГВ РТ проведены 38 проверок достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, в ОМС РТ – 69 проверок. По итогам проверок в отношении 38 государственных гражданских служащих РТ и 66 муниципальных служащих Республики Татарстан установлены факты представления недостоверных и (или) неполных сведений. К дисциплинарной ответственности привлечены 20 государственных гражданских служащих Республики Татарстан и 47 муниципальных служащих Республики Татарстан.

Источник: составлен автором по данным Аппарата Президента РТ за 1 полугодие 2021 г.

Количество муниципальных нормативных правовых актов (проектов актов), в которых выявлены коррупциогенные факторы в 1 полугодии 2019-2021 гг., ед.

Примечание: По данным Прокуратуры Республики Татарстан в 1 полугодии 2021 года в 420 нормативных правовых актах и 350 проектах нормативных правовых актов, разработанных ОМС РТ, выявлены 919 коррупциогенных факторов. Выявляемость коррупциогенных факторов в НПА и проектах НПА, разработанных муниципальным органом, различна. Наибольшее количество коррупциогенных факторов выявлено в нормативных правовых актах (проектах актов) Верхнеуслонского муниципального района. В 6 муниципальных районах по итогам 1 полугодия 2021 года показатели по количеству НПА и проектов НПА, с выявленными коррупциогенными факторами – имеют нулевые значения.

Источник: составлен автором по данным Прокуратуры РТ за 1 полугодие 2021 г.

Контрольная деятельность Счетной Палаты РТ, ед.

Примечание: В 1 полугодии 2021 года Счетной Палатой Республики Татарстан проведено 19 контрольных мероприятий, в ходе которых выявлено 249 нарушений бюджетного законодательства на сумму 2 287 млн. рублей. В 1 полугодии 2021 года 63,5% нарушений выявлены в сфере соблюдения бюджетного законодательства ОИВ РТ и ОМС РТ (проверки финансово - хозяйственной деятельности). Доля выявленных нарушений ОИВ РТ и ОМС РТ законодательства в сфере земельных и имущественных отношений составила 23,3%, законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд – 10,4%. По итогам контрольных мероприятий возбуждено 21 административное дело.

Источник: составлен автором по данным Счетной Палаты РТ за 1 полугодие 2021 г.

Структура материалов антикоррупционной направленности в СМИ по видам источников в 1 полугодии 2021 г., %

Примечание: В 1 полугодии 2021 года 1143 работы антикоррупционной направленности размещены на веб-страницах 18 республиканских информационных агентств и интернет – изданий республики (в 1 полугодии 2020 года – 494 работы, в 1 полугодии 2019 года – 1290 работ). Среди них каждый четвертый материал на тему «коррупция» подготовлен изданием «Бизнес-ONLINE». Онлайн-газетой «Реальное время» опубликовано 207 работ, порталом «KazanFirst» – 164 репортажа.

Источник: составлен автором по данным Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» за 1 полугодие 2021 г.

Доля материалов антикоррупционной направленности выпущенных республиканскими интернет-ресурсами в 1 полугодии 2021 г., %

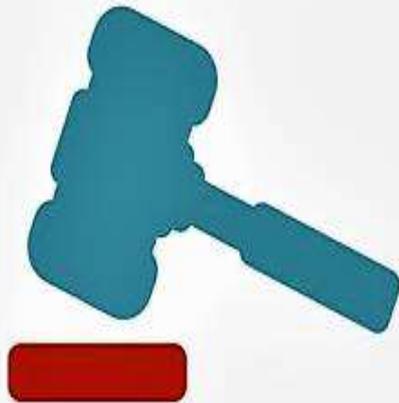
Примечание: федеральными информационными агентствами и интернет-изданиями подготовлена 61 работа (в 1 полугодии 2020 года – 27 работ, в 1 полугодии 2019 года – 41 работа). Участниками антикоррупционной работы стали ИА «Regnum» (29 работ), ИА «Интерфакс» (11 работ), ИА «ТАСС» (8 работ), РИА «Новости» (7 работы), ИА «Прайм» (4 работы) и ИА «Росбалт» (2 работы). Республиканские телевизионные каналы в 1 полугодии 2021 года выпустили 112 сюжетов коррупционной направленности (в 1 полугодии 2020 года – 71 сюжет, в 1 полугодии 2019 года – 72 сюжета). Более половины сюжетов, выпущенных на тему борьбы с коррупцией, подготовлены ТРК «Новый век» и ГТРК «Татарстан».

Источник: составлен автором по данным Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» за 1 полугодие 2021 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ С – СВОДНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КОРРУПЦИОННЫХ
НАРУШЕНИЙ В США ЗА ПЕРИОД 1986-2012

ЗАВЕДЕНО
50 000 ДЕЛ

За период 1986-2012 гг.

ОСУЖДЕНО
15 300
ГОСЛУЖАЩИХ

\$400 МЛРД
УЩЕРБ США ОТ КОРРУПЦИИ

\$3 МЛРД
ЕЖЕГОДНО

Оборот лоббистских контор (выступающих платными посредниками между частными лицами и политиками)